

БОРИС
АКУНИН

КОРОНАЦИЯ,
или ПОСЛЕДНИЙ
ИЗ РОМАНОВ

Annotation

Действие этого романа происходит в 1896 году, накануне коронации императора Николая II. Похищен Михаил, четырёхлетний сын великого князя Георгия Александровича. Похититель, называющий себя «доктор Линд», требует бриллиант «граф Орлов», которым украшен императорский скипетр, в обмен на принца. Если сделка не состоится, ребёнок будет возвращён родителям по частям. Но без скипетра не может состояться коронация. Эраст Петрович Фандорин берётся спасти честь монархии. Повествование ведётся в виде дневника от имени Афанасия Зюкина, дворецкого великого князя Георгия Александровича. Книга воссоздаёт трагическую атмосферу России конца XIX века и описывает Ходынскую катастрофу.

- [Борис Акунин](#)

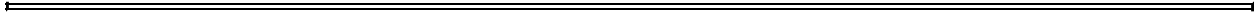
-
- [20 мая](#)
- [6 мая](#)
- [7 мая](#)
- [8 мая](#)
- [9 мая](#)
- [10 мая](#)
- [11 мая](#)
- [12 мая](#)
- [13 мая](#)
- [14 мая](#)
- [15 мая](#)
- [16 мая](#)
- [17 мая](#)
- [18 мая](#)
- [19 мая](#)
- [20 мая](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
- [45](#)

Борис Акунин
Коронация, или Последний из романов

20 мая

Он погиб на моих глазах, этот странный и неприятный господин.

Всё произошло быстро, так быстро.

Одновременно с грохотом выстрелов его отшвырнуло к канату.

Он уронил свой маленький револьвер, схватился за зыбкие перила и застыл на месте, откинув назад голову. Мелькнуло белое лицо, перечеркнутое полоской усов, и исчезло, завешенное черным крепом.

– Эраст Петрович! – крикнул я, впервые назвав его по имени и отчеству.

Или только хотел крикнуть?

Ненадежный настил качался у него под ногами. Голова вдруг мотнулась вперед, словно от мощного толчка, тело стало заваливаться грудью на канат и в следующий миг, нелепо перевернувшись, уже летело вниз, вниз, вниз.

Заветная шкатулка выпала из моих рук, ударилась о камень и раскололась, ослепительными искрами вспыхнули разноцветные грани бриллиантов, сапфиров, изумрудов, но я даже не взглянул на все эти несметные сокровища, посыпавшиеся в траву.

Из расщелины донесся мягкий, хрусткий звук удара, и я охнул. Черный куль, разгоняясь, покатился по крутому склону и прекратил свое тошнотворное верчение лишь у самого ручья, безвольно уронил одну руку в воду и остался лежать так, лицом в гальку.

Я не любил этого человека. Может быть, даже ненавидел. Во всяком случае, хотел, чтобы он раз и навсегда исчез из нашей жизни. Однако я не желал ему смерти.

Его ремеслом был риск, он всё время играл с опасностью, но я почему-то не думал, что он может погибнуть. Он казался мне бессмертным.

Не знаю, сколько времени я простоял так, одеревенело глядя вниз. Должно быть, совсем недолго. Но время будто дало трещину, раскололось, и я провалился в эту прореху – туда, в прежнюю, безмятежную жизнь, оборвавшуюся ровно две недели назад.

Да, тогда тоже был понедельник, шестое мая.

6 мая

В древнюю столицу Российского государства мы прибыли утром. В связи с грядущими коронационными торжествами Николаевский вокзал был перегружен, и наш поезд по передаточной ветви отогнали на Брестский, что показалось мне со стороны местных властей поступком, мягко говоря, некорректным. Надо полагать, тут сказалась некоторая холодность отношений между его высочеством Георгием Александровичем и его высочеством Симеоном Александровичем, московским генерал-губернатором. Ничем иным не могу объяснить унизительное получасовое стояние на Сортировочной и последующий перегон экстренного поезда с главного вокзала на второстепенный.

Да и встречал нас на перроне не сам Симеон Александрович, как того требуют протокол, традиция, родственность и, в конце концов, просто уважение к старшему брату, а всего лишь председатель комитета по приему гостей – министр императорского двора, который, впрочем, тут же отбыл на Николаевский встречать принца Прусского. С каких это пор прусскому наследнику в Москве оказывают больше почтения, чем дяде его величества, генерал-адмиралу российского флота и второму по старшинству из великих князей императорского дома? Георгий Александрович не подал виду, но, думаю, был возмущен столь явным афронтом не меньше, чем я.

Хорошо хоть ее высочество великая княгиня Екатерина Иоанновна осталась в Петербурге – она так ревностна к тонкостям ритуала и соблюдению августейшего достоинства. Эпидемия кори, поразившая четырех средних сыновей, Алексея Георгиевича, Сергея Георгиевича, Дмитрия Георгиевича и Константина Георгиевича, помешала ее высочеству, образцовой и любящей матери, участвовать в коронации, наивысшем событии в жизни государства и императорской фамилии. Правда, злые языки утверждали, что отсутствие ее высочества на московских торжествах объясняется не столько материнской любовью, сколько нежеланием исполнять роль статистки при триумфе молодой царицы. При этом поминали прошлогоднюю историю с Рождественским балом. Новая императрица предложила дамам августейшей фамилии учредить общество рукоделия – чтоб каждая из великих княгинь связала по теплему чепчику для сироток Мариинского приюта. Возможно, Екатерина Иоанновна и в самом деле излишне сурово отнеслась к этому начинанию.

Не исключая также, что с тех пор отношения между ее высочеством и ее величеством стали не вполне хороши, однако же никакого эпатирования в неприятии моей госпожи на коронацию не было, за это я могу поручиться. Екатерина Иоанновна может относиться к ее величеству каким угодно образом, но ни за что не позволила бы себе пренебречь династическим долгом без очень серьезной причины. Сыновья ее высочества, действительно, были тяжело больны.

Это, конечно, печально, но, как говорят в народе, нет худа без добра, ибо вместе с ее высочеством в столице остался весь великокняжеский двор, что существенно облегчало очень непростую задачу, стоявшую передо мной в связи с временным переездом в Москву. Придворные дамы были очень огорчены тем, что не увидят московского празднества и выражали недовольство (разумеется, не выходя за рамки этикета), но Екатерина Иоанновна осталась непреклонна: по церемониалу малый двор должен находиться там, где пребывает большинство членов великокняжеского семейства, а большинство Георгиевичей, как неофициально именуется наша ветвь императорского дома, осталась в Петербурге.

На коронацию отправились четверо: сам Георгий Александрович, его старший и младший сыновья, а также единственная дочь Ксения Георгиевна.

Как я уже сказал, отсутствие господ придворных меня только радовало. Управляющий двором князь Метлицкий и управляющий придворной конторой тайный советник фон Борн лишь мешали бы мне заниматься делом, суя нос в материи, совершенно недоступные их пониманию. Хороший дворецкий не нуждается в няньках и надзирателях, чтобы справляться со своими обязанностями. Что же до гофмейстерины с фрейлинами, то я просто не знал бы, где их разместить – такую жалкую резиденцию выделил Зеленому двору (так называют наш дом по цвету шлейфа великой княгини) коронационный комитет. Однако о резиденции разговор впереди.

Переезд из Петербурга прошел благополучно. Поезд состоял из трех вагонов: в первом ехала августейшая семья, во втором слуги, в третьем необходимая утварь и багаж, так что мне постоянно приходилось перемещаться из вагона в вагон.

Его высочество Георгий Александрович сразу же после отбытия сел пить коньяк с его высочеством Павлом Георгиевичем и камер-юнкером Эндлунгом. Изволил выпить одиннадцать рюмок, устал и после почивал до самой Москвы. Перед сном, уже у себя в «каюте», как он назвал купе,

немного рассказал мне о плавании в Швецию, имевшем место двадцать два года назад и произведшем на его высочество большое впечатление. Дело в том, что хоть Георгий Александрович и состоит в звании генерал-адмирала, однако выходил в море всего единожды, сохранил об этом путешествии самые неприятные воспоминания и частенько поминает французского министра Кольбера, который на кораблях не плавал вовсе, однако же сделал свою страну великой морской державой. Историю о шведском плавании я слышал много раз и успел выучить наизусть. Тут самое опасное – описание шторма у берегов Готланда. После слов «И тогда капитан как крикнет: “Все на помпы!”» его высочество имеет обыкновение выкатывать глаза и с размаху бить кулаком по столу. В этот раз произошло то же самое, но без какого-либо ущерба для скатерти и посуды, поскольку я своевременно принял меры: придержал графин и рюмку.

Когда его высочество утомился и стал утрачивать связность речи, я подал знак лакею, чтобы раздевал и укладывал, а сам отправился проводить Павла Георгиевича и лейтенанта Эндлунга. Как люди молодые и пышущие здоровьем, они устали от коньяка гораздо меньше. Можно сказать, совсем не устали, так что нужно было за ними приглядывать, особенно учитывая нрав господина камер-юнкера.

Ох уж этот Эндлунг. Не следовало бы так говорить, но Екатерина Иоанновна совершила большую ошибку, когда сочла этого господина подходящим наставником для своего старшего сына. Лейтенант, конечно, ловкая бестия: взгляд ясный и чистый, физиономия розовая, аккуратный пробор на золотистой голове, детский румянец на щеках – ну прямо ангел. С пожилыми дамами почтителен, ножкой шаркает, может с самым заинтересованным видом и про Иоанна Кронштадтского, и про чумку у левретки послушать. Неудивительно, что Екатерина Иоанновна от Эндлунга растаяла. Такой приятный и, главное, серьезный молодой человек, не то что шалопаи-гардемарины из Морского корпуса или бездельники из Гвардейского экипажа. Нашла кому доверить опеку над Павлом Георгиевичем в первом большом плавании. Уж я насмотрелся на этого попечителя.

В первом же порту, Варне, Эндлунг разрядился павлином – в белый костюм, алую жилетку, звездчатый галстук, широченную панаму – и отправился в непотребный дом, ну и его высочество, тогда еще совсем мальчика, потащил с собой. Я попробовал вмешаться, а лейтенант мне: «Я обещал Екатерине Иоанновне, что глаз с его высочества не спущу, куда я, туда и он». Я ему говорю: «Нет, господин лейтенант, ее высочество сказали: куда он, туда и вы». А Эндлунг: «Это, Афанасий Степаныч, казуистика.

Главное – мы будем неразлучны, как Аяксы». И протащил-таки юного мичмана по всем вертепам, до самого Гибралтара. А после Гибралтара до Кронштадта оба, и лейтенант, и мичман, вели себя смирно и даже на берег не сходили – только по четыре раза в день бегали к доктору делать спринцовки. Вот каков наставничек. От этого Эндлунга его высочество очень переменялся, просто не узнать. Я уж и Георгию Александровичу намекал, а он только рукой махнул: ничего, мол, моему Полли такая школа только на пользу, а Эндлунг, хоть и балбес, но зато хороший товарищ и душа нараспашку, большого вреда от него не будет. На мой же взгляд это называется пускать козу в огород, если употребить народное выражение. Я Эндлунга этого насквозь вижу. Как же – душа нараспашку. Благодаря дружбе с Павлом Георгиевичем и вензель на погоны получил, а теперь еще и камер-юнкера. Это же неслыханно – такое почтенное придворное звание какому-то лейтенантишке!

Оставшись одни, молодые люди затеяли играть в безик на исполнение желаний. Когда я заглянул в купе, Павел Георгиевич позвал:

– Садись, Афанасий. Сыграй с нами на «американку». Продуешься – заставлю тебя сбрить твои драгоценные бакенбарды к чертовой матери.

Я поблагодарил и отказался, сославшись на чрезвычайную занятость, хотя никаких особенных дел у меня не было. Не хватало еще играть с его высочеством на «американку». Да Павел Георгиевич и сам отлично знал, что партнера из меня не выйдет – просто шутил. В последние месяцы появилась у него эта обескураживающая привычка – надо мной подшучивать. А всё спасибо Эндлунгу – его влияние. Сам Эндлунг, правда, с некоторых пор поддевать меня перестал, но Павел Георгиевич все никак не остановится. Ничего, его высочеству можно, я не в претензии.

Вот и теперь он сказал мне с самым строгим видом:

– Знаешь, Афанасий, феноменальная растительность на твоём лице вызывает ревность неких влиятельных особ. К примеру, позавчера на балу, когда ты стоял у дверей такой важный, с раззолоченной булавой и бакенбарды на обе стороны, все дамы смотрели только на тебя, а на кузена Ники никто и не взглянул, хоть он и император. Надо, надо тебя обрить или хотя бы остричь.

На самом деле моя «феноменальная растительность» не представляла собой ничего из ряда вон выходящего: усы с подусниками и бакенбарды – возможно, пышные, но не чрезмерные и уж во всяком случае содержавшиеся в достойном виде. Такие же носил и мой отец, и мой дед, так что ни бриться, ни стричься я не намеревался.

– Ладно тебе, Полли, – заступился за меня Эндлунг. – Не мучай

Афанасия Степановича. Ходи-ка лучше, твой черед.

Видно, все-таки придется объяснить про мои отношения с лейтенантом. Тут ведь своя история.

В первый же день плавания на корвете «Мстислав», как только вышли из Севастополя, Эндлунг подстерег меня на палубе, положил руку на плечо и сказал, глядя наглыми, совершенно прозрачными от выпитого при проводах вина глазами:

– Что, Афоня, лакейская душа, швабры распустил? Бризом разметало? [Мои бакенбарды от свежего морского ветра и в самом деле несколько растрепались – в дальнейшем мне пришлось на время путешествия их немного укоротить.] Не в службу, а в дружбу – слетай к сквалыге-буфетчику, скажи, его высочество велел бутылочку рома прислать – чтоб не укачало.

Эндлунг меня еще по дороге, пока ехали поездом до Севастополя, все дразнил и поддевал в присутствии его высочества, но я терпел, ждал случая объясниться наедине. Вот случай и представился.

Я деликатно, двумя пальцами, снял руку лейтенанта (в ту пору еще никакого не камер-юнкера) со своего плеча и учтиво так говорю:

– Если вам, господин Эндлунг, пришла фантазия озаботиться дефиницией моей души, то точнее будет назвать ее не «лакейской», а «гоф-фурьерской», ибо за долгую беспорочную службу при дворе его величества мне пожаловано звание гоф-фурьера. Чин этот относится к 9 классу и соответствует чину титулярного советника, армейского штабс-капитана или *флотского лейтенанта* (последнее я намеренно подчеркнул).

Эндлунг вскинулся:

– Лейтенанты за столом не прислуживают!

А я ему:

– *Прислуживают*, сударь, в ресторане, а августейшей семье *служат*. Всяк по-своему, согласно чести и долгу.

Вот после этого самого случая Эндлунг и стал со мной как шелковый: говорил вежливо, шуток больше не позволял, а звал по имени-отчеству и только на «вы».

Надобно сказать, что у человека моего положения с обращением на «вы» и «ты» отношения особенные, потому что и статус у нас, дворцовых служителей, особенный. Трудно растолковать, как это получается, что от одних людей оскорбительно обращение на «ты», а от других обидно услышать «вы». Но служить я могу только этим последним, если вы понимаете, что я имею в виду.

Попробую объяснить. Обращение на «ты» я сношу только от

августейших особ. Нет, не сношу, а почитаю за привилегию и особое отличие. Я был бы просто убит, если бы Георгий Александрович, ее высочество или кто-нибудь из их детей, хоть бы и самых младших, вдруг сказал мне «вы». Третьего года у меня вышло разногласие с Екатериной Иоанновной по поводу одной горничной, которую несправедливо обвинили в легкомыслии. Я проявил твердость, настоял на своем, и великая княгиня, обидевшись, целую неделю мне «выкала». Я очень страдал, осунулся, по ночам не мог спать. Потом мы, конечно, объяснились. Екатерина Иоанновна с присущим ей великодушием признала свою неправоту, я тоже повинился и был допущен к руке, а она поцеловала меня в лоб.

Но я отвлекся.

Прислуживал играющим младший лакей Липпс, из новичков, которого я специально взял с собой, чтобы приглядеться, чего он стоит. Раньше служил в эстляндском поместье графа Бенкендорфа и был рекомендован мне мажордомом его сиятельства, моим давним знакомцем. Вроде бы расторопный малый и немногословен; но хороший слуга, в отличие от плохого, распознается не сразу. На новом месте любой тянется изо всех сил, тут нужно выждать пол годика-годик, а то и все два. Я понаблюдал, как Липпс подливает коньяку, как ловко он заменил испачканную салфетку, как стоит на месте – это очень, очень важно. Стоял он правильно – не переминался с ноги на ногу, головой не вертел. Пожалуй, можно выпускать и к гостям на малые приемы, решил я.

А игра шла своим ходом. Сначала проиграл Эндлунг, и Павел Георгиевич ездил на нем верхом по коридору. Потом фортуна отвернулась от его высочества, и лейтенант потребовал, чтобы великий князь совершенно раздетым сбегал в туалетную комнату и принес оттуда стакан воды.

Пока Павел Георгиевич с хохотом раздевался, я потихоньку выскользнул за дверь, позвал камердинера и велел, чтобы никто из слуг в великокняжеский салон не заглядывал, а сам прихватил из дежурного купе накидку. Когда его высочество, озираясь и прикрываясь рукой, выскочил в коридор, я хотел было накинуть ему на плечи это длинное одеяние, но Павел Георгиевич с возмущением отказался, сказав, что слово есть слово, и пробежал до туалетной комнаты и потом обратно, причем очень смеялся.

Хорошо, что мадемуазель Деклик не выглянула на смех. К счастью, его высочество Михаил Георгиевич, несмотря на поздний час, еще не ложился – изволил вприпрыжку скакать на сиденье и потом долго качался на портъере. Обыкновенно в половине девятого младший из великих князей уже спит, но тут мадемуазель сочла возможным сделать послабление,

сказав, что его высочество слишком возбужден путешествием и все равно не уснет.

У нас, в Зеленом доме, детей воспитывают нестрого, не то что при Синем дворе, у Кирилловичей. Там придерживаются семейных традиций государя Николая Павловича: мальчиков воспитывают по-солдатски, с семи лет обучают фрунту, закаляют холодными обливаниями и укладывают спать в походные койки. Георгий Александрович же слывет в императорской семье либералом. Сыновей воспитывает мягко, на французский манер, а единственную дочь, свою любимицу, по мнению родственников, и вовсе избаловал.

Ее высочество, слава богу, тоже из своего купе не выходила и проказу Павла Георгиевича не видела. С самого Петербурга заперлась с книжкой, и даже знаю, с какой именно. «Крейцера соната», сочинение графа Толстого. Я читал, на случай если зайдет разговор меж дворецкими – чтоб не ударить лицом в грязь. По-моему, чтение прескучное и для девятнадцатилетней девицы, тем более великой княжны, совершенно неуместное. В Петербурге Екатерина Иоанновна нипочем не позволила бы дочери читать такую пакость. Надо думать, роман был засунут в багаж тайком. Не иначе как фрейлина баронесса Строганова снабдила, больше некому.

Моряки уgomонились только под утро, после чего и я позволил себе немного подремать, потому что, честно сказать, порядком устал от предотъездных хлопот, да и предвидел, что первый день в Москве окажется нелегким.

* * *

Трудности превзошли все мои ожидания.

Так уж сложилось, что за сорок шесть лет своей жизни я никогда прежде не бывал в Белокаменной, хотя по свету поездил немало. Дело в том, что у нас в Семье азиатчину не жалуют, единственным мало-мальски пристойным местом во всей России признают Петербург, да и с московским генерал-губернатором Симеоном Александровичем мы холодны, так что бывать нам в древней столице незначем. Даже в Крым, на Мисхорскую мызу, мы обычно едем кружным путем, через Минск, поскольку Георгий Александрович по дороге любит пострелять зубров в Беловежской пуще. А на прошлую коронацию, тому тринадцать лет, я не ездил, поскольку занимал должность помощника дворецкого и был оставлен замещать моего

тогдашнего начальника, покойного ныне Захара Трофимовича.

Пока ехали от вокзала через весь город, я составил себе о Москве первое впечатление. Город оказался еще менее цивилизованным, чем я ожидал – никакого сравнения с Петербургом. Улицы узки, бессмысленно изогнуты, дома убоги, публика неряшлива и провинциальна. И это при том, что в преддверие ожидаемого высочайшего прибытия город из всех сил постарался прихорошиться: фасады помыты, крыши свежевыкрашены, на Тверской (это главная московская улица, чахлое подобие Невского) повсюду развешаны царские вензеля и двуглавые орлы. Даже не знаю, с чем Москву и сравнить. Такая же большая деревня, как Салоники, куда заходил наш «Мстислав» в прошлом году. По дороге нам не встретилось ни фонтана, ни дома, в котором было бы больше четырех этажей, ни конной статуи – лишь сутулый Пушкин, да и тот, судя по цвету бронзы, недавнего обзаведения.

У Красной площади, которая меня тоже изрядно разочаровала, кортеж разделился. Их высочества, как подобает членам императорской фамилии, отправились поклониться иконе Иверской Божьей Матери и кремлевским мощам, а я со слугами поехал готовить наше временное московское обиталище.

Из-за вынужденного разделения двора на две половины пришлось довольствоваться самым скромным количеством прислуги. Я смог взять с собой из Петербурга лишь восемь человек: камердинера его высочества, горничную Ксении Георгиевны, младшего лакея (уже поминавшегося Липпса) для Павла Георгиевича и Эндлунга, буфетчика с помощником, белого повара и двух кучеров для английского и русского выездов. Предполагалось, что чай и кофе я буду подавать сам – это своего рода традиция. Рискуя показаться нескромным, скажу, что во всем дворцовом ведомстве никто лучше меня не исполняет сей род обязанностей, требующий не только огромного навыка, но и таланта. Недаром я пять лет служил кофешенком при их величествах покойном государе и ныне вдовствующей императрице.

Разумеется, я не рассчитывал, что обойдусь восемью слугами, и особой телеграммой просил московский отдел Дворцового управления назначить мне толкового помощника из местных, а также предоставить двух фореиторов, черного повара для прислуги, лакея для обслуживания старших слуг, двух младших лакеев для уборки, горничную для мадемуазель Деклик и двух швейцаров. Большого просить не стал, отлично понимая, какая в Москве нехватка с опытной прислугой в связи с прибытием такого количества высоких особ. Никаких иллюзий на счет

московских слуг я, конечно, не питал. Москва – город пустующих дворцов и ветшающих вилл, а хуже нет, чем держать штат слуг безо всякого дела. От этого люди дуреют и портятся. Вот у нас три больших дома, в которых мы живем попеременно (за вычетом весны, которую проводим за границей, потому что Екатерина Иоанновна находит время Великого Поста в России невыносимо скучным): зимой Семья обитает в своем петербургском дворце, летом на вилле в Царском, осенью на Мисхорской мызе. В каждом из домов имеется свой штат прислуги, и бездельничать им я не даю. Всякий раз, уезжая, оставляю длинейший перечень поручений и непременно нахожу возможность время от времени наезжать с проверками, всегда неожиданными. Слуги – они, как солдаты. Их все время нужно чем-то занимать, а не то станут пить, играть в карты и безобразничать.

Мой московский помощник встретил нас на вокзале и, пока ехали в карете, успел кое-что разъяснить про ожидающие меня проблемы. Во-первых, выяснилось, что мой запрос, весьма умеренный и разумный, выполнен Дворцовым управлением не полностью: младшего лакея выделили только одного, повара для прислуги тоже не дали, только кухарку, а хуже всего то, что не получилось с горничной для гувернантки. Это мне было особенно неприятно, потому что позиция гувернантки изначально двусмысленна, ибо находится на грани между обслуживающим и придворным штатом, тут требуется сугубая деликатность, чтобы не обидеть и не унижить человека, который и так постоянно опасается ущемления своего достоинства.

– Это еще не самое прискорбное, господин Зюкин, – сказал московский помощник с характерным «аканьем», заметив мое неудовольствие. – Печальнее всего то, что вместо обещанного Малого Николаевского дворца в Кремле вам определен для проживания Эрмитаж, что в Нескучном саду.

Помощника звали Корнеем Селифановичем Сомовым, и на первый взгляд он мне не показался: какой-то неблагообразно лопоухий, тощий, кадыкастый. Сразу видно, что человек достиг пика своей карьеры и дальше ему хода не будет, так и просидит до пенсии в московском захолустье.

– Что за Эрмитаж такой? – нахмурился я.

– Красивый дом, с превосходным видом на Москву-реку и город. Стоит в парке и близок от Александрийского дворца, где перед коронацией поселится высочайшая чета, но... – Сомов развел длинными руками. – Ветх, тесен и с привидением. – Он коротко хихикнул, однако, видя по моему лицу, что я к шуткам не расположен, стал объяснять. – Дом построен в середине прошлого столетия. Когда-то принадлежал графине Чесменской

– той самой, знаменитой богачке и сумасбродке. Вы, господин Зюкин, про нее наверняка слышали. Некоторые говорят, что Пушкин писал свою Пиковую Даму с нее, а вовсе не со старой княгини Голицыной.

Я не люблю, когда слуги щеголяют начитанностью, и ничего на это не сказал, лишь кивнул.

Очевидно, Сомов не понял причины моего недовольства, потому что продолжил с еще большей витиеватостью:

– Согласно преданию, в царствование Александра Первого, когда всё общество играло в новомодную игру лото, графиня сыграла с самим Нечистым и поставила на кон свою душу. Служители рассказывают, что иногда безлунными ночами по коридору проходит белая фигура в чепце и постукивает камешками в мешке.

Сомов снова хихикнул, как бы давая понять, что сам он, будучи человеком просвещенным, в подобную чушь не верит. Однако я отнесся к этому известию с полной серьезностью, потому что всякий служитель, в особенности если он, подобно мне, принадлежит к старинной дворцовой династии, знает, что призраки и привидения существуют на самом деле и шутить как с ними, так и о них – занятие глупое и безответственное. Я спросил, делает ли привидение старой графини что-нибудь злое кроме постукивания костяшками. Сомов ответил, что нет, за без малого сто лет ни в каких иных каверзах привидение замечено не было, и я успокоился. Ладно, пусть себе ходит, нестрашно. Вот у нас в Фонтанном дворце водится призрак камер-юнкера Жихарева, писаного красавца и несостоявшегося фаворита Екатерины Великой, отравленного князем Зубовым. Что там графиня в чепце! Этот жилец (или, правильнее сказать, *нежилец?*) ведет себя самым непристойным образом: в темноте щиплет дам и прислугу, а особенно распоясывается накануне Ивана Купалы. Августейших особ, правда, касаться не дерзает – все-таки камер-юнкер. Или вот в Аничковом призрак смольнинской институтки, якобы совращенной государем Николаем Павловичем и после наложившей на себя руки. Ночью просачивается сквозь стены и роняет холодные слезы на лицо спящим. То-то приятно от ледяной слезы проснуться и увидеть перед собой этаким страх.

В общем, привидением меня Сомов не испугал. Хуже оказалось то, что дом и в самом деле оказался очень тесен и лишен многих необходимых удобств. Неудивительно – с тех пор как это владение полвека назад было выкуплено у графов Чесменских Дворцовым управлением, в нем ничего не обновляли.

Я прошелся по этажам, прикидывая, что нужно сделать в первую

очередь. Следовало признать, что с основными приготовлениями Сомов справился неплохо: мебель была расчехлена, всё сияло чистотой, в спальнях стояли свежие цветы, рояль в большой гостиной звучал исправно.

Освещение меня огорчило – оно было даже не газовое, а вовсе допотопное, масляное. Эх, мне бы хоть недельку – я развернул бы в подвале маленькую электростанцию, провел бы провода, и дворец принял бы совсем иной вид. А то что же при масляном освещении сумерничать. У нас в Фонтанном такое было лет тридцать назад. Выходило, что понадобится фонарщик, который будет заливать масло в лампы – они были английской работы, с часовым заводом на сутки.

Кстати о часах. Я насчитал в доме девятнадцать напольных и настенных, и все шли вразнобой. Решил, что часы заведу сам – это дело требует аккуратности и точности. Хороший дом, содержащийся в идеальном порядке, всегда видно по тому, одинаковое ли время в нем показывают часы в разных комнатах. Это вам скажет любой опытный дворецкий.

Телефонный аппарат я обнаружил только один, в прихожей, и велел провести еще две линии: одну в кабинет Георгия Александровича и другую ко мне в комнату, поскольку наверняка придется без конца переговариваться с Александрийским дворцом, генерал-губернаторским домом и Дворцовым управлением.

Но предварительно следовало решить, кого куда поселить, и над этим пришлось основательно поломать голову.

В доме на обоих этажах насчитывалось всего-навсего восемнадцать комнат. Просто не представляю, как бы все разместились, если бы с нами была великая княгиня с остальными детьми и двором. Сомов рассказал, что семье великого князя Николая Константиновича на восемь августейших особ и четырнадцать человек свиты, не считая прислуги, выделили особнячок в пятнадцать комнат, так что придворным пришлось селиться по трое, а то и по четверо, слуг же и вовсе разместили над конюшней! Ужасно, хоть Николай Константинович по старшинству и ниже Георгия Александровича на две ступени.

Некстати было то, что его высочество пригласил на коронацию своего приятеля лорда Бэнвилла, который ожидался с берлинским поездом ближе к вечеру. Англичанин, слава богу, был холост, но все равно следовало оставить для него две комнаты: самому лорду и его дворецкому. И тут уж не приведи господь опростоволоситься. Знаю я этих английских батлеров, они баре почище своих лордов. Особенно мистер Смайли, который состоял при его светлости. Надутый, чванный – достаточно я налюбовался на него в

прошлом месяце в Ницце.

Итак, бельэтаж я отвел для августейшей фамилии. Две комнаты окнами на парк и царский дворец Георгию Александровичу – это будет спальня с кабинетом. На балкон поставить кресло, столик и коробку с сигарами; на окно, выходящее в сторону Александрийского дворца, пристроить подзорную трубу, чтобы его высочеству было удобнее наблюдать за окнами венценосного племянника. Ксении Георгиевне – светлую комнату с видом на реку, это ей понравится. Рядом – горничную Лизу. Павла Георгиевича в мезонин, он любит быть на отдалении от прочих членов семьи, опять же туда ведет отдельная лестница, что удобно для поздних возвращений. Эндлунга – по соседству, в бывший чулан. Невелика птица. Перенести кровать, на стену ковер, на пол медвежью шкуру, и не видно будет, что чулан. Маленького Михаила Георгиевича – в просторную комнату окнами на восток. В самый раз для детской. И рядом очень славное помещенье для мадемуазель Деклик. Я распорядился поставить туда букет колокольчиков, это ее любимые цветы. Последнюю из комнат бельэтажа отвел под малую гостиную для мирного досуга в кругу семьи, если, конечно, в эти сумасшедшие дни выдастся хоть один свободный вечер.

Внизу два самых больших помещения естественным образом превратились в главную гостиную и столовую, две комнаты поприличней я приготовил для англичан, одну взял себе (маленькую, но расположенную в стратегически важном месте, под лестницей), ну а уж прочей прислуге пришлось устраиваться по нескольку человек. *A la guerre comme a la guerre* или, говоря по-русски, в тесноте, да не в обиде.

В целом получилось лучше, чем можно было бы ожидать.

Дальше начались хлопоты по распаковке багажа: платий, мундиров и костюмов, столового серебра, тысячи всяких мелких, но совершенно необходимых вещей, при помощи которых любой сарай можно превратить в приличное и даже уютное пристанище.

Пока московские носили сундуки и коробки, я присматривался к каждому, чтобы определить, кто чего стоит и на каком месте может быть использован с наибольшей пользой. Главный талант любого начальствующего лица состоит именно в этом: определить сильные и слабые стороны каждого из подчиненных с тем, чтобы использовать первые и оставлять нетронутыми вторые. Долгий опыт руководства большим штатом работников научил меня, что людей вовсе бездарных, ни к чему не способных, на свете очень мало. Любому человеку можно сыскать применение. Когда кто-нибудь в нашем клубе жалуется на никчемность

лакея, официанта или горничной, я про себя думаю: эх, голубчик, плохой ты дворецкий. У меня все слуги со временем становятся хороши. Надо чтобы каждый любил свою работу – вот и весь секрет. Повар должен любить стряпню, горничная – делать из беспорядка порядок, конюх – лошадей, садовник – растения.

Высшее искусство настоящего дворецкого – досконально разобраться в человеке, понять, что он любит, ибо, как ни странно, большинство людей не имеют ни малейшего понятия, к чему у них склонность и в чем их дар. Бывает, приходится пробовать и так, и этак, прежде чем нащупаешь.

Тут ведь дело не только в работе, хотя и это, конечно, важно. Когда человек занимается любимым делом, он доволен и счастлив, а если все слуги в доме покойны, радостны и приветливы, от этого возникает совершенно особенная обстановка, или, как теперь говорят, *атмосфера*.

Нужно непременно поощрять и награждать подчиненных – но в меру, не просто за добросовестное исполнение обязанностей, а за особенное усердие. Наказывать тоже необходимо, но только справедливо. При этом следует доходчиво объяснять, за что назначено наказание и, разумеется, оно ни в коем случае не должно быть унижительным. Еще раз повторю: если подчиненный не справляется со своей работой – виноват в этом начальник. У меня в Фонтанном сорок два человека, в Царском четырнадцать, и еще в Крыму двадцать три. И все на своем месте, уж можете мне поверить. Сам Пантелеймон Кузьмич, дворецкий его высочества великого князя Михаила Михайловича-старшего, не раз говорил мне: «Вы, Афанасий Степанович, настоящий психолог». И не гнушался у меня совета спросить в особенно трудных случаях. Например, в позапрошлый год в Гатчинском дворце попал к нему в штат один младший лакей – слов нет, до чего бестолковый. Помучился с ним Пантелеймон Кузьмич, побился, и попросил меня присмотреться: дубина из дубин, говорит, а прогнать жалко. Я взял парня – захотелось блеснуть. В столовой оказался негоден, в гардеробной тоже, в кухне тем более. Одним словом, как говорят в народе, крепкий орех. А как-то раз гляжу – сидит он во дворе и через осколок стекла на солнце смотрит. Стало мне любопытно. Остановился, наблюдаю. И так он с этим стеклышком возился, будто ему достался какой бриллиант бесценный. То подышит на него, то рукавом потрет. Здесь меня и осенило. Поручил ему в доме стекла протирать – и что вы думаете? Засияли мои окна, как горный хрусталь. И подгонять парня не нужно было, так с утра до вечера и полировал стеклышко за стеклышком. Теперь он лучший мойщик окон во всем Петербурге, у Пантелеймона Кузьмича дворецкие на него в очередь записываются. Вот что значит нашел

человек свое призвание.

Только я завел в доме часы, только слуги вынесли из последней коляски последнюю шляпную коробку, как пожаловали английские гости, и тут меня ожидал пренеприятный сюрприз.

Оказывается, лорд Бэнвилл привез с собой друга, некоего мистера Карра.

Самого лорда я отлично запомнил по Ницце – он нисколько не переменился: с гладким пробором посередь темени, при монокле, тросточке и с сигарой в зубах, на указательном пальце перстень с большим бриллиантом. Одет как всегда безукоризненно, истинный образчик британского джентльменства. В черном, идеально отутюженном смокинге (это с поезда-то!), в черном атласном жилете и белейшем, туго накрахмаленном воротничке. Едва спрыгнув с подножки, откинул голову назад и громко заржал по-лошадиному, чем очень напугал вертевшуюся неподалеку горничную Лизу, а меня ничуть не удивил. Мне было известно, что его светлость – заядлый лошадиный, полжизни проводит в стойле, понимает конский язык и чуть ли даже ни может на нем объясняться. Во всяком случае, так рассказывал Георгий Александрович, познакомившийся с лордом Бэнвиллом в Ницце на бегах.

Оторжавшись, его светлость протянул руку и помог выйти из кареты еще одному джентльмену, которого представил как своего дорогого друга мистера Карра. Это был субъект в совершенно ином роде, каких в наших краях, пожалуй, и не встретишь.

Волосы удивительного соломенно-желтого цвета – сверху прямые, а на краях загнутые, чего, казалось бы, и в природе не бывает. Лицом бел и гладок, на щеке круглая ровная родинка, похожая на бархатную мушку. Сорочка у друга его светлости была не белая, а голубая – такой я еще не видывал. Сюртук пепельно-голубой, жилет лазурный в золотую крапинку, в петлице гвоздика совершенно синего цвета. Особенно же мне бросились в глаза необычайно узкие штиблеты с перламутровыми пуговками и лимонно-желтыми гамашами. Станный человек осторожно ступил на брусчатку, грациозно потянулся, и на его тонком, кукольном личике появилось капризно-жеманное выражение. Внезапно взгляд мистера Карра упал на швейцара Трофимова, дежурившего на крыльце. Трофимов, как я уже имел возможность удостовериться, был непроходимо глуп и ни на какую иную должность кроме привратничкой не годен, но смотрелся представительно: ростом в сажень, плечист, круглоглаз и с густой черной бородой. Английский гость приблизился к Трофимову, который, как и положено, стоял истукан истуканом, посмотрел на него снизу вверх, зачех-

то подергал за бороду и сказал что-то по-английски высоким, мелодичным голосом.

Пристрастия лорда Бэнвилла прояснились еще в Ницце, так что Екатерина Иоанновна, особа строгих правил, не пожелала с ним и знаться, но Георгий Александрович, будучи человеком широких взглядов (к тому же, заметим мимоходом, слишком хорошо знакомым с подобными господами по светскому кругу общения) находил пристрастие лорда к женоподобным грумам и румяным лакеям забавным. «Прекрасный собеседник, отличный спортсмен и истинный джентльмен», – так сказал он мне, поясняя, почему счел возможным пригласить Бэнвилла в Москву (тогда уже стало ясно, что Екатерина Иоанновна на коронацию не едет).

Неприятным сюрпризом для меня стало не то, что его светлость привез с собой свою очередную пассию – в конце концов мистер Карр выглядел как человек из общества – причина моего расстройства объяснялась проще: куда поместить еще одного гостя? Даже если они будут ночевать в одной комнате, все равно из соблюдения приличий придется выделить второму англичанину отдельную спальню. Я немного подумал, и сразу нашлось решение: московских слуг, за исключением Сомова, переселить на чердак, что над конюшней. За счет этого освободятся две комнаты, одну отдам англичанину, а другую великокняжескому повару мэтру Дювалю, а то он разобижен.

– Где господин Смайли? – спросил я лорда Бэнвилла по-французски про его дворецкого, поскольку нужно было дать ему необходимые пояснения.

Как и большинство воспитанников дворцового ведомства, я с детства обучен французскому и немецкому, но не английскому. Это в последние годы двор заметно англизировался, и мне все чаще приходится жалеть о недостатке своего образования, а в прежние времена английский считался языком неизысканным и для нашей службы необязательным.

– Он уволился, – ответил милорд по-французски же и неопределенно махнул рукой. – А мой новый дворецкий Фрейби там, в карете. Читает книгу.

Я подошел к экипажу. Слуги споро разгружали багаж, а на бархатном сиденье, закинув ногу на ногу, сидел полнолицый господин очень важного вида. Он был лыс, густобров, с аккуратно подстриженной бородкой – одним словом, никак не напоминал английского дворецкого, да и вообще дворецкого. Через открытую дверцу я разглядел, что мистер Фрейби держит в руках пухлый том с золотыми буквами на обложке: Trollope. Что означает это английское слово, мне было неизвестно.

– Soyez le bienvenu!^[1] – приветствовал я его с учтивым поклоном.

Он молча посмотрел на меня сквозь золотые очки спокойными голубыми глазами и ничего не ответил. Стало ясно, что французского мистера Фрейби не знает.

– Herzlich willkommen!^[2], – перешел я на немецкий, но взгляд англичанина остался таким же вежливо-безучастным.

– You must be the butler Zyukin? – проговорил он приятным баритоном какую-то невнятицу.

Я развел руками.

Тогда мистер Фрейби с видом явного сожаления убрал книгу в широченный карман сюртука и достал оттуда же другую, много меньше первой. Полистал и вдруг произнес одно за другим понятные слова:

– Ти, ви... должен.... бить.... дворецки Зьюкин?

А, это у него англо-русский словарь, догадался я и одобрил подобную предусмотрительность. Если б я знал, что мистер Смайли, худо-бедно изъяснявшийся на французском, у милорда больше не служит, а заменен новым батлером, я бы тоже запасся лексиконом. Ведь нам с этим англичанином предстояло решать вместе немало сложных и деликатных проблем.

Словно подслушав мои мысли, мистер Фрейби достал из другого кармана еще один томик, на вид ничем не отличавшийся от англо-русского словаря. Протянул мне.

Я взял, прочел на обложке «Русско-английский словарь с чтением английских слов».

Англичанин полистал свое пособие, нашел нужное слово и пояснил:

– A present... Подарок.

Я открыл дареный томик и увидел, что он устроен ловко и умно: все английские слова написаны русскими буквами и с ударением. Сразу же и опробовал лексикон в деле. Хотел спросить: «Где чей багаж?» Получилось:

– Уэа... хуз... лаггедж?

И он меня отлично понял!

Небрежным жестом подозвал лакея, тащившего на плече тяжелый чемодан, ткнул пальцем в желтую наклейку. На ней было написано Vanville. Приглядевшись, я заметил, что наклейки имеются на всех предметах багажа, только на одних желтые с именем милорда, на других синие с надписью Carr, а на третьих красные с надписью Freyby. Очень разумно, надо будет взять на вооружение.

Очевидно, сочтя проблему благополучно разрешенной, мистер Фрейби

снова извлек из кармана свой фолиант и перестал обращать на меня внимание, а я задумался о том, что английские батлеры, конечно, всем хороши и свое дело знают, но кое-чему у нас, русских служителей, все же могли бы поучиться. А именно – сердечности. Они просто обслуживают господ, а мы их еще и любим. Как можно служить человеку, если не испытываешь к нему любви? Это уж какая-то механистика получается, будто мы не живые люди, а автоматы. Правда, говорят, что английские дворецкие служат не господину, а дому – наподобие кошек, привязываются не столько к человеку, сколько к стенам. Если так, то этакая привязанность не по мне. И мистер Фрейби показался мне что-то уж больно странным. Хотя, рассудил я, у такого хозяина и слуги должны быть чудные. Да и неплохо это, что mon colleague anglais^[3] такой, как говорят в народе, *квёклый* – будет меньше путаться под ногами.

* * *

Затевать настоящий обед времени не было, поэтому к прибытию их высочеств я распорядился накрыть стол на скорую руку, а *la riprice* – с малым серебром, на простеньком мейсенском сервизе, и вовсе без горячих блюд. Кушанья заказал по телефону из «Delicatessen» Снайдерса: паштет из бекасов, пирожки со спаржей и трюфелями, расстегайки, заливное, рыбу, копченых пулярок и фрукты на десерт. Ничего, можно было надеяться, что уже к вечеру мэтр Дюваль освоится на кухне и ужин получится более пристойным. Правда, я знал, что Георгий Александрович и Павел Георгиевич вечером будут у его императорского величества, который ожидался в половине шестого пополудни и прямо с вокзала должен был проследовать в походный Петровский дворец. Высочайший приезд нарочно подгадали именно на шестое мая, поскольку это день рождения государя. Уже с обеда затрезвонили церковные колокола, которых в Москве неисчислимо множество, – это начались молебствия о ниспослании здоровья и долголетия его императорскому величеству и всей августейшей семье. Я лишний раз пометил себе распорядиться насчет балдахина с вензелем «Н» над подъездным крыльцом. Если вдруг пожалует государь, подобный знак родственного внимания будет кстати.

В пятом часу Георгий Александрович и Павел Георгиевич, надев парадные мундиры, отбыли на вокзал, Ксения Георгиевна стала разбирать старинные книги в малой столовой, которая при Чесменских, кажется, использовалась в качестве библиотеки, лорд Бэнвилл с мистером Карром

заперлись в комнате его светлости и велели сегодня их больше не беспокоить, а мы с мистером Фрейби, предоставленные сами себе, сели перекусить.

Прислуживал младший лакей со странной фамилией Земляной, из московских. Неотесанный, довольно неловкий, но очень старательный. Пялился на меня во все глаза – должно быть, наслышан об Афанасии Зюкине. Признаюсь, это было лестно.

Вскоре, уложив своего питомца на послеобеденный герос, к нам присоединилась и гувернантка мадемуазель Деклик. Она уже отобедала с их высочествами, однако какая же это еда, когда сидишь рядом с Михаилом Георгиевичем – его высочество обладает весьма беспокойным нравом и все время шалит: то начнет хлебом кидаться, то спрячется под стол и приходится его оттуда извлекать. Одним словом, мадемуазель охотно выпила с нами чаю и отдала должное замечательным филипповским пряникам.

Ее присутствие оказалось очень кстати, поскольку мадемуазель знала по-английски и отлично справилась с обязанностями переводчицы.

Я спросил англичанина, чтобы с чего-то начать разговор:

– Давно изволите работать дворецким?

Он ответил одним коротким словом, и мадемуазель перевела:

– Давно.

– Вы можете не беспокоиться, вещи распакованы и никаких трудностей не возникло, – сказал я не без укора, поскольку мистер Фрейби в распаковке не участвовал вовсе – так и просидел со своей книжкой в карете до самого конца этой ответственной операции.

– Я знаю, – был ответ.

Мне сделалось любопытно – в флегматичной манере англичанина ощущалась не то поразительная, превосходящая все мыслимые границы лень, не то высший шик батлеровского мастерства. Ведь пальцем о палец не ударил, а вещи разгружены, распакованы, развешаны, и все на своих местах!

– Разве вы успели наведаться в покои милорда и мистера Карра? – спросил я, отлично зная, что с момента прибытия мистер Фрейби не выходил из собственной комнаты.

– No need, – ответил он, и мадемуазель столь же коротко перевела:

– Pas besoin^[4].

За время, которое мадемуазель провела в нашем доме, я успел неплохо ее изучить и видел по блеску в ее серых узких глазах, что англичанин ей любопытен. Разумеется, она умела владеть собой, как и подобает

первоклассной гувернантке, привыкшей работать в лучших домах Европы (до нас, например, она воспитывала сына португальского короля и привезла из Лиссабона самые превосходные рекомендации), но галльская натура иногда брала свое, и когда мадемуазель Деклик была чем-нибудь увлечена, позабавлена или рассержена, ее глаза зажигались такими маленькими огоньками. В штат прислуги особу с такой опасной особенностью я бы не взял, потому как этот самый огонек – верный знак того, что, как говорят в народе, в тихой заводи черти водятся. Но гувернеры, бонны и воспитатели – не моя забота, ими ведает управляющий двором князь Метлицкий, поэтому я мог себе позволить любоваться вышеозначенными огоньками безо всякой тревоги.

Вот и теперь мадемуазель, не удовлетворившись скромной ролью переводчицы, не утерпела, спросила (сначала по-английски, а после, для меня, по-французски):

– Откуда же вы знаете, что с вещами все в порядке?

Тут мистер Фрейби впервые произнес более или менее длинную фразу:

– Я вижу, что месье Зюкин знает свое дело. А в Берлине, где вещи паковались, их укладывал человек, который тоже знает свое дело.

Словно в вознаграждение себе за столь утомительный труд, как изречение такой пространной сентенции, батлер достал и закурил трубку, предварительно жестом испросив позволения у дамы.

И я понял, что, кажется, имею дело с совершенно исключительным дворецким, каких мне не доводилось встречать за всю мою тридцатилетнюю службу.

* * *

В седьмом часу Ксения Георгиевна объявила, что ей наскучило сидеть в четырех стенах, и мы – ее высочество, Михаил Георгиевич и я с мадемуазель Деклик – отправились кататься. Я велел подать закрытую карету, потому что день выдался пасмурный, ветреный, а после обеда еще и пошел мелкий, неприятный дождь.

Мы выехали по широкому шоссе на возвышенность, именуемую Воробьевыми горами, чтобы посмотреть на Москву сверху, но из-за серой пелены дождя мало что увидели: широкий полукруг долины, над которой, будто пар, висели низкие облака – ни дать ни взять супница с дымящимся бульоном.

Когда ехали в обратном направлении, небо впервые за день немного просветлело. Поэтому карету мы отпустили, а сами отправились пешком от Калужской заставы через парк.

Их высочества шли впереди, причем Ксения Георгиевна вела Михаила Георгиевича за руку, чтобы не сбежал с дорожки в мокрые кусты, мы с мадемуазель держались несколько сзади.

Месяца три назад с его высочеством перестали случаться маленькие неприятности и ему как раз сравнялось четыре года, а это возраст, в котором Георгиевичей передают от английской паппу на попечение французским гувернанткам, перестают одевать в девичье платье и переводят с панталончиков на штанишки. Перемена наряда пришлась его высочеству по душе, да и с француженкой они отлично поладили. Признаюсь, поначалу я находил манеры мадемуазель Деклик чересчур вольными – к примеру, поощрения в виде поцелуев и наказания в виде шлепков или же шумную возню в детской, однако со временем понял, что тут имеется своя педагогическая метода. Во всяком случае, его высочество уже через месяц начал лопотать по-французски, полюбил распевать на этом языке песенки и вообще стал гораздо веселее и свободнее.

С некоторых пор я заметил, что заглядываю в детскую гораздо чаще, чем прежде – и, пожалуй, чаще, чем необходимо. Это открытие заставило меня крепко задуматься, и, поскольку у меня принцип всегда и во всем быть с собой честным, я довольно быстро вычислил причину: оказывается, общество мадемуазель Деклик доставляло мне удовольствие.

Ко всему, что доставляет удовольствие, я привык относиться с сугубой осторожностью, потому что удовольствия идут рука об руку с расслабленностью, а от расслабленности один шаг до нерадивости и серьезных, даже непоправимых упущений в работе. Поэтому на какое-то время я совсем перестал показываться в детской (разумеется, кроме случаев, когда этого требовали мои служебные обязанности) и сделался с мадемуазель Деклик очень сух. Но продолжалось это недолго. Она сама подошла ко мне и с безупречной почтительностью попросила помочь ей в освоении русского языка – ничего особенного, просто время от времени говорить с ней на разные темы по-русски, поправляя особенно грубые ошибки. Еще раз повторяю, просьба была изложена столь учтиво, что отказ выглядел бы неоправданной грубостью.

С тех пор и появилась традиция наших ежедневных бесед – на совершенно нейтральные и, разумеется, благопристойные темы. По-русски мадемуазель выучилась на удивление быстро и знала уже очень много слов. Правда, говорила грамматически неправильно, но и в этом имелась своя

привлекательность, устоять перед которой мне удавалось не всегда.

Вот и теперь, гуляя по аллее Нескучного парка, мы говорили по-русски. Только на сей раз беседа вышла недолгой и колючей. Дело в том, что мадемуазель опоздала к выходу на прогулку, и нам пришлось ожидать ее в карете целых тридцать секунд (я следил по своему швейцарскому хронометру). В присутствии их высочеств я сдержался, однако теперь, с глазу на глаз, счел необходимым прочесть небольшую нотацию. Делать мадемуазель выговор мне было неприятно, но этого требовал мой долг. Никто не смеет заставлять августейших особ ждать, хоть бы даже и полминуты.

– Это совсем нетрудно – всюду успевать вовремя, – говорил я, медленно произнося каждое слово, чтобы ей было понятнее. – Нужно всего лишь жить с пятнадцатиминутным опережением. Предположим, у вас назначена встреча с каким-либо лицом в три часа, а вы придите без четверти. Или, скажем, вам нужно, чтобы успеть в некое место, выйти из дому в два, а вы выйдете без четверти два. Для начала я посоветовал бы вам просто перевести часы на пятнадцать минут вперед, пока не приобвыкнетесь, а потом пунктуальность войдет у вас в привычку.

Я говорил дельные и разумные вещи, но мадемуазель Деклик ответила мне дерзостью:

– Господин Зьюкин, можно я буду пехевести часы на полминута? (Ей никак не давалось русское «р» – получалось нечто вроде малороссийского «х»). Больше чем полминута я всё хавно никогда не опаздывала.

После этого я нахмурился и решил выдержать паузу, так что дальше мы шли молча, а мадемуазель еще и отвернулась в сторону.

Ее высочество рассказывала брату сказку – кажется, про Chapeau Rouge^[5], во всяком случае до меня долетели слова: «Et elle est alle a travers le forêt pour voir sa grandmaman»^[6]. Михаил Георгиевич, очень гордый новым матросским костюмчиком, старался вести себя по-взрослому и почти не шалил, только время от времени начинал скакать на одной ножке и один раз бросил на землю свою синюю шапочку с алым помпоном.

Несмотря на хмурый день, на дорожках парка все же изредка попадались гуляющие. Дело в том, что, как мне объяснил мой московский помощник, в обычное время Нескучный парк недоступен для публики, и его ворота открылись лишь в связи с торжествами, да и то всего на несколько дней – до девятого мая, когда высочайшая чета переедет сюда из Петровского дворца. Неудивительно, что кто-то из москвичей решил воспользоваться редкой возможностью побродить по заповедным кушам,

не устранившись непогоды.

Примерно на половине дороги к Эрмитажу нам повстречался элегантный господин средних лет. Он учтиво приподнял цилиндр, причем обнажились гладкие черные волосы и седые виски; пытливо, но, впрочем, не нарушая приличий, взглянул на Ксению Георгиевну и прошел себе мимо. Я бы не обратил на этого человека никакого внимания, если бы ее высочество вдруг не обернулась ему вслед, а за нею и мадемуазель Деклик. Тут уж и я позволил себе оглянуться.

Изящный господин неспешно шагал дальше, помахивая тросточкой – решительно ничего такого, из-за чего великой княжне и гувернантке следовало бы оглядываться, я в его фигуре не обнаружил. Зато сзади, в том же направлении, что и мы, шел человек действительно примечательной наружности: широкоплечий, коренастый, с косматой черной бородой. Он обжег меня свирепыми, черными, как уголья, глазами и принялся насвистывать какую-то неизвестную мне шансонетку.

Этот субъект показался мне подозрительным, и я мысленно пообещал себе, что вплоть до повторного закрытия парка гулять мы здесь больше не станем. Мало ли какой, прошу прощения, швали придет фантазия устроить здесь променады.

Словно в подтверждение этого моего опасения навстречу нам из-за поворота выкатился кривоногий приземистый разносчик-китаец с лотком своих сомнительных товаров. Бедняга, видно, думал, что гуляющих в парке будет много больше, да только с погодой ему не повезло.

Его высочество, завидев живого китайца, вырвал ручку и со всех ног бросился к узкоглазому коротышке.

– Хочу! – крикнул Михаил Георгиевич. – Вот это хочу!

И показал пальчиком на ядовито-розовый леденец в виде пагоды.

– Ne montrez pas du doigt!^[7] – немедленно вскричала мадемуазель.

А Ксения Георгиевна догнала брата, снова взяла за руку и спросила:

– A quoi bon tu veux ce truc?^[8]

– Je veux, c'est tout!^[9] – отрезал его высочество и выпятил подбородок, проявив замечательную для своего возраста настойчивость, а настойчивость – отличный фундамент для развития характера.

– Ах, Афанасий, купи ему, – обернулась ко мне Ксения Георгиевна. – Он теперь не отстанет. Разок лизнет и бросит.

У великой княжны собственных денег не было, и я вообще не думаю, чтобы ее высочество знала, как они выглядят и что сколько стоит. Да и к чему ей это?

Я взглянул на мадемуазель, ибо решать было ей. Она наморщила нос и пожала плечами.

Китаец, надо отдать ему должное, не предпринимал никаких попыток навязывать свой кошмарный товар и только таращился бессмысленными щелочками на ее высочество. Иной раз меж китайцев встречаются истинные красавцы – тонколицые, белокожие, с изысканными движениями, а этот был сущий урод. Физиономия плоская, круглее блина, короткие волосы торчат ежом.

– Эй, ходя, что стоит вот это? – показал я на пагоду, доставая кошелек.

– Рубль, – ответил наглый азиат, видимо, поняв по моему виду, что торговаться я с ним не стану.

Я дал вымогателю «канарейку», хотя леденцу была красная цена пятачок, и мы двинулись дальше, причем его высочеству немудрящее лакомство, кажется, пришлось по вкусу – во всяком случае, выброшен леденец не был.

В дальнем конце боковой аллеи показалась ограда Эрмитажа, и мы повернули в том направлении. Идти оставалось никак не более сотни саженьей.

На ветке закаркала ворона – громко, заполошно, и я поднял голову. Птицы не увидел, лишь клочья серого неба меж темной листвы.

Кажется, ничего бы не пожалел, только бы остановить то мгновение, потому что ему суждено было поделить мое существование на две половины: всё разумное, предсказуемое, упорядоченное осталось в прежней жизни, а новая сплошь состояла из безумия, кошмара и хаоса.

* * *

Сзади раздался звук быстро приближающихся шагов. Я удивленно оглянулся – в самый последний миг перед тем, как мне на голову обрушился удар чудовищной силы. Успел увидеть невыразимо страшное, перекошенное яростью лицо давешнего бородача и полетел наземь, на секунду потеряв сознание. Я говорю «на секунду», потому что, когда я оторвал от земли очень тяжелую, будто залитую свинцом голову, бородач был всего в нескольких шагах. Он отшвырнул в сторону Михаила Георгиевича, схватил ее высочество за руку и потащил назад, мимо меня. Мадемуазель растерянно застыла на месте, я тоже был, как замороженный. Поднес руку ко лбу, вытер что-то мокрое, посмотрел – кровь. Не знаю, чем

он меня ударил, кастетом или свинчаткой, но деревья и кусты вокруг качались, как морские волны в шторм.

Бородач по-разбойничьи свистнул, и из-за поворота – того самого, откуда мы совсем недавно вышли, выкатила черная карета, запряженная парой вороных. Возница, в широком черном дождевике, с криком «тпру!» натянул вожжи, из еще не остановившегося экипажа выпрыгнули двое мужчин тоже в черном и побежали в нашем направлении.

Это похищение, вот что это такое – произнес внутри меня очень спокойный, негромкий голос, и деревья вдруг перестали качаться. Я привстал на четвереньки, крикнул мадемуазель: «Emportez le grand-duc!»^[10] и обхватил за колени бородастого, который как раз поравнялся со мной.

Он не выпустил руку ее высочества, так что мы все трое повалились на землю. Силой меня природа не обидела, у нас в роду все крепкие, а в юности я служил дворцовым скороходом, что тоже изрядно укрепляет мускулатуру, поэтому руку, которой злодей держал Ксению Георгиевну за край платья, я разжал без труда, только проку от этого вышло мало. Освободившимся кулаком он ударил меня в челюсть, а ее высочество даже не успела подняться на ноги – двое в черном были уже рядом. Они подхватили великую княжну под локти и, приподняв, бегом понесли к карете. Хорошо хоть мадемуазель успела спасти Михаила Георгиевича – краем глаза я видел, как она, подхватив мальчика на руки, ныряет в кусты.

Мой противник оказался ловок и силен. Он ударил меня еще раз, а когда я попытался ухватить его за горло, сунул руку за пазуху и выхватил финский нож с зазубринами на лезвии. Эти самые зазубрины я увидел так отчетливо, словно их поднесли к самым моим глазам.

– Забие яко пса! – прошипел страшный человек как-то не вполне по-русски, выпучив налитые кровью глаза, и размахнулся.

Я хотел вспомнить слова молитвы, но почему-то не получилось, хотя, казалось бы, когда и молиться, если не в такую минуту?

Нож занесся высоко, чуть не в самое небо, но так и не опустился. Волшебным образом запястье руки, что держала клинок, оказалось перехваченным пальцами в серой перчатке.

Лицо бородача, и без того перекошенное, искривилось еще больше, я услышал чмокающий звук удара, и мой несостоявшийся убийца мягко завалился на сторону, а вместо него надо мной стоял давешний элегантный господин в цилиндре, только в руке у него была уже не тросточка, а тонкий, длинный клинок, запачканный красным.

– Живы? – спросил мой спаситель по-русски и тут же, обернувшись назад, крикнул что-то на неведомом мне наречии.

Я приподнялся и увидел, что по дорожке, ужасно топая и по-бычьему наклонив голову, несется разносчик-китаец, уже без лотка, но зато со странным приспособлением: крутит над головой небольшой металлический шар на веревочке.

– Ййя! – противно крикнул азиат, и шар сорвался вперед, просвистев в нескольких вершках надо мной.

Я дернулся посмотреть, куда это он летит с такой скоростью. Выяснилось, что прямо в затылок одному из похитителей. Послышался нехороший треск, и ушибленный упал лицом вниз. Второй выпустил княжну, проворно развернулся и вынул из кармана револьвер. Теперь у меня появилась возможность разглядеть этого человека получше, но лица я все равно не увидел, ибо оно было под черной матерчатой маской.

Возница, что сидел на козлах, скинул свой дождевик и оказался в таком же черном наряде, что и двое остальных, разве что без маски. Он спрыгнул на землю и побежал в нашу сторону, тоже что-то вытягивая из кармана.

Я повернулся взглянуть на своего спасителя (вообще, должен со стыдом признаться, что в эти драматические мгновения я совершенно потерялся и только вертел головой туда-сюда, едва поспевая уследить за событиями). Элегантный господин, коротко взмахнув, метнул свой клинок, но попал или нет, я не видел, потому что моему взору открылось зрелище еще более невероятное: из кустов выскочила мадемуазель Деклик с увесистым суком в руке и, подобрав другой рукой юбку, так что показались стройные щиколотки, побежала к нам! С нее слетела шляпка, волосы у висков растрепались, но никогда еще она не казалась мне такой привлекательной.

– Je viens! – кричала она. – Je viens!^[11]

Только тут до меня дошла вся позорность моего поведения. Я поднялся на ноги и кинулся на выручку незнакомому господину и китайцу.

Увы, в моей помощи уже не нуждались.

Обнаружилось, что брошенный клинок достиг цели – человек в маске лежал на спине и вяло перебирал ногами, а из его груди торчала полоска стали, заканчивавшаяся серебряным набалдашником. Теперь стало понятно, откуда у красивого господина взялась шпага – она была спрятана в трости.

Что до возницы, то с ним превосходным образом управился проворный китаец. Прежде чем бандит успел выудить из кармана оружие, азиат высоко подпрыгнул и с разгону ударил противника ногой в подбородок. От толчка сокрушительной силы голова кучера мотнулась

назад, да так резко, что не выдержали бы никакие, даже самые накрепчайшие шейные позвонки. Раскинув руки, возница рухнул навзничь.

К моменту, когда к нам троим присоединилась мадемуазель со своим грозным суком, всё уже было кончено.

Первым делом я помог подняться ее высочеству – слава богу, она была

совершенно цела, только находилась в понятном ошеломлении.

Потом повернулся к незнакомцу.

– Кто вы, сударь? – спросил я, хотя, конечно, следовало бы сначала поблагодарить его за спасение, кто бы он ни был. – И кто эти люди, что на нас напали?

Ксения Георгиевна исправила мою оплошность. Вот что значит августейшая кровь – даже в эту минуту, еще не придя в себя, сделала то, что должно: проявила учтивость и определила свой статус.

– Благодарю вас, – сказала она, внимательно глядя на брюнета с седыми висками. – Вы всех нас спасли. Я – великая княжна Ксения Георгиевна. Мальчик, который был со мной – Мика, великий князь Михаил Георгиевич. А это мои друзья – госпожа Деклик и господин Зюкин.

Незнакомец почтительно поклонился ее высочеству, снял цилиндр, который невзирая на все потрясения каким-то чудом удержался на его голове и, запнувшись (вероятно, от понятного стеснения перед лицом августейшей особы) назвал себя:

– Эраст П-петрович Фандорин.

И ничего более не прибавил, из чего можно было заключить, что ни на какой службе господин Фандорин не состоит и является частным лицом.

– А это мой к-камердинер или, быть может, д-дворецкий, не знаю, как правильнее. Его зовут Маса, он японец, – показал Фандорин на драчливого разносчика, и тот, в свою очередь, низко, в пояс, поклонился, да так и остался согнутым.

Итак, получалось, что элегантный господин вовсе не смущен, а просто слегка заикается; что китаец – никакой не китаец; и, наконец, что мы с азиатом в некотором роде собратья по профессии.

– А кто эти люди, Эраст Петрович? – спросила ее высочество, боязливо показывая на незадачливых похитителей, лежавших совершенно безо всякого движения. – Они в обмороке?

Прежде чем ответить, брюнет поочередно подошел к каждому из лежавших, пощупал им шейную артерию и четырежды покачал головой. Последним, кого он проверил подобным образом, был страшный бородач. Фандорин перевернул его на спину, и даже мне, человеку, в подобных делах несведущему, стало ясно, что человек этот мертв – слишком уж неживым блеском посверкивали его неподвижные глаза. Но Фандорин наклонился над трупом пониже, взял двумя пальцами за бороду и вдруг сильно потянул.

От неожиданности ее высочество вскрикнула, да и мне подобное амикошонство со смертью показалось неприличным. Однако длинная

черная борода легко отделилась от лица и осталась в руке Фандорина.

Я увидел, что багровая физиономия мертвеца изрыта оспинами, а на щеке белеет раздвоенный шрам.

– Это известный варшавский бандит, некто Лех Пендерецкий, по прозвищу Близна, что означает «Меченый» или «Шрам», – спокойно, словно представляя хорошего знакомого, объявил Фандорин и добавил как бы про себя. – Так вот в чем тут дело...

– Неужто все эти люди мертвы? – спросил я и вдруг содрогнулся, осознав, в какое ужасное положение из-за этой истории может попасть весь августейший дом.

Если сейчас сюда заглянет кто-нибудь из гуляющих, разразится скандал на весь мир. Подумать только – попытка похищения двоюродной сестры русского царя! Четверо убитых! И еще какой-то варшавский бандит! Вся торжественность священного коронационного действия будет нарушена!

– Их нужно немедленно убрать в карету! – воскликнул я с несвойственной мне в обычных условиях горячностью. – Не согласится ли ваш дворецкий мне помочь?

Пока мы с японцем сваливали трупы в экипаж, я ужасно нервничал, не застигнет ли нас кто-нибудь за этим малопочтенным занятием. Да и само это дело было для меня не сказать чтобы привычным – мало того, что по моему лицу стекала кровь из разбитого лба и рассеченной губы, но я еще и запачкал чужой кровью новый прогулочный камзол.

Поэтому я не слышал, о чем беседовали ее высочество и Фандорин. Судя по румянцу на ее щеках, она, должно быть, снова благодарила этого таинственного господина за спасение.

– Где его высочество? – спросил я мадемуазель, едва отдышавшись. – Теперь можно вести его сюда.

– Я оставила его в... – Она пощелкала пальцами, вспоминая слово, но так и не вспомнила. – *La gloriette*. Говохилка? Хазговухка?

– Беседка, – подсказал я. – Идемте вместе. Его высочество, должно быть, очень напуган.

За кустами открылась довольно широкая лужайка, посередине которой белела деревянная кружевная беседка.

Не обнаружив в ней Михаила Георгиевича, мы стали звать его, решив, что великий князь вздумал поиграть с нами в прятки.

На крики пришел Фандорин. Он осмотрелся по сторонам и вдруг присел на корточки, разглядывая что-то в траве.

Это был розовый китайский леденец, раздавленный чем-то тяжелым –

вероятно, каблуком.

– Черт, черт, черт! – вскричал Фандорин, ударив себя кулаком по ляжке. – Я должен был это предвидеть!

И бросился напролом через кусты.

7 мая

Не стану описывать событий вечера и ночи, последовавших за исчезновением его высочества, потому что никаких событий, собственно, и не было. Главной заботой лиц, осведомленных о случившемся, было сохранение тайны, и поэтому внешне всё выглядело так, будто совершенно ничего не произошло, разве что ежеминутно трезвонили телефоны, да еще слишком уж отчаянным аллюром носились верховые по треугольнику Эрмитаж – Петровский дворец – генерал-губернаторская резиденция.

Вся эта тщательно скрываемая, но весьма активная (чтобы не сказать суматошная) деятельность не дала ровным счетом никаких результатов, ибо непонятно было самое главное: кому и зачем понадобилось похищать маленького кузена его величества.

А прояснилась загадка только утром, когда с обычной городской почтой в Эрмитаж доставили письмо без какого-либо штемпеля – сам почтальон не мог объяснить, откуда оно такое взялось у него в сумке.

Из-за этого самого письма государь, успевший с утра принять своих благодарных азиатских подданных – его светлость эмира Бухарского и его высокостепенство хана Хивинского, в последний миг отменил парад на Ходынском поле под предлогом дождливой и холодной погоды, а сам тайным образом, в обычной закрытой карете, на козлах которой сидел его личный камердинер Дормидонт Селезнев, и в сопровождении одного только начальника дворцовой полиции прибыл к нам в Эрмитаж. Вот когда проявилось главное достоинство этого паркового дворца, явствующее из его названия, – отдаленность и уединенность.

Таким же конспиративным манером прибыли дядья его величества великие князья Кирилл Александрович и Симеон Александрович: первый один (на козлах сидел его дворецкий Лука Емельянович), второй с адъютантом князем Глинским (лошадьми правил самый уважаемый из всех ныне здравствующих дворецких, можно сказать, старейшина нашего цеха Фома Аникеевич).

У нас в доме о чрезвычайном происшествии кроме Семьи знали я и мадемуазель Деклик, англичане (потому что утаить от них все равно было бы невозможно) и лейтенант Эндлунг (по той же самой причине и еще потому, что у Павла Георгиевича не имелось секретов от своего беспутного друга). Слугам, живущим в доме, я ничего объяснять не стал и только запретил под каким-бы то ни было предлогом покидать пределы Эрмитажа.

Будучи природными дворцовыми служителями, они никаких вопросов задавать не стали. А московским, что квартировали над конюшней, было объявлено, что его высочество уехал погостить в Ильинское, в загородный дворец его дяди генерал-губернатора.

Екатерине Иоанновне в Петербург, разумеется, ничего сообщать не стали. Зачем зря волновать ее высочество? Да и потом, вплоть до прибытия зловещего письма, у всех нас жила надежда, что произошло какое-то недоразумение и Михаил Георгиевич в самом скором времени вернется в Эрмитаж здоровым и невредимым.

Нужно ли говорить, что ночью я почти не сомкнул глаз? Мне мерещились картины одна страшнее другой. То представлялось, что его высочество провалился в какую-нибудь неприметную, заросшую травой расселину, и я за полночь, уже в который раз, гнал слуг с факелами осматривать парк, выдумав, будто Ксения Георгиевна, гуляя, обронила алмазную сережку. Потом, уже вернувшись к себе, я вдруг представил, что Михаил Георгиевич стал жертвой какого-нибудь похотливого чудовища, охотящегося на маленьких мальчиков, и у меня от ужаса застучали зубы, так что пришлось выпить валериановых капель. Но вернее всего, конечно, выглядело предположение, что великий князь похищен сообщниками фальшивого бородача по прозвищу Меченый. Пока мы сражались с одними бандитами за Ксению Георгиевну, другие увезли беззащитного Михаила Георгиевича – тем более, что неподалеку от роковой лужайки обнаружили следы от колес еще одной кареты, и, судя по всему, свежие.

Но и эта мысль, при всей своей кошмарности менее чудовищная, чем предыдущие, была мне мучительна. Как-то сейчас его высочеству среди чужих, злых людей? Ему, маленькому Мике, нежному, балованному мальчику, который вырос в убеждении, что все вокруг его любят, что все – его друзья? Он ведь даже не знает, что такое страх, потому что ничего страшнее легкого шлепка по филейной части с ним никогда не случалось. Его высочество так открыт, так доверчив!

К мадемуазель я боялся даже подойти. Весь вечер она была словно окаменевшая и даже не пыталась оправдываться, только ломала руки и кусала губы, один раз до крови – я увидел и хотел дать ей свой платок, потому что она даже не заметила стекающей алой капли, но не решился, чтобы не ставить ее в неловкое положение. Ночью она тоже не спала – я видел свет, пробивавшийся из-под двери и слышал звук шагов. С того момента, когда ее кончил допрашивать московский обер-полицмейстер Ласовский, мадемуазель Деклик заперлась у себя в комнате. Я два, даже три раза в течение ночи подходил и прислушивался. Гувернантка всё

ходила взад-вперед, будто заведенная. Мне очень хотелось под каким-нибудь предлогом постучаться к ней и сказать, что никто не считает ее виновной в случившемся, а я так даже восхищен ее храбростью. Но стучаться к даме среди ночи было совершенно немыслимо. Да и все равно я не знал бы, как с ней говорить.

* * *

Тайное совещание в высочайшем присутствии проводилось наверху, в малой гостиной, подальше от англичан, которые, впрочем, с присущей этой нации деликатностью сразу после прибытия его величества отправились гулять в сад, хотя лил немилосердный дождь и погода к прогулкам никак не располагала.

Прислуживал я сам. Никого из лакеев допускать на это секретное собрание, разумеется, было невозможно, к тому же я в любом случае считал бы своим долгом и почетной обязанностью лично обслуживать столь блестящее общество.

Непосвященному трудно себе представить всю сложность этого высокого искусства. Тут требуются неукоснительная внимательность, идеальная расторопность и — что особенно важно — полнейшая незаметность. Ты словно превращаешься в некую тень, в человека-невидимку, которого очень скоро перестают замечать. Ни в коем случае нельзя отвлекать участников важного совещания резким движением или звуком, даже произвольным скольжением тени по столу. В такие минуты я люблю воображать себя бесплотным хозяином заколдованного замка из сказки «Аленький цветочек», потчующим дорогих гостей: напитки сами по себе наливаются в бокалы и чашки, спички вспыхивают и подносятся к сигарам без чьей-либо помощи, из пепельницы то и дело чудесным образом исчезает накопившийся пепел. Когда Симеон Александрович один раз уронил на пол карандаш (у его высочества привычка все время рисовать на бумаге чертиков и амурчиков), я был наготове — не полез под стол, что обратило бы на себя внимание, а тут же сзади протянул генерал-губернатору другой карандаш, точно такой же.

Должен с гордостью сказать, что никто из участников этого деликатнейшего и в некотором роде судьбоносного для судеб династии совета ни разу не понизил голоса — по-моему, это высшая степень отличия для слуги. Правда, разговор то и дело переходил на французский, но это происходило не из-за меня, а просто потому, что его величеству и их

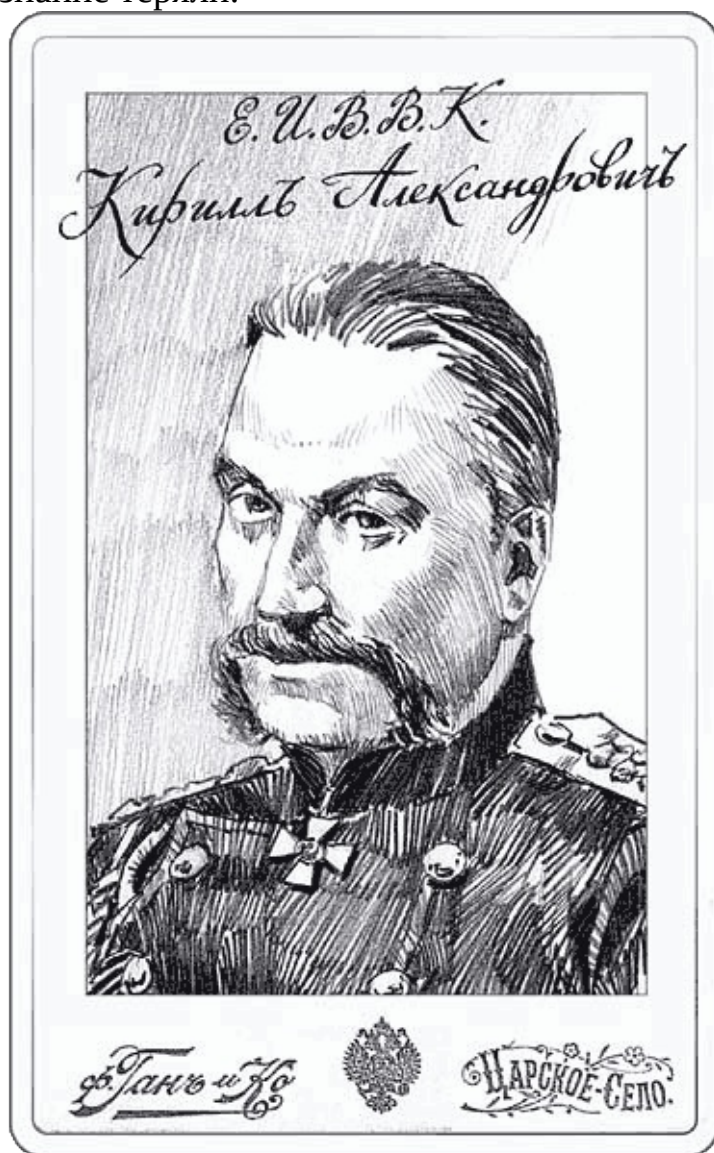
высочествам, в сущности, все равно, по-русски беседовать или по-французски. Если бы им было угодно скрыть от меня содержание той или иной части обсуждения, они заговорили бы по-английски, ибо, как я уже сообщал, мало кто из дворцовых служителей старшего поколения владеет этим наречием, а по-французски говорят почти все. Точнее, не говорят, а понимают, поскольку было бы весьма странно, если бы я, Афанасий Зюкин, вдруг обратился к кому-то из августейшей семьи или придворных на французском. Нужно знать свое место и не изображать из себя то, чем не являешься – вот золотое правило, руководствоваться которым я посоветовал бы всем, вне зависимости от происхождения и занимаемого положения.

Государь, известный своим патриотизмом, единственный из присутствующих все время говорил только по-русски. Оказалось, что его величество помнит меня по тому времени, когда я состоял при столовой покойного государя тафельдеккером. Еще внизу, у входа, император изволил сказать мне: «Здравствуйте, Афанасий Степанович. Это вы распорядились повесить балдахин с моим вензелем? Очень красиво, благодарю».

Изысканная вежливость его величества и поразительная способность запоминать имена и лица общеизвестны. Собственно, всех великих князей с раннего детства специально обучают развивать память, для этого существует особая метода, но способности его величества по этой части воистину необыкновенны. Раз увидев человека, государь запоминает его навсегда, что производит на многих огромное впечатление. Что же до вежливости, то из всей августейшей семьи только царь и царица говорят прислуге «вы». Может быть, поэтому мы, служители, испытывая к их величествам должное благоговение, в то же время не очень-то... Впрочем, молчание. О таком не говорят. И даже не думают.

Государь сидел во главе стола, был хмур и молчалив. Рядом со статными, высокими дядьями его величество казался совсем маленьким и невзрачным, почти подростком. Про нашего Георгия Александровича и говорить нечего – истинный человек-гора: красивый, тучный, с лихо подкрученными усами, да еще и в ослепительной адмиральской форме, по сравнению с которой скромный полковничий мундир императора выглядел довольно убого. Симеон Александрович, самый высокий и стройный из братьев покойного государя, со своим правильным, будто высеченным из льда лицом похож на средневекового испанского гранда. А старший, великий князь Кирилл Александрович, командующий императорской гвардией, не столь красив, как братья, но зато истинно величественен и

грозен, ибо унаследовал от венценосного деда прославленный взгляд василиска. Бывало, что некоторые провинившиеся по службе офицеры от этого взора и сознание теряли.

Юный Павел Георгиевич в присутствии дуайенов императорского дома держался тише воды ниже травы и даже не смел закурить. А еще присутствовал начальник дворцовой полиции полковник Карнович, немногословный господин очень больших возможностей и крайне скупых сантиментов. Этот и вовсе сидел не за столом, а пристроился в уголке.

В коридоре на стуле дожидался наш вчерашний спаситель господин Фандорин. Я получил приказание поселить его в доме и за неимением иного помещения разместил в детской, справедливо рассудив, что этот господин будет находиться в Эрмитаже как раз до того момента, когда Михаил Георгиевич вернется к себе. Японца я хотел было отквартировать

на конюшню, но он пожелал жить вместе со своим господином. Провел ночь на полу, подложив под голову плюшевого медведя, и, судя по лоснящейся физиономии, отлично выспался. Фандорин же не ложился вовсе, до самого рассвета всё рыскал по парку с электрическим фонарем. Обнаружил ли что-то – мне было неизвестно. Ни в какие объяснения ни с обер-полицмейстером, ни тем более со мной он пускаться не стал – сказал лишь, что доложит обо всём, что ему известно, лично государю императору.

Вот об этом-то загадочном господине и зашла речь почти сразу же после начала совещания.

То есть началось всё не с разговора, а с чтения – каждый из сидящих по очереди прочитал (или перечитал еще раз) полученное письмо, о содержании которого я еще ничего не знал.

Потом все обернулись к государю. Я затаил дыхание, чтобы в точности услышать, какими словами его величество откроет эту экстренную встречу.

Государь смущенно кашлянул, пробежал взглядом исподлобья по лицам присутствующих и тихо сказал:

– Это ужасно. Просто ужасно. Дядя Кир, что же теперь делать?

Император сказал свое слово, этикет был соблюден, и председательство как-то само собой перешло к Кириллу Александровичу, считавшемуся негласным соправителем в предшествующее царствование и еще более укрепившему свое положение при новом государе.

Его высочество медленно, веско молвил:

– Прежде всего, Ники, выдержка. От того, как ты станешь держаться, зависит судьба династии. В эти дни на тебя будут устремлены тысячи глаз, в том числе и очень, очень проницательных. Ни малейшего смятения, ни тени тревоги – ты меня понял?

Государь неуверенно кивнул.

– Мы все должны делать вид, что ничего не произошло. Я понимаю, Джорджи, – обернулся Кирилл Александрович к Георгию Александровичу, – как тебе это тяжело. Ты – отец. Но и ты, и Полли, и Ксения должны быть веселы и безмятежны. Если распространится слух, что какие-то аферисты на глазах у всего мира похитили кузена русского царя, престиж Романовых, и без того подмоченный злодейским убийством отца, будет совершенно подорван. А ведь в Москву прибывают восемь иноземных наследных принцев, четырнадцать глав правительств, три десятка чрезвычайных посольств...

Симеон Александрович, швырнув на стол карандаш, перебил старшего брата:

– Это просто бред! Какой-то доктор! Что это? Кто это? Он просто сумасшедший! «Орлова» ему подавай! Какова наглость!

Из слов московского генерал-губернатора я ничего не понял. Доктор? Орлов? Который из Орловых – обер-камергер или товарищ министра внутренних дел?

– Да-да, в самом деле, – кивнул его величество. – Известно ли что-нибудь про этого доктора Линда?

Кирилл Александрович обернулся к начальнику дворцовой полиции, которому по должности полагалось знать про всё, представляющее хотя бы мало-мальскую угрозу для августейшей фамилии, а стало быть, вообще про всё на свете.

– Что скажете, Карнович?

Полковник встал, поправил очки с синими стеклами и прошелестел совсем негромким, но удивительно отчетливым голосом:

– Преступника с таким именем на территории Российской империи до сих пор не было.

И снова сел.

Наступила пауза, и я почувствовал, что настал момент, когда я должен выйти из роли бесплотной тени.

Я осторожно кашлянул, а поскольку в гостиной царило полнейшее молчание, этот звук прозвучал достаточно явственно. Кирилл Александрович и Симеон Александрович изумленно обернулись, словно впервые заметив мое присутствие (впрочем, не исключая, что так оно и было), а Георгий Александрович, хорошо знавший, что я скорее подавлюсь собственным кашлем, чем осмелюсь без нужды привлечь внимание к своей персоне, спросил:

– Ты хочешь что-то сообщить, Афанасий?

Здесь уж на меня обратили взоры и все остальные высокие особы, к чему я совершенно не привык, так что не смог унять некоторого дрожания голоса.

– О господине Фандорине, том самом, что вчера... оказался свидетелем злодеяния. – Я справился с волнением и продолжил уже ровнее. – Сегодня утром, когда по известной причине у нас в доме наблюдалось некоторое волнение, господин Фандорин сидел на террасе и преспокойным образом курил сигару...

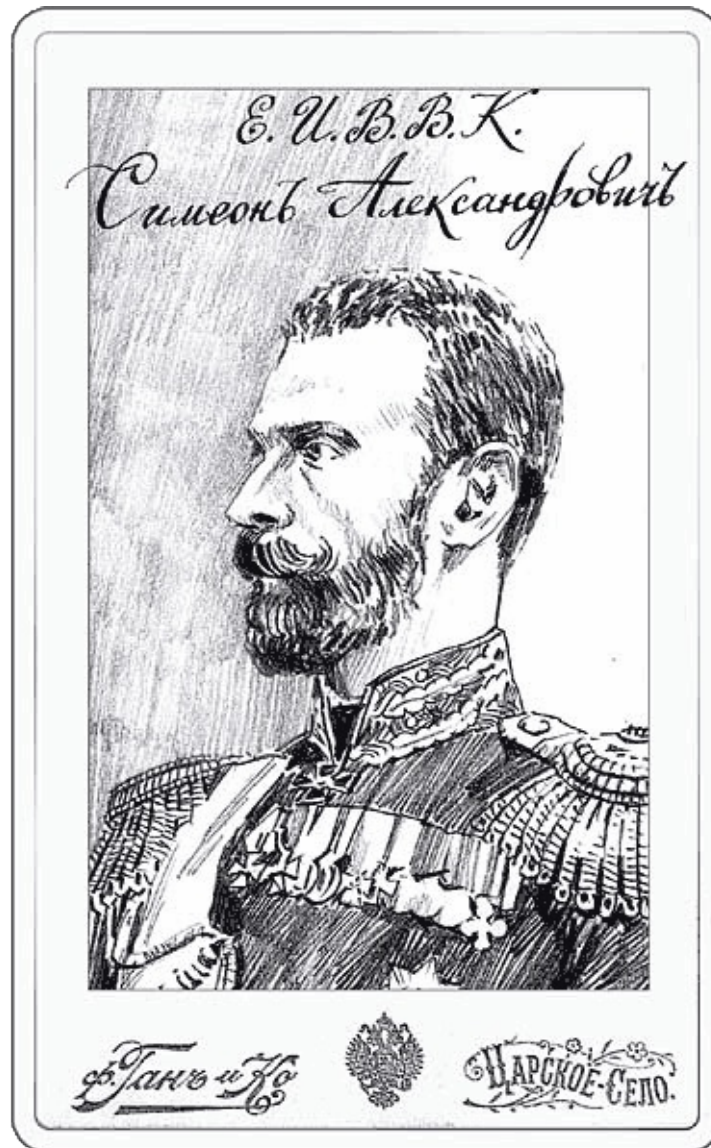
Симеон Александрович раздраженно оборвал меня:

– Ты и в самом деле полагаешь, что нам и государю императору так уж необходимо знать, как провел утро господин Фандорин?

Я немедленно умолк и поклонился его высочеству, не смея

продолжать.

– Помолчи, Сэм, – резко прикрикнул на младшего брата Георгий Александрович.

У Симеона Александровича есть несчастливая особенность – его никто не любит. Ни родственники, ни приближенные, ни москвичи, ни даже собственная супруга. Такого человека любить трудно. Говорят, покойный государь для того и назначил его генерал-губернатором в Москву, чтобы пореже видеть. И еще для того чтобы удалить от двора окружение его высочества, всех этих смазливых адъютантиков и подкрашенных секретарей. Увы, обыкновения Симеона Александровича ни для кого секретом не являются – о них судачит всё общество. Вот и сегодня, едва войдя в прихожую (и прибыл-то самым последним, уже после государя), его высочество с оживлением спросил меня: «А что это за красавчика я

повстречал сейчас на лужайке? Этакого тоненького, с желтыми волосами?» Я почтительно объяснил великому князю, что это, верно, был англичанин мистер Карр, но внутренне испытал некоторое потрясение – как можно, зная причину, по которой созвано чрезвычайное совещание, давать волю своим наклонностям? Да дело даже не в наклонностях – очень уж у его высочества характер нехорош.

– Говори дальше, Афанасий, – велел мне Георгий Александрович. – Мы все тебя внимательно слушаем.

Я не мог не отдать должное выдержанности и мужеству моего господина. Обыкновенный человек, отец похищенного ребенка, метался бы, кричал, рвал на себе волосы, а его высочество ни на миг не утратил контроля над собой, разве что курил папиросы одну за одной. В такие минуты особенно остро осознаешь, какой высокий почет и какая несказанная ответственность служить персонам императорской крови. Это особенные люди, не чета все прочим.

– Осмелюсь доложить, – продолжил я, – такая невозмутимость со стороны лица, осведомленного о случившемся несчастье, показалась мне странной. Я подошел к господину Фандорину и спросил, не удалось ли ему обнаружить в парке еще каких-нибудь следов. Он ответил: «Вторая карета, что стояла близ лужайки, с которой похитили мальчика, уехала в направлении Большой Калужской. Служитель у парковых ворот видел быстро движущийся экипаж с плотно задвинутыми шторами на окнах». «Так что же вы молчите? – говорю ему я. – Нужно немедленно сообщить в полицию!» А он мне уверенно так: «Что толку? Теперь ничего не сделаешь». И присовокупил следующее.

Тут я намеренно сделал маленькую паузу и повторил слова Фандорина в точности, как запомнил:

– «Нужно ждать письма от Линда». Да, именно так: «Нужно ждать письма от Линда». Я, признаться, не понял, про какое письмо он толкует, а последнего слова и вовсе не разобрал. Но теперь точно припоминаю, он сказал «Линд». Затем меня позвали к телефону, и разговор прервался. Однако же получается, что господин Фандорин заранее знал про письмо и про Линда. Позволю себе также обратить внимание вашего императорского величества и ваших императорских высочеств на то обстоятельство, что вчера господин Фандорин возник на месте похищения явно не случайно. Для случайного прохожего он действовал слишком решительно, говорил довольно странные вещи и опознал предводителя разбойников – назвал фамилию «Пендерецкий».

Полковник Карнович подал голос из своего угла:

– А вот про Леха Пендерецкого по прозвищу Близна я кое-что выяснил. Это один из предводителей преступного мира Царства Польского. Налетчик, вымогатель, убийца, но осторожен и ловок – до сих пор взять его с поличным не удавалось. По слухам, Близна имеет связи с уголовными сообществами многих стран Европы. Труп отправлен в морозильном вагоне на опознание в Варшаву, но, судя по приметам и данным бертильонажа, это и в самом деле Пендерецкий.

– Откуда же Фандорин знал про этого субъекта? – задумчиво произнес Кирилл Александрович.

Симеон Александрович зло усмехнулся:

– Ну, это легко выяснить. Нужно арестовать Фандорина и как следует допросить. Всё выложит. Мой Ласовский умеет языки развязывать. Как гаркнет – мне и то не по себе делается.

И его высочество засмеялся, очень довольный шуткой, но никто из присутствующих его веселья не разделял.

– Дядя Кир, дядя Сэм, – мягко сказал его величество, – вы произносите имя этого Фандорина так, как будто оно вам известно. Кто это такой?

За великих князей ответил начальник дворцовой полиции. Вынув из кармана какой-то листочек, он доложил:

– Фандорин, Эраст Петрович. Сорока лет. Православного вероисповедания. Потомственный дворянин. Кавалер... многих орденов, всех не перечислишь. Статский советник в отставке. Почти десять лет состоял чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе князе Долгоруком.

– М-да, снова Фандорин, – протянул Кирилл Александрович, глядя в окно, словно припоминая какую-то давнюю историю. – Интересно, где он пропадал все эти годы?

Из этих слов я сделал вывод, что его высочество и в самом деле знаком с отставным статским советником.

Тут оказалось, что Симеон Александрович знает этого господина еще лучше, причем, кажется, не с самой лестной стороны.

– Фандорин пять лет не показывал в Москву носа, – скривив губы, сообщил генерал-губернатор. – Знает, шельма, что у меня в городе ему делать нечего. Это, Ники, авантюрист наихудшего сорта. Коварный, изворотливый, скользкий, нечистоплотный. Как мне докладывали, убравшись из России, преуспел во всяких темных делах. Успел наследить и в Европе, и в Америке, и даже в Азии. Признаться, я слежу за перемещениями этого господина, потому что у меня к нему свой счет... Так вот, мне доносят из верных источников, что Фандорин пал ниже некуда:

ведет расследования по заказу частных лиц и не брезгует брать вознаграждение – кажется, немалое. Дело в том, что среди его *клиентов* (это слово Симеон Александрович произнес с особенной брезгливостью) попадаются и денежные тузы и даже, к сожалению, иностранные государи. За пять лет Фандорин стяжал себе этими пакостными занятиями определенную известность. Не сомневаюсь, что ему ведомы многие грязные тайны, но в нашем семейном деле мы как-нибудь обойдемся без его сомнительных услуг. У меня отлично работает полиция, и мой Ласовский выловит этого самого доктора в два счета.

– Прошу прощения вашего высочества, – с невозмутимым видом вставил Карнович, – но защита императорской семьи относится к компетенции моего ведомства, и, смею вас уверить, мы превосходно справимся с этой миссией без участия московской полиции и уж тем более без помощи сыщиков-любителей. – Полковник слегка улыбнулся и уже совсем тихо, как бы про себя, прибавил. – Тоже еще Шерлок Холмес выискался.

– О, полковник, Фандорин – очень даже не любитель, – возразил ему Кирилл Александрович. – Это необычайно способный человек. Если кто и может помочь нам в этом сложном и деликатном деле, то только он. К тому же он что-то знает про этого мерзавца Линда. Немаловажно и то, что, будучи частным лицом, Фандорин совершенно не стеснен в методах. Нет, Ники, без этого человека нам не обойтись. Я даже склонен полагать, что нам его сам Бог послал.

– Чушь! Полнейшая чушь! – Симеон Александрович отшвырнул карандаш в угол и я достал из кармана следующий. – Я решительно возражаю!

Кирилл Александрович, не привыкший к подобному обращению, да и вообще, насколько мне известно, относящийся к младшему брату с нескрываемым презрением, наклонил львиную голову и вперил в генерал-губернатора свой знаменитый испепеляющий взгляд. Симеон Александрович, в свою очередь, упрямо выпятил подбородок, отчего его холеная узкая борода сделалась похожа на корабельный бушприт, и принял самый непреклонный вид.

Возникла тягостная пауза.

– Что же мы решим с этим Фандориным? – жалобно спросил император. – Звать его сюда или нет? Попросить о помощи или арестовать?

Ни тот, ни другой его величеству не ответили, даже взглядом не повели. Тут была давняя, многолетняя вражда, начавшаяся, когда нынешнего государя еще и на свете не было. Только, как говорят по-

народному, жидковат Симеон Александрович против Кирилла Александровича. Не было случая, чтобы он взял верх над старшим братцем.

Георгий Александрович, хотя бы и в силу комплекции, гораздо покойнее и добродушнее обоих, но уж если разгневается – держись. Вот и теперь он вдруг стал наливаясь малиновой краской, весь как-то раздулся, так что я испугался, не лопнут ли крючки на воротнике, и стало ясно: сейчас грянет буря.

Его величество не видел этой страшной картины, так как смотрел на Кирилла Александровича и Симеона Александровича. Если бы видел – уж наверняка промолчал бы, а так начал примирительным голосом:

– Дядя Сэм, дядя Кир, послушайте мое мнение...

Тут-то гром и грянул. Георгий Александрович так хватил с размаху кулаком по столу, что опрокинулось два бокала, треснула кофейная чашка, перевернулась пепельница, а Симеон Александрович от неожиданности подскочил на стуле.

– Помолчи, Ники! – взревел глава Зеленого дома. – И вы оба молчите! Это мой сын похищен, мне и решать! И не забывайте, что лишь благодаря этому, как его, черт, ну этому, на «Ф», спасена моя дочь! Пусть расскажет нам всё, что знает!

И вопрос решился.

Я бесшумно выскользнул из гостиной, чтобы позвать Фандорина. Там сразу за дверью плюшевый занавес, а уж потом коридор, где было велено дожидаться «сыщику-любителю», как его назвал Карнович.

– Ваши усики – прелесть что такое. И щипчиками не обрабатываете? А фиксатуаром? – услышал я нечто странное и на всякий случай выглянул из-за портьеры – посмотреть, кто это изъясняется подобным манером.

Эраст Петрович Фандорин сидел там же, где я его оставил, закинув ногу на ногу, и перебирал в пальцах зеленые нефритовые четки. Голос принадлежал не ему, а адъютанту генерал-губернатора князю Глинскому, изящному молодому человеку с по-девичьи миловидным личиком. Про таких в народе говорят «жаль не девица, а то хоть жениться». Князь стоял над Фандориным, согнувшись, и внимательно рассматривал тонкие, аккуратные усы отставного чиновника. У самого Глинского – теперь я отчетливо разглядел – усики были напояжены, да и губы, кажется, подкрашены. Впрочем, чему удивляться?

– Нет, сударь, я фиксатуаром не пользуюсь, – учтиво ответил Фандорин, глядя на молодого человека снизу вверх и не делая ни малейшей попытки отстраниться.

– Боже, а какие у вас ресницы! – вздохнул адъютант. – Кажется, ничего бы не пожалел за такие длинные, черные, изогнутые на концах. Это ведь натуральный цвет?

– Совершенно натуральный, – все так же благожелательно уверил его Эраст Петрович.

Тут я прервал эту диговинную беседу, пригласив статского советника следовать за мной.

* * *

Удивительно, но, оказавшись перед лицом такого количества августейших особ, Эраст Петрович Фандорин не выказал ни малейшей растерянности. Легкий, но в то же время почтительный поклон, обращенный вроде бы ко всем присутствующим, но в то же время главным образом к его величеству, сделал бы честь чрезвычайному и полномочному посланнику какой-нибудь великой державы.

Кирилл Александрович, только что превозносивший достоинства Фандорина, без каких-либо приветственных слов, резко и, как мне показалось, неприязненно потребовал:

– Расскажите, что вам известно про доктора Линда и вообще про всю эту историю.

Вошедший наклонил голову, как бы давая понять, что вопрос ему понятен, но сказал совсем не то, чего от него ждали. Взгляд его холодных голубых глаз, скользнув по лицам сидящих, остановился на листке бумаги, лежавшем посреди стола.

– Я вижу, письмо п-получено. Могу ли я ознакомиться с его содержанием?

– Я предупреждал, это наглец, каких мало! – возмущенно воскликнул Симеон Александрович, но Фандорин даже не взглянул в его сторону.

Не обратил внимания на слова брата и Кирилл Александрович.

– Да, Джорджи, прочти письмо вслух. Здесь важно каждое слово.

– Да-да, – подхватил его величество. – Я бы тоже послушал еще раз.

Георгий Александрович брезгливо взял со стола листок и стал читать послание, написанное на французском:

Господа Романовы,

*Предлагаю выгодную сделку: маленького принца Романова
весом в 10 килограммов на маленького графа «Орлова» весом в*

190 карат. Обмен состоится завтра, и не вздумайте подсунуть подделку – у меня свой ювелир. Если согласны, ровно в полдень дайте ответ с семафора Александрийского дворца. Если нет, принц будет вам немедленно возвращен. Частями.

Искренне ваш,

Доктор Линд.

P.S. Прилагаю шифр для светового сигнала.

Я как раз собирался подлить его величеству кофе, да так и застыл с кофейником в руках, причем от потрясения даже пролил на пол несколько капель, чего со мной никогда в жизни не случалось. Чудовищность письма превзошла самые мои худшие опасения. Его высочество – частями? Боже, Боже...

– Что за семафор? – вот единственное, что заинтересовало в этом кошмарном послании Фандорина.

Задавать вопросы в присутствии его величества непозволительно, однако государь не только снисходительно отнесся к такому вопиющему нарушению этикета, но и с всегдашней своей любезностью ответил сам:

– Старинный, световой. Установлен на крыше дворца еще при моем прадеде, а в царствование деда оборудован электрическими огнями для темного времени и пасмурной погоды. С семафора можно посылать световые сигналы, которые видно почти из любой точки города.

Вместо того, чтобы верноподданнейше поблагодарить его величество за милостивое разъяснение, Фандорин лишь задумчиво покивал и уточнил:

– «Орлов» – это, надо полагать, т-тот самый алмаз, которым украшен императорский скипетр?

– Да, – кротко подтвердил государь. – Тот самый, купленный графом Орловым в Амстердаме в 1773 году по поручению Екатерины Великой.

– Невозможно, совершенно немыслимо, – отрезал Симеон Александрович. – Ни о каком обмене не может быть и речи. Это же реликвия!

– Невозможно, – согласился Кирилл Александрович. – Через пять дней торжественный вынос государственных регалий, еще через два дня – коронация. Без скипетра церемония не состоится. Любые деньги – пускай, но «Орлова» ни в коем случае.

Все, словно сговорившись, обернулись к Георгию Александровичу, чье мнение, мнение отца, имело здесь особенную важность.

И великий князь оказался достоин своего положения и звания. На его глаза навернулись слезы, рука непроизвольно оттянула тугой воротник, но голос его высочества был тверд:

– Невозможно. Жизнь одного из великих князей, пусть даже... моего сына (здесь голос Георгия Александровича все-таки дрогнул) не может быть выше интересов монархии и государства.

Вот что я называю августейшим величием – это вершина, достичь которой способны лишь те, кто отмечен и избран Богом. Социалисты и либералы пишут в своих газетенках и листовках, что императорский дом купается в роскоши. Это не роскошь, это сияющий ореол российской государственности, и каждый из членов императорской фамилии во имя России готов пожертвовать собственной жизнью и жизнью тех, кого любит.

Комната заколыхалась у меня перед глазами, радужно переливаясь, и я заморгал, стряхивая с ресниц слезы.

– А что если заменить алмаз стразом? – раздался из угла голос полковника Карновича. – Можно изготовить такую копию, что не отличишь.

– За столь короткий срок изготовить п-подделку такого уровня невозможно, – ответил ему Фандорин. – К тому же Линд пишет, что у него имеется собственный ювелир.

Кирилл Александрович пожал плечами:

– Я одного не понимаю, зачем ему непременно понадобился «Орлов»? Ведь этот камень бесценен, а стало быть, не имеет рыночной цены. Он известен во всем мире, его даже не продашь.

– Отчего же, ваше высочество, – возразил полковник. – Можно распилить его на три-четыре больших алмаза и несколько десятков средних и мелких.

– И за сколько всё это можно продать?

Карнович покачал головой, не зная, что ответить.

– Я в этом немного разбираюсь, – сказал Фандорин. – Три больших алмаза, каратов по пятьдесят, могут стоять примерно по полмиллиона рублей золотом каждый. Мелкие – ну, п-предположим, еще полмиллиона.

– Два миллиона? – просветлел лицом император. – Но мы не пожалеем за нашего дорогого Мику этой суммы!

Фандорин вздохнул:

– Ваше величество, дело здесь вовсе не в двух миллионах. Я манеру Линда знаю. Это шантаж, причем г-гораздо большего масштаба, чем кажется на первый взгляд. Речь идет не просто о жизни одного из одиннадцати кузенов вашего величества. Линд покушается именно на

коронацию, отлично понимая, что без «Орлова» церемония невозможна. А жизнь мальчика – лишь средство д-давления. Смысл угрозы даже не в убийстве великого князя, а в том, что Линд сорвет коронацию и опозорит Россию и династию Романовых на весь мир, подбросив части тела мальчика в самые людные места.

У всех присутствующих, включая и меня, вырвался стон ужаса, а Фандорин неумолимо продолжал:

– Вы говорили, ваше высочество, что во всем мире не сыщешь п-покупателя на «Орлова». Но покупатель уже есть, причем такой, который не может отказаться от покупки. Этот покупатель – дом Романовых. По сути дела, вам придется выкупить у Линда не великого князя, а алмаз «Орлов», причем по той цене, которую назначит похититель, ведь заодно с камнем на кон поставлены к-коронация и престиж монархии. Боюсь, это обойдется не в два миллиона. Много, много дороже. И это еще не самое худшее. – Фандорин мрачно опустил голову, и я увидел, что его руки сжались в кулаки. – Вы заплатите за сохранение камня и возвращение великого князя, но Линд не отдаст ребенка живым. Это не в правилах доктора...

Наступила зловещая тишина, но всего на несколько мгновений, потому что Павел Георгиевич, до сей минуту тихо сидевший в самом конце стола, вдруг закрыл лицо ладонями и зарыдал.

– Полли, возьми себя в руки, – сурово сказал ему Кирилл Александрович. – А вы, Фандорин, перестаньте нас пугать. Лучше расскажите про Линда.

* * *

– Это самый опасный преступник на свете, – так начал Фандорин свой рассказ. – Не знаю, п-почему его называют «доктором». Быть может, из-за того, что он обладает знаниями в самых неожиданных областях. Например, владеет множеством языков. Возможно, и русским – я бы этому не удивился. Про Линда очень мало д-достоверных сведений. Очевидно, он относительно молод, потому что еще десять лет назад про него никто не слышал. Откуда он родом – неизвестно. Вероятнее всего, американец, потому что самые первые деяния, доставившие ему славу дерзкого и б-безжалостного злодея, Линд совершил в Северо-Американских Соединенных Штатах. Он начинал с ограбления банков и почтовых вагонов, а позднее п-превосходно освоил шантаж, вымогательство и

похищение людей.

Фандорин говорил, глядя на стол, будто видел в его полированной поверхности отражение каких-то картин из прошлого, доступных лишь его взору.

– Итак, что же я все-таки знаю про этого человека? Он убежденный женоненавистник. Около него никогда не б-бывает женщин – ни любовниц, ни подруг. Шайка Линда – это исключительно мужской круг. Если угодно, мужское братство. Доктор словно лишен обыкновенных человеческих слабостей, и из-за этого выйти на его след никому еще не удавалось. Подручные Линда преданы ему по-собачьи, а это в преступных сообществах встречается крайне редко. Я дважды захватывал людей доктора живьем, и оба раза ничего не добился. Один получил пожизненную каторгу, другой наложил на себя руки, но своего главаря они не выдали... Связи Линда в международных криминальных сферах поистине безграничны, авторитет огромен. Когда ему требуются специалисты какого угодно п-профиля – медвежатники, наемные убийцы, граверы, гипнотизеры, взломщики – высшие «мастера» уголовных наук считают за честь оказать ему услугу. Я полагаю, что доктор б-баснословно богат. Лишь за то время, что я им занимаюсь – а это немногим более полутора лет – и лишь по тем делам, которые мне известны, он прибрал к рукам не менее десяти миллионов.

– Франков? – заинтересованно спросил Георгий Александрович.

– Я имел в виду д-доллары. Это примерно двадцать миллионов рублей.

– Двадцать миллионов! – Его высочество даже задохнулся. – А мне казна выделяет жалких двести тысяч в год! Это же в сто раз меньше! И он, мерзавец, еще смеет требовать у меня денег!

– Не у вас, дядя Джорджи, – сухо заметил государь. – У меня. «Орлов» – собственность короны.

– Ники, Джорджи! – прикрикнул на обоих Кирилл Александрович. – Продолжайте, Фандорин.

– У меня было две встречи с доктором Линдом, – сказал Эраст Петрович и запнулся.

В комнате стало очень тихо, только скрипнул стул под полковником Карновичем, так и подавшимся вперед всем телом.

– Право, не знаю, можно ли это назвать «встречами», потому что в лицо мы друг друга не видели. Я был загримирован, Линд – в маске... Наше знакомство состоялось полтора года назад, в Нью-Йорке. Быть может, русские газеты писали о похищении двенадцатилетнего сына миллионера Бервуда? В Америке эта история не сходила с п-первых страниц целый

месяц... Мистер Бervуд попросил меня исполнять обязанности посредника при передаче выкупа. Я потребовал от похитителей, чтобы мне сначала показали пленника. Линд сам повел меня в потайную к-комнату. Доктор был в черной маске, закрывавшей почти всё лицо, длинном плаще и шляпе. Поэтому я заметил лишь, что он среднего роста и что у него усы – впрочем, возможно, наклеенные. Он не произнес при мне ни единого слова, так что г-голоса его я тоже не слышал. – Фандорин сжал губы, словно борясь с волнением. – Мальчик сидел в комнате живой, с заклеенным ртом. Линд позволил мне подойти к нему, а после вывел меня в коридор, запер дверь на три замка и вручил мне ключи. Согласно предварительной договоренности, я передал ему выкуп – перстень Клеопатры ценой в полтора миллиона долларов – и приготовился к схватке, поскольку их было семеро, а я один. Но Линд внимательно осмотрел перстень в лупу, кивнул и удалился в сопровождении своих людей. Я долго возился с замками, так как открывать их оказалось труднее, чем закрывать, а когда, наконец, проник в комнату, Бervуд-младший был мертв.

Эраст Петрович снова сжал губы, так что они побелели, и умолк надолго. Все терпеливо ждали, пока он совладает с собой – августейшие особы снисходительны к простым смертным, не обладающим их сверхъестественной выдержкой.

– Я не сразу понял, почему мальчик так неподвижен и низко склонил голову. Лишь подойдя вплотную, увидел, что прямо в сердце ему воткнут тонкий стилет! Я не поверил своим г-глазам. Ведь накануне я, ожидая подвоха, тщательнейшим образом осмотрел помещение в поисках замаскированного люка или потайной дверцы и ничего подозрительного не обнаружил. Только потом я вспомнил, как Линд, пропуская меня вперед, задержался возле стула – на секунду, не более. Но ему хватило и этой секунды. Какая точность удара, какой хладнокровный расчет!

Мне показалось, что в тоне Фандорина помимо горечи и лютой, не приглушенной временем ярости звучит невольное восхищение ловкостью этого сатанинского доктора.

– С тех пор я оставил все прочие д-дела – до тех пор, пока не рассчитаюсь с доктором. Не скрою, существенную роль в этом решении сыграло уязвленное самолюбие и пятно, оставленное на моей репутации всей этой историей. Но не только самолюбие... – Фандорин нахмурил высокий лоб. – Этого человека нужно остановить, потому что он – истинный гений зла, наделенный богатейшей фантазией и беспредельным честолюбием. Иной раз мне кажется, что он поставил себе целью стяжать славу величайшего преступника во всей человеческой истории, а к-

конкурентов на этом поприще у Линда, слава богу, хватает. Я чувствовал, что рано или поздно он устроит какую-нибудь катастрофу национального, а то и международного размаха. Именно это ныне и произошло...

Он снова замолчал.

– Садитесь, Эраст Петрович, – пригласил Кирилл Александрович, и я понял, что речь Фандорина, очевидно, произвела на его высочество благоприятное впечатление – отставного статского советника уже не допрашивали, с ним беседовали. – Расскажите, как вы охотились на доктора Линда.

– Сначала я перевернул вверх дном весь Нью-Йорк, но лишь вынудил доктора перенести свою ставку из Нового Света в Старый. Не стану утомлять ваше величество и ваши высочества описанием своих поисков, но полгода спустя мне удалось выйти на логово Линда в Лондоне. И я увидел доктора во второй раз – вернее, лишь его тень, убегающую от преследователей по т-туннелю лондонского метрополитена и отстреливавшуюся с поразительной меткостью. Доктор двумя выстрелами уложил наповал двух констеблей из Скотланд-Ярда, а третьей пулей чуть не отправил на тот свет меня. – Фандорин приподнял прядь черных волос со лба, и стало видно шрам, прочертивший узкую белую полосу на его виске. – Ерунда, скользнуло по касательной, но я на минуту лишился сознания, и за это время Линд оторвался от погони... Я шел за ним по пятам из страны в страну, и всё время чуть-чуть опаздывал. А в Риме – это было без малого полгода назад, доктор как в воду канул. Лишь две недели тому я узнал из одного верного источника, что знаменитый варшавский бандит Близна похвастался в тесной компании, будто сам доктор Линд приглашает его в Москву для какого-то очень крупного дела. Будучи российским подданным.

Пендерецкий хорошо знал преступный мир Москвы – и хитровский, и сухаревский. Должно быть, именно в этом качестве он и понадобился Линду, никогда раньше в России не действовавшему. Я все ломал себе голову, чем это доктора привлекла патриархальная Москва. Теперь-то ясно...

– Исключено, совершенно исключено! – сердито произнес Симеон Александрович, обращаясь не к Фандорину, а к его величеству. – Мои хитрованцы и сухаревцы никогда не приняли бы участия в злодейском нападении на царскую фамилию! Украсть, зарезать – сколько угодно. Но верность престолу у этих апашей в крови! Мой Ласовский не раз с успехом использовал уголовников для поимки террористов. К примеру, на время коронационных торжеств он заключил своего рода джентльменское

соглашение с главарем всех хитрованских воров, неким Королем, что полиция не станет задерживать карманников, но взамен те должны немедленно доносить об оружии и прочих подозрительных предметах, обнаруженных в карманах публики. Король охотно согласился на это условие, заявив, что и сам в некотором роде является самодержцем, а монархи должны помогать друг другу. Не поручусь, что именно в этих словах, но смысл их был именно таков.

Это сообщение несколько разрядило мрачное настроение собравшихся, а поощренный улыбками Симеон Александрович с лукавым видом еще и добавил:

– Свое обещание хитрованское величество скрепил формулой: «Сявкой буду». Ласовский говорит, что это самая убедительная бандитская клятва.

– Как-как? – заинтересовался государь. – «Сявкой буду?» Сявка – это беспородная собака, да? Расскажу Алисе, ей понравится.

– Ники, Сэм, – сурово молвил Кирилл Александрович, – давайте-ка дослушаем господина Фандорина.

– Король – не единственный из хитрованских предводителей и уж во всяком случае никак не с-самодержец. – Хоть Эраст Петрович и отвечал на реплику генерал-губернатора, но тоже смотрел не на него, а на императора. – Поговаривают даже, что дни Короля сочтены, что не сегодня-завтра его «распишут», то есть умертвят так называемые «отвязки» – молодые, нахрапистые бандиты, которые начинают задавать тон на Хитровке и Сухаревском рынке. Есть банда Ранета, промышляющего новым делом – торговлей опиумом, есть некий Хрящ – этот п-профилируется по «мокрым» и вымогательству, появился еще некий Культя, у которого в банде конспирация и дисциплина почище, чем в неаполитанской Каморре.

– Культя? – удивленно переспросил император. – Какое странное имя.

– Да. К-колоритный персонаж. У него ампутирована правая кисть, и культя заканчивается пластиной, куда, в зависимости от надобности, он ввинчивает то ложку, то крюк, то нож, то цепочку с железным яблоком на конце. Говорят, страшное оружие, бьет насмерть. «Отвязки», ваше величество, вообще крови не боятся, воровских законов не признают, и Король им не указ. Полагаю, что Пендерецкий связан с кем-нибудь из них. Я следил за Меченым и его людьми с самой Варшавы, но очень осторожно, чтобы не спугнуть. Он дважды побывал на Хитровке в кабаке «Зерентуй», а кабак этот известен тем, что магара Королю не платит. Я всё надеялся, что Меченый выведет меня на доктора, но тщетно. За десять дней, что

варшавяне провели в Москве, Пендерецкий каждый день навещался на почтамт, в окошко «Корреспонденция до востребования», много вертелся вокруг Александрийского дворца и Нескучного сада. По меньшей мере четырежды перелезал через ограду и бродил по парку вокруг Эрмитажа. Как я понимаю теперь – присматривал удобное место для засады. Вчера с полудня он и его молодцы торчали возле выезда из сада на Большую Калужскую, рядом дожидалась карета. В седьмом часу из ворот выехал экипаж с великокняжеским гербом, и варшавяне п-пристроились сзади. Я понял, что дело близится к развязке. Мы с моим помощником на двух извозчиках следовали сзади. Потом из великокняжеского экипажа вышли две дамы, мальчик и человек в зеленом камзоле. – Фандорин взглянул в мою сторону. – Пендерецкий, успевший нацепить фальшивую бороду, так что я его не сразу и узнал, пошел за ними. Карета с остальными бандитами тихонько ехала сзади. Тогда мы с помощником зашли с д-другой стороны, и я пошел навстречу гуляющим. Все высматривал, не появится ли Линд...

Эраст Петрович сокрушенно вздохнул.

– Как я мог так п-просчитаться! В голову не пришло, что карет не одна, а две. Ну, конечно. Линд приготовил две кареты, потому что собирался похитить и девушку, и мальчика, а потом развезти их по отдельным тайникам. Потому-то Меченый и схватил только великую княжну. Для великого князя была предназначена вторая карета. Наверняка и Линд был там, что меня особенно бесит. Гувернантка невольно облегчила похитителям задачу, отнеся ребенка именно туда, где пряталась в 3-засаде вторая группа похитителей. Их план удался только наполовину, но это мало что меняет. Линд все равно взял Россию за горло...

При этих словах его величество с видом крайнего беспокойства заозирался по сторонам, зачем-то оглядывая углы гостиной. Я сделал маленький шаг вперед, пытаюсь угадать желание императора, но не хватило соображения.

– Скажите, дядя Джорджи, где у вас тут икона? – спросил монарх.

Георгий Александрович недоуменно взглянул на племянника и пожал плечами.

– Ах, Ники, ради бога! – поморщился Кирилл Александрович. – Только без «помазанника Божия». Тебя, кстати, еще и не помазали. А если коронация будет сорвана, то и не помажут.

Его величество ответил на это с видом глубокой убежденности:

– Я не вижу, что тут может помочь кроме молитвы. Всё в руке Всевышнего. Если Он решил устроить мне, слабому и недостойному, такое испытание, значит, в этом есть некий великий смысл. Надо довериться Его

воле, и Он даст избавление.

Я вспомнил, что видел в кабинете его высочества какой-то закопченный образок с потемневшей от старости лампадкой. Неслышно ступая, отлучился на минутку и понес государю икону – только предварительно протер салфеткой.

Пока император с искренним чувством и даже со слезами на глазах произносил слова молитвы, великие князья терпеливо ждали, только Симеон Александрович, позевывая, полировал бархоточкой и без того безупречные ногти.

– Мы можем продолжать, Ники? – бесстрастно спросил Кирилл Александрович, когда государь, в последний раз перекрестившись, вернул мне образ. – Итак, подведем скорбные итоги. Мика похищен жестоким и хитроумным преступником, который угрожает не только умертвить мальчика, но и сорвать всю коронацию. Что здесь можно сделать помимо упований на помощь Всевышнего?

Карнович, приподнявшись, прошелестел из своего угла:

– Найти его высочество и вызволить из плена.

– Прекрасно, – обернулся к нему Кирилл Александрович и язвительно кивнул. – Ищите, полковник. Господин Линд дал нам срок до полудня. В вашем распоряжении целых полтора часа.

Начальник дворцовой полиции снова опустился на стул.

Здесь впервые за все время заговорил Павел Георгиевич. С искаженным, еще не просохшим от слез лицом он сказал дрожащим голосом:

– А может быть, отдать? Ведь Мика – живой, а «Орлов» в конце концов – всего лишь камень...

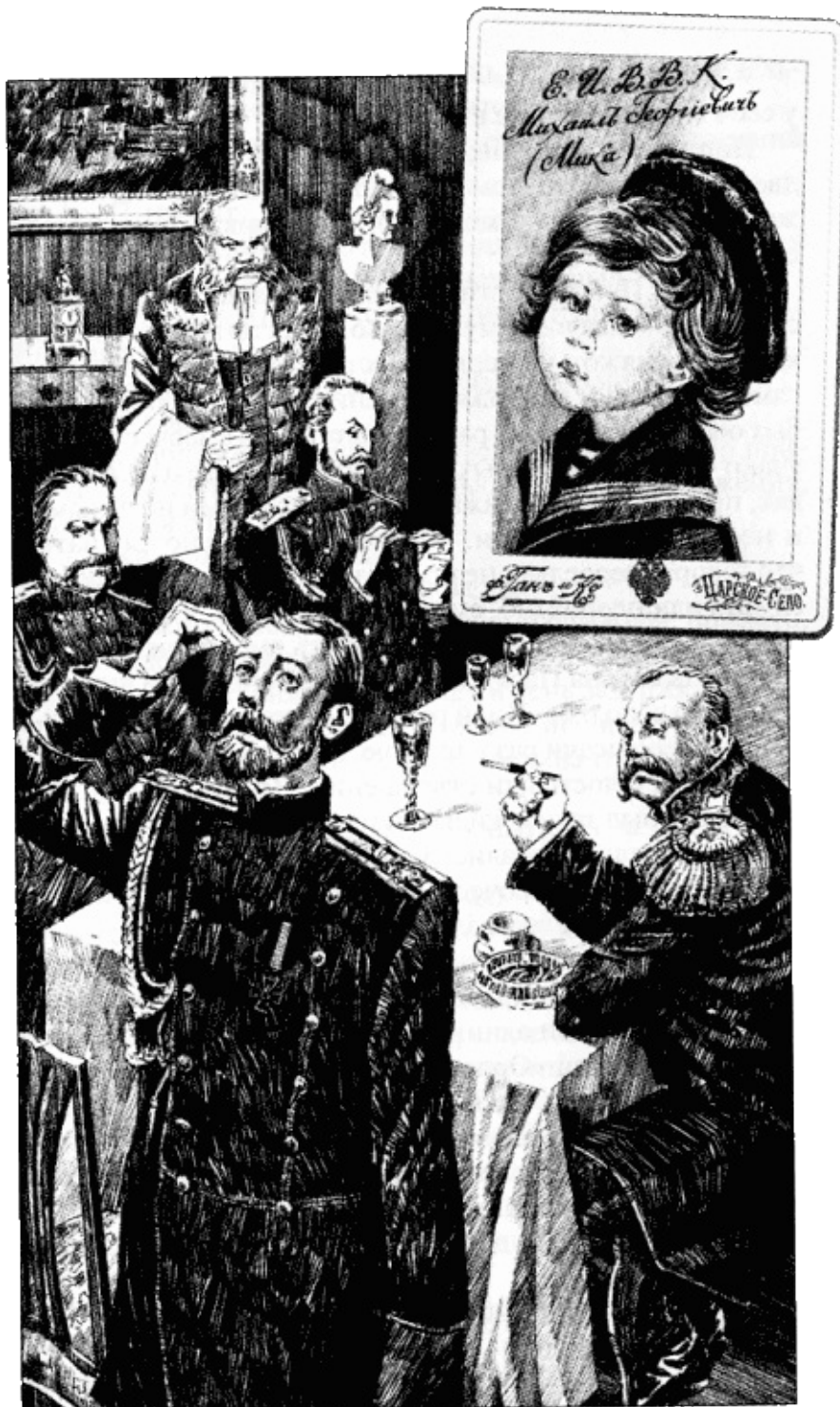
Вечные противники Кирилл Александрович и Симеон Александрович воскликнули хором:

– Нет!

– Ни за что!

Государь с состраданием взглянул на кузена и мягко сказал:

– И потом, Полли, господин Фандорин весьма убедительно пояснил, что передача алмаза нашего Мику все равно не спасет...

Павел Георгиевич всхлипнул и некрасиво, рукавом, вытер щеку.

— Выйди, Полли, — строго проговорил отец. — Жди у себя в комнате. Мне стыдно за тебя.

Порывисто вскочив, Павел Георгиевич выбежал за дверь. Я и сам с трудом удерживал невозмутимое выражение лица, хотя на меня, конечно,

никто и не думал смотреть.

Бедный Павел Георгиевич, бремя августейшей ответственности давалось ему нелегко. В воспитании великих князей и княжон на первом месте стоит вырабатывание самоконтроля и выдержки, умения владеть собой в любых обстоятельствах. С раннего детства их высочеств приучают сидеть на длинных и утомительных парадных обедах, причем нарочно сажают рядом с самыми неумными и несносными гостями. Нужно внимательно слушать, что говорят взрослые, не подавать виду, что их общество скучно или неприятно, смеяться их шуткам, и чем глупее острота, тем искренней должен быть смех. А чего стоит христосование на Пасху с офицерами и нижними чинами подшефных полков. Иной раз приходится совершить лобзание более тысячи раз в течение двух часов! И не дай бог выказать усталость или отвращение. Но Павел Георгиевич всегда был таким живым и непосредственным мальчиком, ему плохо давались упражнения на выдержку, да и теперь, хоть его высочество и достиг совершеннолетия, ему еще многому следовало научиться.

После того, как за великим князем хлопнула дверь, воцарилось долгое, мрачное молчание. Все вздрогнули, когда часы пробили одиннадцать без четверти.

– Однако если «Орлова» не отдать, – встрепнулся его величество, – этот Линд убьет Мику, и завтра подкинет тело на Красную площадь или к Храму Христа Спасителя. Это выставит меня, русского царя, на позор перед всем цивилизованным миром!

– А с тобой и весь дом Романовых, – заметил Симеон Александрович.

Кирилл Александрович хмуро прибавил:

– И всю Россию.

– Бог свидетель, – горестно вздохнул государь, – я никогда не желал короны, но таков уж, видно, мой крест. Недаром я появился на свет в день Иова Многострадального. Господи, научи, вразуми, что делать?

За Господа ответил Фандорин, отчетливо произнесший единственное слово:

– П-прокат.

– Что? – удивленно приподнял брови его величество.

Мне тоже показалось, что я недослышал.

– Нужно взять «Орлова» у Линда напрокат до окончания к-коронации.

Симеон Александрович покачал головой:

– Он бредит!

Старший же из великих князей сосредоточенно прищурился, силясь вникнуть в смысл дикого предложения. Не вник и спросил:

– Как так «напрокат»?

Фандорин хладнокровно пояснил:

– Нужно сообщить Линду, что его условие принято, однако до коронации по понятным причинам исполнено быть не может. Посему за каждый день задержки доктор будет получать некую сумму, весьма значительную – мы как бы возьмем у него «Орлова» напрокат. До коронации ведь еще неделя?

– Но что нам это даст? – схватился за пышный ус Георгий Александрович.

– Как что, Джорджи, – время! – воскликнул Кирилл Александрович. – Целую неделю времени!

– И вероятность спасения ребенка, – добавил Фандорин. – Наше условие будет т-такое: взносы передаются ежедневно, и при каждой передаче мы должны иметь несомненное доказательство того, что мальчик жив. Это семь лишних д-дней жизни для его высочества. И семь шансов зацепить ниточку, которая выведет нас к доктору. Как бы ни был хитер Линд, он может допустить ошибку. Я буду начеку.

Георгий Александрович вскочил, выпрямившись во весь свой немалый рост.

– Да, теперь я вижу, что это отличная мысль!

Идея и в самом деле выглядела весьма удачной – даже Симеон Александрович не нашелся, что против нее возразить.

– А в посредники я определю самого толкового из своих агентов, – предложил Карнович.

– У меня в Охранном есть настоящие львы, – немедленно вскинулся московский генерал-губернатор. – И отлично знают город, не то что ваши царскосельские шаркуны.

– П-полагаю, будет лучше, если в роли посредника выступлю я, – тихо проговорил Эраст Петрович. – Разумеется, в каком-нибудь маскараде. Я хорошо знаю и Москву, и повадки Линда.

Кирилл Александрович положил конец спору, твердо заявив:

– Это мы решим после. Главное, что у нас появился хоть какой-то план действий. Ники, ты его тоже одобряешь?

Вопрос был задан явно для формы, ибо не бывало случая, чтобы его величество возражал против чего-то, одобренного старшим из своих дядьев.

– Да-да, дядя Кир, целиком и полностью.

– Отлично. Полковник, садитесь, берите шифр и составляйте послание... – Его высочество, заложив руки за спину, прошелся по

гостиной. – «Согласны. Нужна отсрочка в семь дней. За каждый день готовы выплачивать по сто... нет, по двести тысяч рублей. Передача порциями, ежедневно, в любом месте и в любое время, но с непременным предъявлением пленника». Ну как? – спросил он, причем не у своих августейших родственников, а у Фандорина.

– Неплохо, – предерзко ответил тот командующему императорской гвардией. – Но я бы п-прибавил: «Иначе сделка не состоится». Линд должен понять, что мы признаем его карту сильной и готовы заплатить дорогую цену, но вить из себя веревки не дадим.

* * *

Высокие гости не разъехались и после принятия трудного решения, ибо Фандорин высказал твердое убеждение, что ответ от Линда последует в самом скором времени: такими же световыми сигналами, телеграфом (в Александрийском дворце имелся аппарат), телефонным звонком или каким-нибудь совершенно необычным способом. Эраст Петрович сказал, что однажды в подобных обстоятельствах послание от доктора влетело в окно вместе со стрелой, пущенной с большого расстояния.

Подумать только – самодержец всероссийский, генерал-адмирал флота, командующий гвардией и московский генерал-губернатор терпеливо ожидали, когда им соблаговолит ответить какой-то проходимец! Уверен, что ничего подобного в русской истории не происходило со времен тильзитских переговоров с Корсиканцем, но Бонапарт по крайней мере был император.

Чтобы не терять времени даром, великие князья стали инструктировать высочайшего племянника по части приема иноземных послов и августейших особ, прибывающих на торжества. Именно в этих встречах и состоит главный политический смысл коронации, ибо под видом протокольных аудиенций нередко решаются многие деликатнейшие вопросы межгосударственных отношений, делаются ответственные дипломатические демарши, составляются новые альянсы.

Безусловно, его величество был еще слишком неопытен в подобных тонкостях и нуждался в наставлении. Не говоря уж о том, что покойный государь, бывший не очень высокого мнения об умственных способностях цесаревича, не считал нужным посвящать его в секреты высшей дипломатии. К примеру, новый император лишь после вступления на престол, да и то не сразу, узнал, что направление русской внешней

политики тайным образом повернулось в совершенно противоположную сторону: хотя по видимости мы остаемся другом его величества кайзера, нами заключен негласный оборонительный союз со злейшим врагом германцев Францией. И это был далеко не единственный сюрприз для молодого наследника.

Инструктаж носил весьма щекотливый характер, и я, убедившись, что на столе есть все необходимое, счел за благо удалиться. Щекотливость состояла не столько даже в секретности сведений, сколько в сугубо родственном тоне, который приняла беседа. Дело в том, что его императорское величество не очень быстро усваивал сказанное, и августейшие дядя стали терять терпение, иногда употребляя в адрес племянника выражения, возможно, допустимые между близкими родственниками, но немыслимые в присутствии слуг.

Что ж, у меня были собственные гости, хоть и менее именитые, но несравненно более взыскательные. Устроив господина Фандорина, полковника Карновича и князя Глинского в большой гостиной, где мой помощник Сомов подал им кофе и сигары, я отправился в лакейскую, маленькую уютную комнатку на первом этаже, расположенную по соседству с кухней. Там пили чай дворецкий генерал-губернатора Фома Аникеевич, дворецкий старшего из великих князей Лука Емельянович, камердинер его величества Дормидонт Селезнев и фандоринский японец Маса. Я попросил мадемуазель Деклик время от времени заглядывать к моим гостям, чтобы они не чувствовали себя покинутыми – и еще для того, чтобы чем-нибудь занять бедную женщину, раздавленную обрушившимся на нее несчастьем. Отлично знаю по собственному опыту, что в минуту тяжких нравственных страданий нет лучшего средства, чем исполнение светских обязанностей. Помогает держать себя в руках.

Войдя в лакейскую, я обнаружил там кроме бледной, но по видимости совершенно спокойной гувернантки, еще и мистера Фрейби, сидевшего чуть поодаль от всей компании с неизменной книжкой в руках. Впрочем, удивляться тут было нечему. На улице шел дождь, английские джентльмены отправились на свой вынужденный променада, и мистеру Фрейби, должно быть, прискучило сидеть у себя в комнате. Всякому дворецкому известно, что лакейская – это нечто вроде гостиной или, выражаясь на британский манер, клуба для старшей прислуги.

В первый миг присутствие англичанина меня расстроило, поскольку я намеревался провести с моими гостями собственный тайный совет, однако сразу же вслед за тем я вспомнил, что мистер Фрейби не понимает по-русски ни единого слова. Что ж, пусть сидит читает.

Обслуживал нас новый лакей Липпс, в опытности и вышколенности которого я уже имел возможность убедиться. Он и сам превосходно понимал, какому важному экзамену сейчас подвергается, и делал всё безукоризненно – я следил за ним со всей возможной придирчивостью, но никаких оплошностей не заметил. Я велел Липпсу находиться за дверью, ибо разговор для его ушей не предназначался, и когда нужно было что-то принести или убрать, звонил в колокольчик. Чухонец быстро, но без спешки – то есть именно так, как положено – исполнял требуемое, и снова исчезал за дверью.

Более строгих и понимающих ценителей лакейского искусства, чем мои гости, верно, было не сыскать во всем белом свете. В особенности это касалось почтенного Фомы Аникеевича.

Следует пояснить, что у нас, слуг, своя иерархия, зависящая отнюдь не от статуса наших господ, а исключительно от опыта и достоинств каждого. И по этой иерархии главным из нас вне всякого сомнения являлся Фома Аникеевич, дворецкий его высочества Симеона Александровича, самого младшего из августейших дядьев. С Лукой Емельяновичем мы были примерно на равных, а вот Дормидонт, царский камердинер, при всем блеске занимаемой им должности почитался в нашем кругу еще подмастерьем. Он и сам знал свое место, сидел скромно, не откидываясь на спинку стула, старался поменьше говорить и побольше слушать. Общее мнение на его счет было такое: способный, наблюдательный, умеет учиться и далеко пойдет. Из хорошей дворцовой семьи, да оно и по имени-отчеству видно – Дормидонт Кузьмич. Все наши, из природных служителей, получают при крещении самые простые, старинные имена, чтоб в мире был свой порядок и всякое человеческое существо имело прозвание согласно своему назначению. А то что за лакей или официант, если его зовут каким-нибудь Всеволодом Аполлоновичем или Евгением Викторовичем? Один смех да путаница.

За полтора года нового царствования Дормидонт изрядно вырос в мнении дворцовых знатоков. Чего стоит хотя бы тот случай в Ливадии, сразу после кончины прежнего государя, когда новый император, пребывая в расстроенных чувствах, едва не вышел к соболезнующим в погонах и без черного банта. Селезнев поймал его величество за локоть, когда уже распахнулись двери, и в пять секунд поменял погоны на эполеты, да еще успел прикрепить к аксельбанту траурный креп. То-то был бы конфуз!

Но, конечно, до таких орлов, как Фома Аникеевич или покойный Прокоп Свиридович ему еще далековато. Фоме Аникеевичу выпал тяжкий крест – состоять при такой особе, как Симеон Александрович. Одно слово

– не позавидуешь. Сколько раз Фома Аникеевич уберегал его высочество от стыда и срама! Если у генерал-губернаторской власти в Москве еще сохраняется хоть какой-то авторитет, то лишь благодаря великой княгине Елизавете Феодоровне да дворецкому.

А про Прокопа Свиридовича, служившего камердинером при Александре Освободителе, в нашем кругу рассказывают легенды.

Один раз в балканскую кампанию, аккурат во время третьей Плевны, шальная турецкая граната упала прямо перед государем, который как раз изволил полдничать. Прокоп Свиридович, как полагается, стоял рядышком, держал поднос. На подносе чашка бульону, булочка и салфетка.

А тут откуда ни возьмись огненный шар! Упал в малую, поросшую травой ямку – шипит там, прыгает, дымом плюется, сейчас шарахнет. Вся свита вокруг так и замерла, один только камердинер не растерялся: не уронив подноса, сделал два мелких шажка к ямке и бульоном на гранату! Фитиль-то и погас. Тут самое примечательное, что его величество, увлеченный закуской, этого маленького происшествия вовсе не заметил и только удивился, что в поданной чашке так мало бульону. Комиссарову за то, что пистолет цареубийцы Каракозова отвел, было дворянское звание пожаловано, а Прокопу Свиридовичу – как говорят в народе, кукиш с хреном, потому что никто из свидетелей, дежурных генералов и флигель-адъютантов, ничего царю не объяснил. Устыдились, что камердинер решительнее и смелее их оказался, а сам Прокоп Свиридович был не таков, чтоб заслугами хвастать.

Но еще большую отвагу этот выдающийся служитель проявил на ином фронте, интимном. Можно сказать, сохранил мир и спокойствие в августейшей семье. Однажды в день ангела императрицы его величество совершил оплошность – вынимая из кармана подарок, кольцо с большим сапфиром в виде сердечка и инициалами государыни, выронил на пол другое, точно такое же, только с инициалами княгини Тверской.

– Что это, Сэнди? – спросила императрица, близоруко прищурившись на покатавшийся по ковру маленький кружок, и потянула из сумочки лорнет.

Государь весь обмер и не нашелся, что ответить. А Прокоп Свиридович, быстро нагнувшись, поднял кольцо и моментально проглотил. Сначала сглотнул, а потом уж почтительнейше пояснил:

– Виноват, ваше императорское величество, это у меня медицинская лепешка от катара выпала. Очень что-то желудком маюсь.

Вот какой это был человек – ему после сам Пирогов из живота кольцо вырезал.

Именно пример Прокопа Свиридовича вдохновил меня, когда в прошлом году я, смею думать, неплохо выручил Георгия Александровича из почти такой же деликатной коллизии, возникшей с письмом балерины Снежневской. Слава богу, бумага не сапфир, так что обошлось без хирургического вмешательства.

Когда я присоединился к почтенному собранию, разговор шел о грядущих торжествах. Дормидонт, явно волнуясь, что и понятно – нечасто ему доводилось говорить в таком обществе – рассказывал интересное про государя. Фома Аникеевич и Лука Емельянович благосклонно слушали. Японец, надувая щеки и пуча свои раскосые глазки, пил чай из блюдца. Мадемуазель учтиво кивала, но по глазам было видно, что мысли ее далеко отсюда (кажется, я уже поминал, что при всей выдержанности она не очень-то властна над своим взглядом). Мистер Фрейби уютно пыхтел трубкой и перелистывал страницы книжки.

– ...Характер закаляют, – говорил Дормидонт в том миг, когда я вошел в лакейскую. Увидел меня, почтительно приподнялся и продолжил. – Сами очень суеверны, но хотят во что бы то ни стало судьбу перебороть. Нарочно приезд в Москву на несчастливый день назначили, Иова Многострадального, а переезд из-за города в Кремль – на тринадцатое число, хотя можно бы и раньше. По-моему, зря это, к чему судьбу-то искушать. Вот вам Иов вчерашний – сами видите, чем он обернулся. – И красноречиво посмотрел в мою сторону, видимо, полагая неуместным более подробно высказываться по поводу беды, постигшей Зеленый двор.

– Что вы на это скажете, Лука Емельянович? – спросил Фома Аникеевич.

Дворецкий Кирилла Александровича, человек степенный и обстоятельный, немного подумал и сказал:

– Что ж, укрепление воли для монарха – дело неплохое. Его величеству не помешало бы иметь характер покрепче.

– Вы про это так думаете? – покачал головой Фома Аникеевич. – А по-моему, нехорошо это. Править, как и жить, надобно легко и радостно, судьба таких любит. А кто сам на себя беду накликает, к тому она тучей валит. У нас и без того государство не очень-то веселое, а если еще и государь этак каркать станет... Опять же и ее величество тоже ведь характером тяжелы и нерадостны. Вот войдет царь в возраст и силу, станет править сам, и министров себе таких же мрачных и неудачливых подберет. Известно – каков царь, таков и псарь.

Меня поразило не то, что Фома Аникеевич так свободно рассуждает о

его величестве (это в нашем кругу меж своими заведено и для дела полезно), а то, что он ничуть не сторожится чужого человека – японца. Очевидно, в мое отсутствие фандоринский слуга успел чем-то заслужить особенное доверие Фомы Аникеевича. Он человек проницательный, людей видит насквозь и отлично знает, при ком что можно говорить, а что нельзя.

По гладкой, бесстрастной физиономии азиата было неясно, понимает ли он, о чем идет речь, или же просто надувается чаем.

– А что об этом думаете вы, Афанасий Степанович? – обернулся Фома Аникеевич ко мне, и по его вопросительному взгляду я понял, что вопрос задан совсем в ином смысле: считаю ли я возможным обсуждать главное или же предпочту ограничиться беседой на отвлеченный предмет.

– Поживем – увидим, – ответил я, садясь и звоня в колокольчик, чтобы Липпс налил и мне чаю. – В истории бывало, что весьма слабовольные наследники со временем проявляли себя самым достойным образом. Взять хотя бы Александра Благословенного или того же Франца-Иосифа.

Говорил одно, а думал про другое: вправе ли я говорить о принятом наверху решении?

Японец так или иначе узнает от своего хозяина. Мадемуазель в неведении тоже держать нельзя – это было бы слишком жестоко. Фома Аникеевич и Лука Емельянович могут дать дельный совет. Неловкость создавало только присутствие мистера Фрейби.

Почувствовав мой взгляд, британец, оторвал глаза от книги и пробурчал что-то неразборчивое – трубка закачалась вверх-вниз.

– Я всё знаю, – перевела мадемуазель на русский, произнося вместо «всё» «всио». – Милохд хассказал.

Батлер снова уткнулся в книгу, давая понять, что на него можно не обращать внимания.

Что ж, значит, и в Англии у господ от дворецких секретов нет. Тем лучше.

Я коротко рассказал своим товарищам о письме, о зловещем докторе и о решении, принятом на тайном совете. Слушали меня молча. Только когда я сказал о том, что доктор Линд своих пленников живыми не возвращает, мадемуазель не сдержавшись ахнула и сжала над столом крепкие кулачки. Чтобы помочь ей справиться с понятным волнением, я сделал небольшое отступление, поведав о чудесной выдержанности, проявленной Георгием Александровичем. Но отклик мадемуазель (как это, впрочем, часто бывало) меня удивил.

– У Геохгий Александрхович шестехо сыновья от ее высочество и еще два от маленькой балехины. Если бы доктох Линд похищал единственная

дочь его высочество – о, он вел бы себя совсем не так.

Я, признаться был эпатирован – и самим суждением (возможно, не лишенным справедливости, потому что любимицей Георгия Александровича и в самом деле являлась Ксения Георгиевна), и нетактичным упоминанием о госпоже Снежневской.

Фома Аникеевич повернул разговор и тем смягчил неловкость:

– Не можем ли мы, слуги, со своей стороны что-либо сделать?

Вот что значит истинный дворецкий – в нескольких скупых словах сразу отшел шелуху и обозначил главное. Все-таки все мы перед ним сущие карлики.

– Извините, Афанасий Степанович, что я говорю это, – с всегдашней своей учтивостью продолжил Фома Аникеевич, – однако речь идет не только о жизни Михаила Георгиевича, но и о материях еще более значительных – судьбе монархии и самое российской государственности. При всех наших внутренних потрясениях, разбродах и шатаниях, при явной слабости и неопытности государя – еще и такой удар, да на глазах у общества и всего мира. Здесь можно ожидать каких угодно последствий. Мы, слуги дома Романовых, не должны этого допустить.

Японец бухнул блюдцем о стол, и так стремительно наклонился лбом к скатерти, что я испугался – не апоплексия ли. Нет, оказалось, что это такой поклон. Склонив круглую голову к самой скатерти, азиат с чувством обратился к Фоме Аникеевичу:

– Это срова истинного самурая. Фома-сэнсэй, вы брагародный черовек.

«Самурай» – это такой японский рыцарь, я читал. Что означало слово «сэнсэй», мне было неизвестно. Надо полагать, какое-нибудь почтительное восточное обращение навроде *cher maotre*.

Фома Аникеевич ответил вежливым поклоном, и японец распрямился.

– Нада памагачь маему гаспадзину, – заявил он на своем диковинном, но вполне понятном русском. – Мой гаспадзин одзин модзет спасчи маренького одзи и чесчь империи.

– Я много слышал об ЭрASTE Петровиче, господин Маса, – сказал Фома Аникеевич. – Кажется, во времена губернаторства князя Долгорукого он совершил здесь, в Москве, немало выдающихся деяний?

Я не знал, что Фома Аникеевич осведомлен о Фандорине, но ничуть этому не удивился.

Японец же солидно произнес:

– Да, отень-отень много. Но это невадзьно. Вадзьно, сьто мой гаспадзин не будзет жичь, есри живет докутор Ринд.

Сказано было не вполне складно, но смысл я понял.

Мадемуазель спросила с совсем иным акцентом, гораздо более приятным для слуха:

– Но что он может сдѣлать, ваш господин?

– Всѣ, – отрезал Маса. – Господзин модзет сдѣрачь всѣ. Докутор Ринд жичь не будзет.

Фома Аникеевич вздохнул, что, очевидно, означало: вашими бы устами да мед пить.

– Сударыня, господа. Я предлагаю следующее...

Сразу стало тихо, и даже мистер Фрейби оторвался от книги, с интересом глядя на Фому Аникеевича поверх очков.

– Наши господа, к сожалению, в неважных отношениях между собой. Это может помешать делу. Давайте договоримся, что хоть мы, слуги, будем заодно. Станем предупреждать друг друга и уберегать его величество и их высочества от ошибок. Насколько это в наших силах.

Так и было сказано – просто и мудро.

Тут в лакейскую просунул голову мой помощник Сомов и, приложив руку к груди, извинился:

– Афанасий Степанович, господа, прошу прощения, но мадемуазель Деклик просят к ее высочеству.

И тут же с поклоном удалился.

– Ах да, месье Зьюкин, – оборотилась ко мне гувернантка. – Бедняжка Ксения ничего не знает. Что я могу ей сказать?

– Не следует говорить *ее императорскому высочеству* про угрозы Линда, – сурово сказал я, несколько покоробленный фамильярностью в отношении Ксении Георгиевны. – Просто скажите *ее императорскому высочеству*, что похитители требуют выкуп и что выкуп будет заплачен.

По-моему, она вышла должным образом пристыженная.

Уже через минуту я пожалел об отсутствии мадемуазель, потому что мистер Фрейби вдруг разверз уста и произнес какое-то короткое слово.

– Что вы изволили сказать? – переспросил Фома Аникеевич.

– Он сказар «сыпион», – перевел Маса, который, оказывается, понимал по-английски.

– В каком смысле «шпион»? – не сообразил я.

Британец с надеждой посмотрел на Фому Аникеевича, и тот вдруг озабоченно нахмурился.

– Господин Фрейби совершенно прав. Здесь не обошлось без шпиона. Похитители были слишком хорошо осведомлены о ваших вчерашних перемещениях. Не хочу вас расстраивать, Афанасий Степанович, но очень

вероятно, в вашем штате – лазутчик доктора Линда. Вы можете поручиться за свою прислугу?

Я почувствовал, что бледнею.

– Вовсе нет. За петербургских я ручаюсь. Все кроме Липпса – того, что нам прислуживает – из старых и проверенных. Но у меня здесь еще временный штат из девяти человек, да приходящие. Местных я не знаю совсем, ими распоряжается Сомов.

– Значит, требуется сугубая осторожность, – веско произнес Лука Емельянович.

А Фома Аникеевич сказал англичанину:

– Благодарю вас, мистер Фрейби, за дельное замечание.

Тот непонимающе пожал плечами, и я вспомнил, что у меня в кармане имеется дареный лексикон.

«Благодарить» по-английски было «тэнк». «Вас» еще проще – «ю».

Я так и сказал:

– Тэнк ю, мистер Фрейби.

Он кивнул и снова уткнулся в своего Trollope (я посмотрел в библиотеке – это такой английский романист).

Мы еще некоторое время обсуждали между собой способы, при помощи которых сможем конфиденциальным образом сноситься друг с другом, а потом совещание было прервано – снова в дверь просунулся Сомов, и по выражению его лица я понял: случилось что-то особенное.

Извинившись, вышел в коридор.

– Вот, – почему-то шепотом произнес Сомов, протягивая мне какой-то белый конверт. – Нашли. Швейцар подобрал. Откуда взялось, неизвестно.

Я взял конверт и прочел написанные карандашом печатные буквы:

AVEC LES COMPLIMENTS DE DR. LIND^[12]

Лишь невероятным усилием воли я сохранил внешнюю невозмутимость.

– Где нашли?

– На крыльце, перед самыми дверьми. Швейцар вышел посмотреть, не кончился ли дождик, а оно лежит.

Значит, могли подбросить и снаружи, подумал я. Перелезли через ограду и подкинули, очень просто. От этого стало легче. Но совсем чуть-чуть.

Открывать конверт я, конечно, не стал, хотя он был не заклеен – скорее

понес в бельэтаж. Если бы Сомов не смотрел мне вслед, то и побежал бы.

У дверей малой гостиной, прежде чем войти, остановился и прислушался. Я делаю так всегда, и вовсе не для того, чтобы подслушивать, а чтобы не помешать своим стуком чему-нибудь важному или интимному.

Изнутри донесся густой, сердитый голос Кирилла Александровича:

– Ники, ну нельзя же быть таким болваном! Во время аудиенции Ли-Хун-Чжану про концессии ничего говорить не нужно! Ни в коем случае! Ты все испортишь!

Я поневоле покачал головой, подумав, что долго так продолжаться не может. Государь вовсе не так безволен, как кажется их высочествам. И злопамятен.

Громко постучал, передал послание и тут же вышел обратно в коридор.

Ждать пришлось не более пяти минут. Выглянул Георгий Александрович и поманил меня пальцем. Его взгляд показался мне каким-то странным.

Точно так же смотрели на меня государь и остальные великие князья – будто видели меня в первый раз или, скажем, впервые заметили, что на свете существует человек по имени Афанасий Степанович Зюкин. Очень мне это не понравилось.

– Ты ведь знаешь по-французски? – спросил Кирилл Александрович. – На-ка, почитай.

Я не без трепета взял развернутый листок, прочел:

Условия приняты, но плата за каждый день отсрочки – миллион. Завтра в три пополудни ваш посредник один, в открытой коляске, должен следовать по Садовому кольцу от Калужской площади в сторону Житной улицы. Деньги должны быть в чемодане, казначейскими билетами по двадцать пять рублей. При малейших признаках нечестной игры с вашей стороны я считаю себя свободным от каких-либо обязательств и верну вам принца – как и обещал, частями.

И последнее. Посредником должен быть тот слуга, что был в саду: с бородавкой на щеке и собачьими бакенбардами.

Искренне ваш,

Доктор Линд.

Первым чувством, которое я испытал, была обида. *Favoris de chien*^[13]?

Это он так про мои ухоженные бакенбарды?!

Лишь потом до меня дошел весь пугающий смысл послания.

8 мая

После долгих перезвонов между Петровским дворцом, генерал-губернаторской резиденцией и Эрмитажем руководить операцией было поручено полковнику Карновичу. Московский обер-полицмейстер получил распоряжение оказывать всемерное содействие, а Фандорину досталась не совсем понятная роль советника, да и то лишь по настоятельному требованию Георгия Александровича, после спасения дочери свято уверовавшего в необыкновенные качества отставного чиновника особых поручений.

Про Карновича мне, как и всем прочим, известно было совсем немного, потому что у подножия трона этот загадочный человек очутился совсем недавно. Ни по возрасту, ни по чину, ни по связям состоять на такой ответственной, даже можно сказать, ключевой должности ему не полагалось бы, тем более что до сего высокого назначения Карнович исполнял скромную должность начальника одного из губернских жандармских управлений. Однако после громкого раскрытия анархистской террористической организации про молодого полковника заговорили как про восходящую звезду политического сыска, и вскоре этот тихий, неприметный господин, вечно прячущий глаза за синими очками, уже заведывал охраной его величества – взлет поистине редкостный и не снискавший Карновичу расположения придворных. Хотя кто ж из начальников дворцовой полиции, по роду службы чересчур осведомленных о слабостях и тайнах близких к престолу особ, когда-либо пользовался симпатиями двора? Такая уж это должность.

Зато обер-полицмейстер Ласовский слыл в обеих столицах фигурой известной и почти легендарной. Петербургские газеты (московские-то не осмеливались) любили описывать чудачества и самодурства этого новоявленного Архарова: и его разъезды по улицам в знаменитой полицмейстерской упряжке с лучшими во всем городе лошадьми, и особое увлечение пожарной службой, и сугубую строгость к дворникам, и прославленные приказы, ежедневно печатаемые в «Ведомостях московской городской полиции». Да я и сам утром прочел в этой занимательной газете, на первой же странице, приказ следующего содержания:

При проезде 7 мая мною замечено: по Воскресенской площади против Большой Московской гостиницы ощущалось

зловоние от протухших селедок, не убранных дворниками; в 5 часов 45 минут утра стоявшие у Триумфальных ворот два ночных сторожа вели праздные разговоры; в 1 час 20 минут пополудни на углу Большой Тверской-Ямской и площади Триумфальных ворот не было на посту городского; в 10 часов вечера на углу Тверской улицы и Воскресенской площади городской взошел на тротуар и ругался с извозчиком.

Предписываю всех виновных городских, сторожей и дворников подвергнуть аресту и штрафованию.

Исправляющий должность московского обер-полицеймейстера полковник Ласовский

Конечно, входить в подобные мелочи начальнику полиции миллионного города не следовало бы, но некоторые из московских нововведений, на мой взгляд, не грех бы и у нас в Петербурге перенять. К примеру, тоже поставить городских на перекрестках, чтоб направляли движение экипажей, а то на Невском и набережных бывает истинное столпотворение – ни пройти, ни проехать. Неплохо бы также, по московскому обычаю, запретить извозчикам под страхом штрафа ругаться и ездить в немых колясках.

Но нрав у полковника Ласовского и в самом деле был крут и причудлив, в чем я имел возможность удостовериться во время инструктажа перед операцией.

Хоть главным моим наставником был Карнович, обер-полицеймейстер постоянно встречал с собственными замечаниями и всем своим видом показывал, что истинный хозяин в первопрестольной – он, Ласовский, а не заезжий выскочка. Меж двумя полковниками то и дело вспыхивал спор по поводу того, следует ли арестовывать докторова посланца, который явится за деньгами, причем московский полковник решительно выступал за немедленный арест и клялся вытрясти из сукина сына душу со всеми потрохами, а царскосельский полковник не менее решительно высказывался за осторожность и напирал на угрозу для жизни Михаила Георгиевича. Фандорин находился здесь же, в гостинной, но в споре участия не принимал.

Карнович принял ряд мер, показавшихся мне очень толковыми. Впереди моей коляски будут следовать три замаскированных экипажа с агентами в штатском, сзади еще пять. Все агенты из дворцовой охраны – молодцы один к одному. Их задача не схватить линдова посланца, а «сесть

ему на хвост» (как выразился полковник) и «довести» его до логова похитителей. Кроме того, особая группа чиновников казначейства со вчерашнего вечера сидела и переписывала номера всех купюр, передаваемых Линду. От каждой из них впоследствии потянется своя ниточка.

Моя задача выглядела просто: не спеша ехать по Садовому кольцу и ждать, пока злодеи себя проявят, а затем потребовать от их человека, чтобы меня отвезли к его высочеству и до тех пор, пока я не увижу Михаила Георгиевича живым и здоровым, ни в коем случае чемодана не отдавать. Если бандит (или бандиты) применит силу, в дело вступят переодетые агенты.

– Взять голубчика за шиворот сразу, – уже, наверное, в десятый раз заявил упрямый полицмейстер. – И отдать мне. Так с ним потолкую, что садиться на хвост не понадобится. Сам все расскажет и покажет. А вы, господин полковник, только мудрите и портите.

Карнович нервически поправил очки, но сорвал раздражение не на москвиче, а на Фандорине:

– Послушайте, сударь, какой мне прок от советника, который все время молчит? Что вы-то думаете?

Фандорин скептически приподнял красивую, будто нарисованную бровь.

– Линд очень хитер и изобретателен. Все ваши возможные действия он предугадывает заранее. А переписывать банкноты – это просто смешно. Вы что, по всем магазинам, лавкам и меняльным конторам развесите списки с сорока тысячами семизначных номеров? – Он обратился ко мне. – Главное будет зависеть от вас, Зюкин. Обостренная наблюдательность, внимание к мельчайшим деталям – вот что требуется. Помните, что сегодня только первая встреча, впереди по меньшей мере еще шесть. Пока нужно только приглядеться. А что до «хвоста», – проговорил он уже не мне, а Карновичу, – то попытаться можно, но не слишком нажимайте, иначе мы получим труп.

– Ценная рекомендация, мерси, – сардонически поклонился начальник дворцовой полиции. – Вы собрались выплачивать уважаемому доктору еще шесть раз по миллиону? Уж не получаете ли вы от господина Линда комиссионных за подобные советы?

Фандорин молча поднялся и вышел, ничего на это не ответив.

– Вот за кем слежечку бы установить, – процедил Ласовский в сторону закрывшейся двери. – Очень подозрительный субъект.

– Понадобится – установим, – пообещал Карнович. – А тип вправду

пренеприятный.

Я всем сердцем разделял это суждение, ибо мой взгляд на господина Фандорина, поначалу произведшего на меня самое выигрышное впечатление, совершенно переменился. И на то были свои основания.

* * *

Первая половина дня тянулась для меня мучительно долго. Пока высокие сферы спорили, какое из ведомств возглавит операцию, меня никто не трогал, и я томился тревогой и бездействием. Ввиду предстоящего ответственного поручения я был освобожден от своих обычных обязанностей, переложенных на Сомова. Георгий Александрович сказал, что от нас, посвященных в тайну, потребно только одно: не подавать виду и являть собой лучезарную безмятежность. Веселить павшего духом Павла Георгиевича было поручено Эндлунгу. Для выполнения этой важной задачи лейтенант получил некую сумму, сделался необыкновенно оживлен и деловит, посадил своего подопечного в экипаж и прямо с утра повез в Царицыно, в цыганский ресторан – как выразился Эндлунг, «для разгону».

Ксению Георгиевну его высочество доверил мне, и задача выглядела непростой. Великая княжна вышла к завтраку с покрасневшими глазами, вся бледная и печальная, а ведь вечером ей предстояло делать визиты и после ехать в Петровский дворец на малый ужин с серенадой.

Георгий Александрович посоветовался со мной, как быть, и мы пришли к заключению, что для изгнания меланхолии действеннее всего физические упражнения. Пусть играет в теннис, повелел его высочество, благо день выдался хоть и пасмурный, но сухой. После чего надел цивильное и уехал по каким-то неизвестным мне делам, поручив устройство игры мне.

– Афанасий, но с кем же мне играть? – спросила Ксения Георгиевна.

В самом деле, выходило, что партнеров для ее высочества нет. За англичанами по поручению Симеона Александровича заехал князь Глинский и увез их кататься в Сокольники, а оттуда на обед в генерал-губернаторскую резиденцию. Я вспомнил, как его высочество вчера заинтересовался изящным мистером Карром и встревожился, но не столь уж сильно, потому что у меня были заботы и посерьезней.

Немного подумав, Ксения Георгиевна сказала:

– Иди к Эрасту Петровичу, пригласи его. Больше ведь не с кем.

Я отправился к Фандорину. Перед тем как постучать, прислушался, и

до моего слуха донеслись очень странные звуки: глухие удары, громкое сопение и дребезжание стекол. Встревожившись, я легонько постучал и приоткрыл дверь.

Перед моим взором предстала удивительная картина. Господин Фандорин и господин Маса, оба в одних белых подштанниках, исполняли какой-то странный ритуал: каждый по очереди разбегался, до невероятности высоко подпрыгивал и бил ногой в стену, отчего и происходило испугавшее меня дребезжание. Эраст Петрович проделывал это диковинное упражнение в полном молчании, зато его слуга пыхтел, пофыркивал, а совершив очередное нападение на стену, не просто отскакивал обратно, но мячиком прокатывался по полу.

– В чем... дело? – отрывисто спросил Фандорин, прервав вопрос на середине для нового удара.

Хороший дворецкий никогда ничему не удивляется. А если и удивляется, то не подает виду. Поэтому я как ни в чем ни бывало поклонился и передал просьбу Ксении Георгиевны.

– Поблагодарите ее высочество за оказанную честь, – вытирая пот, ответил он. – Но я не умею играть в теннис.

Я вернулся к великой княжне, а она уже успела переодеться в просторное теннисное платье и белые туфли.

Отказу Фандорина очень расстроилась:

– Что же мне, самой себе мячи подавать? Все равно проси. Скажи, научу.

И в глазах слезы.

Я опять поспешил к Фандорину и теперь уже попросил его как следует, упомянув и о поручении Георгия Александровича.

Эраст Петрович вздохнул и покорился. Я мигом принес ему теннисный костюм Павла Георгиевича, оказавшийся почти в пору, разве что немножко узким в плечах.

Начался урок. Я наблюдал из-за сетки, так как занять себя мне было нечем. Вскоре ко мне присоединился Маса, а чуть позднее вышел и мистер Фрейби, привлеченный упругими звуками мяча, чарующими для английского уха.

Ученик из Фандорина получился неплохой, и уже через четверть часа мяч стал перелетать через сетку раз по десять кряду. Ксения Георгиевна повеселела, разругавшись, из-под шляпки выбились светлые локоны – смотреть на нее было приятно. Славно смотрелся и ее партнер. Ракетку он держал неправильно, по мячу бил слишком сильно, будто саблей рубил, однако по корту передвигался ловко, да и собою был хорош, следовало это

признать.

– They make a beautiful pair, don't they? – сказал мистер Фрейби.

– Курасивая пара, – перевел для меня Маса.

Я был покороблен этим замечанием и отнес его к издержкам перевода. Никакой парой ее высочеству Фандорин, разумеется, быть не мог, ни в каком смысле. Однако после слов мистера Фрейби взглянул на Ксению Георгиевну повнимательней, и на душе у меня впервые, как говорят в народе, заскребла кошка. Такого сияющего взгляда у ее высочества я не видел даже перед ее первым «взрослым» балом.

– Ну всё, Эраст Петрович, хватит зря время терять! – крикнула она. – Вы умеете уже достаточно, чтобы мы сыграли один гейм на счет. Правила очень просты. Подавать буду я, потому что вы все равно не умеете. Сначала я ударю мячом в этот квадрат, потом в тот, и так поочередно до победы. А вы отбивайте, только попадайте в площадку. Понятно? Проигравший пролезет под сеткой. А судить я попрошу англичанина.

Она обратилась к мистеру Фрейби по-английски, тот с серьезным видом поклонился и вышел к сетке. Однако прежде, чем подать знак к началу гейма, повернулся к нам и что-то сказал.

– Хочет пари, – объяснил Маса, и в его маленьких глазках вспыхнули азартные огоньки. – Два пуротив одзин за реди.

– За что? – не понял я.

– За барысьня, – нетерпеливо ответил японец и тоже залопотал по-английски, показывая то на своего господина, то на ее высочество.

– All right, – согласился британец. – Five to one.

– Пяць пуротив одзин, – перевел Маса.

Сокрушенно вздохнул, достал откуда-то из-за пазухи цветной бумажный кошель, показал мистеру Фрейби мятую пятирублевую купюру и положил ее на скамейку.

Англичанин немедленно вытащил скрипучий, хорошей кожи бумажник и извлек оттуда четвертную.

– What about you, mister Zyukin? – спросил он, и это было понятно без перевода.

На мой взгляд, затея с пари выглядела не вполне прилично, но Георгий Александрович, уходя, наказал: «Веселье и непринужденность, Афанасий. Надеюсь на тебя». И я решил вести себя непринужденно.

Опять же дело выглядело беспроегрышным. Ксения Георгиевна с детства отличалась гибкостью и ловкостью, а в теннис ей среди дам и вовсе не было равных. Да что дам – я не раз видел, как она обыгрывала и Павла Георгиевича, и Эндлунга, Фандорин же сегодня впервые взял в руки

ракетку. Если Маса и поставил на своего господина, то лишь из-за преданности, которая, как я читал, доходит у японских слуг до фанатизма, превосходящего все и всяческие пределы. Пишут (не знаю, правда ли), что японский слуга предпочтет распороть себе живот, лишь бы не подвести своего хозяина. Этакая самоотверженность в духе дворецкого Вателя, который пронзил себя шпагой, когда принцу Конде вовремя не подали ко столу рыбное блюдо, ничего кроме уважения вызывать не может, хотя, конечно, вываливание собственных кишок на зеркальный паркет – поступок, в приличном доме совершенно невообразимый.

И мне стало любопытно, насколько далеко простирается жертвенность японского камердинера. В кошельке как раз лежало пятьдесят рублей, отложенных для помещения на мой сберегательный счет в банке. Я вынул банкноты и положил туда же, на скамейку.

Японец – надо отдать ему должное – не дрогнул. Вытащил из своего портмоне еще десятку, и тогда мистер Фрейби крикнул:

– Go!

Правила игры мне были хорошо известны, так что к выкрикам англичанина я мог не прислушиваться.

Ксения Георгиевна, грациозно изогнувшись, сильно подала мяч, так что Фандорин едва успел подставить ракетку. Мяч отлетел вкось, задел верхний край сетки и, немного поколебавшись – куда падать, перевалился на сторону ее высочества.

Ноль пятнадцать в пользу Эраста Петровича. Повезло.

Ее высочество перешла на другую сторону площадки, послала труднейший, сильно закрученный мяч и стремительно выбежала к сетке, заранее зная, куда противник отобьет подачу – если вообще отобьет.

Фандорин отбил, да так сильно, что мяч наверняка улетел бы за пределы площадки. Если б не угодил ее высочеству прямо в лоб.

Вид у Ксении Георгиевны сделался несколько ошеломленный, а у Фандорина испуганный. Он бросился к сетке и приложил платок ко лбу ее высочества.

– Ничего, это ничего, – пролепетала она, придержав Фандорина за запястье. – Мне совсем не больно. А вы – настоящий везунчик. Ноль тридцать. Но я вам сейчас покажу.

Третья подача была из разряда таких, взять которые невозможно. Я даже толком не разглядел мяча – лишь быструю молнию, пронесшуюся над кортом. Фандорин все же каким-то чудом успел зацепить мяч ракеткой, но крайне неудачно: белый шарик неуклюже взлетел вверх и стал падать прямо на сетку.

Ксения Георгиевна с торжествующим возгласом выбежала вперед, готовая вколотить легкий мяч в площадку. Размахнулась – и с хрустом припечатала мяч, который опять угодил в верх сетки, только на сей раз не перевалился к противнику, а откатился под ноги ее высочеству.

На лице великой княжны появилось смятение – гейм выходил какой-то странный. Должно быть, из-за этого самого смятения ее высочество на последней подаче дважды промахнулась, чего прежде никогда не случалось, и игра была проиграна вчистую – или, как говорят спортсмены, «под сухую».

Первый приступ неприязни к Фандорину я испытал, когда его камердинер преспокойно засунул в свое цветастое портмоне немалый выигрыш. К мысли о нелепейшей потере пятидесяти рублей еще нужно было привыкнуть.

И уж совсем мне не понравилась сцена, разыгравшаяся на корте.

Как и положено проигравшей стороне, ее высочество опустила на четвереньки и полезла под сеткой. Фандорин поспешно нагнулся, помогая Ксении Георгиевне подняться, а она посмотрела на него снизу вверх, да так и замерла в этой нелепой позе. Эраст Петрович, смутившись, взял ее за руки и потянул, но чересчур сильно – великая княжна ударилась об него грудью, а шляпка полетела наземь, с нею и заколки, так что густые локоны рассыпались по плечам.

– Прошу прощения, – пробормотал Фандорин. – Спасибо за урок. Мне пора.

И, неловко поклонившись, быстро зашагал к дому. Японец засеменял следом.

– Lucky devil, – сказал мистер Фрейби.

Сам себя перевел:

– С-ча-стливый... чорт.

И принялся с видимым сожалением пересчитывать оставшиеся в бумажнике деньги.

А я уже думал не о проигранной сумме. Сердце сжималось от тревоги и недоброго предчувствия.

Ах, каким взглядом провожала Ксения Георгиевна уходящего Фандорина! Он же, ловкач, шел себе как ни в чем не бывало и оглянулся только в самый последний миг – перед тем, как свернуть за угол. Коротко так посмотрел на ее высочество и тут же отвернулся. Низкий, низкий прием, безошибочно подействовавший на юную, неопытную девушку!

Великая княжна от этого молниеносного взгляда вся залилась румянцем, и я понял: произошло чудовищное, скандальное событие, из тех,

что потрясают самые основы монархии. Особа императорской крови влюбилась в неподходящую персону. Тут невозможно было ошибиться, хоть я и не могу считаться знатоком по части женщин и их чувств.

Афанасий Зюкин – старый холостяк и, видно, таким уж и останется. На мне нашей почтенной династии суждено пресечься, потому что, хоть у меня и есть брат, но он утратил право на продолжение рода придворных служителей Зюкиных.

* * *

Мой отец Степан Филимонович, а перед ним его отец Филимон Емельянович в семнадцать лет были повенчаны с девушками из таких же дворцовых семей, а в восемнадцать уже произвели на свет своих старших сыновей. Оба прожили со своими супругами дай Бог всякому, в уважении и любви. А на мне счастливая планида нашего рода дала сбой, споткнулась. Выродились Зюкины, потому что мне досталась душа вялая и к любви не способная.

Любви к женскому полу я не знал никогда. Обожание – дело другое; это чувство я испытал еще подростком, и было оно такое сильное, что после него на обычную любовь во мне как-то уже и силы не осталось.

С четырнадцати лет я служил казачком при выезде в одном великокняжеском доме, слишком известном, чтобы уточнять, в котором именно. А одна из великих княжон, чьего имени я тоже не назову, была моей ровесницей, и мне часто приходилось сопровождать ее в верховых прогулках. Во всю дальнейшую жизнь я не встречал девицы или дамы, которая хотя бы отдаленно могла сравниться с ее высочеством – нет, не красотой, хотя великая княжна была неописуемо прекрасна собой, а неким сиянием, исходившим от ее облика и всей ее особы. Я не сумею объяснить лучше, но это сияние я видел совершенно явственно, как другие видят лунные лучи или свет от лампы.

Не помню, чтобы я хоть раз заговорил с ее высочеством или задал какой-нибудь вопрос. Только молча кидался исполнять, если ей было угодно мне что-то приказать. Жизнь у меня в те годы состояла из дней, которые были, и дней, которых не было. Увижу ее – день есть; не увижу – дня словно и нет, чернота одна.

Она, должно быть, думала, что я немой, и то ли жалела меня, то ли просто привыкла, но иногда смотрела с такой ласковой улыбкой, что я на месте застывал. Один раз это случилось во время скачки по лесу. Ее

высочество оглянулась на меня, этак вот улыбнулась, и я от счастья выпустил поводья. Очнулся – лежу на земле, вокруг все плывет, а надо мной склоняется ее светлое лицо, и в глазах ее высочества слезы. Полагаю, это был самый счастливый миг во всей моей жизни.

Прослужил я при том дворе казачком два года, семь месяцев и четыре дня, а после великую княжну просватали за одного немецкого принца, и она уехала. Не сразу это произошло, в императорском доме свадьбы устраиваются медленно, и была у меня только одна мечта – попасть в штат прислуги, которая ехала с ее высочеством в Германию. Там и вакансия имелась, младшего лакея.

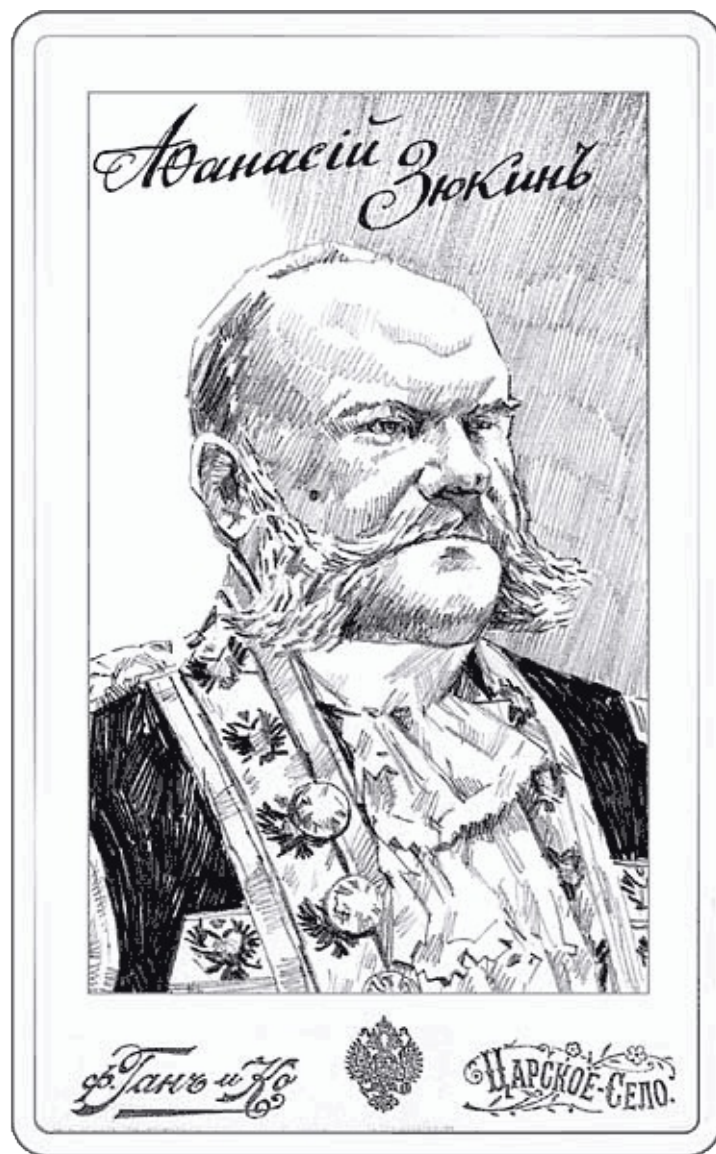
Не вышло. Отец, умный человек, не позволил.

И никогда больше я ее высочество не видал. Только на Рождество в тот же год получил от нее собственноручное письмо. Оно у меня и до сих пор хранится вместе с родительскими венчальными кольцами и банковской книжкой, только я никогда в него не заглядываю – и так помню наизусть. Даже не письмо это, записочка. Ее высочество всем такие прислала, кто из ее прежних слуг дома остался.

«Милый Афанасий (так начиналось послание), у меня все хорошо, и скоро появится малютка – сын или дочь. Я часто вспоминаю наши прогулки. Помнишь, как ты расшибся, а я подумала, что ты убится насмерть? А недавно ты мне приснился, и был ты никакой не слуга, а принц и говорил мне что-то очень радостное и приятное, только я не запомнила, что. Будь счастлив, Афанасий, и вспоминай меня иногда».

Вот какое я получил от нее письмо. А больше писем не было, потому что первыми же родами ее высочество представилась и уже без малого тридцать лет пребывает с ангелами, где ей, несомненно, уместнее, чем на нашей грешной земле.

Так что батюшка оказался кругом прав, хоть я долго, до самой его кончины, не мог ему простить, что не отпустил меня в Германию. Вскорости после отбытия ее высочества мне сравнялось семнадцать, и родители хотели женить меня на дочери старшего швейцара из Аничкова дворца. И девушка была хорошая, но я ни в какую. При ровном и покладистом характере иной раз находило на меня такое вот упрямство. Отец со мной побился-побился, да и отступился. Думал, со временем одумаюсь. Одуматься я одумался, а к семейной жизни так у меня охоты и не возникло.

Для настоящего дворецкого оно и лучше – ничто от службы не отрывает. Фома Аникеевич вон тоже не женат. А легендарный Прокоп Свиридович, хоть и имел супругу и детей, но держал семью в деревне и навещался к ним только дважды в год – на Рождество и Пасху.

Настоящий дворецкий знает, что его служба – не должность, а образ жизни. Не бывает так, что с утра до вечера ты дворецкий, а после вернулся к себе и стал просто Афанасием Зюкиным. Дворецкий – это как дворянин, и корень тот же, только у нас к себе строгости больше, чем у дворянства. Зато и цена нам большая.

Многие хотели бы настоящего царского или великокняжеского дворецкого к себе переманить, и, бывало, огромные деньги сулили. Всякому богатею лестно, чтоб у него в хоромаш такое же заведение было, как в императорских дворцах. Мой родной брат Фрол не устоял, польстился

на барыши. Теперь служит дворецким – нет, это у них называется «мажордомом» – у московского миллионщика, банкира Литвинова, из иудеев. Получил Фрол пять тысяч на обзаведение и три тысячи в год, да на всем готовом, да с квартирой, да с наградными. Был дворецкий, и не стало.

Я с братом всякие сношения прекратил. И он тоже не суется – понимает свой грех. Что к миллионщику – я и к светлейшему князю Воронцову не пошел, хотя он мне чего только не сулил. Служить можно только тому, с кем не станешь себя сравнивать. Дистанция нужна. Потому что тут человеческое, а там – божественное. Дистанция, она всегда поможет уважение сохранить. Даже когда застигнешь Георгия Александровича в каморке у черной кухарки Манефы или ночью доставят на извозчике беспамятного Павла Георгиевича, всего в рвоте. А что светлейший князь Воронцов – просто дворянин, эка невидаль. Были и мы, Зюкины, дворянами, хоть недолго.

Это особенная история, касающаяся нашего родоначальника, а моего прадеда Емельяна Зюкина. Пожалуй, есть смысл ее рассказать – уж больно поучительна, ибо лишний раз подтверждает: мир держится на установленном порядке, и упаси Господи порядок этот нарушать – всё одно ничего путного не выйдет.

Зюкины происходят из крепостных Звенигородского уезда Московской губернии. Мой пращур Емельян Силантьевич – тогда еще просто Емелька – был сизмальства взят к господам в услужение, понравился смышленостью и расторопностью, так что со временем стали его отличать: чисто одевали, к черной работе не допускали, выучили грамоте. Состоял он при юном барине вроде товарища по играм. И книжек начитался, и манер каких-никаких набрался, даже по-французски сколько-то выучился, а хуже всего то, что застеснялся своего холопства. Верно, от этого и стал заглядываться на барышню, помещичью дочь, да не так, как я на великую княжну – с благоговейным обожанием, а с самыми что ни на есть дерзкими намерениями: непременно на своем предмете жениться. Казалось бы, виданное ли дело, чтобы крепостной мальчишка на дворянке женился? Другой помечтал бы да бросил, но Емеля имел нрав упорный, вдумчивый, загадывал надолго вперед и, как сказали бы теперь, верил в свою звезду.

О своей мечте (можно сказать, не мечте, а плане) он ни единой живой душе говорить не стал, и в особенности барышне, а только во время рекрутского набора – тогда как раз с французами воевали – вдруг запросился в солдаты вместо Мельникова сына, кому жребий выпал. Возраст Емеле еще не вышел, но отрок он был рослый, сильный, вот и

прибавил себе годок-другой. Его охотно отпустили, потому что к этому времени сделался он дерзок и непослушлив – господа и так уж не знали, куда его такого определить.

Стало быть, ушел мой прадед в солдатчину, а с мельника, первого сельского богача, взял отступного, семьсот рублей ассигнациями, и деньги эти не отцу отдал, но в банк положил на свое имя. Это так по плану его следовало.

Угодил Емеля сразу на войну, в австрийскую кампанию, и провоевал не то семь, не то восемь лет почти без передышки – то с французами, то с персами, то с шведами, то с турками, то снова с французами. Лез в самые горячие места, при любом отчаянном предприятии вызывался охотником. Много раз ранен был, медалями отмечен, нашивки унтер-офицерские заслужил, а все ему мало. И в кампанию двенадцатого года, за дело под Смоленском, когда в роте поубивало всех командиров, выпала Емельяну заветная награда: сам генерал от инфантерии князь Багратион его расцеловал и представил к офицерскому чину, что по тем временам почти никогда и не случалось.

После того Емельян Зюкин отвоевал еще два года, дошел с армией до самого Парижа, а как вышло замирение, сразу попросился в долгий отпуск, хотя был у начальства на самом лестном счету и мог надеяться на дальнейшее продвижение по службе. Но моему прадеду нужно было другое – его смелый до несбыточности план, наконец, близился к исполнению.

На родину Емельян вернулся не просто дворянином и гренадерским поручиком, но еще и с собственным небольшим капиталом, потому что жалования во все эти годы не тратил, при увольнении в отпуск получил наградные и лечебные, да и первоначальные семьсот рублей из-за процентов чуть не вдвое выросли.

И в его родном селе всё как нельзя лучше складывалось. Поместье пожгли французы, так что господа совсем разорились и теперь жили в поповском доме. Молодой барин, бывлой товарищ Емельяна по играм, погиб при Бородине, а та самая девица, из-за которой прадед затеял свою отчаянную игру с судьбой, осталась без жениха, сложившего голову под Лейпцигом. В общем, перед предметом своих мечтаний Емельян предстал почти что ангелом-избавителем.

Явился он к ней в бревенчатую поповскую избу при крестах, в парадном мундире. Барышня вышла в стареньком латаном платье, и собой от пережитых испытаний сделалась нехороша, так что он ее не сразу и признал. Но это ему было все равно, потому что он не барышню любил, а свою невозможную мечту.

Только ничего у него не вышло. Барышня встретила его поначалу ласково, даже обрадовалась старому знакомцу, но на предложение руки и сердца ответила обидным удивлением, да еще сказала, что, мол, лучше в приживалки к родственникам пойдет, нежели станет «госпожой Зюкиной».

От этих слов Емельян впал в помрачение разума. Никогда прежде хмельного в рот не брал, а тут пустился в такой загул, что добром не кончилось. Спьяну при публике содрал с себя эполеты и кресты, топтал их ногами и кричал бессвязные слова. За посрамление звания был судим, лишен и офицерского чина, и дворянства. Совсем бы спился, да по счастливому случаю попался на глаза своему бывшему полковому командиру князю Друбецкому. Тот пожалел пропащего человека и в память о прежних заслугах устроил камер-лакеем в Царское Село.

Так судьба нашего рода и определилась.

* * *

Когда лицо низменного происхождения питает недопустимые мечты в отношении особы высшего порядка, это прискорбно и даже, может быть, возмутительно, но не столь уж опасно, потому что, как говорится, бодливой корове Бог рогов не дал. Но увлеченность в обратном направлении, нацеленная не снизу вверх, а сверху вниз чревата нешуточными осложнениями. У всех в памяти еще свеж случай с великим князем Дмитрием Николаевичем, вопреки воле государя женившимся на разведенной даме и за это высланным из пределов империи. А нам, дворцовым служителям, известно и то, как нынешний государь, в бытность цесаревичем, со слезами молил августейшего отца освободить его от престолонаследия и дозволить морганатический брак с балериной Снежневской. То-то все трепетали, да уберегли Господь и крутой нрав покойного царя.

Поэтому волнение, охватившее меня после пресловутого теннисного состязания, вполне понятно, тем более что у Ксении Георгиевны уже и жених имелся, скандинавский принц с хорошими видами на королевскую корону (всем было известно, что его старший брат, наследник престола, болен чахоткой).

Мне срочно нужно было посоветоваться с кем-нибудь, разбирающимся в душевном устройстве юных девушек, ибо сам я, как явствует из вышеизложенного, считать себя докой в подобных материях не мог.

После продолжительных колебаний я решил довериться мадемуазель

Деклик и сообщил ей о своем опасении в самых общих и деликатных выражениях. Мадемуазель, тем не менее, отлично меня поняла и – что меня озадачило – нисколько не удивилась. Более того, отнеслась к моим словам с поразительным легкомыслием.

– Да-да, – рассеянно кивнула она. – Я тоже замечала. Он кхасивый мужчина, а она в такой возхаст. Это ничего. Пускай Ксения немножко знает любовь, пока ее не положили в стеклянный колпак.

– Как вы можете такое говорить! – в ужасе воскликнул я. – Ее высочество уже просватана!

– Ах, месье Зьюкин, я видела в Вена ее жених пхинц Олаф. – Мадемуазель сморщила нос. – Как это вы меня учили находное выхажение... Олаф цахя небесного, да?

– Но в случае кончины старшего брата – а всем известно, что он болен чахоткой – принц Олаф окажется первым в линии престолонаследования. Это значит, что Ксения Георгиевна может стать королевой!

Покоробившее меня замечание гувернантки, конечно, следовало отнести на счет ее подавленного состояния. Я заметил, что с утра мадемуазель отсутствовала, и, кажется, догадался, в чем дело. Без сомнений она, с ее деятельным и энергичным характером, не смогла сидеть сложа руки – верно, попыталась предпринять какие-то собственные поиски. Только что она может одна в чужой стране, в незнакомом городе, когда и полиция чувствует себя беспомощной.

Вернулась мадемуазель такая усталая и несчастная, что больно было смотреть. Отчасти из-за этого – желая отвлечь ее от мыслей о маленьком великом князе, я и завел разговор о волнующем меня предмете.

Чтобы немного успокоить, рассказал о том, как повернулось дело. Упомянул (разумеется, безо всякого выпячивания собственной роли) об ответственной миссии, выпавшей на мою долю.

Я ожидал, что при известии о том, что забрезжила надежда, мадемуазель обрадуется, но она, дослушав до конца, посмотрела на меня с выражением какого-то странного испуга и вдруг сказала:

– Но ведь это очень опасно. – И, отведя глаза, прибавила. – Я знаю, вы смелый... Но не будьте слишком смелый, хохошо?

Я немного растерялся, и возникла не очень ловкая пауза.

– Ах, какая незадача, – наконец нашелся я, поглядев в окно. – Снова дождь пошел. А ведь на вечер назначена сводная хоровая серенада для их императорских величеств. Дождь может всё испортить.

– Лучше думайте о себе. Вам нужно ехать в откхытом экипаж, – тихо сказала мадемуазель, почти не спутав падежей, а последняя фраза у нее

вышла совсем чисто. – Долго ли пхостудиться.

* * *

Когда я выехал из ворот в двуколке с откинутым верхом, дождь лил уже всерьез, и я вымок еще прежде, чем доехал до Калужской площади. Это бы полбеда, но во всем потоке экипажей, кативших по Коровьему валу, в таком бесстрашном виде оказался я один, что со стороны должно было казаться странным. Солидный человек при больших усах и бакенбардах почему-то не желает поднять на коляске кожаный фартук: с краев котелка ручьем стекает вода, лицо тоже всё залито, хороший твидовый костюм повис мокрым мешком. Однако как иначе меня опознали бы люди доктора Линда?

У моих ног стоял тяжелый чемодан, битком набитый четвертными. Впереди и сзади, храня осторожную дистанцию, ехали агенты полковника Карновича. Я пребывал в странном спокойствии, не испытывая ни страха, ни волнения – наверное, нервы пришли в онемение от долгого ожидания и сырости.

Назад оглядываться я не смел, ибо это строжайше запрещалось инструкцией, но по бокам время от времени поглядывал, присматриваясь к редким прохожим. За полчаса до выезда мне протелефонировал Фома Аникеевич и сказал:

– Господин Ласовский решил принять собственные меры – я слышал, как он докладывал его высочеству. Расставил филеров от Калужской площади до самой Москвы-реки, в полусотне шагов друг от друга. Велел им не зевать и брать всякого, кто приблизится к вашему экипажу. Боюсь, не произошло бы от этого опасности для Михаила Георгиевича.

Филеров я распознавал без труда – кто ж кроме них станет прогуливаться со скучающим видом под таким ливнем? Только помимо этих господ с одинаковыми черными зонтами на тротуарах, почитай, никого и не было. Лишь ехали экипажи в обе стороны, и тесно – чуть не колесо к колесу. За Зацепским валом (название я прочел на табличке) сбоку ко мне пристроился батюшка в колымаге с натянутым клеенчатым верхом. Сердитый, спешил куда-то и все покрикивал на переднего кучера: «Живей, живей, раб божий!» А куда живей, если впереди сплошь кареты, коляски, шарабаны и омнибусы?

Миновали речку или канал, потом реку пошире, цепочка из филеров давно закончилась, а никто меня так и не окликнул. Я уж было совсем

уверился, что Линд, приметив агентов, решил от встречи отказаться. На широком перекрестке поток остановился – городской в длинном дождевике, отчаянно свистя, дал дорогу проезжающим с поперечной улицы. Воспользовавшись заминкой, меж экипажей засновали мальчишки-газетчики, вопя: «Газета-копейка!» «Московские ведомости!» «Русское слово!»

Один из них, с прилипшим ко лбу льняным чубом и в темной от влаги плисовой рубахе навывпуск вдруг схватился рукой за оглоблю и проворно плюхнулся рядом со мной на сиденье. Такой он был юркий, маленький, что за стеной дождя с задних колясок его навряд ли и разглядели.

– Вертай вправо, дядя, – сказал паренек, толкнув меня локтем в бок. – И башкой не верти, не велено.

Мне очень хотелось оглянуться, не прозевали ли агенты такого неожиданного посланца, но я не посмел. Сами увидят, как я сверну.

Потянул вожжи вправо, щелкнул хлыстом, и лошадь повернула в косую улицу, очень приличного вида, с хорошими каменными домами.

– Гони, дядя, гони! – крикнул мальчишка, оглядываясь. – Дай-ка.

Вырвал у меня хлыст, свистнул по-разбойничьи, стегнул каурую, и та что было мочи загрохотала копытами по булыжнику.

– Вертай туды! – Мой провожатый ткнул пальцем влево.

Мы вылетели на улочку поменьше и попроще, промчали квартал, и повернули еще. Потом еще и еще.

– Туды ехай, в подворотню! – показал газетчик.

Я придержал вожжи, и мы въехали в темную, узкую арку.

Не прошло и полминуты, как мимо с топотом и лязгом пронеслись две коляски с агентами, потом стало тихо, только дождь, разлетаясь брызгами, все гулче колотил по мостовой.

– Дальше-то что? – спросил я, осторожно приглядываясь к посланцу.

– Жди, – важно обронил он, дую на озябшие ладони.

Получалось, что на дворцовую полицию рассчитывать нечего и я предоставлен самому себе. Но страшно мне не было, ибо с таким противником я уж как-нибудь справился бы и один. Мальчишка – это уже кое-то. Схватить за худенькие плечи, как следует потрясти, и расскажет, кто его подослал. Вот ниточка и потянется.

Я пригляделся к малому получше, отметил припухший, совсем не детский рот, сощуренные глаза. Волчонок, истинный волчонок. Из такого правды не вытрясешь.

Вдруг издали снова донесся звук приближающегося экипажа. Я вытянул шею, и мальчишка немедленно этим воспользовался. Я услышал

шорох, обернулся, а рядом со мной уже никого не было, только смазанный след на мокром сиденье.

Грохот был уже совсем близко. Я соскочил с козел, выбежал из подворотни на тротуар и увидел четверку крепких вороных коней, прытко катившую за собой наглухо зашторенную карету. Возница в низко опущенном капюшоне громко выстреливал над блестящими конскими спинами длинным кнутом. Когда экипаж поровнялся с аркой, шторы внезапно распахнулись, и я увидел прямо перед собой бледное личико его высочества, золотые кудри и знакомую матросскую шапочку с красным помпоном.

Михаил Георгиевич тоже меня увидел и звонко закричал:

– Афон! Афон!

Именно так он меня всегда и звал.

Я тоже хотел крикнуть, разинул рот, но только всхлипнул.

Господи, как быть?

Выгонять из подворотни двуколку задом – целая история, не успеешь.

Не помня себя и не соображая, что делаю, я кинулся бежать за каретой.

Даже не заметил, как с головы слетел мокрый котелок.

– Стой! – кричу. – Стой!

Над крышей мне было видно круглую шляпу кучера, да взлетающий кнут.

Никогда в жизни я так не бегал, даже и в бытность дворцовым скороходом.

Конечно, нипочем бы мне не догнать четверку лошадей, если б улочка вдруг не стала заворачивать круто вбок. Карета немного замедлила ход, слегка качнувшись на сторону. Я в несколько огромных скачков сократил расстояние, прыгнул и уцепился обеими руками за багажную скобу. Подтянулся и совсем уже было влез на запятки, но тут возница, не оборачиваясь, вымахнул кнутом назад, поверх крыши, ожег меня по темени, и я сорвался. Упал лицом в лужу, да еще прокатился по ней, подняв целый фонтан брызг. Приподнялся на руках, но карета уже сворачивала за угол.

А когда, хромая и вытирая рукавом испачканное лицо, вернулся к двуколке, чемодана с деньгами там уже не было.

Торжественный кортеж уже миновал Триумфальные ворота, когда я, запыхавшийся и обливающийся потом, выскочил из наемного экипажа и, бесцеремонно орудуя локтями, стал пробиваться сквозь густую толпу, что облепила Большую Тверскую-Ямскую с обеих сторон.

Вдоль мостовой шпалерами стояли войска, и я протиснулся поближе к офицеру, пытаясь вытянуть из кармана узорчатый картонный талон на право участия в шествии – дело это оказалось весьма непростое, ибо из-за тесноты распрямить локоть никак не удавалось. Я понял, что придется выждать, пока мимо проследует государь, а потом проскользнуть в хвост колонны.

В небе сияло праздничное, лучезарное солнце – впервые после стольких пасмурных дней; воздух полнился накатами благовеста и криками «ура!».

Император совершал церемониальный въезд в древнюю столицу, следовал из загородного Петровского дворца в Кремль.

Впереди на огромных жеребцах ехали двенадцать конных жандармов, и какой-то насмешливый голос за моей спиной довольно громко сказал:

– C'est symbolique, ne c'est pas?^[14] Сразу видно, кто у нас в России главный.

Я оглянулся, увидел две очкастые студенческие физиономии, взиравшие на шествие с брезгливой миной.

За жандармами, переливаясь на солнце серебряным шитьем кармазиновых черкесок, покачивались в седлах казаки императорского конвоя.

– И с нагаечками, – заметил все тот же голос.

Потом не слишком стройным каре проследовали донцы, а за ними и вовсе безо всякого строя ехала депутация азиатских подданных империи – в разноцветных одеяниях, на украшенных коврами тонконогих скакунах. Я узнал эмира бухарского и хана хивинского, оба при звездах и золотых генеральских эполетах, странно смотревшихся на восточных халатах.

Ждать было еще долго. Миновала длинная процессия дворянских представителей в парадных мундирах, за ними показался камер-фурьер Булкин, возглавлявший придворных служителей: скороходов, арапов в чалмах, камер-казаков.

Но вот на убранных флагами и гирляндами балконах зашумели,

замахали руками и платками, зрители подались вперед, натянув канаты, и я догадался, что приближается сердцевина колонны.

Его величество ехал в одиночестве, очень представительный в семеновском мундире. Грациозная белоснежная кобыла Норма чутко прядала узкими ушами и косилась по сторонам влажным черным глазом, но с церемониального шага не сбивалась. Лицо царя было неподвижно, скованное примерзшей улыбкой. Правая рука в белой перчатке застыла у виска в воинском салюте, левая слегка пошевеливала золоченую уздечку.

Я дождался, пока проедут великие князья и открытые ландо с их величествами вдовствующей и царствующей императрицами, и, предъявив оцеплению пропуск, поспешно перебежал через открытое пространство.

Оказался в пешей колонне сенаторов, пробрался в самую середину, подальше от взоров публики и, бормоча извинения, зигзагами заскользил вперед. Важные господа, многих из которых я знал в лицо, с недоумением косились на невежу в зеленой ливрее дома Георгиевичей, но мне было не до приличий. Письмо доктора Линда жгло мне грудь.

Мельком увидел на запятках коляски императрицы-матери полковника Карновича, переодетого камер-лакеем – в камзоле, напудренном парике, но при этом в неизменных синих очках, – однако начальник царской охраны сейчас помочь мне не мог.

Я должен был срочно переговорить с Георгием Александровичем, хотя и он возникшей проблемы не разрешил бы. Тут нужен был сам государь. Хуже того – государыня.

* * *

После вчерашнего конфуза полковнику Карновичу был шумный разнос от Георгия Александровича за плохую подготовку агентуры. Перепало и мне, уже от них обоих, за то, что ничего толком не разглядел и даже мальчишку-газетчика не задержал.

Фандорина при этой мучительной для меня сцене не было. Как мне чуть позднее доложил Сомов, еще до моего отбытия на встречу с людьми доктора Линда бывший статский советник и его японец куда-то отбыли и с тех пор не появлялись.

Их отсутствие не давало мне покоя. Несколько раз в течение вечера и еще раз уже далеко за полночь я выходил наружу и смотрел на их окна. Свет не горел.

Утром я проснулся от резкого, нервного стука. Решил, что это Сомов, и

открыл дверь в ночном колпаке и шлафроке. Каково же было мое смущение, когда я увидел перед собой ее высочество!

Ксения Георгиевна была бледна и, судя по теням под глазами, спать не ложилась вовсе.

– Его нет, – сказала она скороговоркой. – Афанасий, он не ночевал!

– Кто, ваше высочество? – испуганно спросил я, сдергивая колпак и слегка приседая, чтобы полы халата достали до пола и прикрыли мои голые щиколотки.

– Как кто! Эраст Петрович! Ты, может быть, знаешь, где он?

– Никак нет, – ответил я, и на душе сделалось очень скверно, потому что выражение лица ее высочества мне совсем не понравилось.

Фандорин и его слуга объявились после завтрака, когда великие князья уже отбыли в Петровский дворец для приготовления к торжественному въезду. Дом был полон агентов полиции, потому что ожидалось следующее послание от похитителей. Я держался поближе к телефону и все время гонял Сомова к подъезду, посмотреть, не подбросили ли новой записки. Впрочем, это было лишнее, потому что в кустах вдоль всей подъездной аллеи дежурили филеры полковника Ласовского. На сей раз никому не удалось бы перелезть через ограду и подойти к Эрмитажу незамеченным.

– Ребенка видели? – спросил меня Фандорин вместо приветствия. – Жив?

Я сухо рассказал ему о вчерашнем, ожидая очередной порции упреков за упущенного газетчика.

Чтобы предупредить реприманд, сказал сам:

– Знаю, что виноват. Нужно было не за каретой бежать, а этого маленького негодяя держать за шиворот.

– Г-главное, что вы хорошо разглядели малыша и что он цел, – заметил Фандорин.

Упреки я бы снес, потому что они были вполне заслужены, но этакая снисходительность показалась мне возмутительной.

– Да ведь единственная зацепка утрачена! – с сердцем сказал я, давая понять, что не нуждаюсь в его фальшивом великодушии.

– Какая там зацепка, – слегка махнул он рукой. – Обычный вихрастый п-постреленок, одиннадцати с половиной лет от роду. Ничего ваш Сенька Ковальчук не знает, да и не мог знать. За кого вы держите д-доктора Линда?

Должно быть, у меня отвисла челюсть, потому что прежде, чем заговорить, я преглупо шлепнул губами.

– Се... Сенька? Ковальчук? – повторил я, ни с того ни с сего тоже начав заикаться. – Вы что, его нашли? Но как?!

– Да очень просто. Я хорошо его разглядел, когда он шмыгнул к вам в д-двуколку.

– Разглядели? – переспросил я и сам на себя разозлился за попугайство. – Как вы могли что-либо разглядеть, если вас там не было?

– То есть как это не было? – с достоинством произнес Фандорин, насупил брови и вдруг загудел басом, показавшимся мне на удивлении знакомым. – «Живей, живей, раб божий!» Не признали? Я же, Зюкин, все время был рядом с вами.

Поп, тот самый поп из колымаги с клеенчатым верхом!

Взяв себя в руки, я придал лицу пристойную невозмутимость.

– Мало ли что вы были рядом. Но ведь за нами вы не поехали.

– А зачем? – Взгляд его голубых глаз был так безмятежен, что я заподозрил издевку. – Я видел д-достаточно. У мальчишки в сумке была газета «Московский богомолец». Это раз. В пальцы крепко въелась типографская краска, а стало быть, и вправду газетчик, каждый день сотни номеров через свои руки пропускает. Это два...

– Да мало ли мальчишек торгуют «Богомольцем»! – не выдержал я. – Я слышал, что этот бульварный листок в Москве расходуется чуть не по сто тысяч в день!

– А еще у мальчишки на левой руке было шесть пальцев – не заметили? И это три, – невозмутимо закончил Фандорин. – Вчера вечером мы с Масой обошли все десять пунктов, где г-газетчики «Московского богомольца» получают свой товар и без труда выяснили личность интересующего нас субъекта. Правда, пришлось его немножко поискать, а когда нашли, то еще и побегать, но от нас с Масой убежать довольно трудно, в особенности такому юному созданию.

Просто. Господи, как это просто – вот первое, что пришло мне в голову. Действительно, нужно было всего лишь получше приглядеться к посланцу похитителей.

– Что же он вам рассказал? – нетерпеливо спросил я.

– Ничего интересного, – ответил Фандорин, подавив зевок. – Самый обычный Сенька. Зарабатывает продажей газет на кусок хлеба да еще на водку своей пьющей мамке. С уголовным миром никак не связан. Вчера его нанял какой-то «дядька», посулил т-трешницу. Объяснил, что надо делать. П-пригрозил брюхо распороть, если что напутает. Сенька говорит, дядька сурьезный, такой и взаправду распорет.

– А что еще он про этого «дядьку» сказал? – с замиранием сердца спросил я. – Как он выглядел? Как был одет?

– Обнакновенно, – мрачно вздохнул Фандорин. – Видите ли, Зюкин, у

нашего с вами юного знакомого очень небольшой лексикон. На все вопросы ответ – «обнаковенно» и «а кто его знает». Единственная установленная примета н-нанимателя – «мордатый». Боюсь, это нам мало чем поможет... Ладно, пойду немного отдохну. Когда придет весточка от Линда, разбудите.

И ушел к себе, неприятный человек.

А я всё не решался далеко отойти от телефонного аппарата, что стоял в прихожей. Расхаживал взад-вперед, стараясь сохранять вид строгой задумчивости, но слуги уже начинали поглядывать в мою сторону с явным недоумением. Тогда я встал у окна и притворился, что наблюдаю, как лорд Бэнвилл и мистер Карр, оба в белых брюках и клетчатых кепи, играют в крокет.

Собственно говоря, они не играли, а с весьма кислым видом прогуливались по крокетной площадке, причем милорд беспрестанно что-то говорил, кажется, все больше сердясь. Наконец он остановился, обернулся к своему спутнику и пришел в истинное неистовство – замахал руками, а раскричался так, что даже мне через стекло было слышно. Никогда раньше не видывал, чтобы английские лорды вели себя подобным образом. Мистер Карр слушал со скучливым видом, нюхая свою крашеную гвоздику. Фрейби стоял несколько в стороне, на господ не смотрел вовсе, а покуривал трубку. Подмышкой у батлера были зажаты два деревянных молотка с длинной ручкой.

Вдруг лорд Бэнвилл выкрикнул что-то особенно громкое и влепил мистеру Карру звонкую пощечину, от которой у сего последнего слетело кепи. Я обмер, испугавшись, что британцы сейчас затеят прямо здесь, на лужайке, свой варварский бокс, но мистер Карр лишь кинул цветок под ноги милорду и пошел прочь.

Его светлость простоял на месте не более нескольких мгновений, а потом бросился вдогонку за своим сердечным другом. Догнал, схватил за руку, но мистер Карр рывком высвободился. Тогда милорд бухнулся на колени и в такой неавантажной позе засеменил за побитым. Фрейби, позевывая, двинулся следом со своими колотушками.

Я не понял, что у них там произошло, и, честно говоря, мне было не до их английских страстей. К тому же мне пришла на ум отличная мысль, освобождавшая от прикованности к телефону. Я послал за старшим из агентов и попросил его сменить меня в прихожей с тем, чтобы при звонке от похитителей за мной немедленно послали в оранжерею.

Кажется, описывая Эрмитаж, я забыл упомянуть о самом приятном помещении этого старого дворца – застекленном зимнем саде, выходившем своими высокими окнами на Москву-реку.

Именно это уединенное и располагающее к задушевной беседе место я избрал для того, чтобы исполнить дело, мучившее меня уже четвертый день. Следовало преодолеть проклятую застенчивость и сказать, наконец, бедной, исстрадавшейся мадемуазель Деклик, что ей не из-за чего так казниться. Ну откуда ей было знать, что за кустами спрятана еще одна карета? Ведь даже сам хитроумный Фандорин, знавший о докторе Линде, и тот не догадался.

Я велел Липпсу накрыть в оранжерее столик на два прибора и послал к мадемуазель спросить, не угодно ли ей выпить со мной чаю. (В Петербурге мы частенько сживали так вдвоем за чашкой-другой доброго кяхтинского олонга.)

Уголок я выбрал славный, совершенно закрытый от остальной части оранжереи пышными кустами магнолии. Пока ждал гувернантку, очень волновался, подбирая правильные слова – недвусмысленные, но в то же время не слишком навязчивые.

Однако, когда мадемуазель пришла – печальная, в строгом темно-сером платье, с шалью на плечах – я не решился так сразу приступить к щекотливой теме.

– Смешно, – сказал я, откашлявшись. – И здесь сад, и там.

Я имел в виду, что мы сидим в зимнем саду, а за стеклом тоже сад, только натуральный.

– Да, – ответила она, опустив голову и помешивая ложечкой чай.

– Напрасно вы... – вырвалось у меня, но тут она подняла голову, взглянула на меня своими блестящими глазами, и я закончил не так, как намеревался. – ... тепло оделись, сегодня совсем летний день, даже жарко.

Ее взгляд погас.

– Мне не жажко, – тихо проговорила мадемуазель, и мы оба замолчали. Из-за этой-то тишины всё и произошло.

В оранжерее раздались шаги, и донесся голос Ксении Георгиевны:

– Да-да, Эраст Петрович, здесь в самый раз. Никто не мешает.

Я хотел отодвинуть стул и подняться, но мадемуазель Деклик вдруг сжала мне пальцами запястье, и от неожиданности я окоченел, потому что за все время нашего знакомства подобным образом она дотронулась до меня впервые. Когда же я пришел в себя, было уже поздно подавать голос – дело меж ее высочеством и Фандориным зашло слишком далеко.

– Что вы хотите мне сообщить? – негромко и, как показалось, настороженно спросил он.

– Только одно... – прошептала в ответ Ксения Георгиевна, но так ничего и не прибавила – лишь раздался шорох ткани и легчайший скрип.

Обеспокоенный, я раздвинул пышные листья и обмер: ее высочество, привстав на цыпочки (это скрипели ее башмачки – вот что), обнимала Фандорина обеими руками за шею и прижималась губами к его губам. Рука сыскного советника была беспомощно отставлена в сторону; пальцы сжались, потом разжались, и вдруг, словно решившись, взметнулись вверх и принялись гладить Ксении Георгиевне нежный затылок с распушившимися прядками светлых волос.

У самого моего уха раздалось учащенное дыхание – это мадемуазель, тоже раздвинув ветки, смотрела на целующуюся пару. Меня поразило странное выражение ее лица: брови, как бы приподнятые в веселом удивлении, подрагивающая полуулыбка на устах. От двойной скандальности ситуации – самого факта поцелуя и моего невольного подглядывания – меня бросило в холодный пот. А моя сообщница, похоже, никакой неловкости не чувствовала.

Лобзание длилось долго, очень долго. Я и не предполагал, что возможно целоваться безо всякой передышки в течение столь продолжительного времени. Впрочем, на часы я не смотрел, и, возможно, ожидание показалось мне таким нескончаемым из-за кошмарности происходящего.

Но вот объятия разжались, и я успел увидеть сияющие глаза ее высочества и потерянную, совсем не такую, как всегда, физиономию соблазнителя. А потом Ксения Георгиевна с самым решительным видом взяла Фандорина за руку и увела прочь.

– Как вы думаете, куда это она его? – спросил я шепотом, избегая смотреть на мадемуазель.

Раздался странный звук, похожий на хихиканье. Я удивленно взглянул на гувернантку, но она выглядела вполне серьезной.

– Благодахю за чай, Афанасий Степанович, – чопорно поклонилась мадемуазель и оставила меня в одиночестве.

Я пытался собраться с мыслями. Что делать? Честь императорского дома находилась под угрозой – бог весть, куда может пойти это увлечение, если вовремя не вмешаться. Сообщить Георгию Александровичу? Но взваливать на него еще и это бремя мне показалось невозможным. Нужно было что-то придумать самому.

Сосредоточиться на важном мешали совершенно посторонние мысли.

Зачем мадемуазель взяла меня за руку? Я до сих пор чувствовал сухой жар ее пальцев.

И в каком смысле было хихиканье, если оно, конечно, мне не прислышалось?

Стекла дрогнули от упругого удара, донесся могучий гул – это с кремлевских башен ударили пушки, извещая о начале шествия. Значит, уже настал полдень.

И почти в ту же самую минуту меня позвали в прихожую. Почтальон доставил дневную корреспонденцию, и среди обычных конвертов, содержащих всевозможные приглашения, извещения и призывы к благотворительности, обнаружился один без штемпеля.

Над этим бумажным прямоугольником, белевшим посреди призеркального столика мы и собрались: я, двое агентов и Фандорин, необычно румяный и с заметно скособоченным воротничком.

Пока он допрашивал почтальона – каким путем шел, да не оставлял ли где сумку, я трясущимися пальцами вскрыл конверт, и вместе со сложенным вчетверо листком вынул локон мягких, золотистых волос.

– О Господи! – вырвалось у меня, потому что волосы вне всякого сомнения принадлежали Михаилу Георгиевичу.

Фандорин оставил испуганного почтальона и присоединился ко мне. Мы прочли послание вместе.

Господа, вы нарушили условия сделки. Ваш посредник попытался отбить товар силой, не заплатив оговоренной платы. Как первое предупреждение посылаю вам прядь волос принца. При следующем вероломстве с вашей стороны получите его палец.

Господину с собачьими бакенбардами доверия больше нет. Иметь с ним дело я отказываюсь. Сегодня на встречу должна прийти гувернантка принца, которую я видел в парке. Чтобы не обременять даму тасканием тяжелого чемодана, на сей раз извольте передать мне в качестве очередного взноса сапфировый бант-склаваж работы лейб-ювелиров царицы Елисаветы – эта безделушка, по мнению моего специалиста, стоит как раз миллион или, возможно, чуть больше, но ведь мы не станем мелочиться?

Начиная с шести часов пополудни гувернантка должна в совершенном одиночестве прогуливаться по Арбату и окрестным переулкам – каким ей угодно маршрутом, однако же выбирая места побезлюдней. К ней подойдут.

Искренне ваш,

доктор Линд.

- Боюсь, это невозможно, – вот первое, что я сказал.
- П-почему? – спросил Фандорин.
- По росписи коронных драгоценностей бант-склаваж причислен к coffret^[15] царствующей императрицы.
- Ну и что?

Я только вздохнул. Откуда ему было знать, что для ее величества, ревниво охраняющей достоинство своего несколько призрачного статуса, коронные драгоценности имеют особенное, болезненное значение.

По установленному церемониалу овдовевшая императрица обязана передавать coffret своей преемнице немедленно по восшествии новой царицы на престол, однако Мария Феодоровна, будучи ценительницей прекрасного, а также особой своенравной (и, скажем откровенно, не слишком жалую невестку) расставаться с драгоценностями не пожелала и запретила своему венценосному сыну докучать ей разговорами на эту тему.

Возникла тягостная ситуация, когда его величество, являющийся с одной стороны почтительным сыном, а с другой, любящим супругом, оказался, что называется, между двух огней и не знал, как ему быть. Противостояние длилось много месяцев и закончилось совсем недавно неожиданным, но сильным демаршем молодой императрицы. Когда, после многочисленных намеков и даже прямых требований с ее стороны, Мария Феодоровна прислала малую часть coffret (в основном нелюбимые ею изумруды), Александра Феодоровна объявила супругу, что считает ношение драгоценностей дурновкусием и отныне ни на каких церемониях бриллиантов, сапфиров, жемчуга, золота и прочих суетных украшений носить не станет. И сослалась на Священное Писание, где сказано: «Доброе имя лучше большого богатства, и добрая слава лучше серебра и золота». После такой угрозы пришлось-таки императрице-матери расстаться с драгоценностями, и, насколько мне было ведомо, всё содержимое coffret Александра Феодоровна привезла в Москву, дабы на многочисленных балах, приемах, церемониях предстать перед подданными и чужеземными посланцами во всем блеске.

Нужно было срочно добраться до Георгия Александровича.

* * *

Перед тем, как перебежать от ландо Марии Феодоровны к конной группе великих князей, мне пришлось задержаться, ибо шествие как раз вступило на Триумфальную площадь и мой маневр слишком бы бросился в

глаза. Часы показывали уже половину второго. Времени оставалось всё меньше.

Удобный случай представился, когда в небо с крыши большого дома на углу Тверской взвились ракеты, оставляя за собой шлейфы разноцветного дыма. Публика, как по команде, задрала головы вверх и восторженно загудела, а я быстро пересек открытое пространство и спрятался меж конских круп. Согласно церемониалу, каждую из лошадей, на которых восседали их высочества, вел под уздцы кто-то из придворных кавалеров. Я увидел Павла Георгиевича, с тоской во взоре и голубовато-зеленым оттенком лица; рядом вышагивал бодрый и румяный Эндлунг.

– Афанасий, – жалобно позвал меня его высочество. – Мочи нет. Добудь рассольчику. Ей-богу, сейчас вытошнит...

– Потерпите, ваше высочество, – сказал я. – Скоро уже Кремль.

И стал протискиваться дальше. На меня недоуменно покосился какой-то чинный господин, судя по красным выпушкам на обшлагах и пуговицах с охотничьими рожками, из егермейстеров, которых в новое царствование расплодилось столько, что всех не упомнишь.

Трое дядьев его величества образовывали первый ряд великокняжеского кортежа. Я пробрался к рыжему текинцу Георгия Александровича, взял его под уздцы (так что теперь нас, подуздных, оказалось двое – я и шталмейстер граф Антон Аполлонович Опраксин) и молча сунул его высочеству письмо от Линда.

Увидев локон, Георгий Александрович переменялся в лице. Быстро пробежал глазами строчки, тронул текинца шпорами в поджарые бока и стал медленно догонять одинокую фигуру государя. Граф в ужасе выпустил уздечку. Я тоже.

Можно было не сомневаться, что теперь в международной политике разразится настоящая буря. То-то нынче полетят шифрованные депеши иностранным дворам и правительствам: генерал-адмирал Георгий Александрович демонстрирует свое особенное положение при царе и, вероятно, отныне может считаться самой влиятельной персоной Российской империи. Пускай. Не до того.

Гордо подбоченясь, точь-в-точь как племянник, его высочество неспешно приблизился к государю и поехал рядом, всего на пол-корпуса сзади. Дородная фигура генерал-адмирала смотрелась куда величественней, чем узкий силуэт самодержца. По подрагиванию пышного уса его высочества я догадался, что Георгий Александрович, не поворачивая головы, докладывает императору о письме. Голова царя заметно дернулась в сторону. Потом точно так же зашевелился ус, менее

пышный, чем у Георгия Александровича, и великий князь стал потихоньку отставать – пока не сравнялся с братьями.

Поскольку я находился совсем близко, то слышал, как Кирилл Александрович бешено прошипел:

– Tu es fou, Georgie, ou quoi?^[16]

* * *

Не знаю, заметили ли москвичи, что после того, как торжественный кортеж ступил на Тверскую, движение колонны существенным образом убыстрилось, но уже двадцать минут спустя государь въезжал в Спасские ворота, а еще через четверть часа от крыльца Большого Кремлевского дворца одна за другой отъехали закрытые кареты.

Лица, посвященные в тайну, спешили в Эрмитаж на экстренное совещание.

На сей раз в малую гостиную пожаловала и государыня, от воли которой зависел весь исход дела.

Поскольку мне пришлось наскоро подавать к столу легкие закуски, кофе, сельтерскую воду и оранжад для ее величества (ничто так не разжигает жажду и аппетит, как продолжительные церемониальные шествия), я пропустил начало обсуждения и восстановил его ход уже задним числом, по репликам присутствующих.

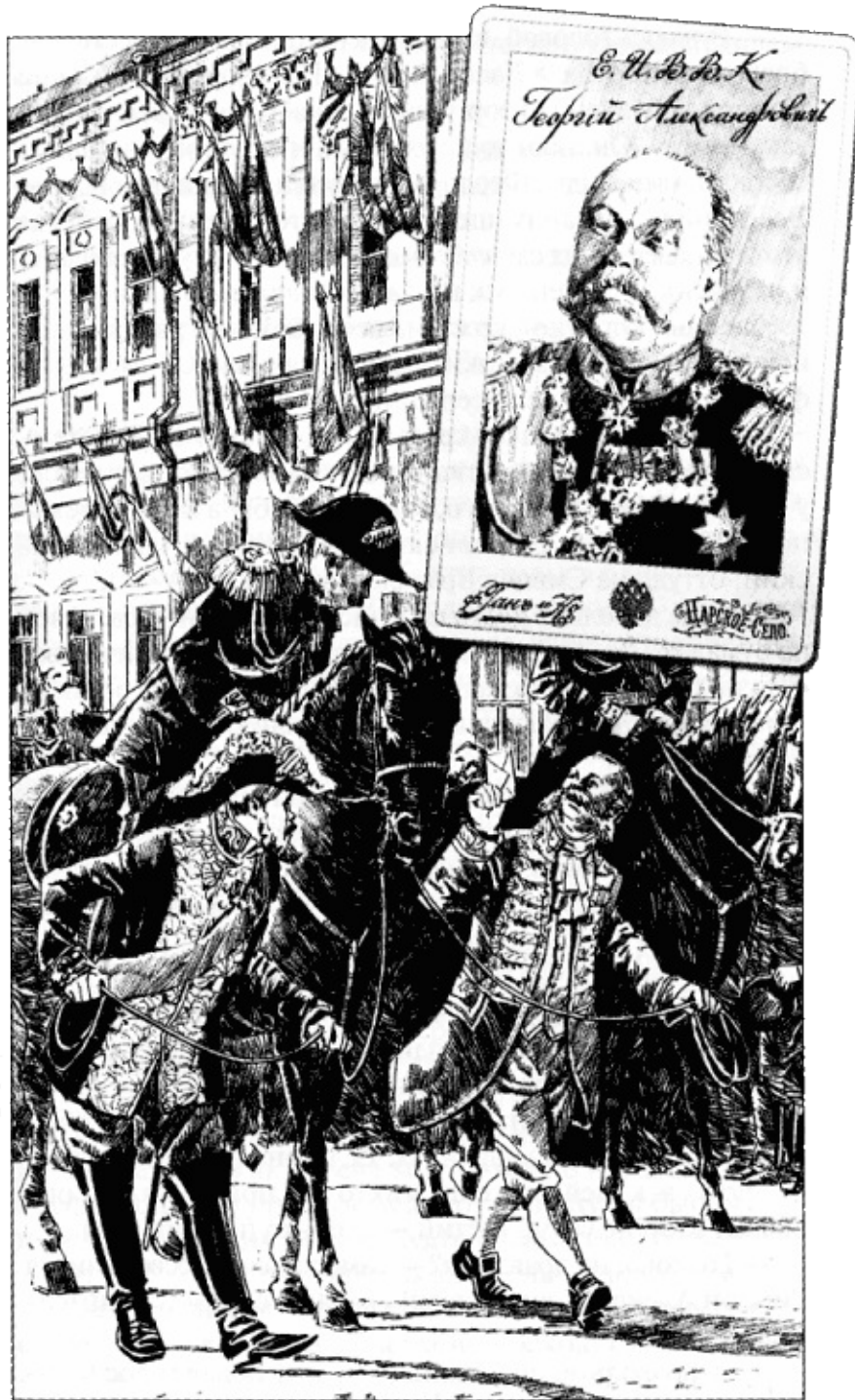
Так, например, без меня прошло деликатное объяснение с царицей по поводу сапфирового склаважа. Я застал ее величество хоть и сердитой, но уже смилившейся с неизбежным.

– Однако его помазанное величество обещал мне, что эта вещь будет мне непременно возвращена в целость и сохранность, – строго говорила государыня обер-полицмейстеру Ласовскому, как раз когда я вошел с подносом.

Из этих слов, а также из того, что полковник Карнович сидел с весьма надутым видом, я заключил, что после вчерашней неудачи руководство операцией передано московской полиции. Здесь же был и Фандорин – надо полагать, в своей функции советника.

Ее величество, не имевшая времени переодеться, была в парадном платье белой парчи, сплошь утканном драгоценными камнями, и тяжелом бриллиантовом ожерелье, великие князья не успели снять звезд, муаровых орденских лент и андреевских цепей, и от всего этого переливчатого мерцания скромная тесная комната вдруг напомнила мне кладовку, в

– Ручаюсь головой, ваше императорское величество, – браво отрапортовал Ласовский. – И сапфиры никуда не денутся, и Михаила Георгиевича освободим, и всю шайку зацапаем. – Он азартно потер руки, и от этого вульгарного жеста Александра Феодоровна слегка наморщила нос. – Всё пройдет в наилучшем виде, потому что на сей раз этот мерзавец

Линд сам себе расставил ловушку. Позвольте, я разъясню – у меня уж и план составлен.

Он сдвинул рукой со стола все заботливо расставленные мной бокалы и чашки, схватил накрахмаленную салфетку и разложил ее посередине.

– Это Арбат и его окрестности, второй Пречистенский участок. Гувернантка выйдет из коляски вот здесь, у Малого Афанасьевского, потом, как бы в нерешительности, помедлит и свернет сюда, на Большой Афанасьевский, оттуда на Сивцев Вражек, потом...

Он еще довольно долго перечислял повороты, сверяясь по бумажке. Все внимательно слушали, хотя ее величество, судя по брезгливой складке у рта, больше думала о запахе пота, явственно исходившем от распаренного обер-полицмейстера.

– Итого – я уже посчитал – она минует на своем пути девятнадцать отрезков, на которых расположено двести тридцать домов. – Ласовский торжествующе оглянулся на государя и отчеканил. – *И в каждом из этих домов будет находиться по моему человеку.* В каждом! Именно этим сейчас и занимаются мои помощники. То есть при всей видимой случайности маршрута гувернантки она все время будет находиться в поле нашего зрения, однако же злодеям это будет невдомек, поскольку филеры, агенты и переодетые городовые расположатся в обывательских домах и квартирах. Если она пройдет по всему пути, а к ней все еще никто не приблизится, она сделает второй заход, третий – сколько понадобится.

– Толково, не правда ли? – самодовольно осведомился Симеон Александрович, очень гордый своим полицмейстером.

– П-позвольте, полковник, – вдруг подал голос Фандорин. – А вы уверены, что мадемуазель Деклик, никогда прежде не бывавшая в Москве, не запутается в вашем мудренном маршруте?

Ласовский насупился:

– Я лично запрюсь с ней в комнате и заставлю выучить наизусть все углы и повороты. У нас останется для этого целый час.

Фандорин, казалось, был удовлетворен ответом и ни о чем больше не спрашивал.

– Нужно послать за склаважем, – вздохнув, сказал государь. – И да поможет нам Господь.

В половине пятого, когда бледная, с решительно закушенной губой мадемуазель шла к экипажу, где ее ожидали два жандармских офицера в штатском, в коридоре к ней подошел Фандорин. Я был рядом и слышал каждое слово.

– От вас, сударыня, требуется только одно, – очень серьезно сказал он. – Не подвергать жизнь мальчика угрозе. Будьте наблюдательны, это ваше единственное оружие. Я не знаю, что з-задумал Линд на этот раз, но руководствуйтесь собственным разумением, никого не слушайте и никому не доверяйтесь. Для полиции важна не столько жизнь вашего воспитанника, сколько избежание огласки. И еще... – Он посмотрел ей прямо в глаза и проговорил то самое, что недавно пытался, да не сумел сказать я. – Не вините себя в случившемся. Если б вы и не оставили малыша одного, ваше присутствие все равно ничего бы не изменило. Лишь прибавило бы лишнюю жертву, потому что доктор Линд свидетелей не оставляет.

Мадемуазель быстро-быстро затрепетала ресницами, и мне показалось, что с них слетела слезинка.

– Merci, monsieur, merci. J'avais besoin de l'entendre. [\[17\]](#)

Она положила Фандорину руку на запястье – совершенно так же, как давеча мне – и еще пожала. Он же, префамильярно стиснув ей локоть, кивнул и быстро пошел к себе с таким видом, будто очень куда-то спешил.

От всех этих пожатий я окончательно пал духом.

[Забегая вперед – позднее станет ясно, почему – расскажу, чем закончилась операция московской полиции.

План полковника Ласовского был очень недурен и наверняка увенчался бы успехом, если б Линд исполнил условия предложенной им же встречи. Но именно этого коварный доктор, увы, и не сделал.

Итак, гувернантка ехала в коляске на Арбат. В руках у нее был бархатный ридикюль с бесценным сокровищем, рядом находились два жандарма: один напротив, другой на козлах.

Сразу за Крымским мостом, когда экипаж повернул на какую-то улицу (если не ошибаюсь, она называлась Остоженкой) мадемуазель вдруг выпрямилась в полный рост, обернулась вслед проехавшей навстречу карете и пронзительно закричала:

– Мика! Мика!

Офицеры тоже оглянулись и успели увидеть меж колыхнувшихся занавесок заднего оконца синюю матросскую шапочку.

Разворачивать коляску – как и мне накануне – времени не было, но, к счастью, навстречу ехал извозчик.

Жандармы велели мадемуазель оставаться в экипаже, а сами выкинули из пролетки ваньку и пустились в погоню за каретой, что увозила Михаила Георгиевича.

Догнать не смогли, потому что извозчицъему коньку было не по силам

тягаться с четверкой хороших лошадей, а тем временем к мадемуазель Деклик, потерянно метавшейся на сиденье, приблизился некий господин при усах и бородке, учтиво приподнял фуражку горного ведомства и сказал на безупречном французском:

– Условие выполнено – вы видели принца. А теперь пожалуйста взнос.

Что могла поделать мадемуазель? Тем более, что неподалеку прохаживались еще двое мужчин, по ее словам, куда менее галантерейного вида, чем учтивый господин.

Она отдала ридикюль и, следуя указанию Фандорина, постаралась получше запомнить всех троих.

Ну, запомнила и впоследствии подробнейшим образом описала. А много ль от этого толку? Судя по всему, недостатка в людях доктор Линд не испытывал.]

* * *

О провале задуманной обер-полицмейстером операции я узнал позже, ибо в тот вечер в Эрмитаже меня не было. Когда мадемуазель, так и не доехавшая до хитроумной арбатской ловушки, вернулась обратно, я находился уже далеко от Нескучного сада.

После проводов гувернантки, вынужденной участвовать в рискованном предприятии из-за того, что я повел себя глупо и с заданием не справился, безделье показалось мне особенно мучительным. Я ходил взад-вперед по своей комнате и думал о том, какое чудовище Фандорин. Этого гуттаперчевого господина нельзя подпускать к девушкам и порядочным женщинам. Как бесстыдно вскружил он голову ее высочеству! Как ловко завоевал расположение мадемуазель Деклик! И, главное, зачем? Что этому лощеному, выдавшему виды обольстителю скромная гувернантка – не красавица, не гранд-дама? Зачем было говорить с ней таким бархатным голосом, да еще нежно жать локоток? О, этот субъект просто так ничего не делает.

Тут-то моя мысль и повернула в совершенно неожиданную сторону. Я вспомнил, как Симеон Александрович, знающий Фандорина по прежней жизни, назвал его «авантюристом наихудшего сорта», от которого можно ожидать чего угодно. Такое же впечатление сложилось и у меня.

В моем мозгу одно за другим затеснились подозрения, и, чтобы разобраться, я попытался на манер того же Фандорина выстроить их по ранжиру.

Первое. История про найденного мальчишку-газетчика по некотором размышлении выглядела сомнительной. Ну, предположим, что Фандорин и в самом деле проявил недюжинную изворотливость и разыскал маленького негодяя. Но зачем же было его отпускать? А если тот что-то утаил или вообще наврал и потом побежал докладывать Линду?

Второе. Почему Фандорин отговаривал мадемуазель следовать указаниям полиции и рекомендовал поступать по собственному разумению? Хорош у Ласовского советник, ничего не скажешь!

Третье. Если ему так не по душе план обер-полицмейстера, то почему он прямо не сказал об этом на совещании?

Четвертое. Куда это он так торопился, попрощавшись с мадемуазель? Что вдруг за срочные дела, когда операция проводится без его участия? Снова какой-нибудь хитрый фокус вроде вчерашнего?

И пятое, наиглавнейшее. Правду ли он рассказал про свои отношения с Линдом? В этом у меня тоже уверенности не было.

Эта последняя мысль вкупе с чувством вины за риск, которому по моей милости подвергается мадемуазель, и подвигли меня на поступок, подобного которому я никогда в жизни не совершал. Даже не предполагал, что вообще на это способен.

Я подошел к двери фандоринской комнаты, огляделся по сторонам и приник к замочной скважине. Оказалось, что подглядывать крайне неудобно – очень скоро у меня затекла спина и заныли полусогнутые колени. Но в комнате происходило такое, что мелкие неприятности сразу утратили всякое значение.

Внутри были оба – и господин, и слуга. Фандорин сидел перед зеркалом голый по пояс и производил какие-то непонятные манипуляции со своим лицом. Мне показалось, что он красится, как это проделывает каждое утро мистер Карр – при открытой двери и ничуть не стесняясь прислуги. Маса в ограниченный сектор моего обзора не попал, но я слышал его сопение где-то в непосредственной близости от двери.

Потом, не вставая, Фандорин протянул руку и натянул через голову русскую рубаху малинового шелка, встал, и я перестал его видеть, но зато услышал скрип и потоптывание, словно кто-то надевал смазные сапоги.

К чему этот маскарад? Что здесь затевается?

Я так увлекся, что утратил бдительность и чуть не ударился головой о дверь, заслышав за спиной негромкое покашливание.

Сомов! Ах, как нехорошо.

Мой помощник взирал на меня с неописуемым изумлением. Получилось вдвойне скверно, потому что не далее как утром я устроил ему

разнос за нескромность – проходя перед завтраком по коридору, застал его выходящим из комнаты мадемуазель Деклик, где ему совершенно нечего было делать. На мой строгий вопрос, Сомов, покраснев, признался, что по утрам самостоятельно изучает французский язык и просил гувернантку объяснить ему трудное место из грамматики. Я на это выговорил ему, что, хоть и поощряю изучение персоналом иностранных языков, однако же мадемуазель Деклик нанята для обучения его высочества, а не прислуги. Мне показалось, что Сомов надулся, хотя перечить, конечно, не посмел. И вот такой конфуз!

– Дверные ручки и замочные скважины начищены не лучшим образом, – сказал я, скрыв замешательство. – Вот, полюбуйтесь сами.

Я присел на корточки, подышал на медную ручку, и на ее затуманившейся поверхности, слава богу, проступили следы пальцев.

– Но достаточно постояльцу один раз взяться за ручку, и останется отпечаток. Афанасий Степанович, ведь таких пустяков никто и не разглядит!

– В нашем деле, Корней Селифанович, пустяков не бывает. Вот что вам следовало бы хорошенько уяснить еще прежде того, как вы освоите французский, – с несколько чрезмерной, но оправданной обстоятельствами суровостью произнес я. – Извольте-ка пройти по всем дверям и проверить. Начните с верхних этажей.

Когда он удалился, я вновь припал к скважине, но в комнате уже было пусто и тихо, только покачивалась створка приотворенного окна.

Я достал из кармана мастер-ключ с особенной бороздкой, подходящей для всех дверей в доме, проник внутрь и подбежал к окну.

В самый раз – успел увидеть две фигуры, нырнувшие в кусты: одна была высокая, в черной тужурке и картузе, другая низенькая, в синем халате и с длинной косой, но при этом в котелке. Точно так же Маса выглядел, когда изображал китайца-разносчика в день нашей первой встречи. Подобных «ходов» в Петербурге, да, видно, и в Москве, в последние годы расплодилось видимо-невидимо.

Рассуждать было некогда.

Я решительно перелез через подоконник, спрыгнул на землю и, пригнувшись, побежал следом.

Направление, в котором двигались ряженные, было нетрудно определить по колыханию веток. Я старался не отстать, но и не приближался слишком близко, чтобы себя не выдать.

Фандорин и Маса с впечатлившей меня ловкостью взобрались на ограду и спрыгнули с той стороны. У меня же преодоление этого

препятствия в полторы сажени высотой прошло менее гладко. Я дважды сорвался вниз, а когда все-таки оказался наверху, не осмелился прыгать в опасении сломать или вывихнуть ногу и осторожно сполз по толстым прутьям, причем зацепился фалдой ливреи и разодрал всю полу, испачкал кюлоты и белые чулки. (Как стало ясно впоследствии, если б мы шли не садом, а главной аллеей, то столкнулись бы с мадемуазель Деклик, уже возвращавшейся из своей неожиданно краткой экспедиции.)

Фандорин и Маса, к счастью, отошли недалеко – они стояли и препирались с извозчиком, который, кажется, не очень-то желал сажать столь подозрительную парочку. Наконец, сели, поехали.

Я поглядел вправо, влево. Других ванек не было. Большая Калужская – это ведь даже не улица, а своего рода загородное шоссе, извозчики там редкость.

И снова пригодился давний навык скороходской службы. Я припустил ровным аллюром, держась поближе к ограде парка, благо пролетка катила не так уж и быстро. Лишь у Голицынской больницы, когда у меня уже начало сбиваться дыхание, попался извозчик. Отдуваясь, я упал на сиденье и велел ехать следом, посулив заплатить вдвое против обыкновенной платы.

Возница уважительно поглядел на мою зеленую ливрею с позументами, на золотой эпolet с аксельбантом (для того чтобы проникнуть в церемониальную колонну, я нарядился в парадную форму, а после переодеться времени не было – хорошо хоть треуголка с плюмажем осталась дома) и назвал меня «ваше превосходительство».

На Калужской площади взяли влево, перед мостом выехали на набережную и потом долго никуда не сворачивали. Слава богу, седоки передней коляски ни разу не обернулись – а то мой зеленый с золотом костюм, надо полагать, было видно издалека.

Река раздвоилась. Наш путь лежал вдоль того рукава, что был поуже. Слева между домами показались кремлевские башни с орлами, а мы всё ехали и ехали, так что я уже перестал понимать, в какую часть Москвы нас занесло.

Наконец снова повернули. Прогрохотали по короткому булыжному мосту, потом по длинному деревянному, и еще по одному (на этом была табличка «Малый Яузский мост»).

Дома стали плоше, улицы грязней. И чем дальше мы катились по скверной, изрытой колдобинами мостовой, тем паршивее становились строения, так что уж иначе чем словом «трущобы» их и язык бы не повернулся назвать.

Извозчик вдруг остановил лошадь.

– Воля ваша, барин, а на Хитровку не поеду. Ограбят, лошадь отберут, да еще бока намнут, а то и чего похуже. Местность известная, и дело к вечеру.

И в самом деле уже начинало смеркаться – как это я не заметил.

Поняв, что препираться бессмысленно, я скорей вылез из пролетки и сунул ваньке три рубля.

– Э нет! – ухватил он меня за рукав. – Вон куды заехали, а вы, ваше превосходительство, вдвое обещались!

Фандоринская коляска скрылась за поворотом. Чтобы не отстать, я кинул наглецу еще два рубля и побежал догонять.

Публика мне встречалась весьма неприглядная. Выражаясь попросту – рвань. Как у нас на Лиговке, а то, пожалуй, и похуже. Особенно неприятно было то, что все без исключения пялились на меня.

Кто-то развязно крикнул мне вслед:

– Эй, селезень, ты чего тут потерял?

Я сделал вид, что не слышу.

Пролетки за углом не было – пустая горбатая улочка, кривые фонари с разбитыми стеклами, полуразвалившиеся домишки.

Я кинулся к следующему повороту и тут же метнулся обратно, потому что совсем близко, в полутора десятке шагов, из коляски вылезали те, кого я искал.

Осторожно высунулся из-за угла. Увидел, как к приехавшим с разных сторон подступают отвратительные оборванцы и с любопытством глазают на извозчика, из чего можно было заключить, что приезд ваньки на Хитровку является событием из ряда вон выходящим.

– А рупь с полтинничком? – жалобно произнес возница, обращаясь к заgrimированному Фандорину.

Тот покачался на каблуках, держа руки в карманах, мерзко оскалил рот, причем блеснули нивесть откуда взявшиеся золотые фиксы, и метко плюнул извозчику на сапог. Да еще глумливо осведомился:

– А хрен с приборчиком?

Зеваки злорадно загоготали.

Ай да статский советник, хорош.

Вжав голову в плечи, ванька хлестнул лошадь и укатил, провожаемый свистом, улюлюканьем и выкриками непристойного содержания.

Фандорин и японец, даже не взглянув друг на друга, разошлись в разные стороны. Маса юркнул в подворотню и будто растворился в полумраке, а Эраст Петрович зашагал по самой середине улицы. Немного

поколебавшись, я двинулся за вторым.

Поразительно, как изменилась его походка. Он шел враскачку, словно на невидимых рессорах, руки в карманах, плечи ссутулены. Раза два смачно сплюнул на сторону, наподдал сапогом пустую жестянку. Навстречу, виляя бедрами, шла размазанная девка в пестром платке. Фандорин проворно высунул руку из кармана и ущипнул ее за бок. Как это ни странно, даме такой способ ухаживания пришелся по вкусу – она взвизгнула, заливисто расхохоталась и крикнула вслед кавалеру столь энергичную фразу, что я чуть не споткнулся. Посмотрела бы Ксения Георгиевна, как дешево ценит этот господин ее нежные чувства!

Он свернул в узкий, темный переулок – просто щель между стенами. Я сунулся было за ним, но не прошел и десяти шагов, как меня с двух сторон схватили за плечи. В лицо дохнуло гнилым и кислым, молодой голос гнусаво протянул:

– Ти-ихо, дядя, ти-ихо.

* * *

Две смутно различимые в сумерках фигуры обступили меня справа и слева. Перед глазами сверкнула ледяная искорка на полоске стали, и я почувствовал, что у меня непонятным образом размягчились колени – того и гляди прогнутся не в ту сторону вопреки всем законам анатомии.

– Гли-кося, – просипел другой голос, постарше и похрипатель. – Лопатничек!

Карман, в котором лежало мое портмоне, стал подозрительно легким, но я понял, что лучше не протестовать. К тому же на шум мог вернуться Фандорин, и слежка была бы обнаружена.

– Берите скорей и оставьте меня в покое, – довольно твердо произнес я, но тут же поперхнулся, потому что снизу, из мглы выметнулся кулак и ударил меня под основание носа, отчего я сразу ослеп, а по подбородку потекло горячее.

– Ишь, скорый, – услышал я как сквозь стекло. – А корочки-то, корочки. С золотыми цацками. И кофтер знатный.

Чьи-то пальцы бесцеремонно ухватили меня за рубаху и вытянули ее из-за пояса.

– Здря ты ему, Сека, дышло раскровянил. Рубашечка – чистый батист, а вон уж весь перед обдристал. И портки хороши.

Только теперь я с ужасом понял, что эти уголовники собираются

раздеть меня донага.

– Портки бабьи, но сукнецо ладное. – Меня потянули за край кюлотов. – Маньке на панталоны сгодится. Сымай, дядя, сымай.

Мои глаза привыкли к тусклому освещению, и теперь я мог получше разглядеть грабителей.

Лучше бы не разглядывал – они были кошмарны. У одного половина лица заплыва от чудовищных размеров синяка, другой шумно сопел волглым провалившимся носом.

– Ливрею берите, а штаны и туфли не дам, – сказал я, ибо сама мысль о том, что я, дворецкий Зеленого двора, стану разгуливать по Москве нагишом, была невообразима.

– Не symeshь – с трупака стащим, – пригрозил хриплый и выдернул из-за спины бритву – самую обычную, я сам такой бреюсь, только эта была совсем ржавая и зазубренная.

Я принялся дрожащими пальцами расстегивать рубашку, внутренне кляня собственное безрассудство. Как можно было ввязаться в такую мерзость! Фандорина упустил, и это еще полбеды – как бы отсюда живым выбраться.

За спинами хитровских апашей возникла еще одна тень, раздался ленивый, с развалыцей голос:

– Эт-та что тута за комедь? А ну, хамса, брызнь отседова.

Эраст Петрович! Но откуда? Он ведь ушел!

– Ты чего, ты чего? – визгливо, но, как мне показалось, нервно зачастил молодой. – Это наш с Тюрей баран. Ты живи, фартовый, и честным псам жить давай. Нет такого закону, чтоб у псов барана отбивать!

– Я те дам закон, – процедил Фандорин и сунул руку за пазуху.

В тот же миг, оттолкнув меня, грабители кинулись наутек. Однако ливрею и портмоне (а в нем сорок пять рублей с мелочью) прихватили с собой.

Я не знал, могу ли я считать себя спасенным или же, наоборот, попал, как говорится, из огня в полымя. Волчий оскал, исказивший гладкую физиономию Фандорина, вряд ли сулил мне что-то хорошее, и я с ужасом следил за его рукой, вытягивавшей что-то из внутреннего кармана.

– Держите-ка.

Это был не нож и не пистолет, а всего лишь платок.

– Что же мне с вами д-делать, Зюкин? – спросил Эраст Петрович обычным своим голосом, и страшная гримаса сменилась кривой ухмылкой, на мой взгляд, ничуть не менее отвратительной. – Я вас, разумеется, заметил еще в Нескучном, однако же п-полагал, что на Хитровке вы не

задержитесь – испугаетесь и ретируетесь. Однако, вижу, вы не робкого десятка.

Я молчал, не зная, что на это сказать.

– Надо бы вас тут бросить, чтобы г-голым погулять пустили. Был бы вам урок. Ну объясните, Зюкин, чего ради вы за нами потащились?

Оттого что голос у него был не бандитский, а обыкновенный, господский, я почувствовал себя спокойней.

– Про мальчишку неубедительно рассказали, – ответил я, вынул собственный платок, запрокинул голову и зажал разбитый нос. – Решил проверить.

Фандорин осклабился.

– Браво, Зюкин, б-браво. Не ожидал от вас подобной проницательности. Вы совершенно правы, Сенька Ковальчук сообщил мне всё, что знал, а отрок он наблюдательный – т-такая уж профессия. И сообразительный – понял, что иначе я его не отпущу.

– И он сказал, как отыскать того «мордатого», который его нанял?

– Не совсем, ибо это нашему с вами юному знакомцу, конечно, неведомо, но личность п-подрядчика он описал исчерпывающим образом. Судите сами: мордатый, глаз прищуренный, рожа бритая, губастая, картузик-генералка с лаковым козырьком, черная короткая сибирка, красная шелковая рубаша, сапоги с большим скрипом и при лаковых же калошах...

Присмотревшись к наряду самого Фандорина, я воскликнул:

– Эка невидаль, вы тоже вон одеты точно так же. На Москве таких молодцев полно.

– Отнюдь, – покачал он головой. – На Москве вы их встретите нечасто, а вот на Хитровке повстречать можно, но и то не в столь большом количестве. Тут не просто одежда, а высший хитровский шик – и красный шелк, и лаковые калоши. Только фартовые, то есть бандиты самой высокой иерархии, позволяют себе такую униформу. Чтоб вам, Зюкин, было понятнее, это у них вроде камергерского мундира. Вы видели, как от меня дунули эти «п-псы»?

«Дунули», «псы» – что за манера выражаться. Сразу было видно, что от статского советника в Фандорине мало что осталось. Этот человек, пожалуй, напоминал мне дешевую позолоченную посуду, с которой облез верхний слой и постыдно просвечивает вульгарная латунь.

– Какие еще «псы»? – спросил я, давая понять, что не приемлю разговора на уголовном аргю.

– «Псы», Зюкин, – это мелкие воришки и хулиганы. Для них «фартовый» вроде меня – б-большое начальство. Но вы меня перебили и я

не успел сообщить вам главную примету Мордатого. – Он помолчал и произнес со значительным видом, будто открывал мне нечто очень важное. – Во все время разговора с Сенькой – а протолковали они не менее получаса – этот субъект не вынимал из кармана правую руку и беспрестанно позвякивал мелочью.

– Вы полагаете, что по этой привычке его можно разыскать?

– Нет, – вздохнул Фандорин. – Я полагаю совсем д-другое. Но, впрочем, скоро выяснится, справедливо ли мое предположение. Это должен установить Маса. И если я прав, то мы намерены поискать господина Мордатого, пока доктор Линд играет с полицией в кошки-мышки.

– А где господин Маса?

Эраст Петрович неопределенно махнул рукой:

– Тут недалеко, в подвале, тайная китайская опиумокурильня. После прошлогодней облавы переместилась с Сухаревки на Хитровку. Эти люди много что знают.

– И что же, господин Маса умеет по-китайски?

– Немного. В его родном городе Иокогаме много к-китайцев.

В это время где-то за углом раздался замысловатый разбойничий свист, от которого я поежился.

– Ну вот и он, – удовлетворенно кивнул Фандорин, сложил пальцы особым образом и свистнул точно так же, только еще пронзительней – у меня даже ухо заложило.

Мы двинулись вперед по переулочку и очень скоро повстречали японца. Тот ничуть не удивился, увидев меня, и лишь церемонно поклонился. Я покивал, чувствуя себя преглупо без ливреи, да еще в забрызганной кровью рубашке.

Они залопотали между собой на непонятном наречии – уж не знаю, по-японски или по-китайски – и я разобрал только многократно повторенное слово «куртя», впрочем, ничего мне не прояснившее.

– Я был прав, – наконец соизволил объяснить Фандорин. – Это и вправду Культя. Он однорук, отсюда и привычка держать обрубок в кармане. Очень серьезный бандит, главарь одной из новых и самых опасных хитровских банд. Китайцы сказали, у них «малина» на Подкопаевке в старых винных складах. Туда так просто не попадешь – часового выставляют, как в казарме и даже «маяву» завели, то есть пароль... Это-то ладно, но что мне, Зюкин, делать с вами? Вот навязались на мою г-голову. Одного вас по Хитровке отпускать нельзя – не ровен час прирежут.

Я был глубоко задет этими словами и уже приготовился сказать, что

отлично обойдусь без опеки (хотя, признаться, мысль о прогулке в одиночестве по вечерней Хитровке показалась мне малопривлекательной), но тут он спросил:

– Скажите, Зюкин, вы человек физически крепкий?

Я расправил плечи и с достоинством ответил:

– Мне доводилось служить и дворцовым скороходом, и форейтором, и на выездах. Я каждое утро делаю французскую гимнастику.

– Ладно, п-посмотрим, – произнес Фандорин, и в его голосе прозвучало оскорбительное сомнение. – Пойдете с нами. Только уговор: никакой самостоятельности, меня и Масу слушаться б-беспрекословно. Даете слово?

Что мне оставалось делать? Возвращаться, как говорится, несолоно хлебавши? Еще выберешься ли в одиночку из этого проклятого места? Опять же очень кстати было бы разыскать этого самого Культю. Вдруг Фандорин прав, и полицейская операция на Арбате ничего не даст?

Я кивнул.

– Только вид у вас, Зюкин д-для Хитровки малоподходящий. Вы можете нас с Масой скомпрометировать. Кем бы вас сделать? Да вот хоть бы спившимся лакеем из хорошего дома.

С этими словами Фандорин наклонился, зачерпнул горсть пыли и высыпал мне на темя, а грязную ладонь вытер о мою и без того запачканную красными пятнами рубашку.

– Та-ак, – удовлетворенно протянул он. – Уже лучше.

Присел на корточки и оторвал золотые пряжки с моих туфель, потом вдруг крепко взял за кюлоты и дернул, так что шов сзади треснул и разошелся.

– Что вы делаете? – в панике вскричал я, отпрыгивая.

– Ну как, Маса? – спросил полоумный статский советник японца.

Тот, наклонив голову, оценивающе осмотрел меня и заметил:

– Тюрки берые.

– Верно. Чулки п-придется снять. И уж больно гладко вы выбриты, это в здешних местах не *comme il faut*. Дайте-ка...

Он шагнул ко мне и, прежде чем я успел заявить протест, размазал пыль с моего темени по всему лицу.

Мне уже было все равно. Я снял белые шелковые чулки и спрятал их в карман.

– Ладно, в темноте сойдет, – смиловился Фандорин, а его камердинер даже удостоил меня похвалы:

– Отень харасё. Отень курасиво.

– Теперь куда? К этому Культе? – спросил я, горя желанием поскорее взяться за дело.

– Не так б-быстро, Зюкин. Нужно дождаться ночи. Пока расскажу вам, что мне известно о Культе. Он слывет у московских уголовных личностью загадочной и многообещающей. Вроде как Бонапарт во времена Директории. Его побаивается сам Король, хотя открытой войны меж ним и Культей нет. Шайка у однорукого маленькая, но отборная – ни одной «шестерки». Сплошь фартовые, проверенные. Мой человек из уголовного сыска, весьма авторитетный профессионал, полагает, что будущее российского преступного мира именно за такими вожаками, как Культя. У него в б-банде не бывает ни пьяной гульбы, ни драк. За мелкие дела они не берутся. Готовят налеты и гоп-стопы обстоятельно, исполняют чисто. У полиции среди людей Культи нет ни одного осведомителя. И логово у этой банды, как я уже имел честь вам сообщить, охраняется самым тщательным образом, на военный манер.

На мой взгляд, всё это звучало в высшей степени неутешительно.

– А как же мы до него доберемся, если он такой осторожный?

– По чердакам, – ответил Фандорин, и поманил за собой.

Некоторое время мы шли какими-то мрачными, зловонными дворами. Наконец подле слепой, безоконной стены, ничем не отличавшейся от соседних, точно таких же, Эраст Петрович остановился. Взялся за водосточную трубу, с силой потряс ее, послушал, как дребезжит жость.

– Выдержит, – пробормотал он, как бы обращаясь к самому себе, и вдруг быстро, без малейшего усилия, стал подниматься по этой хлипкой конструкции.

Маса нахлобучил свой котелок поглубже и полез следом, похожий на ярмарочного медвежонка, что обучены карабкаться по столбу за сахарной головой.

В народе говорят: взялся за гуж – не говори, что не дюж. Я поплевал на руки, как это делает наш кухонный лакей Сявкин, когда рубит дрова, перекрестился и взялся за железную скобу. Так, ногу на приступку, другую – ох! – дотянуть до обруча, теперь другой рукой за выступ...

Чтобы не было страшно, принялся подсчитывать убытки за два последних дня. Вчера проспорил пятьдесят целковых Масае, сегодня проездил на извозчике утром два с полтиной и вечером пять, итого семь пятьдесят, да еще «псы» хитровские унесли портмоне с сорока пятью рублями. Прибавить сюда загубленную парадную форму – хоть и казенная, а все равно жалко.

Тут я случайно глянул вниз и разом забыл про убытки, потому что

земля оказалась гораздо дальше, чем я предполагал. Снизу стена выглядела не такой уж высокой, этажа в три, а сверху посмотреть – сердце екает.

Фандорин и Маса давно уже перелезли на крышу, а я всё полз по водостоку и вниз больше старался не смотреть.

Когда добрался до козырька, вдруг понял, что нипочем на него не залезу – вся сила на подъем ушла. Повисел так, в обнимку с трубой, минут пять, а потом на фоне лилового неба возникла круглая голова в котелке, Маса взял меня рукой за ворот и в два счета выволок на крышу.

– Благодарю, – сказал я, ловя ртом воздух.

– Не стоит благодарности, – поклонился он, стоя на четвереньках.

Мы поползли на противоположную сторону крыши, где, распластавшись на животе, лежал Фандорин.

Я пристроился рядом – не терпелось понять, что это он там высматривает.

Первое, что увидел – багровую полосу уходящего заката, истыканную черными иглами колоколен. Но Фандорин разглядывал не небо, а старинный покосившийся дом с заколоченными окнами, расположенный на противоположной стороне улицы. Видно, когда-то, давным-давно, дом был хорош и крепок, но от небрежения обветшал и осел – такой проще снести, чем обновить.

– Тут в начале века была фактория виноторговцев братьев Мебиус, – шепотом стал объяснять Эраст Петрович, и я отметил, что при шепоте заикание из его речи совершенно исчезает. – В подвале – глубоченные винные погреба. Говорят, помещалось до тысячи бочек вина. Французы в двенадцатом году что не выпили, то вылили. Будто бы целый винный ручей до Яузы стекал. Изнутри дом выгорел, крыша провалена. Но подвалы уцелели. Там у Культи резиденция. Видите молодца?

Приглядевшись, я заметил, что с улицы ответвляется покатый съезд в ворота, много ниже уровня мостовой. Спинай к воротам стоял и лузгал семечки какой-то парень в таком же, как у Фандорина, картузе.

– Часовой? – догадался я.

– Да. Подождем.

Не знаю, сколько времени продолжалось ожидание, потому что мой хронометр остался в ливрее (вот еще к списку убытков: серебряный наградной брегет, его было жалче всего), но не час и не два, а больше – я уж и подремывать стал.

Вдруг я не столько услышал, сколько почувствовал, как Фандорин напрягся всем телом, и мою дрему сразу как рукой сняло.

Снизу донеслись приглушенные голоса.

– Шило, – сказал один.

– Лузга, – откликнулся другой. – Проходи. С цидулкой?

Ответа на этот непонятный вопрос я не расслышал. Приоткрылась и снова закрылась дверца, врезанная в ворота, и снова стало тихо. Часовой зажег сигарку, его лаковой козырек тускло блеснул в лунном свете.

– Всё, пошел, – шепнул Фандорин. – Ждите здесь. Если махну – спускайтесь.

Минут через десять к дому разболтанной походочкой приблизилась узкая фигура. Оглянулась через плечо, пружинисто сбежала к часовому.

– Здорово, москва. Стенку сторóжишь?

Разумеется, это был Фандорин, но в его речи зачем-то появился явный польский выговор.

– Вали куда шел, – неприязненно ответил тот, суя руку в карман. – Или пером брюхо пощекотать?

– Для цёго пером? – засмеялся Фандорин. – На то шило есть. Шило, сразумел?

– Так бы и говорил, – проворчал часовой, вынимая руку. – Лузга. Ты чей будешь, полячок? Из этих, что ли, из варшавских?

– Из этих. Мне к Культе.

– А нету его. И нынче не сулился. Завтра, грил, к ночи ждите. – Бандит понизил голос (но в тишине все равно было слышно) и с любопытством спросил. – Говорят, лягаши зарыли вашего главного?

– Точно, – вздохнул Фандорин. – И Близну, и ёсче трóих хлопцев. Где Культя-то, слышь? Дело у меня до нёго.

– Он мне докладов не сказывает. Сам знаешь, полячок, какие теперя тулумбасы. Шныркает где-то, с утрянки носу не казал. Но завтра железняк будет. И нашим всем на сход объяву дал... Вас, варшавских, много осталось?

– Та трое, – махнул рукой Фандорин. – Вацек Кривой за голована. А ваших?

– С Культей считай семеро. Чё за майдан завтра, не знаешь?

– Не-а. Нам ницёго не ломают, за сявок держат... Кликуха твоя как, москва?

– Кода. А ты кто?

– Стрый. Поручкаемся?

Они пожали друг другу руки, и Фандорин, поглядев по сторонам, сказал:

– Вацек про дохтура какого-то базарил. Не слыхал?

– Не, про дохтура балаки не было. Культя про какого-то большого

человека сказывал. Я ему, какой такой человек? Да у него разве дознаешься. А про дохтура не базарил. Что за дохтур-то?

– Бес его знает. У Вацека тож болтало короткое. Так нет Культи?

– Сказано, завтра к ночи. Да ты заходи, побазлань с нашими. Только у нас, Стрый, не как на других малинах – вина не нальют.

– А в черви-козыри?

– Нет такого заводу. За картишки Культя с ходу яблоком в сопло. Слыхал про яблоко-то?

– Кто ж про него не слыхал... Не, не пойду. У нас веселее. Завтра зайду. К ночи, говоришь?

Тут издали – от немецкой кирхи, что смутно темнела вдали – донесся бой часов. Я насчитал двенадцать ударов.

10 мая

– Вот прямо на энтот таратай и подваливай, – сказал Кода, мотнув головой в сторону кирхи. – Культя наказал сходу аккурат в полночь быть. Ладно, полячок, еще позыримся.

Фандорин вразвалочку пошел прочь, а меня пихнул в бок японец, показав жестом, что пора слезать с крыши.

Про то, как я, теперь уже в полной темноте, спускался по водостоку, рассказывать не буду. О таком лучше не вспоминать. Ободрал руки, вконец дорвал многотрадные кюлоты, да еще и спрыгнул прямо в лужу, но главное – руки-ноги не переломал, и то слава Тебе, Господи.

Долго, даже когда уже ушли с Хитровки, не могли нанять извозчика. Разглядев получше нашу компанию, ночные ваньки, ни слова не говоря, нахлестывали своих лошадок и исчезали в ночи. Причем у меня создалось впечатление, что наибольшее сомнение у извозчиков вызывали не Фандорин с Масой, а именно моя оборванная и перепачканная персона.

Наконец, сели – уже у самой Китайгородской стены. Всю дорогу я волновался, что Эраст Петрович снова откажется платить, а у меня самого не было ни гроша.

Но нет, на сей раз он расплатился, и даже щедрее нужного, словно за обе ездки сразу.

Идти через ворота в моем нынешнем виде мне представлялось неуместным, и я с некоторым смущением предложил снова перелезть через ограду, хотя, видит Бог, за минувший день налазился по заборам и крышам уже более чем достаточно.

Однако Фандорин, глядя на ярко освещенные окна Эрмитажа, просвечивавшие сквозь деревья, покачал головой:

– Нет, Зюкин, пойдемте-ка мы лучше через ворота. А то, пожалуй, еще п-подстрелят.

Лишь теперь я сообразил, что горение окон в столь поздний час – признак странный и тревожный. Около ворот кроме обычного привратника стояли еще двое в штатском. А, приглядевшись, я заметил, что и в саду, по ту сторону ограды маячат какие-то фигуры. Господа из дворцовой полиции, больше некому. Это могло означать только одно: в Эрмитаж среди ночи зачем-то пожаловал государь.

После долгих объяснений у входа, закончившихся вызовом Сомова и унижительным опознанием моей личности (нужно было видеть выражение лица московского помощника, когда я предстал перед ним в таком виде), нас пропустили, и, подходя по аллее к дому, я увидел несколько экипажей. Происходило явно что-то из ряда вон выходящее.

В прихожей меня ждало еще одно испытание: я лицом к лицу столкнулся с гувернанткой.

– Mon Dieu! – воскликнула она, захлопав глазами и от изумления забыв о нашем уговоре объясняться только по-русски. – Monsieur Zyukin, qu'est-ce qui c'est passé? Et qui sont ces hommes? C'est le domestique japonais?
[\[18\]](#)

– Это я, мадемуазель, – поклонился Фандорин. – Мы с Афанасием Степановичем совершили небольшой вояж по московским достопримечательностям. Но это пустое. Расскажите лучше, как прошла ваша встреча. Видели ли вы мальчика?

Тогда-то я и узнал обстоятельства, при которых ее величество лишилась своего сапфирового склаважа.

– Скверно, что жандармы пустились в погоню, – озабоченно произнес Эраст Петрович. – Делать этого ни в коем случае не следовало. Опишите к-карету.

Мадемуазель, наморщив лоб, сказала:

– Чёхный, пыльный, окно с rideau... На колесо восемь rais... Иголка?

– Спица, – подсказал я.

– Да-да, восемь спица. На двухъ, нет, двухца – хучка из медь...

– Правильно! – вскричал я. – Ручка на дверце кареты, которую я видел, была в виде медного кольца!

Фандорин кивнул:

– Что ж, они два раза использовали одну и ту же к-карету. Линд слишком в себе уверен и слишком невысокого мнения о русской полиции. Это неплохо. Опишите человека, который отобрал у вас ридикюль.

– Высокий. Глаза кохичневые. Нос немножко кхивой. Усы и бохода хыжие, но по-моему ненастоящие, склеенные. Outre cela^[19]... – Мадемуазель задумалась. – Ah, oui! Ходина на левый щека, вот тут. – И пальцем дотронулась до моей щеки, отчего я вздрогнул.

– Ладно, уже кое-что, – одобрил Эраст Петрович. – А что тут происходит? Я видел п-перед домом экипажи царя и великих князей.

– Я не знаю, – жалобно произнесла мадемуазель, окончательно переходя на французский. – Мне ничего не говорят. Все смотрят так, будто я во всем виновата. – Она обхватила себя за локти, сглотнула и сказала уже сдержанней. – Кажется, случилось что-то ужасное. Час назад в дом доставили какой-то пакет, маленький, и все забежали, зазвонили телефоны. Полчаса назад прибыл его величество, а только что приехали принцы Кирилл и Симон...

В этот миг в прихожую выглянул полковник Карнович: брови насулены, губы напряженно поджаты.

– Фандорин, это вы? – спросил он. – Мне сообщили о вашем прибытии. Что за идиотский маскарад? Все в джентльмена-сыщика играете? Вас ожидают. Извольте привести себя в надлежащий вид и немедленно ступайте в большую гостиную. И вы, сударыня, тоже.

Эраст Петрович и мадемуазель удалились, а Карнович, оглядев меня с головы до ног, брезгливо покачал головой:

– Ну и видок у вас, Зюкин. Где вы пропадали? Чем занимался Фандорин? Это очень кстати, что он взял вас в конфиденты. Да говорите же, мы ведь с вами из одного ведомства.

– Всё пустое, ваше высокоблагородие, – соврал я, сам не знаю почему. – Только время зря потратили. Кто прислуживает его величеству и их высочествам?

– Камердинер государя и дворецкий Симеона Александровича.

Ах, как стыдно!

Никогда еще я не умывался и не переодевался с такой скоростью. Уже через десять минут, приведя себя в порядок, я тихо вошел в гостиную и поклоном поблагодарил Фому Аникеевича и Дормидонта.

На столе не было ни напитков, ни закусок – только пепельницы и еще какой-то распечатанный пакет коричневой бумаги, совсем небольшой. На всякий случай я взял с бокового столика поднос, стал расставлять бокалы, а тем временем украдкой пробежал взглядом по лицам присутствующих, пытаюсь угадать, что произошло.

Государь нервно курил папиросу. Кирилл Александрович устало потирал веки. Генерал-губернатор барабанил пальцами по столу. Георгий

Александрович неподвижным взглядом смотрел на пакет. Павел Георгиевич выглядел нездоровым – губы дрожат, в глазах слезы. Но больше всего напугала меня мадемуазель Деклик: она сидела, закрыв руками лицо, плечи ее тряслись, и сквозь сжатые пальцы прорывались судорожные всхлипы. Никогда еще я не видел ее плачущей навзрыд и даже не мог представить, что такое возможно.

Обер-полицмейстер сидел поодаль от остальных, рядом с бесстрастным Карновичем, и беспрестанно вытирал платком лоб и залысины. Он вдруг икнул, залился багровой краской и пробормотал:

– Прошу извинить.

После чего немедленно икнул снова. В полной тишине неприличный звук был отчетливо слышен.

Мне сделалось очень страшно. Так страшно, что я покачнулся. Господи, неужели..?

– Можно взглянуть? – спросил Фандорин, нарушив молчание.

Эраст Петрович, очевидно, вошел в гостиную одной или двумя минутами ранее меня. Он переоделся в строгий английский сюртук и даже успел повязать галстук.

На что он собрался взглянуть? На очередное письмо от Линда?

– Да, – угрюмо позволил Кирилл Александрович, видимо, по обыкновению взявший на себя роль председательствующего. – Полюбуйтесь.

Фандорин вынул из пакета маленький сверточек, размером с леденец. Развернул, и я увидел внутри что-то маленькое, бело-розовое. Эраст Петрович быстро достал из внутреннего кармана лупу и склонился над столом. Выражение его лица стало таким, будто он надкусил лимон.

– Это т-точно палец его высочества?

Серебряный поднос выпал из моих рук, бокалы разлетелись вдребезги. Все, дернувшись, обернулись в мою сторону, а я даже не извинился – едва успел схватиться за край столика, чтобы не упасть.

– Что за дурацкий вопрос! – сердито буркнул Симеон Александрович. – Конечно, это мизинец Мики! Чей же еще?

Ко мне, неслышно ступая, приблизился Фома Аникеевич, поддержал за локоть. Я благодарно кивнул ему – мол, сейчас пройдет.

– Послушайте, что сказано в письме, – сказал Кирилл Александрович, и я только теперь разглядел, что перед ним лежит листок бумаги.

Великий князь надел пенсне и прочитал послание, как и предыдущие, написанное по-французски:

Господа, вы, кажется, до сих пор не поняли, что я не шучу.

Надеюсь, эта маленькая бандероль убедит вас в серьезности моих намерений. Отрезанный палец – наказание за то, что ваши люди снова нарушили договоренность. В следующий раз, если повторится нечестная игра, мальчику отрежут ухо.

Теперь о нашем деле. В качестве очередного взноса жду от вас малый бриллиантовый букет с шпинелью из коллекции императрицы. Гувернантка должна быть на мессе в Храме Христа Спасителя, начиная с трех часов пополудни. Разумеется, одна.

Если будет слезка – пеняйте на себя.

Искренне ваш,

Доктор Линд.

Больше всего меня потрясла поразительная осведомленность злодея о содержимом coffret ее величества. Малый бриллиантовый букет с шпинелью являл собой истинное украшение императорской рентерии; в свое время он достался короне с приданным невесты Павла Петровича, будущего государя Павла I. Этот шедевр великого ювелирного искусства XVIII столетия ценится не столько за размер и чистоту составляющих его камней, сколько за красоту и изящество. На мой вкус, во всей Бриллиантовой комнате не было драгоценности прекрасней этой.

– Господи, бедная Алиса, – тоскливо произнес император. – Она так страдает из-за пропажи склаважа...

Его величеству следовало бы посочувствовать, в особенности если учитывать нрав царицы, но в ту минуту я был не в состоянии испытывать жалость к кому-либо кроме бедного маленького Михаила Георгиевича.

– Мы все уже высказались, Фандорин, – довольно бесцеремонно перебил государя Кирилл Александрович. – Что думаете вы? Теперь видно, что вы были правы. Линд – истинное чудовище, он не остановится ни перед чем. Что нам делать?

– Ах, бедняжка Мика. – Царь сокрушенно поник головой.

– Мика, конечно, бедняжка, – ударил кулаком по столу Симеон Александрович, – но ты, Ники, лучше бы себя пожалел. Если мир узнает про то, что какой-то проходимец во время коронации русского царя похитил твоего кузена и режет его по кусочку, как колбасу...

– Сэм, опомнись! – громовым голосом взревел Георгий

Александрович. – Ты говоришь о судьбе моего сына!

– Я говорю о судьбе нашей династии! – в тон ему ответил генерал-губернатор.

– Дядя Сэм, дядя Джорджи! – примирительно воздел руки его величество. – Давайте послушаем господина Фандорина.

Эраст Петрович взял со стола пакет, повертел его и так, и этак.

– Как д-доставлен?

– Как и прежние, – сказал Кирилл Александрович. – Обычной почтой.

– И снова нет штемпеля, – задумчиво произнес Фандорин. – Допрошен ли почтальон?

Полковник Карнович ответил:

– Не только допрошен, но за всеми тремя почтальонами, поочередно доставляющими городскую корреспонденцию в Эрмитаж, установлена слежка, еще со вчерашнего дня. Ни в чем подозрительном не замечены. Более того, сумки с почтовыми отправлениями, посылаемые с городского почтамта в здешнюю почтовую часть, всё время находятся под наблюдением переодетых агентов. Никто из посторонних к сумке не приближался ни на отрезке пути от Мясницкой до Калужской, ни позднее, когда почтальон отправился по адресам. Откуда появляются послания Линда – непонятно. Истинная загадка.

– Что ж, пока мы ее не разрешили, действовать нужно так, – мрачно сказал Эраст Петрович. – Букет отдать. Это раз. Никакой слежки за людьми Линда. Это два. Вся надежда на наблюдательность мадемуазель Деклик – к счастью, весьма острую. Это три. Ничего больше п-порекомендовать не могу. Теперь малейшая неосторожность со стороны полиции, и вы получите не ухо, а труп мальчика вкупе с мировым скандалом. Линд взбешен, это очевидно.

Все, как сговорившись, взглянули на гувернантку. Она уже не плакала и лицо ладонями не закрывала. Ее черты показались мне застывшими, будто бы высеченными из белого мрамора.

– Je ferais tout mon possible^[20], – тихо сказала она.

– Да-да, – просительно молвил государь. – Вы уж постарайтесь. А мы с Алисой будем молиться Всевышнему. И немедленно начнем поститься. Так и по древнему обычаю перед коронацией положено...

– Вот и отлично, каждый внесет посильный вклад, – угрюмо усмехнулся Кирилл Александрович. – Полковника Ласовского от руководства розыском следует отстранить. (При этих словах обер-полицмейстер икнул еще громче прежнего, но уже больше не извинялся.) Ответственность будет снова возложена на вас, Карнович, но только уж

теперь никакой опрометчивости. Пусть будет так, как сказал Фандорин. Вы, Карнович, временно переселитесь в Эрмитаж и будете вести розыск отсюда. В Александрийском дворце слишком много визитеров. Зюкин, найди полковнику какую-нибудь комнату и проводи туда телефон. И всё, давайте разъезжаться. Завтра у всех нас трудный день, а тебе, Ники, нужно принимать послов.

Ты должен держаться безупречно.

* * *

После убийства высоких гостей, я еще долго отпаивал чаем их высочеств, причем было пролито немало слез – в основном Павлом Георгиевичем, но и Георгий Александрович не раз утирал обшлагом мясистые щеки, что же до меня, то я совершенно расклеился. Дважды был вынужден поспешно покинуть гостиную, чтобы не расстраивать великих князей еще больше своей перекошенной от рыданий физиономией.

В четвертом часу ночи, когда я, едва живой от усталости и переживаний, брел по коридору, направляясь к себе, у фандоринской двери мне попался господин Маса в весьма странной позе. Он сидел на полу, сложив ноги калачиком, и сонно клевал носом.

Я удивленно остановился и тут вдруг услышал, что из комнаты доносятся приглушенные всхлипы.

– Почему вы не внутри, а здесь? – спросил я. – Кто там, у господина Фандорина?

Страшное подозрение заставило меня забыть обо всех прочих потрясениях.

– Позвольте, мне нужно кое-что сообщить господину Фандорину, – решительно объявил я и взялся за дверную ручку, однако японец, проворно поднявшись, преградил мне путь.

– Нерзья, – заявил он, уставившись на меня своими черными глазками. – Господзин прачет. Очень из-за парьтика передзивает. Смотречь нерзья. Стыдно.

Лжет, я сразу понял, что он лжет!

Ничего более не говоря, я взбежал в бельэтаж и постучал в дверь Ксении Георгиевны. Никакого ответа. Осторожно открыл замок мастер-ключом. Пусто. И постель не тронута.

У меня все так и поплыло перед глазами. Она там, наедине с этим покорителем сердец!

Господи, научи и вразуми. Что за испытания обрушил Ты на дом Романовых!

Я поспешил в привратницкую, куда часом ранее разместил полковника Карновича, перетянув туда же телефон из прихожей.

Начальник дворцовой полиции открыл мне в одной рубашке и без всегдашних темных очков. Глаза у него оказались маленькие, острые, с красными веками.

– Ну что, Зюкин? – прищурился он. – Решили все-таки рассказать, что такое затевает ваш приятель?

– Ее высочество проводит ночь в комнате господина Фандорина, – шепотом доложил я. – Я слышал ее плач. И боюсь... что она сама туда пришла.

Карнович разочарованно зевнул:

– Это, конечно, очень пикантно, и я как начальник дворцовой полиции обязан знать, с кем проводят ночь девицы императорской фамилии, однако вы могли бы сообщить мне об этом и утром. Я, Зюкин, представьте себе, лег немного поспать.

– Но у ее высочества есть жених, принц Олаф! И потом, она – девица! Господин полковник, может быть, еще не поздно воспрепятствовать!

– Ну уж нет, – снова зевнул он. – Вмешиваться в сердечные дела великих княжон себе дороже. Нашему брату подобных не деликатностей не прощают. А что до девицы, то была девица да, полагаю, вся вышла, – скривился в ухмылке Карнович. – От плача до утешения, как известно, дорожка короткая, а у вашего приятеля Фандорина репутация изрядного сердцееда. Ничего, от принца не убудет. Он ведь женится не на девице, а на доме Романовых. Невинность – ерунда. А вот что не ерунда – так это фандоринские фокусы. Очень уж я опасюсь самочинных действий нашего Пинкертон. Если хотите помочь мне, а вместе со мной и государю, расскажите всё, что знаете.

И я рассказал – и про Хитровку, и про Культю, и про завтрашний бандитский сход.

– Чушь, – резюмировал Карнович, дослушав меня до конца. – Полная чушь. Так я, собственно, и предполагал.

О сне нечего было и думать. Я ходил взад-вперед по коридору бельэтажа, ломая пальцы. Одновременно боялся, что разбужу своим топтанием Георгия Александровича, и внутренне желал этого. Тогда он спросил бы, что я здесь делаю в этот глухой час и почему на мне нет лица, а я рассказал бы его высочеству всё, как есть.

Но надежда была мелкой и недостойной. После того, что пережил сегодня великий князь, я не мог обрушивать на него еще и это. Поэтому ходить я перестал и сел на лестничной площадке.

На рассвете, когда робкие нити новорожденного солнца пролегли от окна по зеркальному паркету, на лестнице раздались легкие шаги, и я увидел Ксению Георгиевну, кутающуюся в легкую кружевную шаль.

– Афанасий, ты? – спросила она, не то чтобы не удивившись, а будто не придав особенного значения нашей встрече в такой необычный час.

Лицо у ее высочества было странное, никогда прежде мною не виденное – словно бы совсем новое.

– Как невероятно всё, – сказала Ксения Георгиевна, садясь на ступеньку. – Жизнь такая странная. Ужасное и прекрасное рядом. Я никогда не чувствовала себя такой несчастной и такой счастливой. Я чудовище, да?

У ее высочества были распухшие глаза и губы. Ну, глаза – это от слез. А губы?

Я только поклонился, но ничего не ответил, хотя очень хорошо понял смысл ее слов. Если бы осмелился, то сказал бы: «Нет, ваше высочество, чудовище не вы, а Эраст Петрович Фандорин. Вы же всего лишь юная, неопытная девица».

– Спокойной ночи, ваше высочество, – в конце концов вымолвил я, хотя ночь уже кончилась, и отправился к себе.

Не раздеваясь сел в кресло и какое-то время тупо сидел, слушая, как щебечут утренние птицы, имена которых я не знал. Быть может, соловьи или какие-нибудь дрозды? Никогда не разбирался в подобных вещах. Слушал-слушал и не заметил, как уснул.

* * *

Мне приснилось, что я – электрическая лампа и должен освещать залу, в которой кружатся вальсирующие пары. Сверху мне было отлично видно сияние эполет, блеск алмазных диадем, золотые искорки на мундирном шитье. Играла музыка, под высокими сводами перекатывалось эхо множества голосов, сливавшихся в неразличимый гул. И вдруг я заметил, как столкнулись две пары. Потом еще и еще. Кто-то упал, кого-то подхватили на руки, но оркестр играл все быстрее и быстрее, и кружение танцующих ни на миг не прекращалось. Внезапно я понял, в чем дело – я плохо справляюсь со своей работой, мой свет слишком тускл, от этого и происходит беспорядок. Охваченный паникой, я напрягся, чтобы гореть

ярче, но у меня ничего не получилось. Наоборот, в зале с каждой секундой делалось сумрачней. Прямо навстречу друг другу неслись, кружась, две блистательные пары – и не видели, что столкновение неминуемо. Я не знал, кто это, но судя по тому, как почтительно расступилась остальная публика, то были не обычные гости, а августейшие особы. Сделав над собой неимоверное усилие, так что зазвенела тонкая стеклянная оболочка, я весь напрягся – и свершилось чудо: я сам и весь мир вокруг наполнились ослепительным, всеозаряющим светом. Острейшее блаженство этого волшебного мгновения заставило меня вострепетать, закричать от восторга – и проснуться.

Я открыл глаза и тут же зажмурился от ярчайшего солнца, очевидно, только сию секунду достигшего моего лица.

Последние перекаты химерического восторга немедленно сменились испугом: судя по тому, как высоко в небе стоял сияющий диск, время было позднее. Во всяком случае, час завтрака наверняка уже миновал.

Я охнул, вскочил на ноги и лишь теперь вспомнил, что все еще освобожден от хозяйственных обязанностей – ими временно занимается Сомов. А затем, прислушавшись, обратил внимание на то, как тихо в доме.

Ну да, разумеется. Все легли так поздно, что, судя по всему, никто еще не вставал.

Умывшись и освежив одежду, я прошел по службам и убедился, что слуги во всяком случае не спят и стол к завтраку уже накрыт.

Вышел во двор проверить, готовы ли экипажи к выезду, а заодно завернул и в сад – нарвать тюльпанов для Ксении Георгиевны и анютиных глазок для мадемуазель Деклик.

На лужайке мне повстречался господин Фандорин. Вернее, я увидел его первым и безотчетно спрятался за дерево.

Эраст Петрович снял белую рубашку, сделал руками какие-то мудреные движения и вдруг, подпрыгнув, повис на нижней ветке раскидистого клена. Немного покачался и стал выделять нечто совершенно фантастическое: перелетать с ветки на ветку, ловко перебирая руками. Подобным манером он совершил полный оборот вокруг клена и проделал ту же процедуру еще раз.

Я не мог оторвать глаз от его поджарого, мускулистого тела, испытывая жгучее, совершенно несвойственное мне чувство клокочущей и бессильной ярости. О, если б я был колдуном, я немедленно превратил бы этого человека в какую-нибудь обезьяну – пусть тогда скакал бы себе по деревьям сколько захочет.

Сделав усилие, я отвернулся и заметил, как в одном из окон первого

этажа откинулась штора. Кажется, это была комната мистера Карра. Тут же я разглядел и самого англичанина. Он неотрывно смотрел на фандоринскую гимнастику: губа закушена, пальцы ласкающим движением гладят стекло, и выражение лица самое мечтательное.

День, начавшийся так поздно, тянулся с мучительной неторопливостью. Я пробовал занять себя заботами по дому и подготовкой к грядущим приемам, раутам и церемониям, но вскоре отказался от всех ответственных дел, ибо ими нужно заниматься всерьез и с полной сосредоточенностью, а мои мысли были бесконечно далеки от обсуждения меню, полировки столового серебра и проветривания парадных мундиров и платий.

Мне так и не удалось перемолвиться словом с мадемуазель, потому что с ней неотлучно находился Карнович. Всё что-то втолковывал ей по поводу очередной встречи с похитителями, а в два часа пополудни гувернантку посадили в экипаж и увезли – я только видел со спины, как она, высоко подняв голову, спускается по ступеням крыльца. В руке сумочка, а там, надо полагать – Малый бриллиантовый букет, прекрасное произведение работы лейб-ювелира Пфистера.

Когда мадемуазель уезжала, я сидел на скамейке в компании мистера Фрейби. Незадолго перед тем, снедаемый тревогой, вышел пройтись вокруг дворца и увидел на лужайке английского батлера. На сей раз он был без книжки. Просто сидел и блаженно жмурился на солнце. Вид у мистера Фрейби был такой мирный и безмятежный, что я остановился, охваченный внезапной завистью. Вот единственный человек во всем этом обезумевшем доме, от кого веет нормальностью и здравомыслием, подумал я. И мне вдруг неудержимо захотелось с таким же, как у него, аппетитом просто понаслаждаться погожим днем, посидеть на нагретой солнцем скамейке, подставить лицо легкому майскому ветерку и ни о чем, ни о чем не думать.

Должно быть, британец каким-то таинственным образом угадал мое желание. Он открыл глаза, учтиво приподнял котелок и сделал приглашающий жест: мол, не угодно ли присоединиться. И ничего особенного, подумал я. Хоть нервы немного успокоятся.

Поблагодарил («тэнк ю»), сел. На скамейке оказалось и в самом деле чудо как хорошо. Мистер Фрейби покивал мне, я ему, и этот ритуал превосходно заменил светскую беседу, на которую в моем измученном состоянии у меня вряд ли хватило бы сил.

После того, как коляска увезла мадемуазель Деклик на Волхонку, к Храму Христа Спасителя, я было снова взволновался и заерзал на

скамейке, но батлер вынул из поместительного кармана плоскую кожаную флягу, отвинтил серебряную крышечку, налил в нее какой-то янтарной жидкости и протянул мне. Сам же приготовился отпить прямо из горлышка.

– Whisky, – пояснил он, заметив мою нерешительность.

Я много слышал об этом англо-саксонском напитке, однако пробовать его мне не доводилось. Надо сказать, что я вообще не употребляю крепких спиртных напитков, да и некрепкие – рюмку мальвазеи – выпиваю всего два раза в год, на Пасху и на день ангела Георгия Александровича.

Однако Фрейби с таким удовольствием отхлебнул своего питья, что я решился – запрокинул голову и выпил до дна, как это проделывает с ромом лейтенант Эндлунг.

Горло словно ободрало напильником, из глаз брызнули слезы, а дышать сделалось совершенно невозможно. Я в ужасе оглянулся на коварного англичанина, а он одобрительно подмигнул мне, будто радуясь своей жестокой проделке. Зачем только люди пьют такую гадость?

Но изнутри сделалось горячо и сладко, тревога ушла, вместо нее подступила тихая грусть – не за себя, за людей, которые устраивают из

своей жизни нелепицу и беспорядок, сами же потом от этого мучаясь и страдая.

Мы славно помолчали. Вот кто мог бы помочь мне советом относительно Ксении Георгиевны, неожиданно подумал я. Сразу видно, что человек рассудительный, не теряющийся ни в какой ситуации. У самого господин такой, что не позавидуешь, а с каким достоинством держится. Однако заговорить с англичанином о столь щекотливом предмете было совершенно невозможно. Я тяжело вздохнул.

Тогда Фрейби слегка повернул ко мне голову, приоткрыл один глаз и сказал:

– Live your own life.

Вынул словарь, перевел:

– Жить... свой... собственный... жизнь.

После чего удовлетворенно откинулся, как если бы считал тему исчерпанной, и снова смежил веки.

Странные слова были произнесены тоном, каким дают хорошие советы. Я стал размышлять, что это может означать: жить свой собственный жизнь. «Живи своей собственной жизнью»? В каком смысле?

Но тут мой взгляд упал на клумбу с цветочными часами, я увидел, что уже три часа и вздрогнул.

Храни Всевышний мадемуазель Деклик.

* * *

Миновал час, два, три. Гувернантка все не возвращалась. Карнович неотлучно находился у телефонного аппарата, однако звонки всё были не те.

Трижды телефонировали из Александрийского дворца от государя. Дважды от Кирилла Александровича.

А в седьмом часу прибыл Симеон Александрович с адъютантом. В дом войти не пожелал, велел подать холодного крушона в беседку. Сопровождавший генерал-губернатора корнет Глинский хотел было присоединиться к его высочеству, но великий князь довольно резко сказал ему, что желает побыть в одиночестве, и молодой человек с видом побитой собачонки остался ждать за перилами.

– Что ваши англичане? – спросил Симеон Александрович, когда я подавал крушон. – Вероятно, чувствуют себя совсем заброшенными из-за... – он сделал неопределенный жест рукой. – Из-за всего этого? Что

мистер Карр?

Я ответил на этот вопрос не сразу. Давеча, проходя по коридору, я снова слышал звуки довольно шумной ссоры между лордом Бэнвиллом и его другом.

– Полагаю, ваше высочество, что милорд и мистер Карр расстроены происходящим.

– М-да, это негостеприимно. – Великий князь смахнул с холеного уса вишневую капельку, побарабанил пальцами по столу. – Вот что, братец, пригласи-ка мистера Карра сюда. Хочу с ним кое-что обсудить.

Я поклонился и отправился исполнять распоряжение. Мне бросилось в глаза трагическое выражение лица князя Глинского – изломанные брови, побелевшие губы, отчаянный взгляд. Ах сударь, мне бы ваши страдания, подумал я.

Мистер Карр сидел у себя в комнате перед зеркалом. На его удивительных желтых волосах была ажурная сетка, алый халат с драконами широко распахнулся на белой безволосой груди. Когда я по-французски передал приглашение его высочества, англичанин порозовел и велел передать, что немедленно будет.

«Tout de suite»^[21] на проверку растянулось на добрых четверть часа, однако Симеон Александрович, известный своей нетерпеливостью и раздражительностью, безропотно ждал.

Когда мистер Карр вышел к беседке, он выглядел истинной картинкой: солнечные лучи посверкивали искорками на безупречной куафюре, воротничок голубой сорочки идеально подпирал подрумяненные щеки, а белоснежный смокинг с зеленой незабудкой в бутоньерке просто слепил глаза.

Не знаю, о чем беседовали между собой по-английски его высочество и красивый джентльмен, но я был эпатирован, когда в ответ на какое-то замечание Симеона Александровича мистер Карр мелодично рассмеялся и слегка ударил великого князя двумя пальцами по запястью.

Раздался судорожный всхлип. Я обернулся, и увидел, как князь Глинский стремглав бежит прочь, по-девчоночьи выбрасывая длинные ноги в уланских рейтузах.

Боже, Боже.

Мадемуазель вернулась без шести минут восемь. Как только Карнович, дожидавшийся вместе со мной у подъезда, увидел в конце аллеи долгожданный экипаж, он немедленно велел идти за Фандориным, так что я едва успел разглядеть за широкой фигурой кучера знакомую белую

шляпку.

Протрусив по коридору, я собрался постучать в дверь Эраста Петровича, но звук, донесшийся изнутри, буквально парализовал меня.

Там снова рыдали, как минувшей ночью!

Я не поверил своим ушам. Возможно ли, чтобы Ксения Георгиевна до такой степени лишилась благоразумия, что навещается сюда и днем! Припомнилось, что с утра я ни разу не видал ее высочества – она не выходила ни к завтраку, ни к обеду. Да что же это делается!

Оглянувшись, я припал ухом к уже освоенной мною замочной скважине.

– Ну полно вам, п-полно, – услышал я характерное фандоринское заикание. – Вы после пожалеете, что так со мной разоткровенничались.

Тонкий, прерывающийся голос ответил:

– Нет, по вашему лицу сразу видно, что вы благородный человек. Зачем он меня так мучает? Я застрелю этого мерзкого британского вертихвоста и сам застрелюсь! Прямо у него на глазах!

Нет, это была не Ксения Георгиевна.

Успокоившись, я громко постучал.

Мне открыл Фандорин. У окна, повернувшись спиной, стоял адъютант Симеона Александровича.

– Пожалуйте в гостиную, – ровным голосом сказал я, глядя в ненавистные голубые глаза. – Мадемуазель Деклик вернулась.

* * *

– Я ждала не менее сорока минут в этой большой полупустой церкви, и никто ко мне подходил. Потом приблизился служка и протянул записку со словами «*Велено пехедать*». – Эту фразу мадемуазель произнесла по-русски.

– Кем велено, не спросили? – быстро перебил Карнович.

– Где записка? – властно протянул руку Симеон Александрович.

Гувернантка, сбившись, растерянно перевела взгляд с полковника на генерал-губернатора. Кажется, она не знала, кому отвечать первому.

– Не перебивать! – грозно приказал Георгий Александрович.

Еще в гостиной были Павел Георгиевич и Фандорин, но они не произнесли ни слова.

– Да, я спросила, от кого записка. Он сказал: «*От человека*» и отошел.

Я увидел, как Карнович записывает что-то в маленькую тетрадочку, и

догадался: служка будет найден и допрошен.

– Записку у меня потом отобрали, но содержание я запомнила слово в слово: «Выйдите на площадь, пройдите до бульвара и обойдите маленькую церковь». Текст был на французском, буквы не печатные, а скорописные. Почерк мелкий, косой, с наклоном влево.

Мадемуазель посмотрела на Фандорина, и он одобрительно ей кивнул. Сердце у меня так и сжалось.

– Я так и поступила. Возле церкви простояла еще минут десять. Потом какой-то высокий, широкоплечий мужчина с черной бородой, в надвинутой на глаза шляпе, проходя мимо, задел меня плечом, а когда я оглянулась, незаметно поманил за собой. Я пошла за ним. Мы поднялись вверх по переулку. Там стояла карета, но не та, что вчера, хотя тоже черная и тоже с наглухо задернутыми шторами. Мужчина открыл дверцу и посадил меня, одновременно обшарив руками мое платье – очевидно, искал оружие. – Она гадливо передернулась. – Я сказала ему: «Где мальчик? Никуда не поеду, пока его не увижу». Но он как будто не слышал. Подтолкнул меня в спину и запер дверцу снаружи, а сам – я поняла по тому, как накренилась карета – влез на козлы, и мы поехали. Я обнаружила, что окна не просто занавешены, но еще и глухо заколочены изнутри, так что не осталось ни единой щели. Мы ехали долго. В темноте я не могла смотреть по часикам, но, думаю, прошло больше часа. Потом карета остановилась. Кучер влез внутрь, прикрыв за собой дверцу и завязал мне глаза плотной тканью. «Это не надо, я не буду подсматрывать», сказала я ему уже по-русски, но он опять не обратил на мои слова никакого внимания. Взял за талию и поставил на землю, а дальше меня повели за руку, но недалеко – всего восемь шагов. Скрипнули ржавые петли и стало холодно, как будто я вошла в дом с толстыми каменными стенами.

– Теперь как можно подробнее, – строго велел Карнович.

– Да-да. Меня заставили спуститься по крутой, но не высокой лестнице. Я насчитала двенадцать ступенек. Вокруг стояли несколько человек, все мужчины – я чувствовала запах табака, сапог и мужских духов. Английских. Не помню, как они называются, но это можно спросить у лорда Бэнвилла и мистера Карра, они пользуются точно такими же.

– «Граф Эссекс», – сказал Фандорин. – Самый модный запах сезона.

– Мадемуазель, вы видели Мику? – взволнованно спросил Павел Георгиевич.

– Нет, ваше высочество.

– То есть как?! – вскричал Георгий Александрович. – Вам не показали сына, а вы им все равно отдали букет?!

Этот упрек показался мне вопиюще несправедливым. Как будто мадемуазель могла сопротивляться целой шайке убийц! Впрочем, и отцовские чувства тоже можно было понять.

– Я не видела Мишеля, но я его слышала, – тихо сказала мадемуазель. – Я слышала его голос. Мальчик был совсем рядом. Он спал и бредил во сне, всё повторял: «Laissez-moi, laissez-moi»^[22], я больше никогда не буду...»

Она быстро достала платок и громко высморкалась, причем эта нехитрая процедура заняла у нее что-то очень уж много времени. Комната стала расплываться у меня перед глазами, и я не сразу сообразил, что это от слез.

– Ну вот, – глухим, будто бы простуженным голосом продолжила мадемуазель. – Поскольку это был точно Мишель, я сочла условие выполненным и отдала сумочку. Один из мужчин сказал мне громким шепотом: «Ему не было больно. Палец отрезали после инъекции опия. Если игра будет честной, такие крайности впредь не понадобятся... Завтра будьте на том же месте и в тот же час. Принесете бриллиантовый аграф императрицы Анны. Повторите». Я повторила: «Бриллиантовый аграф императрицы Анны». Вот и всё. А потом меня снова отвели в карету, долго везли и высадили возле какого-то моста. Я взяла извозчика, доехала до Храма Христа, а там меня ждал экипаж.

– Всё ли вы нам рассказали? – спросил Георгий Александрович после паузы. – Может быть, остались какие-то мелочи? Подумайте.

– ...Нет, ваше высочество... Разве что... – Мадемуазель прищурилась. – Мишель прежде никогда не разговаривал во сне. Я подозреваю, что вчера они дали ребенку очень сильную дозу опиума, и он до сих пор еще не очнулся.

Павел Георгиевич застонал, а у меня поневоле сжались кулаки. Нужно было освободить Михаила Георгиевича как можно скорей, пока этот дьявольский Линд окончательно не погубил его здоровье.

– Аннинский аграф! У этого негодяя изысканный вкус. А что на все это скажет проникательный господин Фандорин? – саркастически осведомился Симеон Александрович, впервые на моей памяти обратившись к отставному чиновнику особых поручений напрямую.

– Свои соображения я буду г-готов изложить после завтрашней поездки госпожи Деклик, – ответил Эраст Петрович, посмеив даже не повернуть головы в сторону его высочества. И вполголоса, как бы самому себе, прибавил. – Шепотом? Это интересно... Прошу у ваших высочеств позволения откланяться. – Он щелкнул крышкой брегета. – Уже девять

часов, а у меня сегодня вечером еще есть кое-какие неотложные дела.

Да-да, вспомнил я. Сход шайки однорукого.

Сделав вид, что хочу вынести переполненную пепельницу, я догнал Фандорина в коридоре.

– Ваше высокородие, – попросил я, заставив себя просительно улыбнуться. – Возьмите меня с собой. Я не буду вам обузой, а, может быть, даже пригожусь.

Пускай этот хлыщ был мне глубоко отвратителен, но сейчас такие пустяки не имели никакого значения. Я знал, что ночью не усну – всё буду слышать жалобный голосок мечущегося в бреду Михаила Георгиевича. Очень возможно, что Карнович прав и фандоринский план – полнейшая чушь, но и это лучше, чем бездействие.

Эраст Петрович испытующе посмотрел мне в глаза.

– Что ж, Зюкин. Вчера я понял, что вы не трус. Если хотите, идемте с нами. Надеюсь, вы понимаете, в какое опасное дело ввязываетесь?

* * *

Мы с японцем остались за поворотом, вперед пошел один Фандорин.

Осторожно высунувшись из-за угла, я смотрел, как Эраст Петрович, вновь наряженный «фартовым», идет своей пружинистой походочкой по середине мостовой. В небе сиял острый и кривой, как турецкий ятаган, месяц, и ночную хитровскую улицу было видно так ярко, будто горели фонари.

Фандорин спустился к подвальным воротам, и я услышал, как он спросил:

– Кода, ты?

Ответа было не разобрать.

– Я – Стрый, из варшавских лихачей, – весело сказал Эраст Петрович, приближаясь к невидимому с моего места часовому. – Мы с Кодой кумаки не разлей вода. Ваши-то все? И Культя причамал?... Да знаю я маляву, знаю. Сейчас...

Послышался резкий звук, словно кто-то с размаху расколол полено, и Маса подтолкнул меня: пора.

Мы проскочили открытое место, сбежали вниз. Фандорин, согнувшись, рассматривал врезанную в ворота дверь. Рядом, привалившись к стене, сидел вихрастый парень с закатившимися глазами и судорожно разевал рот, как вынутая из воды рыба.

– Хитрая д-дверь, – озабоченно сказал Эраст Петрович. – Видите, проволока? Как в хорошем магазине – когдаходишь, звенит колокольчик. Но ведь мы люди скромные, верно? Мы проволоку вот так, ножичком. Зачем людей от беседы отвлекать? Тем более что господин Кулья, оказывается, уже прибыл, или, как п-принято говорить в здешнем бомонде, «причамал».

Я не мог взять в толк, чего это Фандорин так весел. У меня от волнения (надеюсь, что это было именно волнение, а не страх) поклацывали зубы, а он чуть ли не руки потирал и вообще держался так, будто мы затеяли некое радостное, хоть и не вполне пристойное развлечение. Помнится, подобным образом вел себя Эндлунг перед тем, как повезти Павла Георгиевича в какое-нибудь злачное место. Я слышал, что есть порода людей, для которых опасность – вроде вина для пьяницы или дурмана для пропащего опиумиста. Очевидно, к этому разряду относился и бывший статский советник. Во всяком случае, это объясняло бы многое в его поведении и поступках.

Фандорин тихонько толкнул дверь, и она отворилась без скрипа – стало быть, петли были хорошо смазаны.

Я увидел покатый спуск, озаренный багровыми отсветами пламени. Где-то внизу горел костер или факелы.

Мы спустились по довольно узкому проходу шагов на двадцать, и Фандорин, шедший впереди, вскинул руку. Стали слышны гулкие, подхваченные каменными сводами голоса. Мои глаза немного свыклились с мраком, и я увидел, что проход образован двумя штабелями старинных дубовых бочек, прогнивших от времени и сырости.

Эраст Петрович вдруг пригнулся и проскользнул в зазор между бочек. Мы последовали за ним.

Оказалось, что огромные деревянные емкости стоят неплотную, и щели меж ними образуют некое подобие лабиринта. Мы бесшумно крались этим извилистым путем, определяя направление по бликам на потолке и звуку голосов, делавшихся все более слышными, так что вскоре я уже мог различать отдельные слова, хоть и не всегда понимал их значение.

– ...завтра... за базлан макитру пробурю... когда свистну, тогда и кукарекнешь...

Эраст Петрович свернул в узкий лаз и двигаться перестал, замер. Я высунулся из-за его плеча, и увидел диковинную, зловещую картину.

Посреди открытого и довольно обширного пространства, со всех сторон окруженного рядами темных бочек, стоял дощатый стол. Вокруг стояло несколько железных треног, в которые были воткнуты факелы.

Огонь мигал и потрескивал, к сводчатому потолку тянулись струйки черного дыма.

За столом сидели шестеро: один во главе, пятеро по остальным трем сторонам. Вожака я мог разглядеть лучше, чем прочих, потому что он был повернут лицом как раз в нашу сторону. Я увидел грубое и сильное лицо с выступающим лбом, резкими складками вдоль рта, расширяющейся нижней челюстью, но мое внимание привлекло даже не лицо, а правая рука главаря, лежавшая на столе. Вместо кисти она заканчивалась трехзубой вилкой!

Культия – а это вне всякого сомнения был он – ткнул своей невероятной рукой в стоящее перед ним блюдо, подцепил кусок мяса и отправил в рот.

– Никто не кукарекает, – сказал один из сидевших спиной. – Гутора нет. Нешто мы без понятия. Но ты хоть стукалку навесь. В чем мазан-то, а? Чё мы тут тыримся? Чё пухнем? Уж невмочь портки тереть. Вина не пей, в листки не чеши. Этак околеешь.

Остальные заворочались, зашумели, выказывая явное согласие говорившему.

Культия неторопливо жевал, поглядывая на них глубоко посаженными, тонувшими в подбровных тенях глазами – лишь искорки поблескивали. Дал своим товарищам немного пошуметь, а потом вдруг с размаху ударил вилкой по блюду. Раздался треск, и крепкая глиняная посуда раскололась пополам. Сразу стало тихо.

– Я те дам вино-листки, – негромко протянул вожак и сплюнул на сторону непрожеванный лоскут мяса. – Тут такой мазан – раз в жизни бывает, да не во всякой еще жизни. Большой человек нам доверился. И если сыщется гнида, кто мне тухлянку затешет, вот энтой вот вилкой всю требуху выковырну и жрать заставлю.

Он помолчал, и по застывшим позам разбойников я понял, что прозвучавшая угроза – не фигура речи, а вполне буквальное обещание. У меня по телу пробежали мурашки.

– Ты, Культия, не пужай, – сказал всё тот же, очевидно, самый отчаянный из шайки. – Ты толком разрисуй. Чё нас за сявок держат? Ну, на шухере пару раз поторчали, бакланов каких-то попасли. Рази это мазан? Мы ж волки, а не псы какие.

– Не вашего ума дело, – отрезал главарь. – Будете чирикать, как велью. – Он подался вперед. – Тут, Топор, такая буза, что вам знать не надо, крепче спать будете. А зачем нас в дело позвали, еще впереди. Мы себя покажем. И вот что, братва. Как мазан отвиснет, будем лапти кидать.

– С Хитровки? – спросил кто-то. – Или с города?

– Дура! С Расеи, – веско обронил Культя. – За такие дела сыскари нас на жилки растянут.

– Как это с Расеи? – вскинулся тот, кого он назвал Топором. – А где же жить-то? В Туретчине что ли? Так я по-ихнему не знаю.

Культя оскалил щербатый рот:

– Ништо, Топорик, у тебя такой слам будет, что басурманы сами потвоему балакать станут. Верьте, братва, Культя пустыху не гоняет. Намаслимся так – каждому маслица до гроба хватит.

– А не ссучит нас твой большой человек? – с сомнением спросил все тот же скептик.

– Не из таковских. Самый честной голован во всем белом свете. Наш Король против него тля.

– Собой-то он каков, человек этот? Поди, орел?

Я заметил, как напрягся Фандорин в ожидании атаманова ответа.

Вопрос привел Культю в явное смущение. Он поковырял вилкой в зубе, словно колеблясь, говорить или нет. Но все-таки решился:

– Полоскать не стану – не знаю. Это такой человек, что запросто к нему не подсыпешься. С ним свои фартовые причамали – вот уж те орлы, не вам чета... Человек этот по-нашему вовсе не говорит. Видел я его один раз. В подполе навроде нашего, только помене и мало без света. Говорю вам, человек сурьезный, воздух зря не трясет. Сидит впотьмах, личности не видать. Шепнет толмачу, тот по-нашему пересказывает. Это наш Король глотку дерет. А тут Европа. Шепот – он послышней крика будет.

Это замечание, хоть и прозвучавшее из уст законченного преступника, поразило меня своей психологической точностью. В самом деле, чем меньше человек повышает голос, тем больше к нему прислушиваются и лучше слышат. Вот покойный государь никогда ни на кого не кричал. И обер-прокурор Синода, всесильный Константин Петрович тоже тихонько так шелестит. Да взять хоть Фандорина – до чего нешумен, а как начнет говорить, августейшие особы каждому слову внимают.

– Ишь ты, важно. А где у ты с человеком энтим стреха была?

Фандорин привстал, я тоже задержал дыхание. Неужто скажет?

В это самое мгновение раздался оглушительный треск, отозвавшийся заполошным эхом под сводами подвала, с каменного потолка прямо на стол посыпалась каменная крошка.

– Ни с места, мерррррзавцы! – донесся оглушительный, многократно усиленный рупором голос. – Я полковник Карнович. Вы все на мушке. Следующая пуля – тому, кто дернется с места.

– М-м-м-м, – услышал я страдальческий стон Фандорина.

Полковник и в самом деле появился как-то очень уж не ко времени, но, с другой стороны, арестование всей шайки, и, главное, самого Культи должно было дать лазейку к доктору Линду. Ай да Карнович, как ловко он прикинулся, что полученные от меня сведения нисколько его не интересуют!

Бандиты разом обернулись, но я не успел толком разглядеть их лиц, потому что Культя крикнул:

– Суши светило! – и разбойники кинулись врассыпную, опрокинув все три факела.

В погребе стало темно, но совсем ненадолго. Через секунду черноту со всех сторон пронизали длинные, злые сполохи огня, а грохот поднялся такой, что у меня заложило уши.

Фандорин дернул меня за руку, и мы оба повалились на пол.

– Лежите тихо, Зюкин! – крикнул он. – Тут уже ничего не сделаешь.

Мне показалось, что стрельба не утихала очень долго, время от времени перемежаемая воплями боли и громогласными командами Карновича:

– Корнеев, ты где? Давай со своими вправо! Миллер, десять человек влево! Фонарей, фонарей сюда!

Вскоре по подвалу зашарили лучи света – по бочкам, перевернутому столу, двум неподвижным телам на полу. Пальба прекратилась так же внезапно, как началась.

– Выходить с поднятыми руками! – крикнул Карнович. – Все равно никуда не денетесь. Дом оцеплен. Культя первый!

– Вот те Культя!

Из дальнего угла вновь выплеснуло языком пламени, и лучи разом метнулись к тому месту – я увидел перевернутую бочку, а над ней силуэт головы и плеч.

– Убьют, б-болваны, – зло процедил Фандорин.

Грянул оглушительный залп, и от бочки во все стороны полетела щепы, потом снова и снова. Из угла никто больше не отстреливался.

– Сдаемся! – крикнули из темноты. – Начальник, не пали!

Один за другим, высоко воздев руки, на открытое место вышли трое, причем двое едва держались на ногах. Культи среди них не было.

Эраст Петрович поднялся и вышел из укрытия. Мы с Масой последовали за ним.

– Добрый вечер, – иронически приветствовал Фандорина полковник, со всех сторон окруженный рослыми молодцами в статском платье. – Какая неожиданная встреча.

Даже не взглянув на начальника дворцовой полиции, Эраст Петрович направился к перевернутой бочке, из-за которой высывалась безжизненно откинута рука. Присел на корточки и тут же поднялся.

Вокруг откуда ни возьмись появилось очень много людей. Одни надевали наручники на сдавшихся разбойников, другие сновали между бочек, третьи зачем-то шарили по полу. Повсюду скользили электрические лучи, их были десятки. Воздух терпко пах гарью и порохом. Я зачем-то посмотрел на часы. Было без семи двенадцать, а это означало, что с того момента, когда мы проникли в подвал, прошло всего шестнадцать минут.

– Вы всё испортили, Карнович, – сказал Фандорин, останавливаясь перед полковником. – Культя нашпигован п-пулями, а он один знал, где искать Линда. Откуда вы только взялись, черт бы вас побрал! Вы за мной шпионили?

Вид у Карновича был несколько сконфуженный. Он покосился в мою сторону и ничего не ответил, но Фандорин и так понял.

– Вы, Зюкин? – тихо произнес он, глядя на меня, и покачал головой. – Как глупо...

– Карэ да! – визгливо выкрикнул господин Маса, находившийся от меня на некотором отдалении. – Урагиримоно!

Словно во сне, я увидел, как он разгоняется, высоко подпрыгивает и выбрасывает вперед ногу.

Очевидно, мое зрение работало гораздо быстрее мысли, потому что я успел очень хорошо рассмотреть стремительно приближающийся к моему лбу ботинок японца (маленький, желтой юфти, со стоптанной подметкой).

И тут 10 мая для меня закончилось.

11 мая

Субботы для меня не было, потому что ночь, день и еще ночь я пролежал в глубоком обмороке.

12 мая

Очнулся я сразу, безо всякого предварительного блуждания меж забытьем и явью – то есть совсем не так, как возвращаются из обычного сна. Только что видел перед собой озаренный ползающими лучами погреб и стремительно приближающийся желтый ботинок, потом отчего-то прикрыл глаза, а открыл их уже в совершенно ином месте: свет дня, белый потолок, и сбоку, на краю обзора, два лица – мадемуазель Деклик и господин Фандорин. Никакого значения этому явлению в первый момент я не придавал, просто отметил – сидят, смотрят на меня сверху вниз, а я лежу в кровати. И лишь затем уже ощутил, как странно затекло все тело, услышал ровный шум дождя за окном и восторженно воскликнул: почему это они касаются друг друга плечами?

– Grâce a Dieu! – сказала мадемуазель. – Il a retrouvé sa conscience. Vous aviez raison^[23].

Я перевел взгляд с нее на Фандорина и почувствовал, что должен его о чем-то спросить.

– Что такое «урагиримоно»? – повторил я запомнившееся звучное слово – как мне казалось, только что прозвучавшее.

– По-японски оно означает «п-предатель», – спокойно ответил Эраст Петрович, наклоняясь надо мной и зачем-то оттягивая мне пальцами нижние веки (я просто обмер от подобной бесцеремонности). – Я рад, Зюкин, что вы живы. После такого удара можно было и вовсе не очнуться. У вас толстая черепная к-коробка, даже сотрясения нет. Вы пролежали без чувств почти сорок часов. Попробуйте-ка сесть.

Я сел без особого усилия и вдруг смутился, потому что увидел, что на мне только нижняя рубашка, да к тому же распахнутая на груди. Мадемуазель, заметив мое стеснение, деликатно отвела глаза.

Фандорин протянул мне стакан воды и все тем же размеренным тоном сообщил сведения, окончательно вернувшие меня к реальности:

– Вы, Зюкин, сильно повредили делу, сообщив о нашем плане Карновичу. Многообещающая нить оборвана. Культя убит. Четверо из его банды, включая оглушенного мной часового, взяты живьем, но толку от них никакого нет. Один использовался для слежения за Эрмитажем. Другой был кучером на карете, за которой вы пытались гнаться. Это он стегнул вас кнутом, помните? Но кто сидел в карете, он не знает, даже детского крика не расслышал. Культя велел ему сесть на козлы на Николо-

Ямской, проехать определенным маршрутом и потом слезть у Андроникова монастыря. А там он уступил место другому кучеру, по виду нерусскому. Вот и всё. Куля, по крайней мере, знал, где у Линды логово. А теперь мы остались с пустыми руками. Так что гнев Масы можно понять. Теперь, когда ясно, что вы живы и почти целы, моего помощника наконец выпустят из-под ареста, а то я без него как без рук.

Я потрогал лоб и нащупал изрядную шишку. Так мне и надо.

– И что, нет совсем никаких зацепок? – Мой голос дрогнул от сознания всей тяжести допущенной ошибки.

– Теперь остается уповать только на м-мадемуазель Деклик. Моя фантазия, увы, исчерпана. Сударыня, расскажите Афанасию Степановичу о ваших поездках к Линду вчера и сегодня.

– Как, вы с тех пор уже успели побывать у него дважды? – удивился я и обернулся к серому окну. Который же нынче час?

– Да, сегодня встхеча была хано утхом, – ответила мадемуазель. – Вы позволите мне говохить на фханцузски? Это будет более быстхо.

И, действительно, в пять минут изложила мне события, произошедшие за время моего вынужденного неприяствия.

Вчера, в субботу, ее вновь вызвали из церкви запиской. Карета (не та, что накануне, но очень на нее похожая и тоже с заколоченными окнами) ждала в соседнем переулке. Кучер был тот же – бородатый, безмолвный, в низко надвинутой шляпе. Пятьдесят четыре минуты спустя (на сей раз мадемуазель получила от Фандорина часы с фосфоресцирующими стрелками) ей снова завязали глаза, и она оказалась в уже знакомом подземелье. На сей раз повязку на несколько мгновений сняли, чтобы она могла взглянуть на Михаила Георгиевича. Мальчик лежал с закрытыми глазами, но был жив. Оглядываться гувернантке запретили, и она увидела лишь голую каменную стену, тускло освещенную свечой, и сундук, который заменял его высочеству постель.

Сегодня с утра всё повторилось. Доктору Линду достался эгрет-фонтан из бриллиантов и сапфиров. В те несколько секунд, когда мадемуазель была без повязки, она успела рассмотреть маленького пленника получше. Он был по-прежнему в забытьи, сильно осунулся, левая ручка забинтована. Мадемуазель коснулась рукой его лба и ощутила сильный жар.

В этом месте рассказ мадемуазель прервался, но она быстро взяла себя в руки.

– Скорей бы всё это закончилось, – сказала она с восхитившей меня сдержанностью. – Долго такого существования Мишель не выдержит. Он

крепкий, здоровый ребенок, но всему есть предел.

– Вы видели Линда? Хотя бы краешком глаза? – с надеждой спросил я.

– Нет. Повязку снимали не более чем на десять секунд и строго-настрого запрещали оборачиваться. Я только чувствовала, что у меня за спиной стоит несколько человек.

У меня тоскливо заныло под ложечкой.

– Так значит, поиск нисколько не продвинулся?

Мадемуазель и Фандорин переглянулись – как мне показалось, с заговорщическим видом, и я ощутил укол почти физической боли: они были вдвоем, вместе, а я остался в стороне, один.

– Кое-что у нас все-таки есть, – с загадочным видом произнес Фандорин и, понизив голос, будто сообщал некую важную тайну, добавил. – Я научил Эмилию считать скрип колес.

В первый миг я понял только одно – он назвал мадемуазель Деклик по имени! Неужто их дружба зашла так далеко? И только затем попробовал вникнуть в значение произнесенных слов. Не получилось.

– Скрип колес?

– Ну да. Любая ось, даже идеально смазанная, издает скрип, который, если п-прислушаться, являет собой циклическое повторение одного и того же набора звуков.

– Ну и что?

– Один цикл, Зюкин, – это один поворот. Достаточно сосчитать, сколько раз обернулось колесо, и вы узнаете, какое расстояние проехала карета. Колеса на каретах фаэтонного типа, которым отдают предпочтение п-похитители, имеют стандартный размер – если по метрической системе, то метр сорок в диаметре. Длина окружности, таким образом, в соответствии с законами геометрии, равняется четырем метрам восьмидесяти сантиметрам. Остальное просто. Мадемуазель считает и запоминает количество оборотов от угла до угла. Повороты экипажа легко ощутимы по накрёну вправо или влево. Мы не производим слежки за каретой, чтобы не вспугнуть преступников, однако, в каком направлении Эмилию увозят первоначально, видим. Д-дальнейшее же зависит от ее внимательности и памяти. Таким образом, – продолжил Фандорин голосом учителя, излагающего геометрическую задачу, – если нам известно количество и направление поворотов, а т-также расстояние между поворотами, мы можем определить место, где прячут ребенка.

– И что, определили? – в радостном волнении вскричал я.

– Не так быстро, Зюкин, не так б-быстро, – улыбнулся Фандорин. – Молчаливый кучер нарочно едет не прямым путем, а петляет – видно,

проверяет, нет ли «хвоста». Так что задача Эмилии очень непроста. Вчера и сегодня мы с ней прошли пешком по пути следования кареты, сверяя ее наблюдения с г-географией.

– И что же? – спросил я, представив, как мадемуазель идет по улице, опершись на руку изящного кавалера. Оба серьезны, объединены общим делом, а я тем временем валяюсь в кровати бесполезной колодой.

– Оба раза карета, поплутав по п-переулкам, выехала на Зубовскую площадь – это подтверждают и наблюдения Эмилии, которые слышала в этом месте маршрута шум множества экипажей и гул голосов.

– А дальше?

Мадемуазель сконфуженно оглянулась на Фандорина (этот короткий, доверительный взгляд снова царапнул меня по самому сердцу) и, словно оправдываясь, сказала:

– Месье Зюкин, вчера я смогла запомнить одиннадцать поворотов, сегодня тринадцать. – Она прищурилась и с запинкой произнесла. – Двадцать два, влево; сорок один, вправо; тридцать четыре, влево; восемнадцать, вправо; девяносто, влево; четырнадцать, вправо; сто сорок три, вправо; тридцать семь, вправо; двадцать пять, вправо; сто пятнадцать, вправо (и здесь, посередине, примерно на пятидесятом обороте, шум площади); пятьдесят два, влево; шестьдесят, вправо; потом снова вправо, но сколько – уже не помню. Я очень старалась, но все равно сбилась...

Я был потрясен.

– Господи, да как вы и столько-то запомнили?

– Не забывайте, мой друг, ведь я учительница, – мягко улыбнулась она, а я покраснел, еще не решив, как следует истолковать это обращение, «top amі», и допустима ли при наших отношениях подобная фамильярность.

– Но завтра все повторится, и вы снова собьетесь, – сказал я, на всякий случай принимая строгий вид. – У человеческой памяти, даже самой развитой, имеются свои пределы.

Улыбка, которой Фандорин встретил это мое замечание, мне очень не понравилась. Так улыбаются лепету несмышленного ребенка.

– Эмилии не придется все запоминать с самого начала п-пути. После Зубовской площади карета оба раза двигалась одним и тем же маршрутом, и последний п-поворот, твердо запомнившийся нашей разведчице – стык Оболенского и Олсуфьевского переулков. Куда экипаж отправился далее, мы не знаем, но эта точка определена совершенно точно. Оттуда до конечного пункта уже недалеко – каких-нибудь десять-пятнадцать минут.

– За пятнадцать минут карета может отъехать на добрых три-четыре версты в любом направлении, – заметил я слишком уже заносчивому

Эрасту Петровичу. – Вы что же, станете обыскивать такое огромное пространство? Да это побольше всего Васильевского острова!

Он улыбнулся еще несносней.

– Коронация, Зюкин, послезавтра. Тогда мы должны передать доктору Линду «Орлова», и игра закончится. А завтра Эмилия отправится в закованной карете еще раз, чтобы внести последний взнос – какую-то диадему-бандо из желтых бриллиантов и опалов.

Я невольно застонал. Бесценное бандо в виде цветочной гирлянды! Да это наиглавнейшее сокровище во всем coffret ее величества!

– Разумеется, мне пришлось дать императрице слово чести, что и бандо, и все предыдущие безделушки будут возвращены в целостности и сохранности, – с неподражаемой самоуверенностью заявил Фандорин. – Кстати говоря, я, кажется, не упомянул одно существенное обстоятельство. После того, как Карнович вломился в нашу с вами хитровскую операцию, будто слон в посудную лавку, общее руководство действиями против Линды поручено мне, а начальнику дворцовой полиции и московскому обер-полицмейстеру запрещено вмешиваться под страхом суда.

Неслыханно! Доверить расследование, от которого без преувеличения зависит судьба царской династии, частному лицу! Это означало, что Эраст Петрович Фандорин в настоящий момент является самой важной фигурой во всем российском государстве, и я взглянул на него уже совсем по-иному.

– Эмилия начнет отсчет от поворота с Оболенского на Олсуфьевский, – уже безо всякой улыбки, с серьезнейшим выражением лица пояснил он. – И тут уж мадемуазель с ее великолепной памятью ни за что не сойдет.

– Ваше высочество, но как мадемуазель Деклик поймет, что достигла нужного поворота?

– Очень просто, Зюкин. Я увижу, в какую карету ее посадят на этот раз. Следить за ней, разумеется, не стану, а сразу в Олсуфьевский. Когда увижу, как подъезжает экипаж, зазвоню в колокольчик. Это и будет сигналом для Эмилии.

– Но не покажется ли это кучеру подозрительным? С чего это вдруг прилично одетый господин вроде вас станет звонить в колокольчик? А может быть, просто арестовать этого кучера и пусть расскажет, где прячется Линд?

Фандорин вздохнул.

– Именно так, вероятно, и поступил бы полицмейстер Ласовский. Линд наверняка предвидит подобную возможность, однако почему-то совсем ее не боится. У меня есть на этот счет некоторые предположения,

но не стану сейчас в них вдаваться. Что же до приличного господина, то вы меня, право, обижаете. Вы ведь, кажется, видели, что я отлично умею преображаться. Я ведь, Зюкин, буду не только в колокольчик звенеть, но еще и кричать.

И вдруг пронзительно загнусавил с сильным татарским акцентом, делая вид, что трясет колокольчиком:

– Старьем берем – копейк даем! Бумажка-стекляшка берем! Рванный порток-морток! Ржавый ложка-поварешка! Барахло даешь – деньга берешь!

Мадемуазель засмеялась – по-моему, впервые за все эти дни. Во всяком случае, в моем присутствии.

– Ну, месье Зюкин, вы отдыхайте, а мы с Эрастом совершим небольшую прогулку: побродим вокруг *Девичье Поле*, *Цахицынская*, *Погодинская*, *Плюсича*, – старательно выговорила она названия московских улиц, а у меня отозвалось только *Эраст*.

Какой он ей «Эраст»!

– Я совершенно здоров, – уверил я их обоих, – и желал бы составить вам компанию.

Фандорин поднялся, покачал головой:

– Компанию нам составит Маса. Боюсь, что он на вас все еще сердит. И за время, проведенное в к-каталажке, вряд ли подобрел. Лежите уж.

* * *

Лежать я, разумеется, не стал, но и занять себя было нечем, ибо Сомов окончательно завладел всеми моими обязанностями и, следует отдать ему должное, недурно с ними справился – во всяком случае, я не обнаружил каких-либо серьезных упущений, хотя тщательнейшим образом проверил и порядок в комнатах, и посуду, и конюшню, и даже состояние дверных ручек. Ну, разве что велел в спальне ее высочества заменить розы на анемоны и убрать пустую бутылку, закатившуюся под кровать лейтенанта Эндлунга.

Итак, я был отставлен отдел, избит (что самое неприятное – за дело), унижен перед мадемуазель Деклик, а более всего меня мучило кошмарное видение: Михаил Георгиевич, томящийся в сыром подzemелье. Потрясение, насилие, физические муки, продолжительное воздействие наркотика – все эти травмы, перенесенные в столь нежном возрасте, еще дадут себя знать. Страшно подумать, как отразятся они на характере и душевном здоровье великого князя. Но сейчас тревожиться из-за этого было еще рано. Сначала

требовалось выволить его высочество из лап жестокого доктора Линда.

И я пообещал себе, что прощу Фандорину всё, если только он сумеет спасти ребенка.

К ужину вернулись наши, присутствовавшие на церемонии освящения Государственного знамени в Оружейной палате.

В коридоре Ксения Георгиевна взяла меня за рукав и тихо спросила:

– Где Эраст Петрович?

Кажется, ее высочеству было угодно сделать меня конфидентом своей affaire de coeur^[24], а мне совершенно не хотелось принимать на себя эту двусмысленную роль.

– Господин Фандорин уехал с мадемуазель Деклик, – бесстрастно ответил я, поклонившись и как бы забыв разогнуться, чтобы не встречаться с великой княжной взглядом.

Ксения Георгиевна, кажется, была неприятно удивлена.

– С Эмилией? Но зачем?

– Это связано с планами по освобождению Михаила Георгиевича, – не стал я вдаваться в подробности, желая побыстрее закончить этот разговор.

– Ах, я такая эгоистка! – На глазах у великой княжны выступили слезы. – Я скверная, скверная! Бедный Мика! Нет, я все время о нем думаю, я молилась за него всю ночь... – Тут она вдруг покраснела и поправилась. – Ну, почти всю ночь...

От этих слов, расценить которые можно было только в одном смысле, настроение у меня совсем испортилось, и, боюсь, во время ужина я недостаточно внимательно относился к своим обязанностям.

А ведь трапеза была особенная, устроенная в честь наших британских гостей по случаю дня рождения ее величества английской королевы, которую в Семье называют просто Грэнни, искренне почитают и сердечно любят. Последний раз «бабушку всея Европы» я видел этой весной в Ницце, когда королева Виктория устраивала партию Ксении Георгиевны с принцем Олафом. Императрица индийская, владычица первой мировой державы показалась мне сильно постаревшей, но все еще крепкой. Наши дворцовые поговаривают, что после кончины супруга она долгие годы состояла в связи со своим лакеем, но глядя на эту почтенную, величественную особу, поверить в подобное было трудно. Впрочем, про августейших особ всегда болтают нивесть что – никогда не следует придавать значения слухам, пока они не получили формального подтверждения. Я, во всяком случае, в своем присутствии сплетен о ее британском величестве не поощряю.

Устроив ужин в честь Грэнни, Георгий Александрович желал хотя бы отчасти искупить недостаток внимания, оказываемый английским гостям из-за обрушившегося на Зеленый дом несчастья. Подготовкой распорядился Сомов, мне же оставалось лишь проверить сервировку и меню – всё было безукоризненно.

Веселья не вышло, хотя Эндлунг старался изо всех сил, да и Георгий Александрович вел себя, как подобает истинно гостеприимному хозяину. Но усилия были тщетны: Павел Георгиевич сидел мрачный и к пище не прикасался, только пил вино; Ксения Георгиевна выглядела рассеянной; милорд и мистер Карр друг на друга не смотрели, а шуткам лейтенанта смеялись как-то чересчур громко, словно намеренно изображали полнейшую беззаботность. То и дело повисали протяженные паузы, верное свидетельство провалившегося вечера.

Мне казалось, что над столом незримо витает тень несчастного маленького пленника, хотя о нем не было произнесено ни единого слова. Ведь англичане о случившемся официально оповещены не были – это означало бы неминуемое разглашение тайны на всю Европу. Пока тема не затронута, ее не существует. Как люди чести, лорд Бэнвилл и мистер Карр будут молчать. А если и проговорятся, то частным образом, в своем кругу. Это, конечно, даст толчок слухам, но не более того. Ну, а про слухи я уже говорил.

Я стоял за креслом Георгия Александровича, подавая знак лакеям, если требовалось что-то принести или убрать. Но мои мысли были далеко. Я думал, чем мне искупить свою невольную вину перед Михаилом Георгиевичем, нет ли еще какой-либо возможности поспособствовать его спасению. И еще – не буду кривить душой – мне не раз и не два вспомнился доверчивый и даже восхищенный взгляд, которым мадемуазель Деклик смотрела на Фандорина, *Эраста*. Признаюсь, что, воображая себя спасителем Михаила Георгиевича, я представлял, как она точно так же (а может быть, и еще восторженней) посмотрит на меня. Глупо, конечно. Глупо и недостойно.

– Почему непременно я? – спросил, понизив голос, Павел Георгиевич. – Ведь это ты обещал сводить их сегодня в оперу.

– Я не смогу, – ответил так же тихо Георгий Александрович. – Сходишь ты.

В первый миг – очевидно, оттого, что мои мысли были заняты посторонними вещами – я вообразил, что вдруг начал понимать по-английски (ибо разговор за столом, разумеется, велся именно на этом языке) и лишь потом до меня дошло, что эти реплики произнесены на

русском.

Павел Георгиевич говорил веселым голосом, раздвигая губы в улыбке, но глаза у него были злые-презлые. Отец взирав на него с полнейшим благодушием, но я заметил, как у его высочества багровеет затылок, а это ничего хорошего не сулило.

Ксении Георгиевны к этому времени за столом уже не было – она удалилась, сославшись на легкую мигрень.

– Это из-за того, что *она* приехала? – все так же улыбаясь и глядя на англичан, спросил Павел Георгиевич. – Ты пойдешь к ней в «Лоскутную»?

– Не твое дело, Полли. – Георгий Александрович зачмокал губами, раскуривая сигару. – Ты идешь в оперу.

– Нет! – воскликнул Павел Георгиевич, и так громко, что англичане даже вздрогнули.

Эндлунг немедленно зачастил по-английски. Георгий Александрович засмеялся, что-то такое присовокупил, а затем, отечески накрыв руку сына своей огромной мясистой ладонью, пророкотал:

– Или в оперу, или во Владивосток. И я не шучу.

– Хоть во Владивосток, хоть к черту! – сладчайшим голосом ответил Павел Георгиевич и любовно накрыл руку батюшки своей, так что со стороны эта семейная сцена, верно, смотрелась просто умирительно. – А в оперу иди сам.

Угроза насчет Владивостока в Семье звучала довольно часто. Всякий раз, когда Павел Георгиевич попадал в историю или каким-либо иным образом вызывал родительское неудовольствие, Георгий Александрович грозился отправить его своей генерал-адмиральской властью в Тихоокеанскую эскадру – послужить отчизне и остепениться. Однако до сих пор как-то обходилось.

Дальше говорили уже исключительно по-английски, но мои мысли теперь приняли совсем другое направление.

У меня появилась идея.

Дело в том, что смысл перепалки между их высочествами, вряд ли понятный даже и человеку, знающему по-русски, был мне совершенно ясен.

Приехала Изабелла Фелициановна Снежневская и остановилась в гостинице «Лоскутная».

Вот кто мне поможет!

Госпожа Снежневская – умнейшая из женщин, каких я встречал в своей жизни, а ведь мне доводилось видеть и императриц, и великосветских львиц, и правящих королев.

История Изабеллы Фелициановны настолько причудлива и невероятна, что, пожалуй, и во всей мировой истории не сыщешь. Возможно, какая-нибудь мадам Ментенон или маркиза Помпадур в зените своей славы и достигали большего могущества, но вряд ли их положение при августейшем доме было прочнее. Госпожа Снежневская, будучи, как я уже сказал, умнейшей из женщин, совершила поистине великое открытие на фаворитском поприще: она завела роман не с монархом или великим князем, которые, увы, смертны или непостоянны, а с монархией – вечной и бессмертной. В свои двадцать восемь лет Изабелла Фелициановна заслужила прозвище «коронной регалии», да она и в самом деле похожа на драгоценное украшение из императорской Бриллиантовой Комнаты: миниатюрная, хрупкая, неописуемо изящная, с хрустальным голосом, золотыми волосами, сапфировыми глазами.

Маленькую танцовщицу, самую юную и самую талантливую во всех балетных труппах Петербурга, заметил еще покойный государь. Отдав дань прелестям этой ундины, его величество разглядел в Изабелле Фелициановне нечто большее, чем просто очарование красоты и свежести – ум, такт и задатки верной союзницы престола.

Как человек государственного ума и примерный семьянин, государь не позволил себе чересчур увлечься волшебной дебютанткой, а поступил мудро (хоть, надо полагать, и не без сожалений) – доверил попечению госпожи Снежневской цесаревича, внушавшего августейшему родителю опасения своей чрезмерной набожностью и некоторой неотесанностью.

Изабелла Фелициановна храбро перенесла разлуку с его величеством и отнеслась к важной государственной миссии со всей подобающей ответственностью, так что вскоре наследник заметно переменялся в лучшую сторону и даже совершил некоторые (впрочем, умеренные и нескандальные) безумства, чем окончательно успокоил своего венценосного отца.

В благодарность госпожа Снежневская получила чудесное палаццо на Большой Дворянской, партии в Мариинском театре на собственный выбор, а главное – особенное, даже исключительное положение в придворной сфере, которому завидовали очень-очень многие. Однако держалась она при этом скромно, своим влиянием не абюзировала и – что уже почти невероятно – серьезных врагов не нажила. Из верных источников было известно, что влюбленный цесаревич предлагал красавице тайный брак, однако она благоразумно отказалась, а когда между наследником и принцессой Алисой наметилась нежная дружба, отошла в тень и в ходе трогательной сцены прощания с «милым Ники» благословила этот союз.

Этот поступок впоследствии замечательно себя оправдал, поскольку новая царица оценила его по достоинству и – еще одно небывалое явление – стала оказывать бывшей сопернице явное благоволение. В особенности после того, как Изабелла Фелициановна, выдержав приличную горестную паузу, вверила свое нежное сердце Георгию Александровичу. Откровенно говоря, думаю, что от этой перемены госпожа Снежневская во всех смыслах не проиграла, а выиграла. Георгий Александрович – видный мужчина, истинно щедрая душа, да и характером несказанно приятней племянника.

О, Изабелла Фелициановна – сама мудрость. Ей можно рассказать обо всем. Она понимает, что такое тайны августейшей семьи, ибо и сама является их хранительницей. Снежневская изобретет что-нибудь особенное, до чего не додумаются ни изворотливый полковник Карнович, ни грозный Кирилл Александрович, ни даже сам хитроумный господин Фандорин.

* * *

Госпожа Снежневская заняла в «Лоскутной» целое крыло, что уже само по себе свидетельствовало о полуцарственном статусе этой удивительной женщины – ведь сейчас, в самый разгар коронационных торжеств, даже самый обыкновенный гостиничный номер стоил впятеро против всегдашнего, да еще и не найдешь.

В прихожей апартаментов-«люкс» стояло множество корзин с цветами, а откуда-то из анфилады комнат доносился приглушенный звук рояля. Я передал горничной записку, и игра почти сразу же прекратилась. Еще через минуту ко мне вышла сама Изабелла Фелициановна. Она была в легком шелковом платье сочно-розового цвета, какой вряд ли могла бы себе позволить любая другая блондинка, но Снежневская в таком наряде выглядела не вульгарной, а божественной, другого слова не подберу. Я вновь поразился ее светлой, фарфоровой красоте – того драгоценнейшего, очень редко встречающегося типа, когда при виде, казалось бы, уже хорошо знакомого лица всякий раз захватывает дух и берет оторопь.

– Афанасий! – улыбнулась она, глядя на меня снизу вверх, но при этом каким-то чудом умудряясь держаться так, будто стоит не на земле, а на пьедестале. – Здравствуйте, дружок. Что-нибудь от Джорджи?

– Нет, – с низким поклоном ответил я. – У меня секретное дело государственной важности.

Умница, она не задала мне ни единого вопроса. Знала, что Афанасий Зюкин зря подобными фразами бросаться не станет. На миг озабоченно сдвинула брови и поманила меня своей маленькой ручкой.

Я проследовал за ней через несколько сообщающихся комнат в будуар. Прикрыв дверь, Изабелла Фелициановна опустилась на постель, мне жестом велела сесть в кресло и сказала одно-единственное слово:

– Говорите.

Я изложил ей суть дела, не утаив ничего. Рассказ получился длинным, потому что событий за последние дни произошло много, но короче, чем можно было бы ожидать, ибо Снежневская не ахала, не хваталась за сердце и ни разу меня не перебила – только всё быстрее перебирала изящными пальчиками гипюровый воротник.

– Михаил Георгиевич в смертельной опасности, да и над всем домом Романовых нависла страшная угроза, – так закончил я свою пространную речь, хотя мог бы обойтись и без драматизма, потому что слушательница и так отлично всё поняла.

Долго, очень долго Изабелла Фелициановна молчала. Никогда еще я не видел на ее кукольном личике такого волнения, даже когда, по заданию Георгия Александровича, забирал у нее письма цесаревича.

Не выдержав паузы, я спросил:

– Скажите, есть ли какой-нибудь выход?

Она грустно, и, как показалось, с участием подняла на меня яркосиние глаза. Но голос ее был тверд:

– Есть. Только один. Пожертвовать меньшим ради большего.

– «Меньшее» – это его высочество? – уточнил я и самым постыдным образом всхлипнул.

– Да. И, уверяю вас, Афанасий, такое решение уже принято, хотя вслух о нем никто не говорит. Побрякушки из coffret – ладно, но «Орлова» этому доктору Линду никто не отдаст. Ни за что на свете. Ваш Фандорин – ловкий человек. Идея с «прокатом» гениальна. Дотянуть до коронации, а потом уже будет все равно.

– Но... Но это чудовищно! – не выдержал я.

– Да, с обычной человеческой точки зрения это чудовищно. – Она ласково дотронулась до моего плеча. – Ни вы, ни я так со своими детьми не поступили бы. Ах да, у вас же, кажется, нет детей? – Снежневская вздохнула и проговорила своим чистым, звонким голосом то, о чем я и сам задумывался не раз. – Быть рожденным в царствующем доме – особая судьба. Дающая небывалые привилегии, но и требующая готовности к небывалым жертвам. Позорный скандал во время коронации недопустим.

Ни при каких обстоятельствах. Отдавать преступникам одну из главных регалий империи тем более недопустимо. А вот пожертвовать жизнью одного из восемнадцати великих князей очень даже допустимо. Это, конечно, понимает и Джорджи. Что такое четырехлетний мальчик рядом с судьбой целой династии?

В последних словах прозвучала явная горечь, но в то же время и неподдельное величие. Слезы, выступившие на моих глазах, так и не покатались по щекам. Не знаю отчего, но я чувствовал себя пристыженным.

Раздался стук в дверь, и англичанка-нэнни ввела двух премилых близнецов, очень похожих на Георгия Александровича – таких же румяных, щекастеньких, с живыми карими глазками.

– Спокойной ночи, маменька, – пролепетали они и с разбегу бросились Изабелле Фелициановне на шею.

Мне показалось, что она их обнимает и целует горячее, чем того требовал этот обыкновенный ритуал.

Когда мальчиков увели, Снежневская снова заперла дверь и сказала мне:

– Афанасий, у вас глаза на мокром месте. Немедленно перестаньте, иначе я разревусь. Это со мной бывает редко, но уж если начну, то остановлюсь не скоро.

– Простите, – пробормотал я, нашаривая в кармане платок, но пальцы плохо слушались.

Тогда она подошла, вынула из-за манжета кружевной платочек и промокнула мне ресницы – очень осторожно, как если бы боялась повредить грим.

Вдруг в дверь постучали – настойчиво, громко.

– Изабо! Открой, это я!

– Полли! – всплеснула руками Снежневская. – Вы не должны встретиться, это поставит мальчика в неловкое положение. Быстро сюда!

– Сейчас! – крикнула она. – Только надену туфли!

Сама же тем временем отворила створку большого зеркального шкафа и, подталкивая острым кулачком, затолкала меня внутрь.

В темном и довольно просторном дубовом гардеробе пахло лавандой и кельнской водой. Я осторожно развернулся, устраиваясь поудобнее, и постарался не думать, какой случится конфуз, если мое присутствие обнаружится. Впрочем, в следующую минуту я услышал такое, что о конфузе и думать забыл.

– Обожаю! – раздался голос Павла Георгиевича. – Как же ты

прекрасна, Изабо! Я думал о тебе каждый день!

– Перестань! Полли, ты просто сумасшедший! Я же тебе сказала, это была ошибка, которая никогда больше не повторится. И ты дал мне слово.

О господи! Я схватился за сердце, и от этого движения зашуршали платья.

– Ты клялся, что мы будем как брат и сестра! – повысила голос Изабелла Фелициановна, очевидно, чтобы заглушить неуместные звуки из шкафа. – К тому же телефонировал твой отец. Он с минуты на минуту должен быть здесь.

– Как бы не так! – торжествующе воскликнул Павел Георгиевич. – Он отправился в оперу с англичанами. Нам никто не мешает. Изабо, зачем он тебе? Он женат, а я свободен. Он старше тебя на двадцать лет!

– А я старше тебя на семь лет. Это для женщины много больше, чем двадцать лет для мужчины, – ответила Снежневская.

Судя по шелесту шелка, Павел Георгиевич пытался ее обнять, а она уклонялась от объятий.

– Ты – как Дюймовочка, – пылко говорил он, – ты всегда будешь моей крохотной девочкой...

Она коротко рассмеялась:

– Ну да, маленькая собачка – до старости щенок.

И вновь постучали в дверь – еще настойчивей, чем в прошлый раз.

– Барыня, Георгий Александрович пожаловали! – раздался испуганный голос горничной.

– Как так? – переполошился Павел Георгиевич. – А опера? Ну всё, теперь он точно загонит меня во Владивосток! Господи, что делать?

– В шкаф, – решительно объявила Изабелла Фелициановна. – Живо! Да не в левую створку, в правую!

Совсем рядом скрипнула дверца, и я услышал в каких-нибудь трех шагах, за многослойной завесой платьев, прерывистое дыхание. Слава богу, мой мозг не поспевал за событиями, не то со мной, наверное, приключился бы самый настоящий обморок.

– Ну наконец-то! – услышал я радостный возглас Снежневской. – Я уж не чаяла! Зачем обещать, а после заставлять ждать?

Раздался звук продолжительного поцелуя, за платьями скрежетнул зубами Павел Георгиевич.

– Должен был отправиться в оперу, но сбежал... Этот негодяй Полли... В шейку, дай в шейку... И вот сюда, сюда – непременно...

– Не сразу, не сразу... Выпьем шампанского, в гостиной уж приготовлено...

– К черту шампанское! Я весь горю. Беллочка, без тебя я здесь был, как в аду. О, если б ты только знала!.. Но после, после... Расстегни этот проклятый воротник!

– Нет, это невыносимо! – донесся из шкафа прерывающийся шепот.

– Сумасшедший... Вся семья сумасшедшие... Ты начал что-то говорить о Полли?

– Мальчишка совсем отбился от рук! Решено, я отправляю его на Тихий океан. Ты знаешь, по-моему, он к тебе равнодушен. Сопляк. Я знаю, что могу полностью на тебя положиться, однако учти, что в плавании он подхватил дурную болезнь...

Гардероб качнулся, хлопнула дверца.

– Он лжет! – истошно закричал Павел Георгиевич. – Я вылечился! Ах, подлец!

– Что-о-о?! – страшным голосом взревел Георгий Александрович. – Как ты... Да как ты... посмел?!

В ужасе я приоткрыл дверцу и увидел такое, что было бы невозможно представить и в самом кошмарном сне: их высочества вцепились друг другу в горло, причем Павел Георгиевич лягал отца носком сапога по лодыжкам, а Георгий Александрович выкручивал сыну ухо.

Изабелла Фелициановна попробовала было вклинить между дерущимися, но генерал-адмирал слегка задел маленькую балерину локтем, и она отлетела к постели.

– Афанасий! – повелительно крикнула Снежневская. – Они убьют друг друга!

Я выскочил из гардероба, готовый принять на себя удары обеих сторон, но это не понадобилось, потому что их высочества устали на меня во все глаза, и от этого сражение прекратилось само собой.

Я случайно увидел в трюмо свое отражение и содрогнулся. Волосы растрепаны, бакенбарды всклокочены, а к плечу прицепилось что-то розовое, кружевное – то ли лиф, то ли панталоны. От совершеннейшей потерянности я сдернул постыдный предмет и спрятал его в карман.

– Не... не будет ли каких-нибудь приказаний? – пролепетал я.

Их высочества переглянулись, и вид у обоих был такой, будто с ними вдруг заговорил гобелен или стеной барельеф. Во всяком случае, угроза сыно- или отцеубийства явно отпала, и я вновь поразился присутствию духа и остроте ума Изабеллы Фелициановны.

Судя по всему, о том же подумали и их высочества, потому что одновременно сказали почти одно и то же.

– Ну, Белла, ты удивительнейшая женщина, – пробасил Георгий

Александрович.

А Павел Георгиевич пропел растерянным тенорком:

– Изабо, я никогда тебя не пойму...

– Ваши высочества, – вскинулся я, осознав, в каком кощунственном заблуждении пребывают великие князья. – Я вовсе... Я не...

Но Павел Георгиевич, не выслушав, обернулся к Снежневской и с детской обидой воскликнул:

– Ему, ему, значит, можно, а мне нельзя?

Я вовсе утратил дар речи, не зная, как разрешить эту ужасную ситуацию.

– Афанасий, – твердо сказала Изабелла Фелициановна. – Сходите в гостиную и принесите коньяку. Да не забудьте нарезать лимон.

Я с невероятным облегчением бросился выполнять приказание и, честно говоря, не слишком торопился возвращаться. Когда же вошел с подносом, застал совсем другую картину: балерина стояла, а их высочества сидели по обе стороны от нее на пуфиках. Мне некстати вспомнилось представление цирка Чинизелли, куда мы с мадемуазель водили Михаила Георгиевича на Пасху. Там на тумбах сидели рычащие львы, а между ними расхаживала храбрая тоненькая дрессировщица с огромным хлыстом в руке. Сходство усугублялось еще и тем, что ростом все трое – стоящая Снежневская и сидящие великие князья – были вровень.

– ... Люблю вас обоих, – услышал я и остановился в дверях, потому что соваться с коньяком было явно не ко времени. – Вы оба мне родные – и ты, Джорджи, и ты, Полли. Вы ведь тоже друг друга любите, правда? Разве есть на свете что-нибудь драгоценнее нежной привязанности и родственных чувств? Мы же не какие-нибудь вульгарные мещане! Зачем ненавидеть, если можно любить? Зачем ссориться, если можно дружить? Не поедет Полли ни в какой Владивосток, нам будет без него плохо, а ему без нас. И мы отлично всё устроим. Полли, когда у тебя дежурство в гвардейском экипаже?

– По вторникам и пятницам, – захлопал глазами Павел Георгиевич.

– А у тебя, Джорджи, когда заседания в министерстве и Государственном совете?

Георгий Александрович с несколько туповатым (прошу прощения, но иного определения подобрать не могу) видом ответил:

– По понедельникам и четвергам. А что?

– Видите как удобно! – обрадовалась Снежневская. – Вот всё и устроилось! Ты, Джорджи, будешь приходить ко мне во вторник и пятницу. А ты, Полли, в понедельник и четверг. И мы все будем очень-очень любить

друг друга. А ссориться не станем вовсе, потому что не из-за чего.

– Ты любишь его так же, как меня? – набычился генерал-адмирал.

– Да, потому что он твой сын. Он так на тебя похож.

– А... а Афанасия? – оглянулся на меня ошарашенный Павел Георгиевич.

Глаза Изабеллы Фелициановны блеснули, и мне вдруг показалось, что эта ужасная, невозможная, монструозная сцена ей совсем не в тягость.

– И Афанасия. – Честное слово, она мне подмигнула! Не может быть – видимо, померещилось, или же у нее от нервов чуть дернулся уголок глаза. – Но по-другому. Он ведь не Романов, а у меня странная судьба. Я могу любить только мужчин этой фамилии.

А вот последнее прозвучало уже совершенно серьезно, как будто в эту минуту госпожа Снежневская сделала для себя какое-то удивительное и, возможно, не очень радостное открытие.

13 мая

Я оказался в ложном и мучительном положении, из которого не знал, как выбраться.

С одной стороны, после вчерашнего объяснения в «Лоскутной» натянутость между великими князьями счастливо завершилась, и за завтраком они взирали друг на друга с искренним расположением, на мой взгляд, напоминая уже не столько отца с сыном, сколько двух товарищей – это не могло не радовать.

С другой стороны, когда, войдя в столовую с кофейником, я поклонился и пожелал всем доброго утра, оба посмотрели на меня с особенным выражением и вместо обычного кивка тоже сказали «Доброе утро». От этого я совсем смешался и, кажется, даже покраснел.

Нужно было каким-то образом снять с себя чудовищное подозрение, но я совершенно не представлял, как завести с их высочествами разговор на подобную тему.

Когда наливал кофе Георгию Александровичу, тот покачал головой и с укоризной, но в то же время, по-моему, и не без одобрения, прогудел вполголоса:

– Хорош...

Моя рука дрогнула, и я впервые в жизни пролил несколько капель прямо на блюдце.

Павел Георгиевич не произнес ни слова упрека, но поблагодарил за кофе, а это было еще хуже.

Я стоял у двери и жестоко страдал.

Мистер Карр стрекотал без умолку, делая изящные движения своими тонкими белыми руками – кажется, рассказывал про оперу, во всяком случае я разобрал несколько раз повторенное слово «Khovanstchina». Лорд Бэнвилл к столу не вышел по причине мигрени.

Надо будет подойти к Георгию Александровичу и сказать так, придумал я: «Мнение, сложившееся у вашего высочества в отношении моей предполагаемой связи с известной вам особой, не имеет ничего общего с действительностью, а в шкафу я оказался исключительно из-за того, что вышеупомянутая особа хотела избежать компрометации Павла Георгиевича. Что же до объявленной ею любви к моей скромной персоне, то, если столь лестное для меня чувство и имеет место быть, так без малейших намеков на страсть неплатонического свойства».

Нет, пожалуй, это слишком запутано и, хуже того, игриво. А если сказать так: «Благоговение, с которым я отношусь как к особам августейшей фамилии, так и к их сердечным увлечениям, ни в коем случае не позволило бы мне даже в самых диких фантазиях вообразить, что...» В этот миг я случайно встретился взглядом с лейтенантом Эндлунгом, который изобразил на лице восхищение, подняв брови, потом подмигнул, да еще показал из-под скатерти большой палец, из чего можно было сделать вывод, что Павел Георгиевич всё ему рассказал. Лишь с огромным трудом мне удалось сохранить вид невозмутимости.

Воистину Господу было угодно подвергнуть меня тяжким испытаниям.

Когда выходили из-за стола, Ксения Георгиевна шепнула мне:

– Зайди.

И минут через пять я с тяжелым сердцем отправился к ней в комнату, уже зная, что ничего хорошего меня там не ожидает.

Великая княжна успела переодеться в платье для прогулок и надеть шляпку с вуалью, из-под которой решительно поблескивали ее удлиненные, красивого разреза глаза.

– Я хочу прокатиться в ландо, – сказала она. – Сегодня такой светлый, солнечный день. Поедешь за кучера, как когда-то в детстве.

Я поклонился, ощущая невероятное облегчение.

– Какую пару прикажете запрячь?

– Рыжую, она резвее.

– Сию минуту.

Но напрасно у меня отлегло от сердца. Когда я подкатил к крыльцу, Ксения Георгиевна села не одна, а с Фандориным, смотревшимся истинным денди в сером цилиндре, сером же сюртуке и перламутровом галстуке с жемчужной заколкой. Теперь стало понятно, почему ее высочество пожелала, чтобы на козлы сел я, а не кучер Савелий.

Поехали через парк, по аллее, потом Ксения Георгиевна велела поворачивать в сторону Воробьевых гор. Экипаж был новехонький, на

резиновых буферах, ездить на таком одно удовольствие – не трясет, не кидает, а лишь слегка покачивает.

Пока кони бежали рысцой меж деревьев, негромкий разговор за моей спиной сливался в приглушенный фон, однако на Большой Калужской задул сильный попутный ветер. Он подхватывал каждое произнесенное слово и доносил до моих ушей, в результате чего я поневоле оказался в роли подслушивающего, и поделаться тут ничего было нельзя.

– ...а остальное не имеет значения, – вот первое, что принес ветер (голос принадлежал ее высочеству). – Увезите меня. Все равно куда. С вами я поеду хоть на край света. Нет, правда, не кривитесь! Мы можем уехать в Америку. Я читала, что там нет ни титулов, ни сословных предрассудков. Ну что вы всё молчите?

Я хлестнул ни в чем не повинных лошадей, и они припустили быстрее.

– Сословные п-предрассудки есть и в Америке, но не в них дело...

– А в чем?

– Во всём... Мне сорок лет, вам д-девятнадцать. Это раз. Я, как выразился давеча Карнович, «лицо без определенных занятий», а вы, Ксения, великая княжна. Это два. Я слишком хорошо знаю жизнь, вы не знаете ее вовсе. Это три. А главное вот что: я принадлежу только себе, вы же принадлежите России. Мы не сможем быть счастливы.

Его всегдашняя манера нумеровать доводы в данном случае показалась мне неуместной, однако следовало признать, что сейчас Эраст Петрович говорил как ответственный человек. Судя по наступившему молчанию, его справедливые слова отрезвили ее высочество.

Минуту спустя она тихо спросила:

– Вы меня не любите?

И здесь он всё испортил!

– Я этого не г-говорил. Вы... вы лишили меня д-душевного равновесия, – залепетал Фандорин, заикаясь больше обычного. – Я не д-думал, что такое еще может со мной произойти, но к-кажется произошло...

– Так вы меня любите? Любите? – допытывалась она. – Если да, всё остальное неважно. Если нет – тем более. Одно слово, всего одно слово. Ну?

У меня сжалось сердце от того, сколько надежды и страха прозвучало в голосе Ксении Георгиевны, и в то же время в эту минуту я не мог не восхищаться ее решительностью и благородной прямоотой.

Разумеется, коварный соблазнитель ответил:

– Да, я люблю в-вас.

Еще бы он посмел не любить ее высочество!

– Во всяком с-случае, влюблен, – тут же поправился Фандорин. – Простите, но я буду г-говорить совершенно честно. Вы совсем вскружили м-мне голову, но... Я не уверен... что дело только в вас... Может быть, сыграла роль и м-магия титула... Тогда это стыдно... Я б-боюсь оказаться недостойным вашей любви...

Пожалуй, он сейчас был жалок, этот героический господин. Во всяком случае, по сравнению с ее высочеством, готовой бросить ради чувства всё, а в данном случае слово «всё» обозначало столь многое, что дух захватывало.

– И еще... – Он заговорил сдержанней и печальней. – Я не согласен с вами в том, что всё кроме любви неважно. Есть вещи более существенные, чем любовь. Пожалуй, это главный урок, к-который я извлек из своей жизни.

Ксения Георгиевна звенящим голосом сказала:

– Эраст Петрович, вы были у жизни плохим учеником. – И крикнула, обращаясь ко мне. – Афанасий, поворачиваем обратно!

Больше за всю дорогу меж ними не было произнесено ни слова.

* * *

Совещание, предшествовавшее отъезду мадемуазель на очередную встречу с Линдом, прошло без меня, поскольку никто из великих князей там не присутствовал и напитки не подавались.

Я томился в коридоре, и теперь, когда опасения за Ксению Георгиевну несколько утратили остроту, мог сосредоточиться на самом важном – судьбе маленького пленника. Слова премудрой госпожи Снежневской о том, что придется пожертвовать меньшим ради большего, переворачивали мне всю душу, но ведь Изабелла Фелициановна не знала о фандоринском плане. Еще оставалась надежда всё зависело от того, сумеет ли мадемуазель вычислить местонахождение тайника.

Совещание продолжалось недолго. Я подстерег мадемуазель в коридоре, и она сказала мне по-французски:

– Только бы не сбиться. Я не спала всю минувшую ночь – тренировала память. Эраст сказал, что самое лучшее средство для этого – учить стихи, смысл которых не вполне понятен. Я выучила отрывок из вашего ужасного поэта Пушкина. Вот послушайте.

О вы, котохых тхепетали

*Евхопы сильны племена,
О галлы хищные (ce sont nous, les français^[25])!
И вы в могилы пали.
О стхах! О гхозны вхемена!
Где ты, любимый сын и счастья, и Беллоны (il parle de
Napoleon^[26]),
Пхезхевший пхавды глас, и веху, и закон,
В гохдыне возмечтав мечом низвехгнуть тхоны!
Исчез, как утхом стхашный сон!*

После этого запоминать скрипы колес будет сплошным удовольствием. Только бы не сбиться, только бы не сбиться! Сегодня ведь наш последний шанс. Я очень нервничаю.

Да, я видел, что за ее наигранной жизнерадостностью, за всей этой веселой болтовней скрывается глубокое волнение.

Я хотел сказать, что очень боюсь за нее. Ведь Фандорин говорил, что доктор Линд не оставляет свидетелей. Ему ничего не стоит убить посредницу, когда она станет не нужна. Если уж в высших сферах готовы поставить крест на жизни Михаила Георгиевича, то кого озаботит гибель какой-то там гувернантки?

– Мне не следовало бежать тогда за каретой. Это была непростительная ошибка, – наконец произнес я по-русски. – Видите, теперь вот вам приходится за меня отдуваться.

Вышло совсем не то и не так, да еще влезло слово «отдуваться», вряд ли известное иностранке. И тем не менее мадемуазель прекрасно меня поняла.

– Не нужно так бояться, Атанас, – улыбнулась она, впервые назвав меня по имени, которое в ее устах неожиданно приобрело какое-то кавказское звучание. – Сегодня Линд не будет меня убивать. Я еще должна завтха пхивезти «Охлов».

Стыдно, но в этот миг я испытал облегчение, вспомнив уверенность, с которой Снежневская заявила, что «Орлова» похитителям ни при каких обстоятельствах не отдадут. Это было низкое, недостойное чувство. И я побледнел, осознав, что в этот миг предал бедного маленького Михаила Георгиевича, от которого и так уже все отвернулись. А ведь я всегда считал, что на свете нет ничего отвратительнее предательства. По-моему, худший из грехов – предать поруганию драгоценнейшие из человеческих чувств: любовь и доверие.

Здесь мне сделалось ещё стыдней, потому что я вспомнил, как господин Маса назвал меня тем японским словом. Ури... угримоно?

Я и в самом деле поступил тогда безответственно. И как порядочный человек должен был принести свои извинения.

Пожелав гувернантке успеха в ее трудном и опасном предприятии, я отправился к японцу.

Постучал в дверь, услышал какой-то неразборчивый звук и по некотором размышлении решил расценить его как позволение войти.

Господин Маса сидел на полу, в одном нижнем белье – то есть в том самом наряде, в котором я однажды видел его прыгающим на стену. Перед японцем лежал лист бумаги, на котором фандоринский камердинер старательно выводил кисточкой какие-то замысловатые узоры.

– Сьто нада? – спросил он, покосившись на меня своими узкими злобными глазками.

Меня покорила грубость тона, однако следовало довести дело до конца. Покойный отец всегда говорил: истинное достоинство не в том, как с тобой поступают другие, а в том, как поступаешь ты сам.

– Господин Маса, – начал я, поклонившись. – Я пришел вам сказать, во-первых, что я не в претензии за полученный от вас удар, ибо вполне заслужил подобное обхождение своим проступком. А во-вторых, я искренне сожалею, что стал невольным виновником срыва плана господина Фандорина. Прошу меня извинить.

Японец церемонно поклонился мне в ответ, не вставая с пола.

– Прошу и меня идзвиничь, – сказал он, – но идзвиничь вас не могу. Вась покорный сруга.

И еще раз поклонился.

Ну, это как угодно, подумал я. Мой долг был исполнен. Я попрощался и вышел.

Нужно было чем-то себя занять до возвращения мадемуазель, чтобы время не тянулось так медленно. Я прошелся по комнатам и в гостиной обратил внимание на ковер, сплошь увешанный кавказским и турецким оружием. Встал на стул, снял кинжал с серебряной насечкой, провел пальцем. Ножны оказались чисты, ни пылинки. Мне стало интересно, хватает ли у Сомова дотошности, чтобы следить не только за ножнами, но и за клинком.

Я медленно вытянул лезвие, подышал на него, посмотрел на свет. Так и есть – разводы. А если кто-нибудь из гостей так же вот возьмет полюбопытствовать? Выйдет неловко. Все-таки Сомову до настоящего дворецкого еще далеко, определил я и, признаться, ощутил некоторое

внутреннее удовлетворение.

Раздались странные, шлепающие шаги. Я обернулся, все еще стоя на стуле, и увидел господина Масу. Он был в том же японском исподнем и вовсе без обуви. О, господи, что он себе позволяет! Разгуливать по дому в таком виде!

Надо полагать, у меня сделался весьма сердитый вид, да и обнаженный кинжал в руке, вероятно, смотрелся презловеще. Во всяком случае, японец явно испугался.

Он подбежал ко мне, схватил за руку и затараторил так быстро, что я не разобрал половины:

– Чеперь я видзю, сьто вы дзействичерно содзяреете. Вы настоясий самурай, и я принимаю ваши идзвинения. Не нузьно харакири.

Я понял лишь, что он отчего-то решил сменить гнев на милость и больше на меня не сердится. Что ж, тем лучше.

* * *

Обход комнат я так и не завершил. Лакей Липпс разыскал меня в буфетной, где я проверял, хорошо ли отутюжены салфетки, и передал, чтобы я немедленно отправлялся в бельэтаж к Павлу Георгиевичу.

В комнате у великого князя сидел и лейтенант Эндлунг, поглядывавший на меня с загадочным видом и куривший длинный турецкий чубук.

– Садись, Афанасий, садись, – пригласил его высочество, что уже само по себе было необычно.

Я осторожно опустил на краешек стула, не ожидая от этого разговора ничего хорошего.

Вид у Павла Георгиевича был возбужденный и решительный, однако беседу он завел вовсе не о том, чего я опасался.

– Филя давно мне втолковывал, что ты, Афанасий, вовсе не так прост, как кажешься, – начал великий князь, кивнув на Эндлунга, – а я ему не верил. Теперь вижу, что так оно и есть.

Я уже приготовился оправдываться, но его высочество махнул рукой – мол, помолчи – и продолжил:

– А потому мы посоветовались и решили привлечь тебя к делу. Ты не думай, что я какой-нибудь бессердечный шалопай и все эти дни сидел, сложа руки или, там, по ресторанам ездил. Нет, Афанасий, это одна видимость, а на самом деле мы с Филькой все время думали только об

одном – как помочь бедному Мике. Полиция полицией, но ведь и мы чего-то стоим. Надобно действовать, иначе эти государственные умники добьются того, что преступники уморят брата, а то и просто убьют. Для них стекляшка дороже!

Это была сушая правда, я и сам так думал, но, честно говоря, не ожидал от лихих моряков чего-то дельного и потому ограничился почтительным наклоном головы.

– У Эндлунга собственная теория, – взволнованно проговорил Павел Георгиевич. – Филя, расскажи ему.

– Охотно, – отозвался лейтенант, выпуская облачко дыма. – Рассудите сами, Афанасий Степанович. Тут всё куда как просто. Что известно про этого доктора Линда?

Я подождал, пока он сам ответит на свой вопрос, и Эндлунг продолжил, подняв палец:

– Только одно. Что он женоненавистник. Еще бы он был не женоненавистник! Нормальный человек, охочий до бабеток, как мы с вами [при этой ремарке я поневоле сморщился], на такие гнусности не пойдет. Ведь верно?

– Предположим, – осторожно сказал я. – И что с того?

В аналитические способности бравого лейтенанта мне как-то не верилось. Однако Эндлунг меня удивил.

– А кто терпеть не может женщин? – с победительным видом поинтересовался он.

– Да, в самом деле, кто? – подхватил Павел Георгиевич.

Я подумал и повторил:

– Кто?

Его высочество переглянулся с приятелем.

– Ну же, Афанасий, соображай.

Я подумал еще.

– Ну, многие женщины терпеть не могут своих сестер по полу...

– Ах, Афанасий, как же ты тугодумен, право! Мы ведь говорим не про женщин, а про доктора Линда.

Эндлунг веско произнес:

– Бугры.

В первое мгновение я не понял, какие бугры он имеет в виду, но потом сообразил, что речь идет не о возвышенностях рельефа, а французском слове *bougre*, которым в приличном обществе называют мужеложцев. Впрочем, лейтенант тут же пояснил свою мысль и иным термином, в обществе не принятым вовсе, поэтому повторять его я не стану.

– И все сразу становится ясным! – воскликнул Эндлунг. – Линд – бугр, и вся его шайка тоже сплошь бардаши – бугры и тапетки.

– Кто-кто? – переспросил я.

– Тапетки, они же девоньки, племяшки, слюнтяйки ну, пассивные бардаши. Разумеется, в такой банде все друг за друга горой! И Москву для своего злодеяния Линд выбрал неслучайно. У бардашей благодаря дядюшке Сэму тут теперь просто Мекка. Недаром говорят: раньше Москва стояла на семи холмах, а теперь на одном бугре.

Этот злой каламбур, намекающий на особенные пристрастия Симеона Александровича, мне приходилось слышать и раньше. Я счел своим долгом заметить, обращаясь к Эндлунгу:

– Неужто же вы, господин камер-юнкер, предполагаете, что его высочество московский генерал-губернатор может быть причастен к похищению собственного племянника?

– Нет конечно! – воскликнул Павел Георгиевич. – Но вокруг дяди Сэма трется столько всякой швали. Да взять хоть бы наших дорогих гостей, Карра и Бэнвилла. Предположим, лорд нам еще худо-бедно известен, хотя тоже недавно – всего три месяца, как познакомились. А кто таков этот мистер Карр? И чего ради Бэнвилл напросился к папеньке в гости?

– Ну как же, ваше высочество, такое событие – коронация.

– А если дело совсем в другом? – азартно махнул трубкой Эндлунг. – Если он вообще никакой не лорд? И уж, конечно, особенно подозрителен этот прилизанный Карр. Вы вспомните, они появились в Эрмитаже в самый день похищения. Всё ходят тут, вынюхивают. Я совершенно уверен, что тот или другой, а то и оба связаны с Линдом!

– Карр, вне всякого сомнения это Карр, – убежденно произнес великий князь. – Бэнвилл все-таки человек из высшего общества. Такие манеры и такой выговор не подделаешь.

– А кто тебе сказал, Полли, что доктор Линд – не человек из общества? – возразил лейтенант.

Оба были правы, и вообще всё это, на мой взгляд, звучало очень даже неглупо. Вот уж не ожидал.

– Не сообщить ли об этих подозрениях полковнику Карновичу? – предложил я.

– Нет-нет, – покачал головой Павел Георгиевич. – Он или этот болван Ласовский только снова всё испортят. К тому же у обоих полно забот в связи с завтрашней коронацией.

– Тогда господину Фандорину? – сказал я скрепя сердце.

Эндлунг и его высочество переглянулись.

– Понимаешь, Афанасий, – протянул великий князь, – Фандорин, конечно, человек умный, но он ведь, кажется, готовит какую-то хитрую операцию. И пусть себе готовит.

– Обойдемся сами, – отрезал лейтенант. – И еще посмотрим, чья операция похитрее. Но нам нужен помощник. Скажите, Зюкин, вы с нами или нет?

Я согласился сразу и без малейших колебаний. Мысль о том, что я снова буду занят в настоящем деле, да еще без участия господина Фандорина, несказанно меня воодушевила.

– Что нужно делать? – спросил я.

– Для начала установить слежку, – деловито объявил Эндлунг. – За обоими. Полли этим заняться не может – он слишком на виду и к тому же у него полно обязанностей. Сегодня у августейшей семьи всенощное бдение, а завтра на коронации он вообще будет, как мопс на привязи. Потому мы вас и привлекли. Итак, я буду следить за Карром, а вы, Зюкин, за Бэнвиллом.

Я отметил, что самого многообещающего из подозреваемых он оставил за собой, но возражать не стал – в конце концов, до этой идеи додумался Эндлунг, а не я.

– Ах, как же я вам завидую! – жалобно воскликнул его высочество.

* * *

Согласно договоренности, я устроился с «Московскими ведомостями» на банкетке возле лестницы, откуда просматривалась дверь милорда. Эндлунг же уселся раскладывать пасьянс в малой гостиной, потому что оттуда была видна комната мистера Карра.

В предвидении слежки я сменил ливрею на хороший костюм темно-серой английской шерсти, прошлогодний подарок великой княгини. Эндлунг тоже переоделся в статское – песочную клетчатую двойку и щегольские штиблеты с белыми гетрами.

Коротая время, я читал текст всенародного торжественного объявления о завтрашней коронации:

Всепресветлейший, Державнейший, Великий государь император Николай Александрович, восшед на прародительский наследственный престол Российской империи и нераздельных с нею Царства Польского и

Великого княжества Финляндского, по образу благочестивых государей, предков своих, указать соизволил:

Священнейшему коронованию его императорского величества и от святого мира помазанию быть, при помощи Всевышнего сего мая в 14-й день. К священному сию действию его императорское величество указал приобщить и супругу свою великую государыню императрицу Александру Феодоровну. О сем торжестве всем верноподданным чрез сие возвещается, дабы возжеланный оный день усугубили мольбы свои к Царю Царствующих, да всепомощною своею благодатию приосенить Царство его величества и да утвердить в нем мир и тишину, во славу свою святую и к непоколебимому благоденствию государства.

Величавые, исполненные высокого достоинства слова наполнили мою душу уверенностью и спокойствием. Чтение официальных документов всегда воздействовало на меня самым благотворным образом, в особенности же теперь, когда незыблемость крепкого здания русской монархии вдруг оказалась под угрозой.

С удовлетворением изучил я и состав герольд-команды, ежедневно зачитывающей это послание на Сенатской площади Кремля: «Генерал-адъютант в чине полного генерала, два генерал-адъютанта генерал-адъютантского чина, два коронационных обер-церемониймейстера, два герольда, четыре церемониймейстера, два сенатских секретаря, два в конном строю дивизиона – один от кавалергардского ее величества государыни императрицы Марии Феодоровны полка, а другого – от лейб-гвардии конного полка, с литавщиками и полными хорами трубачей; при каждом дивизионе по два трубача с трубами, украшенными золотой парчой с изображением государственного герба и двенадцать заводных верховых лошадей в богатых пополах». Какая красота! Какая музыка в каждом слове, в звуке каждого чина и звания!

В прошлом году по почину новой императрицы, пожелавшей сделаться более русской нежели сами русские, в придворном чиноименовании чуть было не свершилась целая революция – возник проект поменять немецкие звания на старомосковские. Обер-камергеров задумали переименовать в постельничих, камергеров в спальников, обер-шталмейстеров в ясельничих, мундшенков в чарочников, камер-юнкеров в комнатных дворян и тому подобное. Среди придворных служителей произошло волнение, по замечанию Эндлунга, напоминающее картину

живописца Брюллова «Гибель Помпеи», однако, слава богу, обошлось. Когда обер-гофмаршал светлейший князь Альтен-Кобург-Святополк-Бобруйский узнал, что по новому (а вернее, древнему) порядку он станет называться «дворецким», вышел громкий скандал, и проект был предан забвению.

Через дырочку, проверченную в газетном листе, я увидел приближающегося по коридору мистера Фрейби и прикинулся, будто увлечен чтением, однако англичанин остановился и поздоровался.

Компания батлера обыкновенно действовала на меня успокаивающе, но сейчас его появление было очень некстати, ибо дверь комнаты лорда Бэнвилла могла в любую минуту распахнуться.

– Good news? – спросил Фрейби, кивнув на газету, и выудил из кармана словарь. – *Хороший... новость?*

У меня словаря при себе не было – остался в ливрее, поэтому я ограничился простым кивком.

Внимательно оглядев меня, англичанин произнес какую-то фразу из четырех коротких слов. Снова зашелестел лексиконом.

– *Ты... смотреть... лучше... сегодня.*

Я встрепнулся и испуганно уставился снизу вверх на его румяную физиономию. Откуда он знает о нашем плане? Что он вообще знает?

Батлер благожелательно улыбнулся и с поклоном прошествовал дальше.

А еще через пять минут в коридор вышел мистер Карр. Выглядел он довольно странно: невзирая на ясную, теплую погоду укутан в длинный, до пят плащ; широкая, с обвислыми полями шляпа надвинута чуть не до носа, и еще мне бросились в глаза туфли на высоком и весьма тонком каблуке. Припав к самой дырке, я разглядел, что английский джентльмен накрашен и нарумянен больше обычного.

Грациозно постукивая, мистер Карр прошел к выходу. Затем мимо меня, беззаботно насвистывая, прошагал Эндлунг. Оглянувшись, подмигнул, а я остался на своем посту.

Но ждать мне пришлось недолго. Буквально через полминуты скрипнула дверь милорда, и Бэнвилл, ступая на цыпочках, двинулся следом. Он тоже был в плаще, хоть и не в таком длинном, как у мистера Карра.

Происходило нечто загадочное. Я выждал самую малость, надел котелок и пристроился к этому странному шествию замыкающим.

С нынешнего дня венценосная чета переместилась из Александрийского дворца в Кремль, поэтому агенты из парка разом

исчезли – и очень кстати, стороннему наблюдателю наши маневры непременно показались бы подозрительными.

Я не мог подать Эндлунгу сигнала, боясь испугнуть лорда Бэнвилла, а сам лейтенант назад не оглядывался. Однако шел он небрежным, прогулочным шагом, и я скоро понял, что милорда интересует вовсе не Эндлунг, а мистер Карр.

За воротами сей последний сел на извозчика и покатил в сторону Калужской площади. Когда Карр садился в коляску, пола плаща откинулась, и в луче заходящего солнца блеснуло что-то яркое, переливчатое, похожее на подол парчового или атласного платья.

Эндлунг, постукивая тросточкой, прошел немного по тротуару, остановил встречного ваньку и, перемолвившись с ним парой слов, покатил в том же направлении. А вот Бэнвиллу не повезло – больше пролеток на улице не было. Британец выбежал на мостовую, глядя вслед удаляющимся коляскам. Я же на всякий случай затаился в кустах.

Прошло минут пять, а то и десять, прежде чем милорду удалось сесть на извозчика. Очевидно, Бэнвилл знал или догадывался, куда отправляется мистер Карр, потому что крикнул вознице что-то очень короткое, и пролетка загромыкала по булыжнику.

Теперь настал мой черед нервничать. Но я ждать свободного ваньку не стал – остановил мужичка-водовоза, посулил ему два целковых, и уселся на передок рядом с бочкой. Мужичок хлестнул своего битюга кнутом, тот тряхнул косматой гривой, фыркнул и побежал вдоль широкой улицы ничуть не плоше извозничьей кобылы. Должно быть, в своем солидном наряде я смотрелся на этой дощатой телеге престранно, однако это сейчас не имело ровным счетом никакого значения – главное, что лорд Бэнвилл оставался в поле моего зрения.

Мы переехали уже знакомый мне Крымский мост, повернули в переулки, и, оставив по правой руке Храм Христа Спасителя, оказались на богатой, красивой улице, сплошь застроенной дворцами и особняками. У одного из домов, с ярко освещенным подъездом, одна за другой останавливались кареты и коляски. Там же, расплатившись с извозчиком, вышел и Бэнвилл. Он миновал важного, раззолоченного швейцара и исчез в высоких, украшенных лепниной дверях, а я остался стоять на тротуаре – водовоз со своей бочкой и моими двумя рублями загрохотал дальше.

Судя по всему, в особняке намечался маскарад, потому что все приезжающие были в масках. Присмотревшись к гостям, я обнаружил, что они делятся на два типа: мужчины в обычных фраках и костюмах или же особы неопределенного пола, подобно мистеру Карру, закутанные в

длинные-предлинные плащи. Многие прибывали парами, под руку, и я догадался, какого рода сборище здесь происходит.

Кто-то взял меня сзади за локоть. Я обернулся – Эндлунг.

– Это «Элизиум», – шепнул он, блеснув глазами. – Привилегированный клуб для московских бардашей. Мой тоже там.

– Мистер Карр? – спросил я.

Лейтенант кивнул, озабоченно двигая подкрученными пшеничными усиками.

– Так запросто туда не влезешь. Нужно загримироваться. Эврика! – Он хлопнул меня по плечу. – За мной, Зюкин! Тут в пяти минутах Театр Варьете, у меня там полно приятельниц.

Он взял меня под руку и быстро повел по быстро темнеющей улице.

– Видели, некоторые в плащах до земли? Это и есть тапетки, у них под плащами женские платья. Из вас, Зюкин, тапетка не получится, будете теткой. Так и быть, совершу подвиг ради августейшей семьи, наряжусь тапеткой.

– Кем я буду? – спросил я, думая, что ослышался.

– Теткой. Так называют тапеткиных покровителей.

Мы повернули в служебный вход театра. Служитель низко поклонился Эндлунгу, да еще и снял фуражку, за что получил от лейтенанта монету.

– Быстрей, быстрей, – подгонял меня решительный камер-юнкер, взбегаая по крутой и не очень чистой лестнице. – Куда бы лучше? А вот хотя бы в уборную Зизи. Сейчас без пяти девять, скоро антракт.

В пустой гримерной он по-хозяйски уселся перед зеркалом, критически осмотрел свою физиономию и со вздохом сказал:

– Усы придется к чертовой матери сбрить. Таких жертв русский флот не приносил со времен затопления Черноморской эскадры. Ну, бугры английские, вы мне за это ответите...

Недрогнувшей рукой он взял со столика ножницы и откромсал сначала один ус, потом другой. Подобная самоотверженность лишний раз продемонстрировала, что я недооценивал лейтенанта Эндлунга, а вот Георгий Александрович на его счет был совершенно прав.

Когда храбрый моряк намылил оставшуюся щетину и раскрыл бритву, в комнату вошли две смазливые, хоть и до невероятия размалеванные барышни в платьях с блестками и с чрезмерно низкими декольте.

– Филя! – вскричала одна, светловолосая, тоненькая, и бросилась на Эндлунга сзади, звонко чмокнув его в щеку. – Какой сюрприз!

– Филюша! – не менее радостно взвизгнула вторая, полненькая брюнетка, и поцеловала намыленного лейтенанта в другую щеку.

– Зизи, Лола, тише! – прикрикнул он на барышень. – Обрежусь.

Далее посыпался целый град вопросов и комментариев, так что я уже не мог разобрать, какая из девиц что именно сказала:

– Зачем ты сбриваешь свои усы? Ты без них будешь суший урод! Ах, ты затупишь своей щетиной мой «золинген»! Мы куда-нибудь поедем после спектакля? А где Полли? Кто это с тобой? Фи, какой надутый и несимпатичный!

– Кто несимпатичный – Афанасий? – заступился за меня Эндлунг. – Знали бы вы... Он мне сто очков вперед даст. Усы? Это на пари. Мы с Афанасием едем в маскарад. Ну-ка, девочки, сделайте из меня пухляшку-симпапошку, а из него что-нибудь этакое, поавантажней. Что это?

Он снял с крючка на стене густую рыжую бороду и сам себе ответил:

– Ага, из «Нерона». Лолочка в этой роли просто прелесть. Повернитесь-ка, брат Зюкин...

Актрисы, ни на минуту не умолкая, весело взялись за работу. И пять минут спустя на меня тарачился из зеркала пренеприятный господин с окладистой рыжей бородищей, такого же цвета косматыми бровями, густыми волосами в кружок, да еще и в монокле.

Преображение Эндлунга заняло больше времени, но зато его узнать стало уж совершенно невозможно. Поправив оборки пышного, в сплошных рюшах платья, лейтенант нацепил полумаску, растянул густо накрашенные губы, улыбнулся и вдруг превратился из бравого морского волка в сдобную, разбитную бабенку. Я впервые заметил, что на его розовых щеках имеются кокетливые ямочки.

– Шик! – одобрил Эндлунг. – Девочки, вы просто киски. Пари будет наше. Вперед, Афанасий, время дорого!

* * *

Подходя к залитому электрическим светом подъезду, я тоже надел полумаску. Очень боялся, что нас в клуб не впустят, но, очевидно, мы выглядели совершенно *comme il faut* – швейцар распахнул перед нами двери с почтительным поклоном.

Мы вошли в богатую прихожую, где Эндлунг сбросил плащ, накинутый поверх своего воздушного платья. Наверх вела широкая белая лестница, в конце пролета упиравшаяся в огромное, обрамленное бронзой зеркало. Там стояли две пары, похожие на нашу, и прихорашивались.

Я хотел было пройти мимо, но Эндлунг толкнул меня локтем, и я

сообразил, что это выглядело бы подозрительно. Для виду мы задержались перед зеркалом, но я нарочно скосил глаза, чтобы не видеть карикатурного субъекта, сотворенного ловкими руками Лолы и Зизи. Зато лейтенант разглядывал свое отражение с видимым удовольствием: поправил буколки, повернулся и так, и этак, отставил ногу на носок. Слава Богу, платье ему выбрали без декольте и с закрытыми плечами.

Просторный зал был обставлен с роскошью и вкусом, в новейшем венском стиле – с золотыми и серебряными разводами по стенам, с уютными альковами и небольшими гротами, составленными из тропических растений в кадках. В углу расположился буфет с винами и закусками, а на небольшом возвышении красовался ярко-синий рояль – таких я никогда прежде не видывал. Отовсюду доносились приглушенные голоса, смех, пахло духами и дорогим табаком.

На первый взгляд всё это выглядело как самый обычный светский суаре, однако, если приглядеться, обращала на себя внимание чрезмерная румянность и чернобровость некоторых кавалеров, дамы же и вовсе смотрелись странно: чересчур плечистые, с кадыкастыми шеями, а одна даже с тонкими усиками. Эндлунг тоже обратил на нее внимание, и по его оживленному лицу промелькнула тень выхода, что усами он пожертвовал зря. Впрочем, попадались и такие особы, про которых нипочем не догадаешься, что это мужчина. Например одна в наряде Коломбины, показавшаяся мне смутно знакомой, пожалуй, поспорила бы тонкостью стана и гибкостью движения с самой госпожой Зизи.

Мы с Эндлунгом прошли под руку между пальм, высматривая Бэнвилла и Карра. Почти тотчас же к нам подлетел некий господин с бантом распорядителя на груди и, прижимая руки к груди, укоризненно пропел:

– Нарушение, нарушение устава! Те, кто пришел вместе, развлекаются по отдельности. Успеете еще намиловаться, голубки.

Он пренагло подмигнул мне, а Эндлунга слегка ущипнул за щеку, за что немедленно получил от лейтенанта веером по лбу.

– Резвушка, – любовно сказал распорядитель камер-юнкеру, – позволь познакомить тебя с графом Монте-Кристо.

И подвел к Эндлунгу красногубого старика в черном, завитом парике.

– А ты, рыженький, обретешь блаженство в обществе очаровательной нимфы.

Я предположил, что в этом кругу заведено обращаться к незнакомым людям на «ты», и ответил в тон:

– Благодарю тебя, мой заботливый друг, но я бы предпочел...

Однако у меня на локте уже повисла развязная нимфа в греческой тунике и с зажатой подмышкой позолоченной арфой.

Она немедленно принялась нести какую-то чушь, причем чрезвычайно ненатуральным фальцетом и еще все время складывала губы бантиком.

Я протащил навязанную мне спутницу дальше по залу и вдруг увидел мистера Карра. Он был в бархатной маске, но я сразу узнал его по ослепительно желтым волосам. Англичанин – счастливец – сидел у стены в полном одиночестве и пил шампанское, поглядывая по сторонам. Оказалось, что и лейтенант со своим старичком пристроились за столиком неподалеку. Мы встретились с Эндлунгом глазами, и он многозначительно повел головой в сторону.

Я проследил за направлением его взгляда. Неподалеку за колонной стоял лорд Бэнвилл, хотя опознать его было трудней, чем мистера Карра, потому что маска закрывала его лицо до самого подбородка, но я узнал знакомые брюки с алым кантом.

Я опустился на кушетку, и нимфа охотно плюхнулась рядом, прижавшись ляжкой к моей ноге.

– Устал? – шепнула она. – А с виду такой крепыш. Какая у тебя сладкая бородавочка. Будто изюмчик.

И пальцем дотронулась до моей щеки. Я с трудом сдержался, чтобы не дать нахалке, то есть нахалу по руке.

– Шелкова бородушка, маслена головушка, – проворковала нимфа. – Ты всегда такой бука?

Не спуская глаз с Бэнвилла, я буркнул:

– Всегда.

– Ты сейчас так на меня глянул, словно кнутом ожег.

– Будешь руки распускать – и ожгу, – огрызнулся я, решив с ней не церемониться.

Моя угроза произвела на нимфу неожиданное воздействие.

– По попке? – пропищала она, затрепетав, и привалилась ко мне всем телом.

– Так отделаю, что надолго запомнишь, – отпихнул ее я.

– Надолго-надолго? – пролепетала моя мучительница и глубоко вздохнула.

Не знаю, чем закончился бы наш диалог, но тут по залу прокатилось некое едва уловимое шевеление, словно легкий ветер прошелся по морской глади. Все вокруг повернули головы в одном направлении, но как-то неявно, будто бы украдкой.

– Ах, Филадорчик пришел! – прошелестела нимфа. – До чего же

хорош! Прелесть, прелесть!

Распорядитель легкой рысью подбежал к очень высокому стройному господину в алой шелковой маске, из-под которой виднелась холеная эспаньолка. Я разглядел за спиной вновьпришедшего строгое, бесстрастное лицо Фомы Аникеевича и сразу догадался, что это за Филадор такой. У генерал-губернаторского дворецкого вид был такой, будто он пришел со своим господином на самый обычный раут. Фома Аникеевич не надел маски, а на руке держал длинный бархатный плащ – очевидно, нарочно не оставил в гардеробе, чтобы у присутствующих не возникало заблуждений по поводу его статуса. Тонкий человек, ничего не скажешь.

– К кому посадить тебя, божественный Филадор? – услышал я медоточивый голос распорядителя.

Генерал-губернатор с высоты своего саженного роста осмотрел зал и решительно направился туда, где в одиночестве сидел мистер Карр. Сел рядом, поцеловал англичанина в щеку и зашептал что-то на ухо, щекочася усами. Карр улыбнулся, блеснул глазами, склонил голову набок.

Я заметил, как Бэнвилл отступает глубже в тень.

Неподалеку появилась и Коломбина, давеча впечатлившая меня своей неподдельной грациозностью. Она встала у стены, глядя на его высочество и ломая тонкие руки. Этот жест был мне знаком, и теперь я узнал, кто это – князь Глинский, адъютант Симеона Александровича.

А на сцене тем временем началось представление.

Две тапетки завели дуэтом модный романс господина Пойгина «Не уходи, побудь со мною».

Пели они весьма искусно, с подлинной страстью, так что я поневоле заслушался, но на словах «Тебя я лаской огневою и обожгу и утомлю» нимфа вдруг положила мне голову на плечо, а пальцами как бы ненароком скользнула под мою рубашку, чем привела меня в совершеннейший ужас.

Охваченный паникой, я оглянулся на Эндлунга. Тот, залиvisto хохоча, лупил веером по рукам своего морщинистого кавалера. Кажется, лейтенанту приходилось не легче, чем мне.

Певицы были вознаграждены бурными рукоплесканиями, к которым присоединилась и моя поклонница, что на время избавило меня от ее домогательств.

Распорядитель поднялся на сцену и объявил:

— По желанию нашего дорогого Филадора сейчас будет исполнен так всем полюбившийся танец живота. Танцует несравненная госпожа Дезире, специально ездившая в Александрию, чтобы постичь это высокое древнее

искусство! Попросим!

Под аплодисменты на возвышение поднялся упитанный господин средних лет в ажурных чулках, коротенькой накидке, вытканной блестками юбочке и с голым животом – круглым и противоестественно белым (надо думать, от свежего бритья).

Аккомпаниатор заиграл персидскую мелодию из оперетки «Одалиска», и «госпожа Дезире» принялась качать бедрами и ляжками, отчего ее изрядное чрево все заколыхалось волнами.

Мне это зрелище показалось крайне неаппетитным, но публика пришла в полнейшее неистовство. Со всех сторон кричали:

– Браво! Чаровница!

Тут уж моя нимфа совсем распоясалась – я едва поймал ее руку, опустившуюся на мое колено.

– Ты такой неприступный, обожаю, – шепнула она мне в ухо.

Симеон Александрович вдруг резко притянул к себе мистера Карра и впился ему в губы долгим поцелуем. Я поневоле взглянул на Фому Аникеевича, с невозмутимым видом стоявшего за креслом великого князя, и подумал: сколько нужно выдержки и силы воли, чтобы нести свой крест с таким достоинством. Если б Фома Аникеевич знал, что я здесь, в зале, он, наверное, провалился бы от стыда сквозь землю. Слава богу, в рыжей бороде узнать меня было невозможно.

А дальше произошло вот что.

Лорд Бэнвилл с невнятным криком выбежал из-за своей колонны, в несколько прыжков преодолел расстояние до столика, схватил мистера Карра за плечи и оттащил в сторону, выкрикивая что-то на своем шепелявом наречии.

Симеон Александрович вскочил на ноги, вцепился мистеру Карру в платье и потянул обратно. Я тоже приподнялся, понимая, что на моих глазах разворачивается отвратительный, опасный для монархии скандал, однако дальнейшее превзошло мои наихудшие опасения. Бэнвилл выпустил мистера Карра и с размаху вlepил его высочеству звонкую оплеуху!

Музыка оборвалась, танцовщица испуганно присела на корточки, и стало очень-очень тихо. Слышно было только, как возбужденно дышит лорд Бэнвилл.

Это было неслыханно! Оскорбление действием, нанесенное августейшему дому! Да еще иностранцем! Кажется, я застонал вслух, и довольно громко.

И лишь в следующую минуту я сообразил, что никакой августейшей особы здесь нет и быть не может. Пощечину получил некий господин

Филадор, человек в алой маске.

Брови Симеона Александровича растерянно изогнулись – кажется, в такие ситуации его высочеству попадать еще не доводилось. Генерал-губернатор непроизвольно схватился за ушибленную щеку и сделал шаг назад.

Милорд же, более не проявлявший ни малейших признаков волнения, неспешно потянул с руки белую перчатку. О боже! Вот сейчас и в самом деле произойдет непоправимое – последует вызов на дуэль, причем публичный. Бэнвилл назовет свое имя, и тогда его высочеству сохранить инкогнито уже не удастся!

Фома Аникеевич двинулся вперед, но его опередила Коломбина. Подбежала к милорду и быстро – раз, два, три, четыре – отвесила британцу целый град затрещин, еще более громких, чем та, что досталась Симеону Александровичу. У Бэнвилла только голова моталась из стороны в сторону.

– Я – князь Глинский! – вскричал адъютант по-французски, срывая с себя маску. Он был очень хорош собой в эту минуту – и не барышня, и не юноша, а некое особенное существо, похожее на архангелов со старинных итальянских картин. – Вы, сударь, нарушили устав нашего клуба, и за это я требую от вас удовлетворения!

Бэнвилл тоже снял маску, и я словно впервые увидел его по-настоящему. Огненный взгляд, жесткие складки от крыльев носа, бескровные губы и два алых пятна на щеках. Страшнее лица мне никогда еще видеть не приходилось. Как я мог считать этого вурдалака безобидным чудачком!

– Я – Доналд Невилл Ламберт, одиннадцатый виконт Бэнвилл. И вы, князь, получите от меня полное удовлетворение. А я от вас.

Фома Аникеевич набросил великому князю на плечи плащ и деликатно потянул за локоть. Ах, какой молодец! Сохранил полнейшее присутствие духа в таких отчаянных обстоятельствах. Генерал-губернатору, пусть даже в маске, невозможно присутствовать при вызове на дуэль. Ведь это уже не просто скандал, а уголовное преступление, пресечение которых является священной обязанностью административной власти.

Его высочество и Фома Аникеевич поспешно удалились. Мистер Карр, придерживая полумаску, упорхнул за ними.

Распорядитель махнул аккомпаниатору, тот вновь ударил по клавишам, и чем закончился разговор милорда с князем, я не слышал. Почти сразу же они вышли в сопровождении еще двух господ, один из которых был в смокинге, а другой в дамском платье и перчатках до локтя.

Поступок юного адъютанта вызвал у меня искреннее восхищение. Вот

вам и тапетка! Пожертвовать карьерой, репутацией, поставить на карту самое жизнь – и все ради спасения любимого начальника, который к тому же обходился с ним не самым милосердным образом.

Скандал, казалось, лишь оживил веселье. После танца живота раздались звуки залихватского канкана, и сразу три господина в юбках пустились в пляс, взвизгивая и высоко задирая ноги. Мы с Эндлунгом встретились глазами и, не сговариваясь, поднялись. Остаться здесь далее было незачем.

Нимфа немедленно вскочила на ноги.

– Да-да, пойдем, – шепнула она, крепко обхватив меня за локоть. – Я вся горю.

Рассудив, что на улице мне будет нетрудно избавиться от этой беспардонной особы, я направился к выходу, однако нимфа потянула меня в противоположном направлении.

– Нет же, дурачок. Не туда. Здесь внизу, в подвале, отличные кабинеты! Ты же обещал меня отделать так, что я надолго запомню...

Здесь мое терпение лопнуло.

– Сударь, позвольте руку, – сухо сказал я. – Я спешу.

– «Сударь?!» – ахнула нимфа, будто я обложил ее площадной бранью. И пронзительно крикнула. – Господа! Он назвал меня «сударь»! Это не наш, господа!

Она брезгливо отшатнулась в сторону.

Сбоку кто-то сказал:

– Я и смотрю, борода вроде как фальшивая!

Крепкий господин в голубой визитке дернул меня за неронову бороду, и она самым предательским образом скособочилась.

– Ну, мерзавец, гнусный шпион, ты за это ответишь! – нехорошо оскалится решительный господин, размахнулся, и я едва увернулся от его увесистого кулака.

– Руки прочь! – взревел Эндлунг, кидаясь к моему обидчику, и по всем правилам английского бокса сделал ему хук в челюсть.

От этого удара господин в голубой визитке опрокинулся на пол, но здесь уже к нам бросились со всех сторон.

– Господа, это «Блюстители»! – закричал кто-то. – Их тут целая шайка! Бей их!

На меня обрушились тумачи и пинки со всех сторон, от одного, пришедшегося в живот, перехватило дыхание. Я согнулся пополам, меня сбили с ног и уж не дали подняться.

Эндлунг, кажется, оказывал отчаянное сопротивление, но силы были

слишком неравны. Вскоре мы уже стояли бок о бок, и каждого держал добрый десяток рук.

Повсюду были дышащие ненавистью лица.

– Это «Блюстители», квадраты! Свиньи! Опричники! Убить их, господа, как они наших!

На меня обрушились новые удары. Во рту стало солоно, зашатался зуб.

– В «Пытошную» их, пусть там сдохнут! – выкрикнул кто-то. – Чтoб другим неповадно было!

Это зловещее предложение пришлось остальным по вкусу.

Нас выволокли в коридор и потащили вниз по какой-то узкой лестнице. Я только уворачивался от пинков, зато Эндлунг ругался разными морскими словами и бился за каждую ступеньку. В конце концов нас пронесли на руках по тускло освещенному проходу без единого окна и швырнули в темную комнату. Я больно ударился спиной об пол, сзади захлопнулась железная дверь.

Когда глаза немного привыкли к мраку, я увидел в дальнем верхнем углу маленький серый прямоугольник. Держась за стену, приблизился. Это было окошко, но не дотянуться – высоко.

Повернувшись туда, куда, по моим расчетам, должны были бросить Эндлунга, я спросил:

– Они что, с ума посходили, эти господа? Какие еще квадраты? Какие блюстители?

Невидимый в темноте лейтенант закричал, сплюнул.

–, – произнес он с глубоким чувством слова, которых я повторять не буду. – Зуб с коронкой сломали. Квадраты – это все мужчины-негомосексуалисты, то есть в том числе и мы с вами. А «Блюстители», Зюкин, – это тайное общество, оберегающее честь династии и древних российских родов от позора и поношения. Неужто не слышали? В позапрошлом году они заставили отравиться этого... ну как его... композитора... черт, фамилию не вспомню. За то, что оттапетил NN [Эндлунг назвал имя одного из молоденьких великих князей, которое я тем более повторять не стану]. А в прошлом году кинули в Неву старого бугра Квитковского, ударявшего по юным правоведам. Вот за этих-то самых «Блюстителей» нас и приняли. Хорошо еще, что на месте не растерзали. Стало быть, будем околевать в этом подвале от голода и жажды. Вот он, понедельник, тринадцатое.

Лейтенант заворочался на полу, очевидно, устраиваясь поудобнее, и философски заметил:

– А нагасакский гадалщик напроорочил мне смерть в морском

сражении. Вот и верь после этого предсказаниям.

14 мая

Проснувшись, я едва смог распрямить члены. Спать на каменном полу, хоть бы даже и покрытом ковром, было жестко и холодно. Накануне я долго не мог успокоиться. То принимался ходить вдоль стен, то пробовал ковырять галстучной заколкой в замке – до тех пор, пока не почувствовал, что мои силы на исходе. Лег. Думал, не усну, и завидовал Эндлунгу, безмятежно похрапывавшему из темноты. Однако в конце концов сон сморил и меня. Не могу сказать, чтобы он был освежающим – очнулся я весь разбитый. А лейтенант по-прежнему сладко спал, подложив под голову локоть, и всё ему, толстокожему, было нипочем.

Позу, в которой почивал мой товарищ по несчастью, я смог рассмотреть, потому что в нашем узилище было уже не черным-черно, через окошко в темницу проникал серый, тусклый свет. Я поднялся и прихрамывая подошел поближе. Окошко оказалось зарешеченным и разглядеть через него что-либо не удалось. Очевидно, оно выходило в нишу, расположенную много ниже уровня улицы. А в том, что ниша выходит именно на улицу, сомнений не было – я разобрал приглушенный стук колес, конское ржание, свисток городского. Из всего этого следовало, что утро не такое уж раннее. Я достал из кармашка часы. Почти девять. Что думают в Эрмитаже по поводу нашего отсутствия? Ах, сегодня их высочествам будет не до нас – коронация. Да и потом, когда Павел Георгиевич расскажет о нашей с Эндлунгом миссии, это ничего не даст. Ведь Бэнвилл с Карром в том, что с нами случилось, невиновны. Неужто и в самом деле околевать в этом каменном мешке?

Я осмотрелся по сторонам. Высокий мрачный потолок. Голые стены, совсем пустые.

Вдруг, приглядевшись, я увидел, что стены вовсе не пустые – на них были развешаны какие-то непонятные предметы. Я подошел поближе и задрожал от ужаса. Впервые в жизни понял, что холодный пот – не фигура речи, а истинное явление природы: непроизвольно дотронулся до лба, и он оказался весь липкий, мокрый и холодный.

На стенах в строгом геометрическом порядке располагались ржавые цепи с кандалами, чудовищные шипастые бичи, семихвостные плети и прочие орудия, предназначенные для бесчеловечных истязаний.

Нас действительно заточили в пыточный застенок!

Я не считаю себя трусом, но тут у меня вырвался настоящий вопль

ужаса.

Эндлунг оторвал голову от локтя, сонно замигал, глядя по сторонам. Сказал зевая:

– Доброе утро, Афанасий Степаныч. Только не говорите мне, что оно никакое не доброе. Я это и так вижу по вашей перекошенной физиономии.

Я показал дрожащим пальцем на орудия пыток. Лейтенант так и замер с разинутым ртом, не завершив зевок. Присвистнул, легко поднялся и снял со стены сначала кандалы, потом страшный бич. Повертел и так, и этак, покачал головой.

– Ох, проказники. Взгляните-ка...

Я боязливо взял бич и увидел, что он не кожаный, а совсем легкий и мягкий, из шелка. Оковы тоже оказались бутафорскими, железные обручи для запястий и щиколоток изнутри были проложены толстой стеганой тканью.

– Зачем это? – недоуменно спросил я.

– Надо полагать, что этот кабинет предназначен для садически-мазохических забав, – с видом знатока пояснил Эндлунг.

– Каких забав?

– Зюкин, нельзя быть таким игноракусом, при ваших-то талантах. Все люди делятся на две категории. – Он наставительно поднял палец. – Тех, кто любит мучить других, и тех, кто любит, чтобы его мучили. Первые зовут садистами, вторых мазохистами, уж не помню, почему. Вот вы, например, несомненный мазохист. Я читал, что именно мазохисты чаще всего идут в прислугу. А я, скорее, садист, потому что ужасно не люблю, когда меня колотят по мордасам, как вот давеча. Самые лучшие супружеские и дружеские пары образуются из садиста и мазохиста – один дает то, что нужно другому. То есть, проще говоря, я вас лупцую и всяко обижаю, а вам это как пряник. Понятно?

Нет, мне это было совсем непонятно, но я вспомнил загадочные слова вчерашней нимфы и предположил, что в странной теории Эндлунга, возможно, есть доля истины.

Относительно кнутов и цепей я успокоился, но и без того причин для терзаний у меня было сколько угодно.

Во-первых, собственная участь. Неужто нас и вправду собрались заморить здесь голодом и жаждой?

Мы подошли к внешней стене, лейтенант встал мне на плечи и долго кричал в окошко зычным голосом, но с улицы нас явно не слышали. Потом мы стали колотить в дверь. Изнутри она была обита войлоком, и удары выходили глухими. А снаружи не доносилось ни единого звука.

Во-вторых, меня угнетала глупость создавшегося положения. Вчера мадемуазель Деклик должна была установить местонахождение Линда. Сегодня Фандорин будет проводить операцию по освобождению Михаила Георгиевича, а я сижу тут, как мышь в мышеловке, и всё по собственной дурости.

Ну а в-третьих, очень хотелось есть. Ведь вчера не ужинали.

Я поневоле вздохнул.

– А вы, Зюкин, молодцом, – сказал несколько осипший от криков Эндлунг. – Я всегда про таких, как вы, говорил, что в тихом омуте черти водятся. И по красоткам ходок, и лихой товарищ, и не плакса. Хрена ли вам в лакейской службе? Переходите лучше к нам на «Ретвизан» старшим каптенармусом. Наши вас с дорогой душой примут – еще бы, великокняжеский дворецкий. Всем прочим кораблям нос утрем. Нет, право. Переведетесь с придворной службы в морские чиновники, это можно устроить. Будете приняты в кают-компания на равных, а то сколько можно в чужие чашки кофей разливать. Славно поплаваем, ей-богу. Я же помню, вы качку отлично переносите. Эх, Зюкин, не были вы в Александрии! – Лейтенант закатил глаза. – *Himmeldonnerwetter*, какие бордели! Вам там непременно понравится с вашим вкусом на петиток – попадают такие финтифлюшечки, прямо на ладошку посадить, но при этом с полной оснасткой. Верите ли, талия – вот такусенькая, а тут всё вот этак и вот этак. – Он показал округлыми жестами. – Я-то сам всегда обожал женщин в теле, но понимаю и вас – в петитных тоже есть своя привлекательность. Расскажите мне про Снежневскую, как товарищ товарищу. – Эндлунг положил мне руку на плечо и заглянул в глаза. – Чем эта полька всех так проняла? Верно ли говорят, что в минуты страсти она издает некие особенные звуки, от которых мужчины сходят с ума, как спутники Одиссея от пения сирен? Ну же! – Он подтолкнул меня локтем и подмигнул. – Полли говорит, что во время их единственного свидания никаких особенных песнопений от нее не слышал, но Полли еще совсем щенок и вряд ли сумел распалить в вашей полечке истинную страсть, а вы мужчина опытный. Расскажите, что вам стоит! Все равно живыми мы отсюда не выберемся. Очень любопытно узнать, что за звуки такие. – И лейтенант пропел. – «Слышу, слышу звуки польки, звуки польки неземной».

Ни о каких страстных звуках, якобы издаваемых Изабеллой Фелициановной, мне, разумеется, ничего известно не было, а если б и было, то я не стал бы откровенничать на подобные материи, что и постарался выразить соответствующим выражением лица.

Эндлунг огорченно вздохнул:

– Значит, врут? Или скрытничаете? Ну ладно, не хотите говорить, и не надо, хоть это и не по-товарищески. У моряков этак секретничать не принято. Знаете, когда месяцами не видишь берега, хорошо посидеть в кают-компании, рассказывая друг другу всякие такие истории...

Издалека, будто из самих земных недр, ударил могучий гул колоколов.

– Половина десятого, – взволнованно перебил я лейтенанта. – Началось!

– Несчастный я человек, – горько пожаловался Эндлунг. – Так и не увижу венчания на царство, даром что камер-юнкер. В прошлую коронацию я еще из Корпуса не вышел. А до следующей уж не доживу – царь моложе меня. Так хотелось посмотреть! У меня и билет на хорошее место запасен. Аккурат напротив Красного крыльца. Сейчас, поди, как раз из Успенского выходят?

– Нет, – ответил я. – Из Успенского это когда еще будет. Я обряд в доскональности знаю. Хотите, расскажу?

– Еще бы! – воскликнул лейтенант и подобрал ноги по-турецки.

– Стало быть, так, – начал я, припоминая коронационный артикул. – Сейчас к государю с паперти Успенского собора обращается митрополит Московский Сергей и вещает его величеству о тяжком бремени царского служения, а также о великом таинстве миропомазания. Пожалуй, что уже и закончил. На самом почетном месте, у царских врат, среди златотканых придворных мундиров и расшитых жемчугом парадных платий белеют простые мужицкие рубахи и алеют скромные кокошники – это доставленные из Костромской губернии потомки героического Ивана Сусанина, спасителя династии Романовых. Вот государь и государыня по багряной ковровой дорожке шествуют к тронам, воздвигнутым напротив алтаря, и особый трон установлен для ее величества вдовствующей императрицы. Император нынче в Преображенском мундире с красной лентой через плечо. Государыня в серебряно-белой парче, ожерелье розового жемчуга, а шлейф несут четыре камер-пажа. Царский трон – древней работы, изготовлен еще для Алексея Михайловича и именуется Алмазным, потому что в него вставлены 870 алмазов, да еще рубины и жемчужины. Первейшие сановники империи держат на бархатных подушках государственные регалии: меч, корону, щит и скипетр, увенчанный прославленным бриллиантом «Орлов». – Я вздохнул, зажмурился и увидел перед собой священный камень, как наяву. – Он весь чистый-чистый, прозрачнее слезы и немножко отливает зелено-голубым, как морская вода на солнце. В нем почти 200 каратов, формой он как половинка яйца, только больше, и прекрасней бриллианта нет на всем

белом свете...

Эндлунг слушал, как завороченный. Я, признаться, тоже увлекся и еще долго расписывал такому благодарному слушателю весь ход великой церемонии, то и дело сверяясь по часам, чтобы не забегать вперед. И как раз, когда я сказал: «Но вот государь и государыня, поднявшись на Красное крыльцо, свершают пред всем народом троекратный земной поклон. Сейчас грянет артиллерийский салют», – вдали и в самом деле грянул гром, не прекращавшийся в течение нескольких минут, ибо, согласно церемониалу, пушки должны были произвести 101 выстрел.

– Как замечательно вы всё описали, – с чувством произнес Эндлунг. – Будто видел всё собственными глазами, даже лучше. Я только не понял про лаковый ящик и человека, который крутит ручку.

– Я сам не очень про это понимаю, – признался я, – однако собственными глазами видел в «Дворцовых ведомостях» извещение, что коронация будет запечатлена на новейшем синематографическом аппарате, для чего нанят специальный манипулятор – он будет крутить ручку, и от этого получится нечто вроде движущихся картинок.

– Чего только не придумают... – Лейтенант тоскливо покосился на серое оконце. – Ну вот, перестали палить, и теперь слышно, как бурчит в брюхе.

Я сдержанно заметил:

– В самом деле, очень хочется есть. Неужто мы умрем от голода?

– Ну что вы, Зюкин, – махнул рукой мой напарник. – От голода мы не умрем. Мы умрем от жажды. Без пищи человек может выжить две, а то и три недели. Без воды же мы не протянем и трех дней.

У меня и в самом деле пересохло в горле, а в нашей камере между тем становилось душновато. Женское платье Эндлунг снял уже давно, оставшись в одних кальсонах и обтягивающей нательной рубаше в сине-белую полоску, так называемой «тельняшке». Теперь же он снял и тельняшку, и я увидел на его крепком плече татуировку – весьма натуралистичное изображение мужского срама с разноцветными стрекозыми крыльшками.

– Это мне в сингапурском борделе изобразили, – пояснил лейтенант, заметив мой смущенный взгляд. – Еще мичманишкой был, вот и умудрил. На спор, для куражу. Теперь на приличной барышне не женишься. Так, видно, и помру холостяком.

Последняя фраза, впрочем, была произнесена без малейшего сожаления.

Всю вторую половину дня я нервно расхаживал по камере, все больше мучаясь голодом, жаждой и бездействием. Время от времени принимался кричать в окно или стучать в дверь – без какого-либо результата.

А Эндлунг в благодарность за описание коронации занимал меня бесконечными историями о кораблекрушениях и необитаемых островах, где моряки различных национальностей медленно умирали без пищи и воды.

Уже давно стемнело, когда он завел душераздирающий рассказ про одного французского офицера, который был вынужден съесть товарища по несчастью, корабельного каптенармуса.

– И что вы думаете? – оживленно говорил полуголый камер-юнкер. – После лейтенант Дю Белле показал на суде, что мясо у каптенармуса оказалось нежнейшее, с прослойкой сала, а на вкус вроде поросятины. Суд лейтенанта, конечно, оправдал, учтя чрезвычайность обстоятельств, а также то, что Дю Белле был единственным сыном у старушки матери.

На этом месте познавательный рассказ прервался, потому что дверь камеры вдруг бесшумно отворилась, и мы оба замигали от яркого света фонаря.

Расплывчатая тень, возникшая в проеме, произнесла голосом Фомы Аникеевича:

– Прошу прощения, Афанасий Степанович. Вчера, конечно, я узнал вас под рыжей бородой, но мне и в голову не пришло, что дело может закончиться так скверно. А нынче на приеме в Грановитой палате я случайно услышал, как двое здешних завсегдатаев шептались и смеялись, поминая некую острastку, которую они задали двум «Блюстителям». Я и подумал, уж не про вас ли это. – Он вошел в темницу и участливо спросил. – Как же вы тут, господа, без воды, еды, света?

– Плохо! Очень плохо! – вскричал Эндлунг и кинулся нашему изжителю на шею. Полагаю, что Фоме Аникеевичу такая порывистость, проявленная потным господином в одних кальсонах, вряд ли могла прийти по вкусу.

– Это камер-юнкер нашего двора Филипп Николаевич Эндлунг, – представил я. – А это Фома Аникеевич Савостьянов, дворецкий его высочества московского генерал-губернатора. – И, покончив с необходимой формальностью, скорей спросил о главном. – Что с Михаилом Георгиевичем? Освобожден?

Фома Аникеевич развел руками:

– Об этом мне ничего неизвестно. У нас собственное несчастье. Князь Глинский застрелился. Такая беда.

– Как застрелился? – поразился я. – Разве он не дрался с лордом Бэнвиллом?

– Сказано – застрелился. Найден в Петровско-Разумовском парке с огнестрельной раной в сердце.

– Значит, не повезло корнетику. – Эндлунг стал натягивать платье. – Англичанин не промазал. Жаль. Славный был мальчуган, хоть и бардаш.

15 мая

– ...А еще помощник буфетчика расколотил блюдо для дичи из севрского сервиза. Я пока распорядился оштрафовать его на половину месячного жалованья, а остальное на ваше усмотрение. Теперь о горничной ее высочества Петрищевой. Лакей Крючков донес, что она была замечена в кустах с камердинером господина Фандорина в весьма недвусмысленном виде. Я никаких мер предпринимать не стал, ибо не знаю, как у вас заведено обходиться с подобного сорта вольностями...

– На первый раз – внушение, – пояснил я Сомову, отрываясь от тарелки. – На второй раз – взашей. Если понесла – выходное пособие. У нас с этим строго.

За окнами светало, а в кухне горел свет. Я с большой охотой съел разогретый суп и принялся за котлетки де-Роган. Больше суток без маковой росинки во рту – это вам не шутки.

После того, как Фома Аникеевич извлек нас с Эндлунгом из заточения, наши с лейтенантом пути разошлись. Он отправился в Варьете, чтобы переодеться. Звал и меня, говорил, что девочки ночуют в комнатах при театре – и накормят, и напоят, и приласкают.

Но у меня имелись дела поважней. Причем хозяйственные заботы в число сих важных дел не входили, и помощника я выслушивал довольно невнимательно.

– Как прошла коронация? – спросил я, прикидывая, может ли Сомов что-либо знать о вчерашней операции. Вроде бы не должен, но человек он, кажется, неглупый, проницательный. Во всяком случае о причинах моего отсутствия не задал ни единого вопроса. Как бы этак понебрежнее поинтересоваться, не привезли ли из Ильинского Михаила Георгиевича?

– Полное великолепие. Но, – Сомов понизил голос, – среди наших поговаривают, что были нехорошие предзнаменования...

Я насторожился. Нехорошие предзнаменования в такой день – это не пустяки. Коронация – событие исключительное, тут каждая мелочь имеет значение. У нас среди дворцовых есть такие гадалщики, что весь ход церемонии по часам раскладывают, чтоб определить, как будет протекать царствие и на каком его отрезке следует ожидать потрясений. Это, положим, суеверие, но бывают приметы, от которых не отмахнешься. Например, в коронацию Александра Освободителя на вечернем приеме ни с того ни с сего на столе вдруг лопнула бутылка с шампанским – будто

бомба взорвалась. Тогда, в 1856 году, бомбистов еще и в заводе не было, поэтому никто не знал, как истолковать этакий казус. Лишь много позже, через четверть века, прояснилось. А на прошлой коронации государь раньше положенного возложил корону на чело, и наши зашептались, что царствие будет недолгим. Так и вышло.

– Сначала, – оглянувшись на дверь, стал рассказывать Сомов, – когда куафер прилаживал ее величеству корону к прическе, от волнения слишком сильно ткнул заколкой – так что государыня вскрикнула. До крови уколол... А потом, уже после начала шествия, у его величества внезапно оборвалась цепь ордена Андрея Первозванного, и прямо наземь! Про заколку только наши знают, но оказию с орденом заметили многие.

Да, нехорошо, подумал я. Однако могло быть куда хуже. Главное – венчание на царство состоялось, все-таки доктор Линд не сорвал этого высокаторжественного события.

– Что англичане? – неопределенно спросил я, не зная, известно ли в Эрмитаже о дуэли.

– Лорд Бэнвилл уехал. Вчера, в полдень. Даже на коронации не присутствовал. Оставил записку его высочеству и съехал. Бледный весь и сердитый. То ли обижен, то ли заболел. Оставил щедрейшие наградные всему старшему персоналу. Вам, Афанасий Степанович, золотую гинею.

– Поменяйте на рубли и от моего имени раздайте поровну Липпсу и обоим кучерам, они хорошо поработали, – сказал я, решив, что от этого душегуба мне наградных не нужно. – А что же мистер Карр?

– Остался. Лорд и своего дворецкого ему оставил – отбыл в одиночестве.

– Что мадемуазель Деклик, не скучает без воспитанника? – с деланной небрежностью наконец подступился я к самому важному.

В коридоре слышались тихие шаги. Я обернулся и увидел Фандорина. Он был в домашней венгерской куртке с шнурами, с сеточкой на волосах, в войлочных туфлях. Весь гладкий, мягко ступающий, с мерцающими в полутьме глазами – ну чисто кот.

– Ночной швейцар сказал мне, что вы в-вернулись. А где Эндлунг? – спросил он безо всякого приветствия.

Из вопроса об Эндлунге следовало предположить, что Павел Георгиевич рассказал Фандорину о нашей экспедиции. Несмотря на сильнейшую неприязнь, которую вызывал у меня этот человек, мне не терпелось с ним поговорить.

– Ступайте, Корней Селифанович, – сказал я помощнику, и тот, умный человек, немедленно удалился. – С господином камер-юнкером все в

порядке, – коротко ответил я, и чтобы предупредить дальнейшие неприятные расспросы, добавил. – К сожалению, мы попусту потратили время.

– У нас тоже не всё гладко, – сказал Фандорин, присаживаясь. – Вы ведь исчезли п-позавчера вечером, когда Эмилия еще не вернулась. Она отлично справилась с заданием, и мы с точностью определили тайное убежище Линда. Оказалось, что он прячет ребенка в усыпальнице княжны Бахметьевой, это такая часовня с подземным склепом, выстроенная близ стены Новодевичьего монастыря. Княжна покончила с собой от несчастной любви лет сто тому назад, хоронить в монастыре ее не дали, вот безутешные родители и возвели нечто вроде мавзолея. С тех пор род Бахметьевых пресекся, часовня обветшала, на двери ржавый замок. Однако это одна видимость. Мадемуазель рассказывает, что, когда ее вводили с завязанными глазами в холодное помещение, она всякий раз слышала звук хорошо смазанных петель. Архитектурного плана часовни раздобыть не удалось, известно лишь, что сама усыпальница находится в п-подземелье.

Эраст Петрович стал чертить пальцем на столе:

– Вчера еще на рассвете п-приготовились. Это [он поставил хлебницу] – монастырь. Вот – часовня [сбоку пристроил солонку]. Вокруг пустырь, тут – пруд [он плеснул на клеенку немного чаю]. В общем незаметно не подберешься. Расставили людей по изрядному периметру, замаскировали. Внутрь лезть не стали.

– Почему? – спросил я.

– Дело в том, Зюкин, что вокруг Новодевичьего монастыря еще со Смутных времен вся земля изрыта подземными лазами. То поляки осаждали, то Лжедмитрий, то позднее стрельцы подкапывались, чтоб царевну Софью из неволи вызволить. Я уверен, что Линд, как субъект п-предусмотрительный и осторожный, выбрал именно это место неспроста. Там должен быть путь отхода, это всегдашняя его тактика. Поэтому я решил действовать по-другому.

Он сдвинул брови, вздохнул.

– Вчера передача камня была назначена на пять часов п-пополудни, так как венчание должно было завершиться в два. Сразу после церемонии «Орлова» вынули из скипетра...

– Дозволение на обмен получено?! – воскликнул я. – Значит, она ошиблась, и Михаила Георгиевича всё-таки решено спасти!

– Кто она? – сразу же вцепился Фандорин, однако понял по моему виду, что ответа не будет, и продолжил.

– «Орлова» мне вверили с одним условием. Я дал гарантию, что

камень ни в каком случае у Линда не останется. *Ни в каком случае*, – со значением повторил он.

Я кивнул:

– То есть, если придется выбирать между жизнью его высочества и бриллиантом...

– Вот именно.

– Но как можно быть уверенным, что «Орлов» не достанется доктору? Разве госпожа Деклик сможет ему помешать? И потом, вы сами говорите, подземные ходы...

– Я поставил Линду условие, переданное Эмилией еще позавчера. Поскольку речь идет не об обычной драгоценности, а о священной реликвии, б-бриллиант не может быть доверен слабой женщине. Гувернантку будет сопровождать хранитель. Один, без оружия, так что нападения Линду можно не опасаться...

– Кто же этот хранитель?

– Я, – грустно молвил Фандорин. – Хорошо было придумано, правда?

– И что же?

– Ничего не вышло. Я загримировался старым, сутулым камер-лакеем, да, видно, недостаточно тщательно. Мы с Эмилией больше часа простояли в Храме. К нам никто не подошел. А позавчера, когда она была одна, никаких затруднений не возникло. Снова записка, закрытая карета в одном из ближних п-переулков, и так далее. Вчера же мы прождали до четверти седьмого и вернулись обратно не солоно хлебавши.

– Неужто Линд отказался от обмена? – упавшим голосом спросил я.

– Как бы не так. В Эрмитаже нас поджидало письмо, доставленное прежним порядком – через почтальона, но без штемпеля. Вот, п-прочтите, тем более что это имеет самое непосредственное отношение к вашей персоне.

Я настороженно взял листок, от которого едва уловимо веяло ароматом духов.

– «Граф Эссекс»?

– Он самый. Да вы ч-читайте, читайте.

«Я решил сделать династии Романовых щедрый подарок к коронации», – прочел я первую французскую фразу, и у меня всё поплыло перед глазами. Неужто..?

Но нет, моя радость была преждевременной. Похлопав ресницами, чтобы разогнать туман, я прочитал записку до конца:

Я решил сделать династии Романовых щедрый подарок к

коронации. Цена подарку – миллион. Ведь именно в эту сумму оценивается обговоренный ежедневный взнос за «Орлова», любезно одолженного мною российской монархии. Итак, можете владеть камнем еще один день, и совершенно бесплатно. В конце концов, омрачать вам такой торжественный день с моей стороны было бы по меньшей степени неучтиво.

Мы совершим нашу маленькую транзакцию завтра. Пусть гувернантка будет в соборе в семь часов вечера. Я понимаю ваше нежелание доверять этой женщине такое сокровище и не возражаю против одного сопровождающего. Однако это должен быть человек, которого я знаю, а именно – месье Собачьи Бакенбарды.

Искренне ваш,

доктор Линд.

Сердце у меня заколотилось часто-часто.

– Так вот почему вы мне все это рассказываете?

– Да. – Фандорин испытующе посмотрел мне в глаза. – Я хочу просить вас, Афанасий Степанович, принять участие в этом опасном деле. Вы не полицейский агент и не военный, вы не обязаны рисковать жизнью ради государственных интересов, однако обстоятельства складываются так, что без вашей помощи...

– Я согласен, – перебил его я.

В этот миг мне совсем не было страшно. Я думал только об одном: мы с Эмилией будем вместе. Кажется, именно тогда я впервые мысленно назвал мадемуазель по имени.

После недолгой паузы Эраст Петрович поднялся.

– Тогда отдыхайте, у вас усталый вид. В десять часов будьте в гостиной. Я проведу с вами и Эмилией инструктаж.

* * *

Позднее солнце нагрело бархатные шторы, и от этого в затененной гостиной явственно запахло пылью. С бархатом вечно трудности – такой уж это материал: если провисит годами без регулярной стирки, как, например, здесь, в Эрмитаже, то въевшуюся намертво пыль до конца уже не вычистишь. Я мысленно пометил себе сегодня же распорядиться о

замене занавесей. Если, конечно, вернусь с операции живым.

А благополучный исход затеваемого мероприятия представлялся мне весьма сомнительным. На последнем – надо полагать, уже самом последнем совещании – присутствовали лишь те, кто непосредственно участвовал в операции: мы с мадемуазель, господин Фандорин и два полковника, Карнович и Ласовский, державшиеся тише воды, ниже травы и внимавшие Эрасту Петровичу с подчеркнутым почтением, уж не знаю, подлинным или фальшивым.

На широком столе была разложена схема местности меж Новодевичьим монастырем и Новодевичьей набережной, причем исполненная честь по чести, не так, как давеча, на клеенке. Заштрихованными кружками были отмечены тайные пикеты, окружавшие пустырь со всех сторон: старший агент (Фандорин назвал его фамилию – Кузякин) в дупле старого дуба на углу Вселенского сквера; шестеро «служителей» в бараке Детской клиники, что выходила окнами на пруд; одиннадцать «монахов» на стене монастыря; семеро «лодочников» и «бакенщиков» на реке; один под видом торговли на выезде с Погодинской улицы; трое «нищих» у ворот монастыря; двое «рыбаков» на пруду – эти ближе всего, итого в первом кольце оцепления расположился тридцать один агент.

– Порядок обмена должен быть такой, – объяснил Фандорин, показав пикеты. – Вас двоих подвозят к часовне, вводят внутрь. Вы т-требуете снять повязки. Там наверняка имеется свой ювелир. Вы отдадите ему «Орлова» на экспертизу, после чего отнимете обратно. Тогда госпожа Деклик спустится в склеп и заберет мальчика. Когда ребенка к вам выведут, вы передаете камень. На этом ваша, Зюкин, миссия закончена.

Я не поверил собственным ушам. Авантюрный склад господина Фандорина был мне уже достаточно известен, но даже от него я не предполагал подобной безответственности. Самое же поразительное было то, что начальник дворцовой полиции и обер-полицмейстер выслушали этот безумный план с самым серьезным видом и ни словом не возразили!

– Какая чушь! – с несвойственной мне (но вполне оправданной обстоятельствами) резкостью воскликнул я. – Я буду один, без оружия, мадемуазель тоже не в счет. Да они просто отберут у меня бриллиант, убедившись, что он настоящий. А возвращать Михаила Георгиевича и не подумают! Просто уйдут каким-нибудь подземным ходом, а нас всех троих зарежут. Отличная выйдет операция! Не лучше ли, дождавшись, пока нас с госпожой Деклик заведут внутрь, взять усыпальницу штурмом?

– Не лучше, – кратко ответил Фандорин.

А Карнович пояснил:

– Уж при штурме-то его высочество наверняка будет убит. А заодно и вы двое.

Я замолчал, взглянул на Эмилию. Надо признать, она держалась гораздо спокойнее меня и, что было особенно больно видеть, взираала на Фандорина с полным доверием.

– Эхаст Петхович, – тихо произнесла она, – доктох Линд очень хитрый. Вдхуг меня и месье Зьюкин сегодня повезут в дхугое место, совсем новое? Если так, то ваша embuscade^[27] будет пустой.

– Впустую, – по старой привычке поправил я и обернулся к многоумному Фандорину, ибо вопрос был, как говорится, в самую точку.

– Вот это не исключено, – признал он. – Но на сей счет мною предусмотрены некоторые м-меры. И ваши, Зюкин, опасения, что камень отберут, а мальчика не отдадут, тоже вполне резонны. Здесь всё будет зависеть от вас самого, и теперь я перехожу к г-главному.

С этими словами он подошел к деревянному ларцу, стоявшему на столике близ окна, и двумя руками достал оттуда гладкий и сияющий золотой шар размером с маленькую крымскую дыню.

– Вот ваша гарантия, – сказал Эраст Петрович, кладя шар передо мной.

– Что это? – спросил я и наклонился.

В зеркальной поверхности шара отразилось мое потешно растянутое лицо.

– Бомба, Афанасий Степанович. Страшной разрушительной силы. Внутри там есть такая маленькая к-кнопочка. Если ее надавить, высвобождается взрыватель, а после этого д-достаточно любого сотрясения – к примеру, просто уронить шар на каменный пол – и произойдет взрыв, после которого не останется ни вас, ни Линда с его людьми, ни самой часовни. «Орлов», впрочем, уцелеет, потому что он вечен, и п-позднее мы непременно найдем его среди обломков... Вот это вы и должны будете объяснить доктору. Скажите, что при малейшем п-признаке нечестной игры вы бросите шар на пол. Это единственный аргумент, который на Линда подействует. Так сказать, наш маленький сюрприз.

– Но бомба ненастоящая? – догадался я.

– Уверяю вас – самая что ни на есть н-настоящая. Заряд состоит из гремучей смеси, изобретенной химиками Императорской минно-артиллерийской лаборатории. Комиссия Главного артиллерийского управления не одобрила смесь из-за ее чрезмерной взрывоопасности. Если вас станут обыскивать при посадке в к-карету, вы скажете, что шар – это

футляр для «Орлова», и открывать его ни в коем случае не позволите. Заявите, что иначе поездка отменяется. Впрочем, если за вами приедет тот же самый безмолвный кучер, дискуссия маловероятна.

Эраст Петрович взял в руки шар, поддел ногтем едва заметную крышечку.

– «Орлов» и в самом деле хранится внутри, в верхнем отделении сферы. Вынимая камень, чтобы передать его д-для проверки, вы нажмёте вот сюда и тем самым задействуете механизм. В карете этого ни в коем случае не делайте – иначе от тряски может произойти взрыв. А уже нажав кнопку, вы сообщите Линду или его людям о том, что это за игрушка.

Я заглянул внутрь шара. В круглой выемке, поблескивая голубоватым, неярым светом, лежала бесценная реликвия дома Романовых. Вблизи чудесный камень показался мне похожим на резную хрустальную ручку вроде тех, которыми украшен комод в гардеробной великой княгини. Честно говоря, гораздо большее впечатление на меня произвела красная металлическая кнопка, почти незаметная на фоне алого бархата.

Вытерев пот со лба, я посмотрел на Эмилию. При неудачном обороте дела, или же если я совершу оплошность, мы погибнем вместе, и куски наших тел перемешаются. Она спокойно кивнула мне, словно говоря: ничего, я в вас верю и всё непременно закончится благополучно.

– Но что дальше? – спросил я. – Взрываться Линд не захочет, это ясно, и правил игры не нарушит. Он вернет нам Михаила Георгиевича, а сам уйдет каким-нибудь хитрым лазом. И «Орлов» будет навсегда утрачен.

– Этого не должно произойти ни в коем случае! – впервые вступил в разговор Карнович. – Помните, господин Фандорин, за «Орлова» вы поручились головой.

Словно не слыша полковника, Фандорин улыбнулся мне:

– На этот случай, Зюкин, у меня предусмотрен для доктора еще один сюрприз.

Однако улыбка, и в самом деле совершенно неуместная в данной ситуации, сразу же исчезла, сменившись выражением смущенным и, пожалуй, даже сконфуженным.

– Эмилия, Афанасий Степанович... Риск, которому вы подвергаетесь, б-безусловно велик. Линд – человек парадоксального ума, его поступки и реакции часто непредсказуемы. План планом, но может произойти всё что угодно. А ведь вы, Эмилия, дама и к тому же даже не являетесь российской подданной...

– Пусть хиск, это ничего. Нужно спасти маленький пхинц, – с величавым достоинством сказала мадемуазель. – Но мы, я и месье Зьюкин,

будем больше спокойны, если знать, какой еще surprise вы пхидумали.

Фандорин осторожно закрыл золотую крышку, и голубоватое сияние, мерцавшее над столом, погасло.

– Лучше вам этого не знать. Это должно быть неожиданностью и для вас д-двоих. Иначе дело может сорваться.

* * *

Странное дело – оказавшись вдвоем в темной, наглухо закрытой от внешнего мира карете, мы долгое время не произносили ни слова. Я прислушивался к ровному дыханию мадемуазель и со временем, когда глаза свыклись с мраком, стал различать ее смутный силуэт. Мне хотелось услышать ее голос, сказать ей что-нибудь ободряющее, но, как обычно, я все не мог подыскать уместных слов. На коленях лежал металлический шар, и, хоть взрыватель еще был не включен, я держал адскую машину обеими руками.

Напрасно я опасался, что у меня возникнут трения с посланцем доктора Линда из-за увесистого узелка странной круглой формы. Первый этап операции прошел гладко – как говорят в народе, без сучка, без занозинки.

Мы с мадемуазель не простояли в храме и пяти минут, как некий мальчишка, по виду из обычных попрошаек, что вечно толкуются на паперти, протянул мне записку – еще и пришлось дать паршивцу пятиалтынный из собственных денег. Прижавшись друг к другу плечами, мы развернули листок (я опять ощутил легкий аромат «Графа Эссекса») и прочли одну коротенькую строчку: «L'église de Ilya Prorok»^[28]. Я не знал, где это, но мадемуазель, успевшая в доскональности изучить все окрестные улицы и переулки, уверенно повела меня за собой.

Через несколько минут мы были уже возле небольшой церковки, а у соседнего дома ожидала черная карета с занавешенными окнами, весьма похожая на ту, что я видел неделю назад, хоть и не поручусь, что та самая. С козел спрыгнул высокий человек в низко надвинутой шляпе, так что виднелась только густая черная борода. Ни слова не говоря, открыл дверцу и протолкнул мадемуазель внутрь.

Показывая узелок, я суровым голосом произнес заранее приготовленную фразу:

– Это предмет обмена. Трогать нельзя.

Не знаю, понял ли он меня, но к узелку не притронулся. Присел на

корточки и очень быстро провел ладонями по всему моему телу, не постыдившись коснуться самых укромных мест.

– Позвольте, сударь... – не выдержал я, но обыск уже закончился.

Бородатый молча толкнул меня в спину, я поднялся в экипаж, и дверца захлопнулась. Раздался скрежет засова. Карета качнулась, и мы поехали.

Прошло, наверное, не менее получаса, прежде чем между нами завязался разговор. И начала его мадемуазель, потому что я так и не придумал, с чего начать.

– Стханно, – сказала она, когда на повороте карету качнуло и мы дотронулись друг до друга плечами. – Стханно, что сегодня он меня не обласкал.

– Что? – удивился я.

– Как это – *perquisitionner*?

– А, обыскал.

– Да, спасибо. Стханно, что не обыскал. Обычно обыскал. Если знать, можно было спихнуть в панталон маленький пистолет.

Я позволил себе наклониться к ее уху и шепнуть:

– У нас есть оружие лучше. – И похлопал рукой по бомбе.

– Осторожно! – ойкнула мадемуазель. – Я боюсь!

Все-таки женщина есть женщина, даже такая смелая.

– Ничего, – успокоил ее я. – Пока взрыватель не включен, бояться нечего.

– Я все думаю про второй сюрприз месье Фандорина, – вдруг заговорила мадемуазель по-французски, и ее голос дрогнул. – Не состоит ли он в том, что бомба взорвется в любом случае, разнеся на куски и нас, и доктора Линда, и его высочество, а камень потом, как и сказал месье Фандорин, подберут среди обломков? Для царя главное – сохранить «Орлов» и избежать огласки. Для месье Фандорина – отомстить доктору Линду. Что вы думаете, Атанас?

По правде сказать, ее подозрения показались мне очень даже правдоподобными, но, немного подумав, я нашелся, что возразить:

– В этом случае нам дали бы не настоящий камень, а подделку. Тогда можно ничего среди обломков не искать.

– Ас чего вы взяли, что в шаре подлинный «Орлов»? – нервно спросила она. – Ведь мы-то с вами не ювелиры. Вы нажмете кнопку, и тут же грянет взрыв! Вот и выйдет обещанный сюрприз, про который нам с вами ни в коем случае нельзя было узнать.

У меня внутри всё похолодело – слишком уж верным выглядело это предположение.

– Значит, такова наша судьба, – сказал я, перекрестившись. – Если вы угадали правильно, то это решение принято высшей властью, и я исполню всё в точности. Но вам не нужно входить в часовню. Когда нас привезут, я скажу кучеру, что в вашем присутствии нет надобности – я заберу Михаила Георгиевича сам.

Мадемуазель крепко сжала мне руку.

– Благодарю вас, Атанас. Вы вернули мне веру в человеческое благородство. Нет-нет, я пойду с вами. Мне стыдно, что я могла заподозрить Эраста в вероломстве. Для него камень, даже такой особенный, не может быть дороже жизни ребенка. И наших жизней тоже, – тихо закончила она.

Вторая половина ее короткой, прочувствованной речи несколько испортила приятное впечатление от первой, и всё же я был растроган. Хотел ответить на пожатие ее пальцев, но это, пожалуй, выглядело бы чрезмерной вольностью. Так мы и ехали дальше, и ее рука касалась моей.

У меня, в отличие от мадемуазель, не было уверенности в благородстве господина Фандорина. Представлялось весьма вероятным, что в самом скором времени земное существование Афанасия Зюкина закончится, причем не тихим и незаметным образом, как следовало бы по всей логике моей жизни, а с неприличным шумом и грохотом. Компания Эмилии делала эту мысль менее отвратительной, в чем, безусловно, проявлялось качество, которое я не терплю в других и всегда старался подавлять в себе – малодушное себялюбие.

А между тем в наглухо закрытой карете становилось все трудней дышать. У меня по лицу и сзади, за воротник, стекали капли пота. Это было неприятно и щекотно, но я не мог вытереться платком – для этого пришлось бы отнять руку. Мадемуазель тоже дышала учащенно.

Внезапно мне пришла в голову простая и страшная мысль, от которой пот заструился еще обильней. Я попробовал тихонько, чтобы не вспугнуть мадемуазель, просунуть руку в узелок и открыть крышку шара. Однако щелчок все же раздался.

– Что это был? – встрепелась мадемуазель. – Что был этот звук?

– Замысел Линда проще и коварнее, чем представляется Фандорину, – сказал я, хватая ртом воздух. – Я полагаю, что доктор приказал возить нас в этом заколоченном ящике до тех пор, пока мы не задохнемся, а после преспокойно забрать «Орлова». Только ничего у него не выйдет – я включаю взрыватель. Пока я в сознании, буду держать бомбу на весу обеими руками. Когда же иссякнут силы, шар упадет...

– Vous etes devenu fou! – воскликнула мадемуазель, рывком

высвободила руку и схватила меня за локоть. – Vous êtes fou! N'y pensez pas! Je compte les détours, nous sommes presque là!^[29]

– Поздно, я уже надавил, – сказал я и крепко сжал шар обеими руками.

А еще через минуту карета и в самом деле остановилась.

– Ну, выхучай Господь, да? – шепнула Эмилия, и перекрестилась, но не по-православному, а на свой католический лад, слева направо.

Дверца отворилась, и я сощурился от яркого света. Никто мне глаз не завязывал, и я увидел облупленную стену маленькой часовни, а поодаль, в сотне шагов, башни и колокольни большого старинного монастыря. Ступив на подножку, украдкой осмотрелся по сторонам. У пруда сидели с удочками рыбаки, а на краю ближнего сквера зеленел свежей листвой узловатый дуб, в дупле которого предположительно прятался старший агент Кузякин. На душе стало чуть-чуть спокойней, хотя ненадевание повязки, вероятнее всего, означало, что живыми Линд выпускать нас не намерен. Мадемуазель высунулась из-за моего плеча и тоже принялась оглядываться – ах да, она ведь оказалась здесь без повязки впервые. Ничего, господин доктор, подумал я, пропадем, так вместе с вами, и прижал к груди узелок.

Кучер, стоявший сбоку от распахнутой дверцы, схватил меня за локоть и дернул: слезай, мол. Я поморщился – такая силища была в этих стальных пальцах.

Ржавая дверь с увесистым навесным замком, почти не скрипнув, открылась нам навстречу.

Я вошел в полутемное помещение, более просторное, чем казалось снаружи, и увидел несколько мужских фигур. Прежде чем успел их разглядеть, дверь за нами закрылась, но от этого свет не исчез, а лишь сделался из сероватого желтоватым – на стенах висело несколько масляных светильников.

Людей Линда было четверо. Прежде всего я обратил внимание на седого сухонького господина с безгубым, нерусским лицом и в стальных очках. Неужто это и есть доктор Линд? По обе стороны от него стояли двое высоких и плечистых, чьи лица тонули в тени, – надо полагать, телохранители. Четвертым был кучер, вошедший следом и привалившийся спиной к двери, как бы отрезая нам путь к отступлению.

Один из телохранителей замахал рукой на кучера, явно требуя, чтобы тот вышел.

Кучер кивнул, но не тронулся с места.

Телохранитель сердито указал пальцем на дверь.

Кучер скрестил руки на груди.

– Taubstummer Dickkopf!^[30] – выругался верзила.

Так вот почему возница вел себя с нами так странно. Теперь понятно, отчего Линд не боялся, что бородач попадет в руки полиции.

Второй телохранитель сказал, тоже по-немецки:

– Да черт с ним, пусть торчит. Ему, поди, тоже любопытно.

Но здесь седой господин властно протянул руку к узелку, и я понял, что начинается самое главное.

– Принесли? Давайте, – тусклым голосом сказал он по-французски.

Я бросил на пол платок, в который был завернут шар, открыл крышечку и камень сверкнул из своего бархатного гнезда ленивым, приглушенным блеском.

Медленно и ясно выговаривая каждое слово, я объяснил про сюрприз и про условия обмена. Слава Богу, мой голос ни разу не дрогнул. Тут самое важное было, чтобы Линд поверил – если понадобится, я не струшу.

Он выслушал меня не перебивая и кивнул, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся. Нетерпеливо щелкнул пальцами:

– Хорошо-хорошо. Давайте, я проверю.

И вытащил из кармана маленькую, окованную медью лупу.

Выходит, это был не Линд, а ювелир – как и предсказывал Фандорин. Я поддел двумя пальцами маслянистый камень, который охотно и как-то даже уютно лег в мою ладонь, будто был сотворен как раз по ее мерке. Второй рукой я осторожно прижал бомбу к груди.

Ювелир взял бриллиант и подошел к одной из ламп. Телохранители – или кто они там были на самом деле – обступили мастера и шумно засопели, когда грани «Орлова» вспыхнули нестерпимым сиянием.

Я оглянулся на мадемуазель. Она стояла неподвижно, сцепив пальцы. Приподняв брови, показала взглядом на шар, и я успокаивающе кивнул: не беспокойтесь, не уроню.

Света масляной лампы ювелиру показалось мало. Он достал еще и электрический фонарик, подвигал пружиной. Тонкий, яркий луч коснулся бриллианта, и я прищурился – показалось, что от камня посыпались искры.

– Alles in Ordnung^[31], – бесстрастно произнес ювелир на нечистом немецком и спрятал лупу в карман.

– Верните камень, – потребовал я.

А когда он не выполнил мое требование, я угрожающе вытянул вперед обе руки с раскрытым шаром.

Ювелир пожал плечами и положил бриллиант обратно в нишу.

Ободренный успехом, я повысил голос:

– Где его высочество? Теперь по условиям договора вы должны немедленно его вернуть!

Безгубый показал пальцем на каменный пол, и я лишь теперь заметил черный квадратный люк с чугунным кольцом.

– Кому он нужен, ваш мальчишка. Забирайте, пока не подох.

В устах этого респектабельного господина грубое слово *crever*^[32], произнесенное применительно к малютке, прозвучало так неожиданно и страшно, что я содрогнулся. Господи, что это за люди!

Мадемуазель, шумно втянув воздух, бросилась к люку, схватилась за кольцо и потянула изо всех сил. Дверца немного приподнялась и тут же с гулким, металлическим стуком снова упала в пазы. Ни один из громил не тронулся с места, чтобы помочь даме. Эмилия в отчаянии оглянулась на меня, но и я не мог прийти ей на помощь – для этого пришлось бы положить шар.

– Aufmachen!^[33] – угрожающе крикнул я и поднял бомбу повыше.

С видимой неохотой один из бандитов отодвинул мадемуазель и легко, одной рукой откинул крышку.

Открылся проем, но не черный, как я ожидал, а наполненный трепещущим светом – очевидно, в подземелье тоже горел масляный фонарь. Оттуда пахло сыростью и плесенью.

Бедный Михаил Георгиевич! Неужто его продержали в этой дыре столько дней!

Подобрав подол, мадемуазель стала спускаться. Один из верзил последовал за ней. У меня шумно и часто стучало в висках.

Я услышал донесшийся снизу шум голосов, а потом пронзительный крик Эмилии:

– Mon bébé, mon pauvre petit! Tas de salauds!^[34]

– Его высочество мертв? – взревел я, готовый бросить бомбу на пол и будь что будет.

– Нет, он жив! – услышал я. – Но совсем плохой!

Не могу передать, какое облегчение я испытал в эту минуту. Ну конечно, его высочество простужен, ранен, одурманен опиумом, но главное – он жив.

Ювелир протянул руку.

– Дайте камень. Сейчас ваша спутница вынесет ребенка.

– Пусть сначала вынесет, – пробормотал я, вдруг сообразив, что не имею представления, как вести себя дальше – в инструкциях Фандорина на сей счет ничего не содержалось. Отдавать камень или нет?

Внезапно оставшийся телохранитель с неожиданным проворством прыгнул ко мне и обеими руками сжал мои ладони, державшие шар. Толчок вышел совсем незначительный, и взрывной механизм не сработал, но бриллиант выкатился из ниши и с щелкающим стуком поскакал по полу. Ювелир подхватил его и сунул в карман.

Бороться с верзилой было бесполезно, а сзади уже подошел чернобородый кучер, в нечеловеческой силе которого я имел возможность убедиться. Господи, я всё погубил!

– Вот и сюрприз номер два, – шепнул мне в ухо глухонемой и в ту же секунду стукнул бандита кулаком по лбу. Мне показалось, что не так уж сильно, но глаза немца закатились, он разжал свои ручищи и осел на пол.

– Держите крепче, – сказал кучер голосом Фандорина.

В один скачок оказался подле ювелира и зажал ему рукой рот, одновременно приставив снизу к подбородку стилет.

– Taisez-vous! Un mot, et vous êtes mort!^[35] Зюкин, отключите кнопку, бомба нам больше не понадобится.

От стремительности, с которой происходили события, я был в оцепенении и неожиданному превращению кучера в Фандорина совсем не удивился – куда больше меня почему-то поразило то, что Эраст Петрович совершенно перестал заикаться.

Я послушно подцепил ногтями утопленную кнопку и потянул – она с легким щелчком выскочила.

– Крикните, что камень у вас и что ребенка можно выпускать, – тихо сказал Фандорин по-французски.

Ювелир захлопал глазами с противоестественной быстротой – кивнуть он не мог, потому что этим жестом насадил бы свою голову на клинок.

Фандорин убрал руку с его рта, но кинжал по-прежнему держал вертикально вверх.

Пожевав проваленным ртом и облизнувшись, пленник запрокинул голову назад, будто хотел рассмотреть что-то на потолке, и вдруг громко закричал:

– Alarme! Fuyez-vous!^[36]

Он хотел крикнуть что-то еще, но узкая полоска стали вошла ему между горлом и подбородком по самую рукоятку, и ювелир захрипел. Я охнул.

Убитый еще не успел рухнуть на пол, а из люка уже высунулась голова – кажется, того самого бандита, что давеча спустился вниз с мадемуазель.

Фандорин скакнул к дыре и с размаху ударил его ногой по лицу. Послышался тяжелый звук рухнувшего тела, а Эраст Петрович, ни секунды не медля, спрыгнул вниз.

– Господи! – вырвалось у меня. – Господи Боже!

Снизу доносился грохот, кто-то кричал по-немецки и по-французски.

Перекрестившись золотым шаром, я подбежал к проему и заглянул вниз.

Увидел настоящую кучу-малу: огромный детина с занесенным ножом в руке подмял под себя Фандорина, а еще ниже лежал недвижимый телохранитель. Эраст Петрович одной рукой сжимал противнику запястье, удерживая нож, а другой тянулся к его горлу, но никак не мог достать. Кажется, бывшего статского советника следовало спасать.

Я бросил шар, метя в затылок великану, и превосходным образом попал – послышался чмокающий звук. Обычному человеку я вне всякого сомнения проломил бы череп, этот же лишь качнулся вперед. Но этого оказалось достаточно, чтобы Фандорин дотянулся ему до горла. Я не видел, что именно сделали пальцы Эраста Петровича, однако услышал тошнотворный хруст, и детина завалился на сторону.

Я быстро спустился вниз. Фандорин уже вскочил на ноги и озирался по сторонам.

Мы находились в квадратном помещении, углы которого тонули во мраке. Посередине sklepa возвышалось поросшее мохом надгробье, на котором горела масляная лампа.

– Где она? – переполошился я. – Где его высочество? Где Линд?

У стены стоял сундук с набросанным на него тряпьем, и я подумал, что Михаила Георгиевича, наверное, держали там. Однако Фандорин кинулся в противоположную сторону.

Я услышал топот быстрых удаляющихся шагов – судя по звуку, бежали

человека три или четыре.

Фандорин схватил фонарь, поднял его, и мы увидели проход в стене, забраный решеткой.

Чернота озарилась вспышкой, воздух зло свистнул, ударило гулкое эхо.

– За выступ! – крикнул мне Фандорин, отскакивая в сторону.

– Эмилия, вы живы? – что было мочи позвал я.

Темнота приглушенно ответила голосом мадемуазель:

– Их тхое! И Линд здесь! Это...

Голос сорвался на вскрик. Я бросился на решетку и затряс ее, но она была заперта на замок.

Эраст Петрович с силой дернул меня за рукав – и вовремя: из подземного хода снова выстрелили. Один из железных прутьев взорвался брызгами искр, в стену ударил невидимый штырь, от которого на пол посыпались каменные осколки.

Издали доносились мужские голоса, кто-то тонко простонал – женщина или ребенок.

– Линд! – громко крикнул Эраст Петрович по-французски. – Это я, Фандорин! Камень у меня! Обмен остается в силе! Меняю «Орлова» на женщину и ребенка!

Мы затаили дыхание. Тихо – ни голосов, ни шагов. Услышал или нет?

Фандорин вскинул руку, в которой нивесть откуда появился маленький черный револьвер, и выстрелил в замок – раз, другой, третий.

Снова посыпались искры, но замок с петель не слетел.

16 мая

Я сидел у реки, тупо глядя на проплывавшие мимо длинные плоты из бурых, шершавых бревен, и никак не мог понять, кто сошел с ума: я или окружающий мир.

Афанасий Зюкин объявлен вне закона? Его разыскивают полиция и жандармерия?

Может быть, тогда Афанасий Зюкин – это вовсе не я, а кто-нибудь другой?

Но нет, вся мощь правоохранительных сил империи была поднята на ноги именно из-за нас – господина Фандорина и меня. И причиной тому было не какое-нибудь чудовищное недоразумение, а наше преступное поведение. Да-да, *наше*, потому что соучастником Фандорина я стал добровольно. Или почти добровольно.

Нужно было разобраться во всем с самого начала, припомнить события минувшей ночи во всех подробностях.

Когда замок наконец удалось сбить и мы проникли в лаз, догонять Линда было уже бессмысленно. Но сгоряча мы поняли это не сразу. Светя взятым со стола фонарем, Фандорин бежал впереди, я за ним – слегка пригнувшись, чтобы не стукнуться головой о низкий свод. Качающийся свет выхватывал из темноты клочья паутины, какие-то черепки под ногами, влажный блеск глинистых стен.

Шагов через двадцать ход разделился надвое. Эраст Петрович на секунду присел, посветил вниз, и уверенно свернул направо. Через полминуты туннель снова раздвоился. Изучив следы, отчетливо видные на толстом слое пыли, мы двинулись влево. Еще семь или восемь развилок были преодолены так же легко, а затем масло в фонаре догорело, и мы остались в полной темноте.

– Отлично, – сердито пробормотал Фандорин. – Просто отлично. Теперь мы не то что за Линдом г-гнаться, мы и назад-то дороги не найдем. Кто бы мог подумать, что здесь такой лабиринт. Триста лет рыли, а то и больше: и монахи в годы смуты, и мятежные стрельцы, и раскольники, прятавшие от патриарха Никона старинные книги и церковное серебро, а судя по тому, что встречаются каменные галереи, здесь когда-то были и каменоломни... Ладно, Зюкин, идем уж, куда придется.

Пробираться в полной тьме выходило медленно и трудно. Я несколько

раз падал, споткнувшись о выступы. Один раз упал, и из-под меня с писком метнулось что-то живое. Я схватился за сердце. Есть у меня постыдная, немужская слабость – терпеть не могу крыс и мышей. Эта шмыгающая, шныряющая, вороватая нечисть чем-то глубоко противна моему естеству.

В другой раз зацепил ногой за нечто корнеобразное, при ощупывании оказавшееся человеческой грудной клеткой.

Когда растянулся в третий раз, подо мной что-то звякнуло. Я схватился за карман – «Орлова» там не оказалось.

В ужасе я крикнул:

– Камень выпал!

Фандорин зажег спичку, и я увидел расколотый горшок, в котором тускло поблескивали неровные кружочки. Взял один – серебряная монета, старинная. Но сейчас было не до монет. Неужто я выронил бриллиант не сейчас, а во время одного из предыдущих падений? Тогда отыскать его будет ох как непросто.

Слава богу, с третьей спички Эраст Петрович увидел полузарывшийся в пыль камень и забрал себе, а я после случившегося возражать не посмел. Насыпал себе в карманы две пригоршни монет из клада, и мы побрели дальше.

Не знаю, сколько часов это продолжалось. Иногда мы садились на землю, чтобы передохнуть. Вторую ночь подряд я проводил в подземелье, и, ей-богу, затрудняюсь сказать, какое из них пришлось мне меньше по вкусу.

Нельзя было даже посмотреть, который час, потому что от сырости спички скоро размокли и загораться не желали. Когда я во второй раз споткнулся о уже знакомые кости, стало ясно, что мы бродим по кругу.

Тогда Фандорин сказал:

– Знаете, Зюкин, так дело не пойдет. Вы хотите, чтобы по вашим ребрам бегали к-крысы?

Я передернулся.

– Я тоже не хочу. А значит, хватит фланировать, надеясь на авось. Нужна система. Теперь мы движемся так: строго чередуем п-повороты. Один раз направо, один раз налево. Вперед!

Но и после введения «системы» мы шли еще очень долго, пока, наконец, вдали не забрезжил слабый свет. Я кинулся к нему первым. Лаз сузился, как-то весь съежился, и пришлось ползти на четвереньках, но это было ничего, потому что свет делался всё ярче. Уже у самого края я ухватился рукой за холодный, шершавый корень, и он вдруг с сердитым шипением пружинисто рванулся из моих пальцев. Змея! Охнув, я дернулся

и ударил макушку о камень. Разглядел на узкой головке заструившейся прочь черной ленты желтые пятна – это был безобидный уж. Но сердце все равно колотилось, как бешеное.

Нора вывела к подмытому водой берегу реки. Я увидел окутанную утренним туманом темную баржу, крыши складов на той стороне и в некотором отдалении – полукруглые арки железнодорожного моста.

– Недалеко же мы с вами п-продвинулись, – сказал Фандорин, распрямляясь и отряхивая перепачканный кучерский кафтан. От длинной черной бороды он успел избавиться, широкополую шляпу потерял, кажется, еще в склепе.

Я проследил за направлением его взгляда. В нескольких сотнях шагов, озаренные первыми лучами солнца, мягко поблескивали купола Новодевичьего монастыря.

– Очевидно, этим лазом монахи пользовались, чтобы тайно добраться до реки, – предположил Фандорин. – Интересно, для каких целей.

Мне это было совсем не интересно.

– А вон и часовня! – показал я. – Идемте скорей. Господа Карнович и Ласовский наверняка нас обыскали. И не столько нас, сколько «Орлова». То-то обрадуются!

Я улыбнулся. В эту минуту от простора, света, утренней свежести меня переполняло то особое чувство жизненной полноты, которое, вероятно, некогда испытал воскресший из мертвых Лазарь.

– Вы хотите вернуть «Орлова» Карновичу? – недоверчиво спросил Фандорин.

В первое мгновение мне показалось, что я ослышался, но затем я понял, что господин Фандорин, как и я, обрадован благополучным исходом кошмарной ночи и оттого настроен на шутливый лад. Что ж, есть обстоятельства, при которых и Зюкин непрочь пошутить, хоть бы даже и не с самым приятным собеседником.

– Нет, я хочу отнести камень доктору Линду, – ответил я, посредством сдержанной улыбкой давая понять, что оценил шутку и отвечаю ей в тон.

– Ну то-то же, – с серьезным видом кивнул Эраст Петрович. – Вы ведь понимаете, что если мы отдадим б-бриллиант властям, то больше его не увидим. Тогда мальчик и Эмилия обречены.

Только теперь до меня дошло, что он вовсе не шутит.

– Вы и вправду намерены вступить с доктором Линдом в самочинный торг? – на всякий случай все же уточнил я.

– Да, а как же иначе?

Мы оба замолчали, уставившись друг на друга с равным недоумением. От моего душевного подъема не осталось и следа. Во рту пересохло от скверного предчувствия.

Фандорин окинул меня взглядом с головы до ног, будто видел впервые и спросил – как мне показалось, с любопытством:

– П-постойте, Зюкин, разве вы не любите маленького Мику?

– Очень люблю, – удивился я такому вопросу.

– И ведь... к Эмилии вы тоже равнодушны?

Я чувствовал себя очень усталым, мы оба были перепачканы в пыли и глине, пахло травой и рекой – от всего этого возникало ощущение, что обычные условности не имеют значения. Только поэтому я ответил на сей вопиюще нескромный вопрос.

– Мне небезразлична судьба мадемуазель Деклик.

– Итак, на карту поставлена жизнь д-двоих людей. Людей, которых вы... Ну, скажем, «судьба которых вам небезразлична». И вы готовы пожертвовать этими людьми ради куска шлифованного углерода?

– Есть вещи, которые значат больше, чем любовь, – тихо сказал я и вдруг вспомнил, что то же самое Фандорин не столь давно говорил Ксении Георгиевне.

Это воспоминание было мне неприятно, и я счел нужным уточнить:

– К примеру, честь. Верность. Престиж монархии. Национальные святыни.

Объясняя такие очевидные вещи, я чувствовал себя довольно глупо, но что еще мне оставалось делать?

Помолчав, Фандорин объявил:

– У вас, Зюкин, есть выбор. Видите, у часовни полицейское оцепление? Или вы отправляетесь туда и говорите, что Фандорин скрылся, п-прихватив с собой «Орлова». Или мы вместе пробуем спасти Эмилию и ребенка. Решайте.

С этими словами он вынул из кармана черную бороду и косматый парик – оказывается, все-таки приберег – и приладил эту буйную растительность, превратившись в простецкого и диковатого мужика из тех, что съезжаются в большие города на заработки.

Не знаю, почему я с ним остался. Честное слово, не знаю. Я не произнес ни слова, но и с места не тронулся.

– Что, пойдем на к-каторгу в одной сцепке? – с неуместной веселостью спросил Фандорин и протянул мне руку.

Его пожатие было крепким, мое вялым.

– Посидите здесь и сильно не в-высовывайтесь. Схожу на

рекогносцировку.

Он зашагал в сторону монастыря, а я опустился на колени у воды. Она была чистая, прозрачная, и я сначала напился, а потом, когда рябь успокоилась, рассмотрел отражение своего лица. Вроде бы ничто в нем не изменилось: усы, бакенбарды, выпуклый лоб с залысиной. И все же это было лицо не гоф-фурьера Зюкина, дворецкого Зеленого Дома и верного слуги престола, а государственного преступника.

* * *

Возвращение Эраста Петровича вывело меня из тоскливого оцепенения, но настроения никак не улучшило.

Оказывается, полицейские и солдаты оцепили не только часовню, но и весь монастырь. Под землей, в лабиринте, уже много часов ведутся поиски. Городовой, с которым поговорил Фандорин, сообщил, что по всем полицейским частям разослан словесный портрет двух опаснейших преступников, совершивших неизвестно какое, но по всей видимости чрезвычайно тяжкое преступление. Выезды из Москвы наглухо перекрыты, и поимка злодеев – вопрос времени. Один из них – худощавый и моложавый brunet с тонкими усиками; особые приметы – седина на висках и характерное заикание. Другой – и тут Фандорин описал мою скромную персону, причем куда более подробно. Так я узнал, что у меня нос хрящевато-раздвоенного типа, бородавка не просто на щеке, а в третьей левой доле, и глаза болотно-желтого оттенка с миндалевидным разрезом.

– Как вам удалось разговорить полицейского? – поразился я. – И потом, неужто ему не показалось подозрительным ваше заикание?

– Для того, чтобы разговорить незнакомого человека, потребно знание п-психологии и физиогномистики, – с важным видом пояснил Эраст Петрович. – Что же до заикания, то, как вы могли заметить, перевоплощаясь в иную п-персоналию, я меняю и голос, и манеру разговора, и все прочие речевые особенности. Это уже совсем не я, или, во всяком случае, не совсем я. Заикание – следствие давней к-контузии, полученной Фандориным, а отнюдь не степенным мужичком, который так уважительно беседовал с господином городовым.

Я только махнул рукой:

– Всей вашей психологии в нынешних обстоятельствах грош цена. Никого мы спасти не можем. Нас бы самих кто спас. Приметы наши полиции известны. Лучше уж пойти и сдаться. Объясним, как и что –

простят.

Фандорин с возмутительным легкомыслием пожал плечами:

– Дались вам эти приметы. Приметы мы поменяем. Покрасим вас в блондина, оденем чиновником, усы с бакенбардами сбреем...

– Ни за что на свете! – вскричал я. – Я ношу их больше двадцати лет!

– Как угодно, но с вашими, как выражается Линд, *favoris de chien*, вас и в самом деле легко опознать. Вы обрекаете себя на сидение в ч-четырёх стенах, а я буду перемещаться по городу совершенно свободно.

Эта угроза меня ничуть не испугала, да и думал я уже о другом.

– Представляю, как недоумевают их высочества по поводу моего непонятного исчезновения, – уныло пробормотал я.

– Скорее негодуют, – поправил меня Фандорин. – Со стороны ситуация выглядит довольно недвусмысленно. Разумеется, все решили, что мы с вами сговорились с Линдом, а то и с самого начала действовали с ним заодно. Или же что мы решили в-воспользоваться случаем, чтобы похитить «Орлова». Именно поэтому полиция нами так и интересуется.

Я застонал. Ну конечно – именно так наше поведение и выглядит!

Понурился и Фандорин. Видно, и до него, наконец, дошло, в каком положении мы очутились из-за его склонности к авантюрам.

Но нет, его, оказывается, печалило совсем другое.

– Ах, Зюкин, какая операция п-провалилась! Подмена кучера – это было так просто и почти г-гениально. По рассказам Эмилии я догадался, что возница глухонемой. Это, да еще опущенная на глаза шляпа и густая черная б-борода облегчили задачу. Кучер теперь в полиции, да только проку от него не будет. Не только безгласен, но и зверообразен. Потому-то Линд и не побоялся его п-подставить. Все должно было пройти как по нотам! И мальчика бы спасли, и Линда бы взяли. – Он досадливо махнул рукой. – Ну, не взяли бы живьем, так на месте бы положили, потеря для ч-человечества небольшая. Мне нужно было только спуститься вниз. Кто бы мог подумать, что ювелир не испугается кинжала? Из-за этого все и сорвалось. Как служат этому Линду! И чем он их только берет? Нет, это просто невероятно! – Эраст Петрович взволнованно вскочил на ноги. – Чертов бельгиец думал не о себе, а о Линде. Это уж не просто бандитская честь, это самая настоящая беззаветная любовь!

– Откуда вы знаете, что ювелир был бельгиец?

– Что? – рассеянно переспросил он. – А, по выговору. Бельгиец, из Антверпена, вне всяких сомнений. Но это неважно. Важно другое. Как вы т-толкуете слова Эмилии? Помните, она крикнула: «Здесь Линд! Это...» Что «это»? Такое ощущение, будто она хотела назвать какое-то известное

нам имя или же некую очень характерную или неожиданную особенность. Если имя, то чье? Если примету, то какую? «Это г-горбун»? «Это китаец»? «Это женщина»? – Фандорин прищурился. – Насчет китайца или женщины не знаю, всё может быть, но что Линд не горбун, мне известно доподлинно – я бы заметил... Ничего, скоро мы всё узнаем.

Эти последние слова были произнесены с такой спокойной уверенностью, что во мне шевельнулась надежда.

– Итак, Зюкин, д-давайте рассуждать, взвесим плюсы и минусы нашего положения. – Эраст Петрович сел рядом со мной на песок, взял в ладонь несколько камешков и провел по песку черту. – Мальчик по-прежнему в руках Линда. Это плохо. – Один камешек, черный, лег слева от черты. – Эмилия тоже стала заложницей. Это опять плохо.

К первому черному камешку присоединился второй.

– А что хорошо-то? – не выдержал я. – Добавьте к этому, что вся полиция империи, как обычная, так и тайная, охотится не на доктора Линда, а на нас с вами. Что его высочество от перенесенных испытаний тяжело болен и, возможно, даже при смерти. Что Линд, как вы сами говорили, живых свидетелей не оставляет!

Фандорин согласно покивал и положил туда же еще три камешка.

– А теперь посмотрим на дело с д-другой стороны. Хорошо то, что «Орлов» у нас и мы с вами в крайнем случае, если уж совсем не будет другого выхода, готовы пойти на обмен. Это раз. Хорошо то, что Линд потерял б-большинство своей банды. Собственно, почти всех: четверых в день похищения, потом всю шайку Культи, а вчера еще пятерых. Эмилия крикнула: «Их трое». Стало быть, у Линда осталось всего двое людей, а первоначально было чуть ли не два десятка. Это два. Наконец, вчера я успел назваться Линду и сообщить ему, на каких условиях возможен обмен. Это три.

Я посмотрел на пять черных камешков, на три белых, и прилива бодрости не ощутил.

– А что толку? Мы же не знаем, где его теперь искать. Да если и знали бы! У нас связаны руки. Мы по Москве и шагу ступить не сможем – сразу арестуют.

– Вы выдвинули два тезиса, один из которых несостоятелен, а другой неверен, – с профессорским видом возразил Эраст Петрович. – Неверен ваш последний тезис – что мы ограничены в п-передвижениях. Как я уже имел честь вам сообщить, изменить внешность совсем несложно. Это Линд ограничен в передвижениях, а не мы. У него на руках обуза – двое пленников: больной ребенок и женщина с весьма решительным

характером. Убить их доктор не посмеет, потому что успел д-достаточно меня изучить и знает – я себя обмануть не дам. Кстати, это еще один наш плюс. – Он доложил четвертый белый камешек. – А что до первого вашего тезиса, то он несостоятелен – по очень п-простой причине: мы с вами искать Линда не станем, ибо овес за лошадьё не ходит. Линд сам нас найдет.

О, как меня выводила из себя эта его невозмутимая манера, этот менторский тон! Но я старался держать себя в руках.

– Позвольте узнать, с какой это стати Линд будет нас разыскивать? И главное – как?

– Теперь вместо двух тезисов вы выдвинули два вопроса, – с несносным апломбом ухмыльнулся Фандорин. – Извольте. Отвечаю на первый. У нас с д-доктором классическая торговая ситуация. Есть товар, есть купец. Вернее, два купца, и у каждого свой товар. Товары, потребные мне и имеющиеся у Линда, таковы: во-первых, маленький Мика; во-вторых, Эмилия; в-третьих, шкура самого доктора Линда. Теперь мои товары, на которые зарится наш п-партнер. Во-первых, двухсоткаратный бриллиант, без которого вся московская эскапада почтенного доктора будет позорнейшим образом провалена, а Линд к этому не привык. И во-вторых, моя жизнь. Уверяю вас, у доктора ко мне накопился счет не менее длинный, чем у меня к нему. Так что мы с ним отлично сторгуемся.

Вид у Эраста Петровича при этом был такой, будто речь шла не о схватке с опаснейшим преступником современного мира, а об увлекательном приключении или партии в винт. Я никогда не любил позерства, особенно в серьезных делах, и бравада Фандорина показалась мне неуместной.

– Теперь второй ваш вопрос, – продолжил он, не обращая внимания на мои насупленные брови. – Как Линд нас отыщет? Ну, это п-просто. Сегодня вечером мы с вами просмотрим рекламы и частные объявления во всех московских газетах. Непременно обнаружим что-нибудь любопытное. Не верите? Г-готов держать пари, хотя обычно этого не делаю.

– Пари? – зло спросил я, окончательно выведенный из себя его фанфаронством. – Извольте. Если проиграете, мы сегодня же пойдем и сдадимся полиции.

Он беззаботно рассмеялся:

– А если выиграю, вы сбросите ваши з-знаменитые бакенбарды и усы с подусниками. По рукам?

И уговор был скреплен рукопожатием.

– Нужно наведаться в Эрмитаж, – сказал Фандорин, посерьезнев. –

Забрать оттуда Масу, он нам очень пригодится. И прихватить кое-какие необходимые вещи. Например, д-деньги. Отправляясь на операцию, я не взял бумажник. Я предвидел, что встреча с Линдом не обойдется без прыжков, махания руками, беготни и всякой прочей активности этого рода, а здесь любой лишний г-груз, даже самый незначительный, – помеха. Вот вам еще одно подтверждение давней истины: деньги лишним грузом никогда не бывают. Сколько у вас с собой?

Я сунул руку в карман и обнаружил, что во время многочисленных ночных падений обронил кошелек. Если не ошибаюсь, там лежало восемь рублей с мелочью. Я вынул горстку почерневших серебряных монет и горестно на них уставился.

– Это всё, что у вас есть? – Эраст Петрович взял один неровный кружок, повертел его в пальцах. – Петровский алтын. Вряд ли на него мы что-нибудь купим. В антикварной лавке ваши с-сокровища охотно приобретут, но появляться в людных местах в нашем нынешнем виде рискованно. Итак, положение странное: у нас имеется б-бриллиант стоимостью в нивесть сколько миллионов, а мы не можем купить и куска хлеба. Тем более нужно наведаться в Эрмитаж.

– Да как же это возможно? – Я приподнялся над кромкой поросшего травой берега. Вдоль всего пруда и поля выстроились цепочкой солдаты и полицейские. – Тут всё оцеплено. Да хоть бы мы и выбрались за оцепление – идти через весь город, среди бела дня, немыслимо!

– Сразу видно, Зюкин, что вы совсем не знаете г-географию первопрестольной. Что это, по-вашему? – Фандорин качнул подбородком в сторону реки.

– Как что? Москва-река.

– А что вы каждый день видите из окон Эрмитажа? Т-такое мокрое, зеленоватое, медленно текущее по направлению к Кремлю? Придется пойти еще на одно п-преступление, хоть и менее громкое, чем похищение «Орлова».

Он подошел к хлипкой лодчонке, привязанной к берегу, осмотрел и кивнул:

– Сойдет. Правда, нет весел, но вон, кажется, вполне подходящая д-доска. Залезайте, Зюкин. На реке нас искать не додумаются, а плыть не так уж далеко. Жалко только хозяина лодки. Для него эта потеря наверняка будет более разорительной, чем для Романовых утрата «Орлова». Ну-ка, дайте ваши т-трофеи.

Он бесцеремонно залез ко мне в карманы, выгреб монетки, положил их подле колышка, к которому была привязана лодчонка, и слегка присыпал

сверху песком.

– Ну, что встали? Садитесь! Да поосторожней, а то этот б-броненосец перевернется.

Я сел, намочив башмаки в скопившейся на дне воде. Фандорин оттолкнулся доской, и мы медленно-медленно отплыли. Он отчаянно заработал своим неуклюжим веслом, попеременно загребая то слева, то справа. Несмотря на эти сизифовы старания, наш челн почти не двигался.

Десять минут спустя, когда мы еще даже не достигли середины реки, я осведомился:

– А все же, сколько нам плыть до Нескучного сада?

– П-полагаю... версты... три, – с трудом ответил покрасневший от напряжения Фандорин.

Я не удержался от сарказма:

– С такой скоростью к завтрашнему утру, пожалуй, доберемся. Течение здесь медленное.

– Что нам течение, – пробормотал Эраст Петрович.

Замахал доской еще пуще, и нос лодки ткнулся в бревно – паровой буксирчик тянул за собой очередную вереницу плотов.

Фандорин привязал чал к обрубленному суку, бросил доску на дно лодки и блаженно потянулся.

– Всё, Зюкин. Полчасика отдохнем, и мы у цели.

Слева неспешно проплывали луга и огороды; за ними белели стены Новодевичьего монастыря, по правде сказать, успевшего мне изрядно надоесть. Справа же поднимался высокий лесистый берег. Я увидел белую церковь с круглым куполом, элегантные беседки, грот.

– Вы видите перед собой Воробьевский парк, разбитый по английским образцам и имитирующий естественность п-природного леса, – голосом заправского гида рассказывал Фандорин. – Обратите внимание на висячий мост, перекинутый вон через тот овраг. Точно такой мост же я видел в Гималаях, только сплетенный из стволов бамбука. Правда, там под ним был не овраг в двадцать сажень, а д-двухверстная пропасть. Впрочем, для падающего вниз сия разница несущественна... А это что такое?

Он нагнулся и извлек из-под скамейки немудрящую удочку. С интересом рассмотрел ее, потом повертел головой туда-сюда и с радостным возгласом снял с борта зеленую гусеницу.

– Ну, Зюкин, на удачу!

Закинул в воду леску и почти сразу же вытянул серебристую плотвичку размером в ладонь.

– Каково, а? – возбужденно воскликнул Эраст Петрович, суя мне под

нос свою трепещущую добычу. – Нет, вы видели? И минуты не п-прошло! Отличная примета! Вот так же мы выудим и Линда!

Ну просто мальчишка! Хвастливый, безответственный мальчишка. Сунул мокрую рыбину в карман, и карман зашевелился, словно живой.

А впереди уже показался знакомый мост – тот самый, что был виден из окон Эрмитажа. Вскоре я разглядел за кронами деревьев и саму зеленую крышу дворца.

Фандорин отвязался от бревна. Когда плоты проплыли мимо, мы взяли курс к правому берегу и четверть часа спустя оказались у ограды Нескучного сада.

На сей раз я преодолел это препятствие без каких-либо затруднений – сказался накопившийся опыт. Мы углубились подальше в чащу, но приближаться к Эрмитажу Фандорин поостерегся.

– Тут уж нас точно искать не станут, – объявил он, растягиваясь на траве. – Но все же лучше д-дождаться темноты. Хотите есть?

– Да, очень хочу. У вас есть какие-нибудь припасы? – с надеждой спросил я, потому что, признаться, в животе давно уже подсасывало от голода.

– А вот. – Он вынул из кармана свой улов. – Никогда не пробовали сырую рыбу? В Японии ее едят все.

Я, разумеется, отказался от такой немислимой пищи и не без отвращения посмотрел, как Эраст Петрович с аппетитом уплетает скользкую, холодную плотву, изящно вынимая и обсасывая мелкие кости.

Завершив эту варварскую трапезу, он вытер пальцы платком, достал спички, а откуда-то из внутреннего кармана вынул и сигару. Тряхнул коробком, удовлетворенно сообщил:

– Высохли. Вы ведь не курите?

С наслаждением затаился, положил руку под голову.

– Какой у нас с вами п-пикник, а? Хорошо. Истинный рай.

– Рай? – Я даже приподнялся – такое меня охватило возмущение. – Мир рушится у нас на глазах, а вы называете это «раем»? Качаются устои монархии, невинный ребенок замучен злодеями, достойнейшая из женщин, быть может, в эту самую минуту подвергается... – Я не договорил, потому что не все вещи можно произносить вслух. – Хаос – вот что это такое. На свете нет ничего страшнее хаоса, потому что при хаосе происходит безумие, слом всех и всяческих правил...

Я зашелся кашлем, не досказав мысль до конца, но Фандорин меня понял и улыбаться перестал.

– Знаете, Афанасий Степанович, в чем ваша ошибка? – устало сказал

он, закрывая глаза. – Вы верите, что мир существует по неким правилам, что в нем имеется смысл и п-порядок. А я давно понял: жизнь есть не что иное как хаос. Нет в ней вовсе никакого порядка, и правил тоже нет.

– Однако сами вы производите впечатление человека с твердыми правилами, – не удержался я от шпильки, взглянув на его аккуратный пробор, сохранивший безукоризненность, несмотря на все приключения и потрясения.

– Да, у меня есть правила. Но это мои собственные п-правила, выдуманные мною для себя, а не для всего мира. Пусть уж мир сам по себе, а я буду сам по себе. Насколько это возможно. Собственные правила, Афанасий Степанович, это не желание обустроить все мироздание, а попытка хоть как-то организовать пространство, находящееся от тебя в непосредственной б-близости. Но не более. И даже такая малость мне не слишком-то удастся... Ладно, Зюкин. Я, пожалуй, посплю.

Он повернулся на бок, подложил под щеку локоть и немедленно уснул. Невероятный человек!

Не знаю, что мучило меня сильнее: голод, или гнев, или сознание своей беспомощности. Хотя нет, знаю – страх. За жизнь Михаила Георгиевича, за Эмилию, за себя.

Да-да, за себя. И то была самая худшая из всех ведомых мне разновидностей страха. Я отчаянно боялся не боли и даже не смерти – позора. Всю жизнь я больше всего страшился попасть в постыдное положение и тем самым потерять чувство собственного достоинства. Что у меня останется, если я лишусь достоинства? Кто я тогда буду? Одиноким, стареющим никчемником с бугристым лбом, шишковатым носом и «собачьими бакенбардами», непонятно на что и зачем израсходовавший свою жизнь.

Рецепт для сохранения достоинства я обнаружил давно, еще в молодости. Волшебная формула оказалась простой и короткой: всеми силами избегать неожиданностей, причем не только печальных, но и радостных. Все постыдные положения возникают из-за нарушения заведенного порядка, то есть именно из-за неожиданностей. Значит, необходимо предвидеть и предусматривать всё заранее. Быть во всеоружии, добросовестно исполнять свой долг и не гнаться за химерами. Так я и жил. А каков результат? Афанасий Зюкин – вор, обманщик, подлец и государственный преступник. Во всяком случае, так считают люди, мнением которых я дорожу.

Солнце перевалило за середину неба и стало потихоньку клониться к западу. Я устал метаться по лужайке, сел. Невесомый ветерок шелестел

свежей листвой, среди одуванчиков басисто жужжал шмель, по бирюзовому небу медленно скользили кружевные облака.

Все равно не уснуть, подумал я, и привалился спиной к стволу вяза.

* * *

– П-просыпайтесь, Зюкин. Пора.

Я открыл глаза. Облака тащились все так же неспешно, только из белых стали розовыми, а небо потемнело и придвинулось ближе.

Солнце уже зашло, а это означало, что я проспал по меньшей мере часов до девяти.

– Не хлопайте г-глазами, – бодро сказал Фандорин. – Мы идем на штурм Эрмитажа.

Долгополый кучерский кафтан Эраст Петрович снял, остался в сатиновом жилете и синей рубашке – на фоне густеющих сумерек его было почти не видно.

Мы быстро прошли пустым парком к дворцу.

Когда я увидел освещенные окна Эрмитажа, меня охватила невыразимая тоска. Дом был похож на белый океанский пароход, спокойно и уверенно плывущий через мрак, а я, еще так недавно находившийся на нарядной палубе, упал за борт, барахтаюсь среди темных волн и даже не смею крикнуть «Спасите!».

Фандорин прервал мои горестные мысли:

– Чье это окно – на первом этаже т-третье слева? Не туда смотрите – вон то, открытое, но без света.

– Это комната мистера Фрейби.

– Сумеете залезть? Ладно, вперед!

Мы перебежали по лужайке, вжались в стену и подобрались к темному открытому окну. Эраст Петрович сложил руки ковшом и так ловко подсадил меня, что я безо всякого труда смог перелезть через подоконник. Фандорин последовал за мной.

– Побудьте здесь. Я с-скоро.

– А если войдет мистер Фрейби? – в панике спросил я. – Как я ему объясню свое присутствие?

Фандорин огляделся, взял со стола бутылку, в которой плескалась бурая жидкость – кажется, пресловутое виски, которым некогда потчевал меня батлер.

– Вот, возьмите. Стукнете его по г-голове, свяжете и сунете в рот кляп

– вон ту салфетку. Ничего не поделаешь, Зюкин, у нас чрезвычайные обстоятельства. После принесете свои извинения. Еще не хватало, чтобы англичанин поднял крик. Да не тряситесь вы так, я скоро.

Он и в самом деле вернулся не более чем через пять минут. В руке держал саквояж.

– Здесь все самое н-необходимое. У меня в комнате был обыск, однако ничего не тронули. Масы на месте нет. Пойду п-поищу.

Я снова остался один, и опять ненадолго – вскоре дверь отворилась вновь.

Однако на сей раз это был не Эраст Петрович, а мистер Фрейби. Он протянул руку, повернул рычажок масляной лампы, и в комнате стало светло. Я растерянно замигал.

Вцепился в бутылку, неуверенно шагнул вперед. Бедный батлер, он был ни в чем не виноват.

– Добри вечер, – любезно сказал Фрейби, с интересом глядя на бутылку. – I didn't realize that you liked my whisky *that* much.

Достал из кармана словарь и с впечатляющей сноровкой – видно, наловчился – зашуршал страницами:

– Я... не был... сознават... что ви... любить... мой виски... так... много.

Тут я и вовсе пришел в замешательство. Стукнуть по голове человека, который вступил с тобой в беседу – это уж было совершенно невыносимо.

Посмотрев на мое сконфуженное лицо, англичанин добродушно хмыкнул, похлопал меня по плечу и показал на бутылку:

– A present. Подарок.

Батлер заметил, что в другой руке я держу саквояж.

– Going on travel? Ту-ту-уу? – Он изобразил гудок паровоза, и до меня дошло: Фрейби подумал, что я отправляюсь в путешествие и решил прихватить с собой бутылочку полюбившегося мне напитка.

– Да-да, – пробормотал я. – Вояж. Тэнк ю.

И поскорей выскочил за дверь. Сердце чуть не выскакивало из грудной клетки. Бог весть, что Фрейби подумал о русских дворецких. Но сейчас было не до национального престижа.

В соседней комнате, у мистера Карра, тренькнул звонок вызова прислуги.

Я едва успел спрятаться за портьеру – по коридору бежал рысцой младший лакей Липпс. Что ж, молодец. Вот что значит – твердый порядок в доме. Меня на месте нет, а всё работает, как часы.

– Что угодно-с? – спросил Липпс, открывая дверь.

Мистер Карр проговорил что-то ленивым голосом – я разобрал слово «чернила», произнесенное с немыслимым акцентом, и лакей удалился всё той же похвальной рысцой, а я попятился в смежный коридор, ведущий к моей комнате – решил пока отсидеться там. Сделал несколько коротких шажков, прижимая к груди саквояж и бутылку, и вдруг налетел спиной на что-то мягкое. Обернулся – о господи, Сомов!

– Здравствуйте, Афанасий Степанович, – пролепетал мой помощник. – Доброго вечера. А меня вот переселили в вашу комнату...

Я сглотнул слюну и ничего не сказал.

– Сказали, что вы будто бы сбежали... Что вас и господина Фандорина скоро отыщут и заарестуют. А ихнего японца уже забрали. Говорят, вы преступники, – шепотом закончил он.

– Знаю, – быстро сказал я. – Только это неправда. Корней Селифанович, у вас было мало времени меня узнать, но, клянусь вам, то, что я делаю, делается исключительно для блага Михаила Георгиевича.

Сомов молча смотрел на меня, и по выражению его лица я не мог понять, о чем он сейчас думает. Закричит или нет – вот единственное, что занимало меня в эту минуту. На всякий случай я вцепился пальцами в горлышко бутылки.

– Да, у меня действительно было слишком мало времени, чтобы познакомиться с вами близко, но великого дворецкого видно сразу, – тихо сказал Сомов. – Позволю себе смелость сказать, что я вами, Афанасий Степанович, восхищаюсь и мечтал бы быть таким, как вы. И... и если вам понадобится моя помощь, только дайте знать. Всё сделаю.

У меня перехватило горло, и я побоялся, что не смогу говорить – расплачусь.

– Благодарю, – вымолвил я наконец. – Благодарю, что вы решили меня не выдавать.

– Как я могу вас выдать, если я вас не видел, – пожал он плечами, поклонился и пошел прочь.

От этой во всех отношениях примечательной беседы я несколько утратил бдительность и повернул за угол, не позаботившись предварительно посмотреть, нет ли кого в коридоре. А там оказывается, вертелась перед зеркалом горничная ее высочества Лиза Петрищева.

– Ах! – пискнула Лиза, девица глупая, легкомысленная, да к тому же еще уличенная в шашнях с фандоринским камердинером.

– Тс-с-с! – сказал я ей. – Тихо, Петрищева. Только не кричи.

Она испуганно закивала, и вдруг, развернувшись, бросилась наутек с истошным воплем:

– Караул! Убивают! Он ту-у-у-ут!!!

Я метнулся в противоположную сторону, к выходу, но оттуда донеслись взбудораженные мужские голоса. Куда податься?

В бельэтаж, больше некуда.

В два счета взбежал по лестнице, увидел в полутемном проходе белую фигуру. Ксения Георгиевна!

Я застыл на месте.

– Где он? – быстро спросила ее высочество. – Где Эраст Петрович?

Внизу грохотало множество ног.

– Здесь Зюкин! Отыскать! – услышал я чей-то начальственный бас.

Великая княжна схватила меня за руку.

– Ко мне!

Мы захлопнули дверь, и через полминуты по коридору пробежали несколько человек.

– Осмотреть комнаты! – скомандовал всё тот же бас.

Вдруг снизу раздались крики, кто-то завопил:

– Стой! Стой, паскуда!

Грянул выстрел, потом еще один.

Ксения Георгиевна, ойкнув, покачнулась, и я был вынужден подхватить ее на руки. Лицо у нее сделалось белым-белым, а глаза от расширившихся зрачков совсем черными.

На первом этаже зазвенело разбитое стекло.

Ее высочество резко оттолкнула меня и бросилась к подоконнику. Я – следом. Мы увидели внизу темную фигуру, очевидно, только что выпрыгнувшую из окна.

Это был Фандорин – я узнал жилет.

В следующую секунду из того же окна выскочили еще двое в штатском и схватили Эраста Петровича за руки. Ксения Георгиевна пронзительно вскрикнула.

Однако Фандорин проявил удивительную гуттаперчивость. Не высвобождая рук, он пружинисто изогнулся и ударил одного противника коленом в пах, а потом точно таким же манером обошелся со вторым. Оба агента согнулись пополам, а Эраст Петрович легкой, стремительной тенью пересек лужайку и исчез в кустах.

– Слава Богу! – прошептала ее высочество. – Он спасен!

Вокруг дома забегали люди – некоторые в мундирах, иные в цивильном. Кто-то понесся по аллее к воротам, другие бросились догонять беглеца. Но преследователей было не так уж много – пожалуй, с десяток. Где им угнаться в темном, просторном парке за шустрым господином

Фандориным?

Насчет Эраста Петровича можно было не тревожиться. Но вот что будет со мной?

В дверь громко постучали.

– Ваше императорское высочество! В доме преступник! С вами всё в порядке?

Ксения Георгиевна жестом велела мне спрятаться за шкаф. Открыла дверь, сказала недовольным голосом:

– У меня страшная мигрень, а вы так кричите и грохочете. Поймайте вашего преступника, а меня больше не беспокойте!

– Ваше высочество, по крайней мере, запритесь на замок.

– Хорошо.

Я услышал звук поворачиваемого ключа и вышел на середину комнаты.

– Я знаю, – лихорадочным шепотом заговорила Ксения Георгиевна, зябко обхватив себя за плечи. – Всё это неправда. Он не мог совершить кражу. И ты, Афанасий, тоже на такое не способен. Я обо всем догадалась. Вы хотите спасти Мику. Я не прошу рассказывать, что именно вы задумали. Скажи только – я правильно догадалась?

– Да.

Она и в самом деле меня больше ни о чем не спрашивала. Опустилась на колени перед иконой и стала класть земные поклоны. Я никогда раньше не видел, чтоб ее высочество проявляла такую набожность, даже в детстве. Кажется, она еще и что-то шептала – вероятно, молитву, но слов было не разобрать.

Ксения Георгиевна молилась невыносимо долго. Полагаю, никак не менее получаса. А я стоял и ждал. Только убрал бутылку виски в саквояж. Не оставлять же ее было в комнате великой княжны?

Лишь когда в доме все стихло и из парка, громко переговариваясь, вернулись преследователи, ее высочество поднялась с колен. Подошла к секретеру, зазвенела там чем-то, а потом подозвала меня.

– Держи, Афанасий. Вам понадобятся деньги. У меня нет, сам знаешь. Но вот опаловые серьги и бриллиантовая брошь. Они мои собственные, не фамильные. Эти вещи можно продать. Наверное, они стоят много.

Я попытался возражать, но она и слушать не стала. Чтобы не ввязываться в долгий спор, который сейчас был бы совсем не ко времени, я взял драгоценности, твердо пообещав себе, что верну их ее высочеству в целости и сохранности.

Затем Ксения Георгиевна вынула из шкафа длинный шелковый кушак

от китайского халата.

– Привяжи это к шпингалету и спускайся. До земли он не достанет, придется прыгать. Но ведь ты храбрый, ты не побоишься. Храни тебя Господь.

Она перекрестила меня и вдруг поцеловала в щеку – я даже растерялся. И, верно от растерянности, спросил:

– Не передать ли что-нибудь господину Фандорину?

– Что я его люблю, – коротко ответила ее высочество и подтолкнула меня к окну.

До земли я добрался без членовредительства. Парк преодолел тоже без приключений. У ограды, за которой располагалась Большая Калужская улица, почти пустая в этот вечерний час, остановился. Выждал, когда поблизости не будет прохожих, и очень ловко перебрался на ту сторону – в искусстве лазания через заборы я определенно добился немалых успехов.

Однако как действовать дальше, было неясно. Денег у меня так и не появилось, даже извозчика не наймешь. И куда, собственно, ехать?

Я остановился в нерешительности.

По улице брел мальчишка-газетчик. Совсем еще недоросток, лет девяти. Кричал что было мочи, хотя покупать его товар здесь вроде бы было некому:

– Свежий «Грошик»! Газета «Грошик»! Газета объявлений! Кому кавалера, а кому неве-есту! Кому квартиру, а кому хорошее ме-есто!

Я встrepенулcя, вспомнив о пари с Фандориным. Зашарил по карманам в надежде отыскать завалившийся медный грош или копейку. За подкладкой лежало что-то круглое, плоское. Старинная серебряная монетка, петровский алтын.

Ну да ничего, авось в темноте не заметит.

Я подозвал газетчика, выдернул у него из сумки сложенный листок, кинул в кружку серебро – зазвенело не хуже, чем медь. Мальчишка как ни в чем не бывало поплелся дальше, выкрикивая свои неуклюжие вирши.

Подойдя к фонарю, я развернул серую бумагу.

И увидел – на первой же полосе, прямо посередине, вершковыми буквами:

Мой орел! Алмаз мой яхонтовый! Прощаю. Люблю. Жду весточки.

Твоя Линда.

*Пиши на Почтамт, предъявителю казначейского билета
№ 137078859*

Оно, то самое! Никаких сомнений! И ведь как ловко составлено – никому постороннему, кто про алмаз и обмен не знает, и в голову не придет!

Но увидит ли Фандорин эту газету? Как ему сообщить? Где его теперь искать? Вот незадача!

– Ну как? – раздался из темноты знакомый голос. – Вот что значит настоящая любовь. Это страстное объявление напечатано во всех вечерних газетах.

Я обернулся, потрясенный такой счастливой встречей.

– Ну что вы, Зюкин, так удивились? Ведь ясно было, что, если вы сумеете выбраться из дому, то полезете через ограду. Я т-только не знал, в каком именно месте. Пришлось ангажировать четырех газетчиков, чтобы разгуливали вдоль забора и погромче выкрикивали про частные объявления. Вы непременно должны были клюнуть. Всё, Зюкин, пари вы проиграли. Плакали ваши замечательные подусники с бакенбардами.

17 мая

Из зеркала на меня смотрела одутловатая, пухлогубая физиономия с намечающимся двойным подбородком и противоестественно белыми щеками. Лишившись усов, расчесанных бакенбардов и пышных подусников, мое лицо словно бы вынырнуло из-за облака или из тумана и предстало передо мной голым, очевидным и незащищенным. Я был потрясен этим зрелищем – казалось, я вижу самого себя впервые. В каком-то романе я читал, что человек по мере прожитых лет постепенно создает собственный автопортрет, нанося на гладкий холст своей доставшейся от рождения парсуны узор из морщин, складок, вмятин и выпуклостей. Как известно, морщины могут быть умными и глупыми, добрыми и злыми, веселыми и печальными. И под воздействием этого рисунка, наносимого самой жизнью, одни с годами становятся красивее, а другие уродливее.

Когда прошло первое потрясение и я пригляделся к автопортрету повнимательней, то понял, что не могу с определенностью сказать, доволен ли я этим произведением. Складкой у губ, пожалуй, да: она свидетельствовала о жизненном опыте и безусловной твердости характера. Однако в широкой нижней челюсти угадывалась угрюмость, а обвисшие щеки наводили на мысль о предрасположенности к неудачам. Поразительнее всего было то, что удаление растительности изменило мою внешность куда больше, чем давешняя рыжая борода. Я вдруг перестал быть великокняжеским дворецким и сделался каким-то комом глины, из которого теперь можно было слепить человека любого происхождения и звания.

Однако Фандорин, изучавший мое новое лицо с видом ценителя живописи, кажется, придерживался иного мнения. Отложив бритву, он пробормотал как бы самому себе:

– Вы плохо поддаетесь маскировке. Важность осталась, чопорная складка на лбу тоже никуда не делась, и посадка г-головы... Хм, Зюкин, вы на меня совсем непохожи, ни чуточки – разве что рост примерно совпадает... Ну да ничего. Линд знает, что я мастер по части перевоплощений. Столь очевидное несходство как раз может укрепить его людей в уверенности, что вы – это я. Кем бы вас нарядить? Пожалуй, сделаем вас чиновником, класса этак шестого-седьмого. На меньший чин вы никак не смотрите. П-посидите тут, я схожу на Сретенку в магазин готового платья для военных и чиновников. Заодно и себе что-нибудь

присмотрю. У нас в России человеку легче всего спрятаться за мундиром.

Вчера вечером, в той же газете «Грош», где поместил свое развязное объявление доктор Линд, Эраст Петрович нашел извещение о сдаче квартиры:

Сдается на коронацию квартира из семи комнат с обстановкой, посудой и телефоном. У Чистых прудов. 500 рублей. Возможно пользование прислугой за отдельную плату. Архангельский пер., дом стат. сов-цы Сухоруковой. Спросить в швейцарской.

Количество комнат показалось мне чрезмерным, а цена – с учетом того, что коронационные торжества уже почти закончились – невообразимой, но Фандорин меня не послушал. «Зато близко от почтамта», – сказал он. И еще до исхода вечера мы обосновались в хорошей барской квартире, расположенной на первом этаже нового каменного дома. Швейцар был так рад получить плату вперед, что даже паспортов не спросил.

Выпив чаю в пышно, но довольно безвкусно обставленной столовой, мы обсудили план дальнейших действий. Впрочем, наша беседа скорее являла собой монолог Фандорина, я же в основном слушал. Подозреваю, что для Эраста Петровича так называемое обсуждение было просто размышлением вслух, а обращения ко мне за мнением или советом следовало считать не более чем фигурами речи.

Правда, начал разговор именно я. Демарш Линда и обретение крыши над головой подействовали на меня самым ободряющим образом, так что от прежнего уныния не осталось и следа.

– Дело кажется мне не таким уж сложным, – объявил я. – Мы отправим письмо с изложением условий обмена и займем наблюдательный пост близ окошка, где выдают корреспонденцию для востребования. Когда появится предъявитель казначейского билета, мы незаметно за ним проследим, и он выведет нас к новому убежищу Линда. Вы сами говорили, что у доктора осталось всего два помощника, так что справимся и сами, без полиции.

На мой взгляд, план был весьма дельный, однако Фандорин взглянул на меня так, будто я сморозил какую-то глупость.

– Вы недооцениваете Линда. Фокус с предъявителем имеет совсем иной смысл. Доктор, конечно, ожидает, что я стану отслеживать его г-

гонца. Линду наверняка уже известно, что я веду собственную игру и что власть мне больше не помогает, а наоборот, за мной охотится. То, о чем знает вся городская полиция, секретом уже не является. Стало быть, Линд думает, что я действую в одиночку. Я буду сидеть на почтамте, высматривая докторова связного, а тем временем кто-то другой высмотрит меня. Ловец сам попадет в ловушку.

– Как же быть? – растерянно спросил я.

– Идти в ловушку. Д-другого способа нет. Ведь у меня есть козырь, о котором Линд не догадывается. Этот козырь – вы.

Я приосанился, потому что, не скрою, слышать такое из уст самодовольного Фандорина было приятно.

– Линд не знает, что у меня есть п-помощник. Я загримирую вас таким хитрым образом, что вы будете похожи – нет, не на Фандорина, а на *загримированного* Фандорина. Мы с вами почти одного роста, и это самое г-главное. Вы существенно корпулентней, но это можно скрыть за счет просторной одежды. Всякий, кто слишком долго будет торчать подле пресловутого окошка, вызовет подозрение, что он-то и есть замаскированный я.

– Однако при этом нетрудно будет опознать и человека Линда – ведь он тоже станет, как вы выразились, «торчать» где-то неподалеку.

– Вовсе необязательно. Люди Линда могут с-меняться. Мы знаем, что у доктора осталось по меньшей мере два помощника. Они меня интересуют почти так же, как сам Линд. Кто они? Как выглядят? Что нам про них известно?

Я пожал плечами:

– Ничего.

– К сожалению, это действительно так. Спрыгнув в подземный склеп усыпальницы, я не успел ничего разглядеть. Как вы, должно быть, помните, на меня сразу накинулся тот увесистый господин, к-которому я был вынужден раздавить шейную артерию. Пока я с ним возился, Линд успел ретироваться, так и сохранив полнейшее инкогнито. Что же все-таки хотела сообщить нам про него Эмилия? «Это...» Что «это»?

Он недовольно поморщился.

– Да что гадать. Про п-помощников же можно сказать только одно. Кто-то из них русский, или во всяком случае много лет прожил в России и в совершенстве владеет языком.

– С чего вы взяли?

Эраст Петрович взглянул на меня с сожалением.

– Текст объявления, Зюкин. По-вашему, иностранец написал бы про

«алмаз яхонтовый»?

Он встал, прошелся по комнате. Достал из кармана нефритовые четки, пощелкал зелеными шариками. Не знаю, откуда эти четки взялись – вероятно, из саквояжа. Оттуда же несомненно появилась и белая рубашка с отложным воротником, и легкий кремовый пиджак. А бутылка виски, подарок мистера Фрейби, перекочевала из саквояжа на буфет.

– Завтра, а в-верней уже сегодня, у нас с Линдом состоится решительное сражение. Мы оба это понимаем – и я, и он. Ничья исключается. Такова уж особенность нашего т-товарообмена: каждый твердо намерен забрать всё, ничем при этом не поступившись. Что такое в нашем случае означала бы «ничья»? Мы с вами спасаем заложников и лишаемся «Орлова». – Фандорин кивнул на саквояж, куда накануне он спрятал камень. – Линд остается жив, я тоже. Это не устраивает ни его, ни меня. Нет, Зюкин, ничьей не будет.

– А вдруг мадемуазель и Михаил Георгиевич уже мертвы? – произнес я вслух то, чего страшился больше всего.

– Нет, они живы, – уверенно заявил Фандорин. – Линд отлично знает, что я не д-дурак – камня не отдам, пока не удостоверюсь в том, что заложники живы. – Он еще разок щелкнул четками и спрятал их в карман. – Стало быть, действуем так. Вы в к-качестве мнимого Фандорина следите за окошком. Люди Линда следят за вами. Истинный Фандорин следит за ними. Всё очень просто, не правда ли?

Его самоуверенность вселила в меня надежду, но в то же время и взбесила. Именно в эту минуту мучительное сомнение, терзавшее меня со вчерашнего вечера, разрешилось: я не стану передавать ему слова Ксении Георгиевны. Господин Фандорин и без того слишком высокого мнения о своей персоне.

Он сел к столу и, немного подумав, набросал несколько строк по-французски. Я смотрел ему через плечо.

Для меня, в отличие от Вас, люди значат больше, чем камни. Вы получите свой алмаз. Сегодня в четыре часа пополудни привозите мальчика и женщину на пустырь, что у поворота с Петербургского шоссе к Петровскому дворцу. Там и совершим обмен. Я буду один. Сколько людей будет с Вами, мне безразлично.

Фандорин.

– Почему именно там и почему в такое странное время? – спросил я.

– Линду п-понравится: глухой предрассветный час, пустынное место. В сущности это не имеет никакого значения. Дело решится раньше... Ложитесь спать, Зюкин. Завтра у нас будет интересный день. А я схожу брошу письмо в почтовый ящик на Почтамте. Корреспонденция, поступившая утром, выдается с трех часов дня. Тогда вы и заступите на свой пост. Но сначала мы п-преобразим вас до неузнаваемости.

От этих слов я поежился. И, как выяснилось, не напрасно.

* * *

Московский почтамт показался мне нехорош, с петербургским и не сравнить – темноватый, тесный, безо всяких удобств для посетителей. Городу с миллионным населением, на мой взгляд, следовало бы обзавестись главной почтовой конторой попрезентабельней. Однако для моих целей убожество этого казенного заведения оказалось очень даже кстати. Из-за скученности и неважного освещения мое бесцельное блуждание по залу меньше бросалось в глаза. Фандорин вырядил меня коллежским советником Министерства земледелия и государственных имуществ, так что смотрелся я важно. К чему бы такому солидному человеку, с чисто выбритыми брылями, подпертыми крахмальным воротничком, столько часов кряду фланировать меж обшарпанных стоек? Несколько раз я как бы ненароком вставал у щербатого зеркала, чтобы незаметнее наблюдать за проходящими. Чего греха таить – хотелось и себя получше разглядеть.

По-моему, обличье особы шестого класса было мне очень даже к лицу. Я словно родился при бархатных, украшенных золотым позументом петлицах и Владимире на шее (орден был всё оттуда же, из саквояжа). Никто из посетителей не пялился на меня с удивлением или недоверием – чиновник как чиновник. Разве что служитель, сидевший в окошке корреспонденции до востребования, со временем стал бросать в мою сторону внимательные взгляды. И то – ведь я маршировал мимо него с трех часов пополудни. А присутственные часы на почтамте в коронационные дни по случаю обилия почтовых отправок были продлены аж до девяти, так что вышагивать мне пришлось долго.

Но служащий-то ладно, оно и Бог бы с ним. Хуже было то, что время шло впустую. Никто из подходивших к окошку не предъявлял казначейских билетов. Никто не вертелся поблизости подозрительно долго. Не заметил я

и того, о чем предупреждал Фандорин: чтобы кто-то выходил из зала, а затем появлялся в нем вторично.

К исходу дня мною понемногу стало овладевать отчаяние. Неужто Линд раскусил наш замысел и всё сорвалось?

А без пяти минут девять, когда на почтамте уже готовились к закрытию, в двери быстрой, деловитой походкой вошел седоусый, осанистый моряк в темно-синей тужурке и фуражке без кокарды – по виду, отставной боцман или кондуктор. Не глядя по сторонам, сразу направился к окну с надписью *Poste restante* и пророкотал сиплым, пропитым голосом:

– Мне тут письмецо полагается. На предъявителя купюры за номером... – Он, порывшись, достал из кармана бумажку, дальнозорко отодвинул ее подальше и прочел. – Один три семь нуль семь восемь восемь пять девять. Есть чего?

Я бесшумно приблизился, тщетно пытаюсь унять дрожь в коленях.

Почтовый пялился на моряка во все глаза.

– Не было таких писем, – произнес он наконец после изрядной паузы. – Ничего такого нынче не поступало.

Как не поступало? – мысленно ахнул я. А куда же оно делось? Неужто я зря здесь битых шесть часов проторчал!

Заворчал и боцман:

– Ишь, гоняют старого человека почему зря. Тьфу!

Сердито зашевелил густыми бровями, провел рукавом по пышным усам и зашагал к выходу.

Ясно было только одно – нужно следовать за ним. На почтамте более оставаться незачем, да и присутствие закончено.

Я выскользнул на улицу и двинулся за стариком, держа внушительную дистанцию. Впрочем, моряк ни разу не оглянулся. Он держал руки в карманах, шел вроде бы не торопясь, вразвалочку, но при этом удивительно ходко – я едва за ним поспевал.

Увлеченный слежкой, я не сразу вспомнил, что по плану мне отведена совсем иная роль – подсадной утки. Нужно было проверить, не идет ли кто за мной. Руководствуясь полученной инструкцией, я вынул из жилетного кармашка часы, в которые Фандорин специально для этой цели вставил маленькое круглое зеркальце, и сделал вид, что разглядываю циферблат.

Вот оно! Сзади, шагах в двадцати, шел подозрительный субъект: высокий, ссутуленный, с поднятым воротником, в широком картузе. Он явно не сводил с меня глаз. На всякий случай, я чуть повернул часы, чтобы осмотреть другую сторону улицы, и обнаружил еще одного, не менее подозрительного – такого же громилу и тоже проявлявшего

недвусмысленный интерес к моей персоне. Неужто клюнуло?

Сразу двое! А может быть, и сам доктор Линд неподалеку?

Видит ли всё это Фандорин? Я-то роль наживки исправно исполнил, теперь дело за ним.

Боцман повернул в переулок. Я – за ним. Те двое – за мной. Сомнений уже не оставалось: они, голубчики, докторовы помощники!

Вдруг моряк свернул в узкую подворотню. Я замедлил шаг, охваченный понятным смятением. Если те двое пойдут за мной, а Фандорин отстал или вообще куда-то отлучился, очень вероятно, что живым мне из этой темной щели не выбраться. Да и старик-то, похоже, не так прост, как показался вначале. Неужто самому лезть в ловушку?

Не сдержавшись, я оглянулся в открытую. В переулке кроме двух бандитов не было ни души. Один сделал вид, что рассматривает вывеску бакалейной лавки, второй со скучающим видом отвернулся. И никакого Эраста Петровича!

Делать было нечего – двинулся в подворотню. Она оказалась длинной: двор, потом еще арка, и еще, и еще. На улице уже начало смеркаться, а здесь и подавно царила темень, но всё же силуэт боцмана я бы разглядел. Только вся штука была в том, что старик исчез, будто под землю провалился!

Не мог он так скоро преодолеть всю эту анфиладу. Разве что припустил бегом, но в этом случае я услышал бы гулкий звук шагов. Или повернул в первый двор?

Я замер на месте.

Вдруг откуда-то сбоку, из темноты, раздался голос Фандорина:

– Да не торчите вы тут, Зюкин. Идите не спеша и держитесь на свету, чтобы они вас видели.

Окончательно перестав что-либо понимать, я послушно зашагал вперед. Откуда взялся Фандорин? И куда делся боцман? Неужто Эраст Петрович уже успел его оглушить и спрятать?

Сзади загрохотали шаги, отдаваясь под низким сводом. Вот они участились, стали приближаться. Кажется, преследователи решили меня догнать?

Тут я услышал сухой щелчок, от которого разом вздыбились волосы на шее. Этаких щелчков я слышался предостаточно, когда заряжал револьверы и взводил курки для Павла Георгиевича – его высочество любит пострелять в тире.

Я обернулся, ожидая грохота и вспышки, но выстрела не последовало.

На фоне освещенного прямоугольника я увидел два силуэта, а потом и

третий. Этот самый третий отделился от стены, с неопишуемой быстротой выбросил вперед длинную ногу, и один из моих преследователей согнулся пополам. Другой проворно развернулся, и я явственно разглядел ствол пистолета, но стремительная тень махнула рукой – снизу вверх, под косым углом – и язык огня метнулся по вертикали, к каменному своду, а сам стрелявший отлетел к стене, сполз по ней наземь и остался сидеть без движения.

– Зюкин, сюда!

Я подбежал, бормоча: «Очисти ны от всякия скверны и спаси души наша». Сам не знаю, что это на меня нашло – верно, от потрясения.

Эраст Петрович склонился над сидящим, чиркнул спичкой.

Тут обнаружилось, что никакой это не Эраст Петрович, а знакомый мне седоусый боцман, и я часто-часто заморгал.

– П-проклятье, – сказал боцман. – Не рассчитал удара. Все из-за этой чертовой темноты. Проломлена носовая перегородка, и кость вошла в мозг. Наповал. Ну-ка, а что с тем?

Он приблизился к первому из бандитов, силившемуся подняться с земли.

– Отлично, этот как огурчик. П-посветите-ка, Афанасий Степанович.

Я зажег спичку. Слабый огонек высветил бессмысленные глаза, хватающие воздух губы.

Боцман, который все-таки был никем иным как Фандориным, присел на корточки, звонко похлопал оглушенного по щекам.

– Где Линд?

Никакого ответа. Только тяжелое дыхание.

– Ou est Lind? Wo ist Lind? Where is Lind? – с перерывами повторил Эраст Петрович на разных языках.

Взгляд лежащего уже был не бессмысленным, а острым и злым. Губы сомкнулись, задергались, вытянулись трубочкой, и в лицо Фандорину полетел плевков.

– Du, Scheissdreck! Küß mich auf... [\[37\]](#)

Хриплый выкрик оборвался, когда Фандорин коротко пырнул смельчака прямой ладонью в горло. Злой блеск в глазах погас, голова глухо стукнулась затылком о землю.

– Вы его убили! – вскричал я в ужасе. – Зачем?

– Он все равно ничего не скажет, а у нас очень м-мало времени.

Эраст Петрович вытер со щеки плевков, стянул с убитого куртку. Бросил ему на грудь что-то белое, маленькое – я толком не разглядел.

– Скорей, Зюкин! Снимите свой мундир, бросьте. Наденьте это.

Он оторвал свои седые усы и брови, швырнул на землю боцманскую тужурку и оказался под ней в полусюртуке с узкими погончиками, на фуражку прицепил кокарду, и я вдруг понял, что фуражка вовсе не морская, а полицейская.

– Вам не хватает шашки, – заметил я. – Полицейский офицер не может быть без шашки.

– Будет вам и шашка. Чуть п-позже. – Фандорин схватил меня за руку и потащил за собой. – Быстрее, Зюкин, быстрее!

Жалко было бросать добротный мундир на землю, и я повесил его на ручку ворот – кому-нибудь пригодится.

Эраст Петрович оглянулся на бегу:

– Орден!

Я снял с шеи Владимира, сунул в карман.

– Куда мы спешим? – крикнул я, бросившись вдогонку.

Ответа не последовало.

Мы выбежали из переулка обратно на Мясницкую, однако перед самым почтамтом повернули в какие-то ворота. За ними оказался узкий каменный двор, в который выходило несколько служебных дверей.

Утащив меня в угол, за большие мусорные ящики, доверху набитые коричневой оберточной бумагой и обрывками шпагата, Фандорин вынул часы.

– Девять минут д-десятого. Быстро управились. Он наверняка еще не выходил.

– Кто он? – спросил я, тяжело дыша. – Линд?

Фандорин сунул руку прямо в мусорный бак, достал оттуда узкий и длинный сверток. Внутри оказались портупея и полицейская шашка.

– Наш знакомый из *Poste restante*. Это он, разве вы не поняли?

– Он – доктор Линд? – поразился я.

– Нет, это человек Линда. Всё оказалось очень просто, проще, чем я предполагал. И загадка с письмами разъясняется. Теперь понятно, почему письма попадали в Эрмитаж без штемпеля. Почтовый служащий, работающий на Линда – назовем этого человека для краткости Почтальоном – просто подкладывал их в мешок с корреспонденцией для Калужской части. И наше с вами сегодняшнее письмо тоже сразу попало к нему в руки. Он з-заметил, как вы курсируете подле окошка и дал знать Линду, а тот подослал своих людей, которые терпеливо д-дожидались вас на улице. Вернее, дожидались они Фандорина, поскольку думали, что это я.

– Но... Но как вы обо всем этом догадались?

Он самодовольно улыбнулся.

– Я сидел в чайной напротив почтамта. Ждал, пока вы выйдете за человеком, который заберет п-письмо. Время шло, а вы всё не выходили. Такая медлительность со стороны Линда показалась мне странной. Ведь он заинтересован во встрече не меньше, чем я. Из входивших в почтамт никто там долго не задерживался и никого подозрительного я не заметил. Интересное началось с появления двух известных вам господ, которые прибыли без четверти четыре. Причем пришли они вместе, а затем разделились. Один сел в моей чайной, через два стола, попросив по-немецки место подле окна. Г-глаз не сводил с дверей почтамта, по сторонам не смотрел вовсе. Второй на минутку заглянул в здание и присоединился к первому. Получалось, что вы обнаружены, однако интереса к содержанию письма люди Линда почему-то не проявляют. Я думал об этом довольно долго и в конце у меня возникла г-гипотеза. Перед самым закрытием я отправился ее проверить. Вы видели, как Почтальон на меня уставился, когда я назвался предъявителем казначейского билета? Это явилось для него полнейшей неожиданностью, поскольку никакого предъявителя быть не могло – уж он-то это знал доподлинно. Почтальон не совладал с мимикой и тем самым себя выдал. Надо полагать, что он-то и есть русский помощник доктора, составивший игривое объявление в газету. Именно Почтальон и выведет нас к Линду.

– А что, если, встревоженный явлением загадочного боцмана, он уже побежал предупредить доктора?

Фандорин посмотрел на меня, как на неразумного младенца.

– Скажите, Зюкин, вам когда-нибудь доводилось получать письма до востребования? Нет? Оно и видно. Почта хранит письмо или посылку в течение трех дней бесплатно, а затем начинает начислять пеню.

Я подумал-подумал, но не обнаружил в этом обстоятельстве никакой связи с высказанным мною опасением.

– Ну и что?

– А то, – терпеливо вздохнул Эраст Петрович, – что там, где принимают плату, существует финансовая отчетность. Наш с вами приятель не может уйти, пока не отчитается и не сдаст кассу – это выглядело бы чересчур подозрительно. Вон та дверь – служебный выход. Минут через пять, самое позднее, через десять, Почтальон выйдет оттуда и очень быстро отправится напрямик к Линду. А мы пристроимся за ним. Очень надеюсь, что больше у д-доктора помощников не осталось. Очень уж они мне надоели.

– Зачем вы убили того немца? – вспомнил я. – Только за то, что он в вас плюнул? Ведь он был оглушен, беспомощен!

Фандорин удивился:

– Я вижу, Зюкин, вы меня считаете монстром почище Линда. С какой стати я стал бы его убивать? Не г-говоря уж о том, что это ценный свидетель. Я всего лишь усыпил его, и надолго, часа на четыре. Полагаю, этого времени хватит, чтобы обоих г-голубчиков нашла полиция. Разве не интересная находка: труп и рядом человек без сознания с револьвером в кармане. А я еще и оставил свою визитную карточку с припиской «Это человек Линда».

Я вспомнил белую бумажку, которую Фандорин бросил бандиту на грудь.

– Может быть, Карнович с Ласовским из него что-нибудь и вытрясут. Хоть и м-маловероятно – среди помощников Линда предателей не водится. Во всяком случае, полиция усомнится в том, что мы с вами воры, а это уже неплохо.

Последнее соображение прозвучало весьма здраво, и я хотел сказать об этом Фандорину, но он с вопиющей бесцеремонностью зажал мне ладонью рот.

– Тихо!

С силой распахнулась узкая дверь, и во двор вышел, даже почти выбежал знакомый служитель, только в форменной фуражке и с папочкой подмышкой. Мелкими шагами просеменил мимо мусорных ящиков, повернул в арку.

– Спешит, – шепнул Эраст Петрович. – Это очень хорошо. Значит, протелефонировать не сумел или же некуда. Интересно, как он известил Линда о вашем приходе? Запиской? Тогда получается, что логово доктора где-то совсем недалеко. Всё, пора!

Мы быстро вышли на улицу. Я заозирался по сторонам, высматривая свободного извозчика: ведь если Почтальон спешит, то непременно возьмет коляску. Но нет – стремительная фигура в черном почтовом мундире пересекла бульвар, нырнула в узкую улочку. Стало быть, догадка Эраста Петровича верна, и Линд где-то неподалеку?

Не останавливаясь, Фандорин велел:

– Отстаньте от меня саженой на десять и держите дистанцию. Только не б-бегите.

Легко сказать «не бегите»! Сам Эраст Петрович каким-то чудом умудрялся вышагивать споро, но без видимой спешки, а вот мне пришлось передвигаться на манер подстреленного зайца: шагов двадцать пройду, потом немножко пробежусь; пройду – пробежусь. Иначе отстал бы. Уже почти совсем стемнело, и это было кстати – не то, боюсь, мои странные

маневры привлекли бы внимание редких прохожих.

Почтальон немного попетлял по переулкам и вдруг остановился у маленького деревянного особнячка, выходящего дверью прямо на тротуар. В одном из зашторенных окон горел свет – дома кто-то был. Но звонить Почтальон не стал. Открыл дверь ключом и прошмыгнул внутрь.

– Что будем делать? – спросил я, догоняя Фандорина.

Он взял меня за локоть, отвел подальше от домика.

– Не знаю. Д-давайте прикинем. – В свете фонаря было видно, как гладкий лоб под лаковым козырьком полицейской фуражки собирается морщинами. – Возможностей несколько. Первая. Доктор Линд и заложники здесь. Тогда нужно наблюдать за окнами и ждать. Если станут уходить – нанесем удар. Вторая возможность. Здесь только Линд, а Эмилия и мальчик где-то в другом месте. Всё равно нужно ждать, пока он выйдет, и следовать за ним, пока доктор не выведет нас к заложникам. Третья возможность. Здесь нет ни Линда, ни п-пленников, а только Почтальон и его семейство – кто-то ведь все-таки в доме был? В этом случае к Почтальону от Линда должны прийти. Вряд ли в этом домишке имеется телефонная связь. Стало быть, опять-таки требуется подождать. Посмотрим, кто придет, и далее будем действовать сообразно обстоятельствам. Итак, имеется три варианта, и при каждом понадобится ждать. Д-давайте устраиваться поудобнее – ожидание может затянуться. – Эраст Петрович посмотрел вокруг. – Вот что, Зюкин, пригоните-ка с бульвара извозчика. Не говорите, куда ехать. Скажите только, что нанимаете его надолго и что получит он щедро. А я пока присмотрю местечко поудобней.

Когда четверть часа спустя я подъехал к тому же углу на ваньке, Фандорин вышел к нам из густой тени. Поправляя портупею, сказал строгим, начальственным голосом:

– Бляха № 345? Всю ночь будешь с нами. Секретное дело. За труды получишь четвертную. Отъедешь вон в ту подворотню и жди. Да не спи у меня, вологда! Понятно?

– Понятно, чего ж непонятного? – бойко ответил извозчик, молодой мужик со смышленным курносым лицом. Как Фандорин догадался по его виду, что он вологодский, я не понял – но ванька и в самом деле всюсю налегал на «о».

– Идемте, Афанасий Степанович, удобнейшее место п-присмотрел.

Напротив того самого домика стоял особняк повнушительней, обнесенный решетчатым палисадником. Эраст Петрович в два счета перемахнул через изгородь и жестом велел мне последовать его примеру. По сравнению с оградой Нескучного сада это были сущие пустяки.

– Ну как, недурно? – с гордостью спросил Фандорин, показывая на противоположную сторону переулка.

Вид на Почтальонов дом и в самом деле открывался идеальный, но «удобнейшим» наш наблюдательный пункт мог назвать разве что завсегдатай мазохистического (если я правильно запомнил это слово) кабинета из клуба «Элизиум». За палисадником оказались густые и колючие кусты, сразу же начавшие цепляться за мою одежду и расцарапавшие мне лоб. Я закричал, пытаюсь высвободить локоть. Неужели придется сидеть тут всю ночь?

– Ничего, – бодро шепнул Фандорин. – Китайцы говорят: «Благородный муж не стремится к уюту». Давайте смотреть на окна.

И мы стали смотреть на окна.

Правду сказать, ничего примечательного я там не увидел – только пару раз по шторам мелькнула неясная тень.

В других домах окна давно уже погасли, а обитатели нашего, похоже, спать не собирались – но это единственное, что могло показаться подозрительным.

– А если четвертая? – спросил я часа два спустя.

– Что четвертая?

– Возможность.

– Это какая же?

– Что, если вы ошиблись и почтовый служащий никакого отношения к Линду не имеет?

– Исключено, – что-то слишком сердито прошипел Фандорин. – Непременно имеет. И обязательно выведет нас к самому д-доктору.

Вашими бы устами да мед пить, пришла мне на ум народная поговорка, но я промолчал.

Прошло еще с полчаса. Я стал думать о том, что впервые в жизни, кажется, потерял счет дням. Что сегодня – пятница или суббота, семнадцатое или восемнадцатое? Не то чтобы это было так уж важно, но я почему-то никак не мог успокоиться. Наконец, не выдержав, спросил шепотом:

– Сегодня семнадцатое?

Фандорин достал брегет, блеснули фосфорические стрелки.

– Уже пять минут как в-восемнадцатое.

18 мая

День накануне был теплый, да и вечер тоже, однако после нескольких часов неподвижного сидения я порядком продрог. Застучали зубы, онемели ноги, а надежды на полезный исход нашего ночного бдения уже почти не оставалось. Фандорин сохранял полнейшую невозмутимость – более того, за все время ни разу не пошевелился, так что у меня возникло подозрение, уж не спит ли он с открытыми глазами. Сильнее всего меня раздражало умиротворенное, я бы даже сказал благодушное выражение его лица, будто он сидел и слушал волшебную музыку или пение райских птиц.

Вдруг, когда я уже всерьез начал подумывать, не взбунтоваться ли, Эраст Петрович, не меняя благостной мины, прошептал:

– Внимание.

Я встрепнулся, однако никаких особенных перемен не заметил. В доме напротив по-прежнему горели два окна. Ни движения, ни звуков.

Я снова взглянул на соседа и увидел, что он еще не вышел из сна, забытья, мечтательности – в общем, своего странного транса.

– Сейчас выйдут, – тихо сказал он.

– Да с чего вы взяли?

– Я слился с домом в одно существо, дал дому проникнуть в себя и стал слышать его д-дыхание, – с самым серьезным видом заявил Эраст Петрович. – Есть такая восточная м-методика. Долго рассказывать. Но с минуту назад дом начал скрипеть и покачиваться. Он г-готовится исторгнуть из себя людей.

Трудно было сразу понять, шутит Фандорин или же начал заговариваться. Я склонялся ко второму, потому что для шутки выходило слишком уж несмешно.

– Господин Фандорин, вы спите? – осторожно поинтересовался я, и в этот самый миг окна вдруг погасли.

Полминуты спустя дверь открылась, и вышли двое.

– В доме никого не осталось, он п-пуст, – медленно проговорил Фандорин, а потом внезапно схватил меня за локоть и скороговоркой прошептал. – Это Линд, Линд, Линд!

Я испуганно дернул головой и увидел, что Эраст Петрович совершенно переменился: лицо напряженное, глаза сосредоточенно прищурены.

Неужели и вправду Линд?

Один из вышедших был Почтальон – я узнал фигуру и фуражку. Второй был среднего роста, в перекинутом через плечо длинном плаще навроде альмавивы и калабрийской шляпе с низко провисающими полями.

– Второй, – шепнул Фандорин, пребольно стиснув мне локоть.

– А? Что? – растерянно пролепетал я.

– Второй вариант. Линд здесь, а заложники где-то в другом месте.

– А вы уверены, что это именно Линд?

– Никаких сомнений. Точные, скупые и в то же время изящные движения. Манера надевать шляпу. Наконец, походка. Это он.

Я спросил не без дрожи в голосе:

– Будем брать?

– Вы всё забыли, Зюкин. Брать Линда мы стали бы, если бы он вышел с заложниками, при первом варианте. А это второй. Мы следуем за доктором, он выведет нас к мальчику и Эмили.

– А если...

Эраст Петрович снова, как давеча, зажал мне ладонью рот – человек в длинном плаще оглянулся, хотя говорили мы шепотом и услышать нас он не мог.

Я сердито оттолкнул руку Фандорина и все-таки задал свой вопрос:

– А если они идут вовсе не к заложникам?

– Время – пять минут четвертого, – ни к селу ни к городу ответил на это он.

– Я вас не о времени спрашивал, – разозлился я на его увертливость. – Вы всё время делаете из меня...

– Разве вы забыли, – перебил Фандорин, – что мы назначили доктору свидание в четыре часа утра? Если Линд хочет быть пунктуальным, ему нужно поскорее забрать пленников и успеть на п-пустырь к Петровскому дворцу.

Судя по тому, что Эраст Петрович снова стал заикаться, его напряжение несколько ослабло. И я отчего-то тоже вдруг перестал дрожать и злиться.

Едва Линд (если это и в самом деле был он) и Почтальон повернули за угол, как мы разом перемахнули через палисадник. Я мимоходом подумал, что никогда, даже в детстве, столько не лазил через заборы, как за время знакомства с господином Фандориным. Правильно говорят в народе: с кем поведешься, от того и наберешься.

– Садитесь в коляску и тихонько поезжайте за мной, – инструктировал меня на ходу Эраст Петрович. – Перед каждым углом вылезайте и осторожно в-выглядывайте. Я буду подавать вам знак – заворачивать или

выждать.

Именно таким неспешным манером мы достигли бульвара, где Фандорин вдруг замахал, чтобы мы подъезжали.

– Взяли извозчика, едут к Сретенке, – сообщил он, садясь рядом со мной. – Давай, вологда, следом. Только не прижимайся.

Довольно долго мы ехали вдоль вереницы бульваров, то резво катясь под горку, то переходя на подъем. Несмотря на глухую ночную пору, улица не была пуста. По тротуару, оживленно переговариваясь, шли группки прохожих, а несколько раз нас обогнали экипажи. В Петербурге любят пошутить над Первопрестольной, которая якобы укладывается почивать с сумерек, а выходило, что это совсем неправда. В четвертом часу ночи и на Невском столько прохожих не увидишь.

Мы ехали все прямо, и повернули только один раз, перед памятником Пушкину – на большую улицу, которую я сразу узнал: Тверская. Отсюда до Петровского дворца было по прямой версты три-четыре. Тем же самым путем, только в обратном направлении, проследовал высочайший кортеж во время торжественного въезда в древнюю столицу.

На Тверской людей и колясок стало еще больше, причем все двигались в ту же сторону, что и мы.

Это показалось мне очень странным, однако думал я совсем о другом.

– Послушайте, они никуда не заезжают! – наконец, не выдержал я. – Мне кажется, они едут прямо к месту встречи!

Фандорин молчал. В тусклом свете газовых фонарей его лицо казалось белым и безжизненным.

– Может быть, у Линда все-таки остались сообщники, и заложников доставят п-прямо к условленному месту? – после изрядной паузы вымолвил он, но его всегдашний апломб куда-то подевался.

– А если их уже... – я не смог выговорить страшную мысль до конца.

Эраст Петрович ответил медленно и тихо, но так, что у меня мороз пробежал по коже:

– Тогда, по крайней мере, у нас остается Линд.

За Триумфальными воротами и Александровским вокзалом разрозненные группы прохожих слились в сплошной поток, заполонивший и мостовую – наша лошадь поневоле перешла на шаг. Правда, и коляска Линда двигалась не быстрее – я все время видел впереди, поверх опущенного кожаного фартука, два головных убора: вислую шляпу доктора и фуражку Почтальона.

– Господи, нынче ведь восемнадцатое! – Я аж подскочил на сиденье, вспомнив, что это за число. – Господин Фандорин, со встречей на пустыре

ничего не получится! За всеми этими заботами я совсем забыл про коронационный календарь! На субботу, восемнадцатое мая, назначены народные гуляния напротив Петровского дворца, с угощением и раздачей памятных подарков. Какой пустырь! Там сейчас, поди, сто тысяч народу!

– Черт! – нервно выругался Фандорин. – И я этого тоже не учел. Да и не думал, что встреча состоится. Написал первое, что взбрело в голову. Непростительная оплошность!

Со всех сторон слышались возбужденные, а отчасти и нетрезвые голоса, веселый смех. Публика по большей части была самая простая. Оно и понятно – зрителей почище на дармовые пряники и сбить на заманишь, а если и пожалуют из любопытства, то на трибуны, куда вход по билетам. В прошлую коронацию, говорят, на гуляние собралось до трехсот тысяч народу, а нынче, надо полагать, придет и еще больше. Вон, с ночи уже потянулись.

– А что, господа полицейские, правду говорят, будто каждому подорят кружку оловянную с орлом, и ажно до самых краев казенной нальют? – спросил извозчик, поворачивая к нам оживленную, круглую физиономию. Видно, и ему передалось настроение праздничной толпы.

– Стой, – приказал Эраст Петрович.

Я увидел, что пролетка Линда остановилась, хотя до поворота к Петровскому дворцу было еще порядком.

– Выходят! – воскликнул я.

Фандорин сунул ваньке ассигнацию, и мы, расталкивая неторопливых мещан, рванулись вперед.

Было темно, хоть сквозь облака и просвечивала половинка луны. Поэтому мы решились подобраться поближе, шагов на десять. На поле слева от дороги и справа, за кустами, горели костры, так что оба силуэта – один чуть повыше, второй ниже, были отчетливо видны.

– Только бы не упустить, – как заклинание, повторял я.

В эти минуты я словно забыл о его высочестве и мадемуазель Деклик. Какой-то древний, могучий инстинкт, никак не связанный с жалостью и более сильный, чем страх, заставлял сердце биться часто, но ровно. Никогда не понимал прелестей охоты, а тут вдруг подумал: верно, что-нибудь подобное испытывают гончие, когда свора рвется с поводков травить волка.

Мы шли уже в самой настоящей толчее, будто по Невскому в разгар дня. Время от времени приходилось и локтями поработать. Вперед вылез здоровенный детина из фабричных и заслонил обзор. Я кое-как подлез фабричному под локоть, протиснулся, и вдруг охнул от нестерпимого

ужаса. Линд и Почтальон исчезли!

Я в отчаянии оглянулся на Фандорина. Тот вытянулся во весь рост и, по-моему, даже привстал на цыпочки, озираясь по сторонам.

– Что делать? – крикнул я. – Боже мой, что делать?

– Вы направо, я налево, – приказал он.

Я бросился к обочине. На траве большими и малыми кучками сидели люди. Кто-то бесцельно бродил между деревьев, вдали нестройно пели хором. С моей стороны Линда не было. Я метнулся обратно на дорогу и столкнулся с Эрастом Петровичем, проталкивавшимся мне навстречу.

– Упустили... – понял я.

Всё было кончено. Я закрыл руками лицо, чтобы не видеть толпы, костров, темно-сизого неба.

Фандорин нетерпеливо потряс меня за плечо.

– Не раскисайте, Зюкин. Вон пустырь, где назначена встреча. Будем ходить, искать и ждать рассвета. Никуда Линд не денется. Мы нужны ему не меньше, чем он нам.

Он был прав, и я постарался взять себя в руки, сосредоточиться.

– Камень, – сказал я, вдруг забеспокоившись. – Вы не потеряли камень?

Только бы вернуть их живыми, а там будь что будет – вот о чем подумалось мне в эту минуту.

– Нет, он здесь. – Фандорин похлопал себя по груди.

Нас толкали со всех сторон, и он крепко взял меня под руку.

– Вы, Зюкин, смотрите направо, я налево. Идем медленно. Увидите тех, к-кого ищем, не кричите – просто толкните меня в бок.

Доселе мне никогда не доводилось ходить с мужчиной под руку. Собственно, и с женщиной тоже, если не считать одной давней истории, когда я был еще совсем зелен и глуп. Не стану вспоминать – право, история того не стоит.

В мае ночи коротки, и по небу на востоке уже пролегла розовая полоса, а сумерки понемногу начинали редеть. Петровский пустырь, да и вообще всё обозримое пространство, были покрыты сидящими, лежащими и гуляющими. Было видно, что многие расположились здесь еще с вечера, и у костров становилось всё теснее. Под ногами то и дело попадались пустые бутылки. А по шоссе от Москвы сплошным потоком прибывали все новые толпы.

Слева, за шлагбаумами и цепочкой солдат, раскинулось широкое поле, сплошь застроенное праздничными балаганами и свежесрубленными теремами. Там-то, вероятно, и хранились царские гостинцы. Я поежился,

представив, какое столпотворение здесь начнется через несколько часов, когда истомившееся от многочасового ожидания людское море хлынет за рогатки.

Мы бродили от шлагбаумов до дворца и обратно – раз, другой, третий. Уже давно рассвело, и с каждым разом пробираться через густеющее скопище делалось все труднее и труднее. Я беспрестанно вертел головой, оглядывая порученную мне половину пустыря, и изо всех сил боролся с подступавшим отчаянием.

Где-то вдали труба голосисто отыграла «зарю», и я вспомнил, что неподалеку находятся Ходынские военные лагеря.

Верно, семь часов, подумал я, стараясь припомнить, во сколько бывает побудка. И в ту же секунду вдруг увидел впереди знакомую калабрийскую шляпу и рядом чиновничью фуражку.

– Вон они! – возопил я, изо всех сил дернув Фандорина за рукав. – Слава Богу!

Почтальон обернулся, увидел меня и крикнул:

– Зюкин!

Его спутник на миг обернулся – я успел разглядеть только очки и бороду, и оба нырнули в самую гущу, теснившуюся в непосредственной близости от шлагбаумов.

– За ними! – бешено подтолкнул меня Эраст Петрович.

Впереди стоял какой-то тучный купчина, никак не желавший уступать дорогу. Фандорин без малейших колебаний схватил его одной рукой за ворот, другой – за полу длинного сюртука, приподнял и отшвырнул в сторону.

Мы ринулись через толпу – Эраст Петрович впереди, я за ним. Он рассекал людскую массу, как адмиральский катер морские волны, только буруны расходились в обе стороны. Время от времени Фандорин удивительно высоко подпрыгивал – очевидно, для того, чтобы снова не потерять Линда из виду.

– Они проталкиваются к Ходынскому полю! – крикнул мне Эраст Петрович. – Это просто отлично! Там нет толпы, зато много полицейских!

Сейчас, сейчас мы их возьмем, понял я, и мои силы удесятились. Я поравнялся с Фандориным и гаркнул:

– А ну дорогу!

Ближе к ограждению самые предусмотрительные и долготерпеливые стояли впритык друг к другу, так что наше продвижение замедлилось.

– Посторонись! – рявкнул я. – Полиция!

– Ишь, хитрый какой!

Мне так двинули в бок, что потемнело в глазах и перехватило дыхание.

Эраст Петрович вынул полицейский свисток и дунул – от резкого звука толпа шарахнулась в стороны, и несколько шагов мы преодолели с относительной легкостью, но затем чуйки, тужурки и рубахи навывпуск снова сомкнулись.

До Линда и Почтальона было рукой подать. Вот они нырнули под рогатку и оказались на открытом месте, перед самым оцеплением. Ага, попались!

Я видел, как шляпа наклоняется к фуражке и что-то ей шепчет.

Почтальон обернулся, замахал руками и зычно крикнул:

– Православные! Гляди! С той стороны ваганьковские валят! Прорвались! Все кружки им достанутся! Вперед, ребята!

Единый рев вырвался из тысячи глоток.

– Ишь, хитрые! Мы с ночи тут, а они надарма! Врешь!

Меня вдруг подхватило и понесло вперед с такой неудержимой силой, что я перестал касаться ногами земли. Всё вокруг пришло в движение, и каждый заработал локтями, пробиваясь к шатрам и павильонам.

Впереди раздались залиvistые свистки, выстрелы в воздух.

Кто-то прогудел в рупор:

– Куда, куда?! Передавитесь все!

Множество глоток весело ответили:

– Не бойсь, ваш благородь! Робя, навали!

Отчаянно завизжала женщина.

Я кое-как нащупал ногами землю и засеменил в такт движению толпы. Фандорина рядом уже не было – его отнесло куда-то вбок. Я чуть не споткнулся, наступив на мягкое, и не сразу понял, что это человек. Под ногами белела затоптанная солдатская гимнастерка, но помочь упавшему было невозможно – мои руки были тесно прижаты.

Потом тела стали попадаться всё чаще, и я уже думал только об одном: не дай Бог оступиться – уже нипочем не поднимешься. Слева кто-то бежал прямо по плечам и головам, мелькали черные, дегтярные сапоги. Покачнулся, взмахнул руками и ухнул вниз.

Меня несло прямо на острый, весь в свежих занозах угол дощатого терема. Я попробовал чуть взять в сторону – но какой там.

– Прими! – крикнули справа. – Прими малого!

Там на вытянутых руках передавали мальчонку лет восьми. Он испуганно таращился по сторонам, шмыгая окровавленным носом.

Меня швырнуло на стену, проволокло щекой прямо по занозам, так что из глаз брызнули слезы, ударило виском о резной наличник, и я стал

сползать вниз, успев подумать: всё, конец, сейчас сомнут.

Кто-то крепко зацепил меня подмышки и рывком поставил на ноги. Фандорин. Я был в таком сомнении, что ничуть не удивился его появлению.

– Упритесь руками в стену! – крикнул он. – Не то раздавят!

Размахнулся и одним ударом кулака выбил узорчатый ставень. Подхватил меня за бока и с невероятной силой подтолкнул вверх – я не столько даже перелез, сколько перелетел через подоконник и грохнулся на пол, пахнувший свежей стружкой. Вокруг ровными пирамидами стояли груды коронационных кружек. Подтянувшись, в терем влез и Эраст Петрович. Его бровь была разбита, мундир растерзан, шашка до половины вылезла из ножен.

Неужто спасены?

Я выглянул в окошко и увидел, что поле сплошь запружено обезумевшей толпой. Крики, стоны, хруст, хохот – всё сливалось воедино. Здесь, пожалуй, было не сто тысяч, а целый миллион! Из-за клубов пыли воздух посверкивал и колыхался, будто жирный густой бульон.

В соседний балаган тоже влезли и стали кидать в окно кружки и мешочки с гостинцами. У стены немедленно началась свалка.

– Господи, спаси люди твоя, – вырвалось у меня, и рука сама потянулась креститься.

– А вы что? – крикнули нам снизу. – Кружки кидай! Вино есть?

Терем затрепал, с потолка посыпалась труха. Я закричал от ужаса, видя, как наше хлипкое убежище рассыпается на части. Что-то стукнуло меня по темени, и я с некоторым даже облегчением лишился чувств.

* * *

Не знаю, кто и как меня вытащил меня из-под обломков, а после вынес в безопасное место. Вероятнее всего, спасением я был вновь обязан Фандорину, хоть думать об этом и неприятно.

Так или иначе, в себя я пришел на деревянной трибуне, расположенной за краем Ходынского поля. Солнце уже стояло высоко в небе. Я приподнял голову, тут же снова опустил ее и ударился затылком о жесткую скамью.

Кое-как сел, ощупал гулкую, словно бы не совсем свою голову. Сверху обнаружилась нешуточная шишка, но в остальном я, кажется, остался более или менее цел.

Фандорина видно не было. Я находился как бы в полусне и не мог

избавиться от металлического звона в ушах.

Первым делом обвел взглядом бескрайнее поле. Увидел покосившиеся балаганы, густые цепи солдат, медленно двигавшиеся по траве. Повсюду – почти вплотную – лежали тела: многие были неподвижны, но некоторые шевелились. Смотреть на это копошение было мучительно, а в висках шумело, и глаза слепли от яркого солнца. Я ткнулся головой в скрещенные руки и не то уснул, не то впал в забытие. Не знаю, сколько я так просидел, опершись о бортик трибуны, но, когда проснулся вновь, было уже далеко за полдень, а поле опустело – ни солдат, ни тел.

Голова болела меньше, но зато очень хотелось пить.

Я посидел, вяло соображая, надо ли куда-то идти или лучше оставаться на месте.

Остался – и правильно сделал, потому что вскоре появился Эраст Петрович.

Он был по-прежнему в полицейском мундире, только сапоги совсем запылились, и белые перчатки почернели от земли.

– Ожили? – мрачно спросил он. – Господи, Зюкин, какое несчастье. Я т-такое видел только под Плевной. Тысячи убитых и покалеченных. Это худшее из злодеяний Линда. Он, как древний царек, уложил с собой в могилу целую армию рабов.

– Так Линд тоже растоптан? – без особого интереса спросил я, всё еще не избавившись от сонной одури.

– Не представляю, как он мог бы уцелеть в такой д-давке. Впрочем, сейчас проверим. Солдаты и полиция как раз закончили выкладывать раздавленных для опознания – там, вдоль дороги. Вереница трупов длиной чуть не в версту. Но как его опознать, ведь мы даже не знаем доктора в лицо? Разве что по плащу... Идемте, Зюкин, идемте.

Я, прихрамывая, поплелся за ним.

Вдоль шоссе и в самом деле была выложена шеренга покойников – в обе стороны, сколько хватало глаз. Из Москвы вереницей тянулись извозчицьи пролетки и телеги – убитых было велено свозить на Ваганьковское кладбище, однако перевозка еще не началась.

Повсюду расхаживали хмурые начальники – военные, полицейские, статские; каждого сопровождала свита. Ох, и будет вам всем за срыв коронации, без злорадства, а скорее с сочувствием подумал я. Побойще устроил Линд, а расплачиваться ответственным лицам.

Странное у меня было ощущение, когда я медленно брел вдоль обочины – будто я некая высокая особа, принимающая парад мертвецов. Многие из них белозубо скалились на меня совершенно плоскими,

расплюснутыми лицами. Я и с самого начала был какой-то замороженный, а вскоре и вовсе одеревенел, что, наверное, и к лучшему. Только раз остановился подле того самого мальчишки, которого давеча пытались вынести из толкучки на руках, да, видно, не вышло. С тупым любопытством посмотрел, как прозрачно голубеют его широко раскрытые глаза, и заковылял дальше. Таких, как мы с Фандориным, вглядывавшихся в мертвые лица, было довольно много – кто искал родных, кто просто любопытствовал.

– Гляди-ка, гляди, – услышал я. – Ишь, обогател.

Возле одного покойника собралась кучка зевак и стоял городской. Покойник как покойник – щуплый, с соломенными волосами и раздавленным носом, только на груди выложено с дюжину кошельков и несколько часов на цепочке.

– Фармазонщик, – объяснил мне бойкий старичок и сожалеюще поцокал. – И его, ворюгу, судьба-индейка не пожалела. А какой уловный денек обещался.

Впереди кто-то завыл страшным голосом – видно, узнал своего, и я поспешил поскорее пройти мимо.

Быстро просеменил шагов на двадцать, и вдруг отупение как рукой сняло. Знакомый черный сюртук!

Да, это точно был он, Почтальон!

Фандорин тоже увидел его и быстро подошел, присел на корточки.

Лицо доктора помощника было совершенно цело, лишь на щеке отпечаталась подошва чьего-то сапога. Меня поразило выражение крайнего изумления, застывшее на неподвижных чертах. Чему это, интересно, он так удивился в последний миг своей преступной жизни? Что такого невероятного увидел? Разверзшуюся бездну ада?

Эраст Петрович резко выпрямился и хрипло проговорил:

– Линд жив!

Видя, как у меня недоуменно полезли вверх брови, он нагнулся, раздвинул на груди трупа мокрую от крови одежду, расстегнул рубашку и обнажил бледную волосатую грудь. Под левым соском чернела аккуратная треугольная ранка.

– Так и есть, – тихо вымолвил Фандорин. – Знакомый след. Это стилет Линда. Доктор верен себе – свидетелей не оставляет. – Он выпрямился и повернул голову в сторону Москвы. – Едем, Зюкин, здесь нам больше делать нечего. Скорей!

И быстрым шагом, почти бегом устремился по направлению к Петровскому дворцу.

– Куда вы? – крикнул я, догоняя.

– Как куда? В дом Почтальона! Может быть, Линд еще там. Ведь он не знает, что мы раскрыли его убежище!

Однако не пешком же было добираться до Москвы, а между тем все извозчики были мобилизованы полицией на перевозку убитых – раненых развезли по больницам еще утром. Упряжки отъезжали в сторону Тверской заставы одна за другой, и в каждой лежал скорбный груз.

Мимо, сопровождаемый кучкой синих мундиров, прошел обер-полицмейстер Ласовский. Я поспешно отвернул лицо, и лишь потом сообразил, что в моем нынешнем виде узнать меня было бы мудрено. Не говоря уж о том, что вряд ли полковник сейчас вспомнил бы о каком-то Афанасии Зюкине. Похищение Михаила Георгиевича и даже исчезновение «Орлова» меркли по сравнению со случившейся трагедией. Уж такой напасти с новым государем на Руси не приключалось по меньшей мере с 14 декабря 1825 года. Господи, какой всемирный скандал! А какое чудовищное предзнаменование для грядущего царствования!

Лицо у обер-полицмейстера было бледное и несчастное. Еще бы – с него главный спрос. Отставкой не отделается. По всем установлениям за устройство коронационных торжеств отвечает московский генерал-губернатор, но не отдавать же под суд дядю его императорского величества? А судить кого-то из местного начальства нужно. Зачем не предусмотрели, что будет столько народу? Почему выставили такой хлипкий кордон?

Фандорин вытянулся в струнку, лихо отсалютовав полицейскому начальству, но Ласовский даже не взглянул в его сторону.

– Отлично, – вполголоса сказал мне Эраст Петрович. – Вот и экипаж.

Я увидел поодаль знаменитую обер-полицмейстерскую пролетку, запряженную парой вороных рысаков. На козлах важно восседал кучер Сычов, частенько поминаемый московскими газетами в связи с ежедневными разъездами неугомонного полицейского начальника в поисках нетрезвых дворников и нерадивых городских.

Эраст Петрович подхватил шашку и, молодецкато звеня шпорами, бегом бросился к экипажу.

– Срочное донесение! – крикнул он кучеру, с разбега впрыгивая в пролетку. – Давай, Сычов, не спи! Приказ господина обер-полицмейстера! – Обернулся ко мне и откозырял. – Ваше превосходительство, умоляю, скорей!

Кучер оглянулся на деловитого офицера, посмотрел на меня. Хоть на мне и была простая куртка, снятая с немецкого разбойника, Сычов, кажется, не особенно удивился. Такой уж сумасшедший день, что невесть кого велят на обер-полицмейстерской паре возить.

– Пучьте г-глаза, – шепнул Фандорин, усаживаясь напротив. – Вы – большая фигура. Черт-те кого в этой коляске не повезут.

Я приосанился и, как подобает истинно значительной особе, стал смотреть немножко в сторону и вверх, а лоб собрал государственными морщинами. Уж, слава Богу, повидал на своем веку министров и генералов.

– Гони, Сычов, гони! – гаркнул Эраст Петрович, ткнув чинного возницу в ватную спину.

Кучер суетливо тряхнул вожжами, чудо-кони дружно запустили рысью, и коляска закачалась на мягких рессорах.

Время от времени Сычов басисто взрыкивал:

– Па-берегись!

Замелькали побеленные стволы придорожных тополей. Унылая вереница повозок, укрытых рогожами, все быстрее уплывала назад. Прохожие поворачивались и смотрели (во всяком случае, так мне казалось) со страхом и надеждой. Полицейские брали под козырек.

У Александровского вокзала Фандорин велел кучеру остановиться. Мы вылезли, Эраст Петрович бросил на кожаное сиденье свою визитную карточку и махнул, чтобы Сычов ехал обратно.

Пересели на лихача, помчали в сторону Мясницкой.

– Что там на Ходынке-то, ваше благородие? – обернулся извозчик. – Бают, жида в казенное вино дурман-травы подсыпали, и через это народ в

изумление вошел, до ста тыщ православных передавали. Правда ай нет?

– Врут, – коротко ответил Эраст Петрович. – Погоняй, погоняй!

Мы влетели в знакомый переулок с грохотом и лязгом. Соскочив наземь, Фандорин властно махнул дворнику.

– Кто проживает вон в том нумере? – и показал на дом Почтальона.

– Чиновник с пошты господин Терещенко Иван Захарович! – отрапортовал дворник, взяв метлой на караул.

– Из отставных? – строго спросил Эраст Петрович.

– Так точно, ваше благородие! Ефрейтор его императорского высочества принца Генриха Прусского шестого драгунского полка Федор Свищ!

– Вот что, Свищ. Мы вот с этим господином приехали произвести арестование этого самого Терещенки. На тебе свисток. Обойдешь дом со двора и гляди на окна в оба. Если полезет – свисти что есть мочи. Понял?

– Так точно, ваше благородие!

– Да постой ты! – крикнул Фандорин вслед бывшему ефрейтору, уже кинувшемуся выполнять приказ. – У тебя лом есть? Принеси, а потом давай на пост.

На крыльце мы встали так, чтобы нас не было видно из окон.

Эраст Петрович позвонил в колокольчик, а потом еще и постучал.

– Терещенко! Господин Терещенко! Откройте, это околоточный надзиратель! Вас срочно вызывают на службу! В связи с сегодняшним происшествием!

Он приложил ухо к двери.

– Ломайте, Зюкин.

Мне никогда не приходилось держать в руках такой грубый инструмент, как железный лом, и тем более выламывать им дверь. Оказалось, что это совсем непросто. Я ударил по замку раз, другой, третий. Дверь дрогнула, но не открылась. Тогда я просунул заостренный и сплюснутый конец в щель, навалился и попробовал отжать замок. Вспотел, искрахтелся весь, а все равно не вышло.

– Ну вас к черту, Зюкин, с вашим ломом!

Эраст Петрович отодвинул меня в сторону. Взялся руками за перильца, подскочил и обеими ногами ударил в створку. Дверь влетела в проем и криво заболталась на одной петле.

Мы быстро пробежали по комнатам, причем Фандорин держал наготове маленький черный револьвер.

Никого. Разбросанные предметы одежды, накладные бороды, рыжий парик, несколько тростей, плащей и шляп, смятые ассигнации на полу.

– Опоздали! – вздохнул Эраст Петрович. – Совсем чуть-чуть.

Я застонал от разочарования, а он внимательно оглядел маленькую гостиную и вдруг тихо, вкрадчиво произнес:

– А вот это уже интересно.

На столике подле окна стояла раскрытая шкатулка. Фандорин вынул оттуда что-то переливчатое, продолговатое, сверкнувшее в его пальцах желтыми искрами.

– Что это? – удивился я.

– П-полагаю, пресловутая диадема-бандо, – ответил он, с любопытством разглядывая венец, сплошь выложенный бесценными желтыми бриллиантами и опалами. – А вот бриллиантовый аграф императрицы Анны, и сапфировый бант-склаваж императрицы Елисаветы, и малый б-бриллиантовый букет с шпинелью, и этот, как его, эгрет-фонтан. Я обещал ее императорскому величеству, что драгоценности из coffret вернутся в целости и сохранности. Так оно и вышло.

Я бросился к шкатулке и благоговейно замер, не веря своим глазам. Какая удача! Все эти сказочные сокровища, осиянные священным ореолом истории императорского дома, благополучно возвращены короне! Уже одно это оправдывало всю фандоринскую авантюру и полностью восстанавливало мое честное имя. Большим счастьем было бы только спасение Михаила Георгиевича и мадемуазель Деклик.

Но Фандорина чудесная находка, оказывается, обрадовала совсем по иной причине.

– Линд был здесь совсем н-недавно и, очевидно, намеревается вернуться. Это раз. У него, действительно, больше никого не осталось, он совсем один. Это два. И, наконец, мы имеем отличный шанс его взять. Это т-три.

Я немного подумал и догадался сам:

– Если бы он не собирался возвращаться, то не бросил бы шкатулку, да? А если бы у него имелись помощники, он оставил бы их сторожить сокровища. Что мы будем делать?

– Сначала – чинить входную д-дверь.

Мы бросились в прихожую. От удара фандоринской ноги одна из петель была выворочена, что называется, с мясом, но это бы еще полбеды. Хуже было то, что перед домом собралась целая толпа зевак, с жадным интересом пялившихся на окна и зияющий дверной проем.

– Проклятье! – простонал Эраст Петрович. – Мы с вами подняли такой грохот, что сбежалась вся улица, а минут через десять соберется весь к-квартал! Скоро явится настоящая п-полиция и всё нам испортит. Нет,

Линда мы здесь не дождемся. Нужно, по крайней мере п-проверить, не осталось ли каких-нибудь зацепок или улик.

Он вернулся в комнаты и стал подбирать с пола брошенную одежду, причем особенное внимание у него вызвал узкий, покрытый пылью штиблет – второго поблизости не оказалось.

Я же тем временем вышел в тесный коридорчик и от нечего делать заглянул в маленькую, неряшливую кухоньку с изразцовой печью в углу.

Ничего примечательного, за исключением изрядного количества тараканов, я в кухне не обнаружил и уже хотел идти дальше, как вдруг в глаза мне бросилась вделанная в пол дверца. Надо полагать, погреб, подумал я, и меня будто подтолкнула некая мистическая сила. Желая просто убить время, пока Фандорин производит свой обыск, я наклонился и откинул крышку.

Из темной дыры дохнуло особенным грибным запахом, сыростью, землей – в общем именно тем, чем и должно пахнуть из погреба, где хранят свеклу, морковь, картофель.

Я хотел захлопнуть дверцу, но тут раздался звук, от которого я в первый миг похолодел, а потом затрясся.

То был слабый, но явственный стон!

– Господин Фандорин! – заорал я во всё горло. – Сюда!!!

А сам схватил с кухонного стола керосиновую лампу, трясущимися руками зажег спичку и полез вниз, в темноту и холод.

Достаточно было спуститься по лесенке всего на несколько шагов, и я увидел ее.

Мадемуазель Деклик, сжавшись в комок, лежала у стены, между каких-то серых мешков. Она была в одной сорочке – мне бросилась в глаза тонкая щиколотка с кровоподтеком вокруг косточки, и я поспешно отвел глаза. Но сейчас было не до приличий.

Я поставил лампу на бочку (судя по кислому запаху, с квашеной капустой) и бросился к лежащей.

Голова ее была откинута назад, глаза закрыты. Я увидел, что одна рука Эмилии прикована наручником к вбитому в стену железному кольцу. Лицо бедной мадемуазель было сплошь в ссадинах и пятнах засохшей крови. С круглого белого плеча съехала рубашка, и я увидел над ключицей огромный синяк.

– Зюкин, вы внизу? – донесся сверху голос Фандорина.

Я не ответил, потому что кинулся осматривать остальные углы погреба. Но нет, его высочества здесь не было.

– Вы меня слышите? – спросил я, вернувшись к мадемуазель и

осторожно приподнимая ей голову.

На пол спрыгнул Фандорин, встал у меня за спиной.

Мадемуазель приоткрыла глаза, сощурилась на свет лампы и улыбнулась.

– Athanas, comment tu es marrant sans les favoris. J'ai te vu dans mes rêves. Je réve toujours...^[38]

Она была не в себе – это ясно. Иначе она ни за что не обратилась бы ко мне на «ты».

Мое сердце разрывалось от жалости.

Но Фандорин был менее сентиментален.

Он отодвинул меня, похлопал пленницу по щеке.

– Emilie, ou est le prince?^[39]

– Je ne sais pas...^[40], – прошептала она, ее глаза снова закрылись.

* * *

– Как, вы не догадались, кто такой Линд? – недоверчиво посмотрела Эмилия на Фандорина. – А я была уверена, что вы с вашим умом уже всё разгадали. Ах, теперь мне кажется, что это так просто! Воистину мы все были слепы.

У Эраста Петровича был сконфуженный вид, да и мне, признаться, разгадка вовсе не казалась простой.

Разговор происходил на французском, поскольку после всех перенесенных испытаний мучить мадемуазель Деклик русской грамматикой было бы слишком жестоко. Я и раньше замечал, что говоря на иностранных языках, Фандорин совершенно не заикается, но у меня не было времени задуматься над этим удивительным феноменом. Судя по всему, его недуг – а я читал, что заикание является именно психическим недугом – каким-то образом был связан с изъяснением по-русски. Уж не сказывалась ли в этом спотыкании на звуках родной речи скрытая враждебность к России и всему русскому? Это меня нисколько бы не удивило.

Полчаса назад мы приехали на нашу наемную квартиру. Фандорин держал шкатулку, а мне досталась ноша еще более драгоценная: я нес на руках Эмилию, укутав ее альмавивой доктора Линда. Тело мадемуазель было гладким и очень горячим – это чувствовалось даже через ткань. Должно быть, именно от этого меня бросило в жар, и я долго потом не мог

отдышаться, хотя мадемуазель вовсе не была тяжелой.

Мы решили разместить дорогую гостью в одной из спален. Я уложил бедняжку на кровать, поскорее прикрыл одеялом и вытер со лба капельки пота. А Фандорин сел рядом и сказал:

– Эмили, мы не можем вызвать к вам доктора. Мы с мсье Зюкиным пребываем, так сказать, на нелегальном положении. Если позволите, я осмотрю и обработаю ваши раны и ушибы сам, у меня имеются некоторые навыки. Вы не должны меня стесняться.

Это еще почему, мысленно возмутился я. Какая неслыханная наглость!

Но мадемуазель не нашла в предложении Фандорина ничего дерзкого.

– Мне сейчас не до стеснительности, – слабо улыбнулась она. – Я буду вам очень признательна за помощь. У меня всё болит. Как видите, похитители обращались со мной не самым галантным образом.

– Афанасий Степанович, п-подогрейте воду, – деловито велел Фандорин по-русски. – А в ванной я видел спирт и с-свинцовую примочку.

Тоже Пирогов выискался! Тем не менее я всё исполнил, а заодно прихватил чистые салфетки, меркурохром и пластырь, обнаруженные мной в одном из выдвижных ящиков туалетной комнаты.

Перед осмотром мадемуазель застенчиво покосилась в мою сторону. Я поспешно отвернулся и, боюсь, густо при этом покраснел.

Послышался шелест легкой ткани, Фандорин озабоченно произнес:

– Господи, на вас нет живого места. Здесь не болит?

– Нет, не очень.

– А здесь?

– Да!

– Кажется, треснуло ребро. Я пока затяну пластырем... Здесь, под ключицей?

– Когда нажимаете, больно.

Неподалеку на стене висело зеркало. Я сообразил, что, если сделать два незаметных шажка вправо, мне будет видно, что происходит на кровати, однако я тут же устыдился этой недостойной мысли и, наоборот, переместился влево.

– Перевернитесь, – приказал Эраст Петрович. – Я прощупаю вам позвонки.

– Да-да, вот здесь больно, на кобчике.

Я скрипнул зубами. Это становилось поистине невыносимым! Жаль, что я не вышел в коридор.

– Вас ударили ногой, – констатировал Фандорин. – Это очень болезненное место. А мы его вот так, компрессом. И сюда... Ничего, еще

несколько дней поболит и пройдет.

Раздался плеск воды, мадемуазель несколько раз тихонько простонала.

– Всё, Атанас, можно вохочаться, – услышал я наконец, и сразу повернулся.

Эмилия лежала на спине, по грудь закрытая одеялом. На левой брови белел аккуратный кусочек пластыря, угол рта покраснел от меркурохрома, под распахнутым воротом сорочки виднелся край салфетки.

Я не смог взглянуть мадемуазель в глаза и покосился на Фандорина, который с невозмутимым видом, как заправский врач, мыл руки в тазу. При одной мысли о том, что эти сильные, тонкие пальцы только что касались кожи Эмилии, да еще в таких местах, о которых без головокружения и подумать невозможно, я закусил губу.

Самое удивительное, что мадемуазель отнюдь не выглядела смущенной и смотрела на Фандорина с благодарной улыбкой.

– Спасибо, Эраст.

Эраст!

– Спасибо. Мне теперь гораздо легче. – Она тихонько рассмеялась. – Увы, у меня не осталось от вас никаких тайн. Как порядочный человек вы обязаны на мне жениться.

От такой рискованной шутки даже Фандорин покраснел. А про меня и говорить нечего.

Чтобы изменить неприличное и мучительное направление, которое принимал разговор, я сухо спросил:

– И все же, мадемуазель Деклик, где его высочество?

– Не знаю. Нас разлучили сразу же, когда мы выбрались из подземного хода, и после этого держали врозь. Мальчик был без сознания, да и я находилась в полуобмороке – меня довольно сильно ударили по голове, когда я попробовала кричать.

– Да-да, – встрепнулся Эраст Петрович. – Что вы пытались нам сообщить? Вы крикнули: «Линд здесь. Это...» И больше ни слова.

– Да, он зажал мне рот и еще ударил кулаком по лицу. Я узнала его, несмотря на маску!

– Узнали?! – воскликнули мы с Эрастом Петровичем в один голос.

Тут-то мадемуазель, удивленно приподняв брови, и задала вопрос, так сконфузивший Фандорина:

– Как, вы не догадались, кто такой Линд? А я была уверена, что вы с вашим умом уже всё разгадали. Ах, теперь мне кажется, что это так просто! Воистину мы все были слепы.

Мы с Фандориным переглянулись, причем по его вороватому взгляду

мне показалось, что он хочет проверить – не оказался ли я сообразительней его.

Увы. Хотя дорого бы за это отдал.

– О Господи, да это же Бэнвилл, – покачала головой она, все еще удивляясь нашей недогадливости. – Во всяком случае тот, кого мы знали как лорда Бэнвилла. Я узнала его по голосу – еще там, в склепе. Когда сверху крикнули: «Тревога! Бегите!» – Линд утратил всегдашнюю осторожность и воскликнул в полный голос: «Take the kid and the slut! Run!»^[41] Это был Бэнвилл!

– Бэнвилл? – растерянно повторил Эраст Петрович. – Но как это возможно? Ведь он друг Георгия Александровича? Они давно знакомы!

– Не так уж давно, – поправил я, пытаясь собраться с мыслями. – С Бэнвиллом его высочество познакомился нынешней весной, в Ницце.

– Я этого не знал, – пролепетал Фандорин, словно оправдываясь. – В самом деле, как просто... – Он перешел на русский. – На всякого мудреца д-довольно простоты. Но моя простота в данном случае совершенно непростительна. Ну конечно!

Он вскочил с кровати и принялся расхаживать, чуть ли не бегать по комнате, порывисто жестикулируя. Никогда еще я не видел его в такой ажитации. Слова слетали с его губ быстро, наскакивая одно на другое.

– Именно в Ницце доктор и приступил к осуществлению своего плана. Он наверняка нарочно туда п-приехал, чтобы высмотреть подходящую жертву – ведь на Лазурный берег весной приезжает столько grands-ducs russes!^[42] И про майскую коронацию в Москве тоже было уже известно! Втереться в доверие к кому-нибудь из членов императорской фамилии, стать другом семьи, добиться приглашения на т-торжества, а остальное – вопрос технической подготовки!

– И вот еще что! – перебил я. – Ненависть к женщинам. Вы сами говорили, что Линд не терпит вокруг себя женщин! Теперь понятно почему. Выходит, Эндлунг был прав!

– Эндлунг? – убитым голосом переспросил Эраст Петрович и свирепо потер лоб, будто хотел протереть его насквозь, до самого мозга. – Да-да, в самом деле. А я не придал его дурацкой теории никакого значения – из-за того, что до нее додумался болван Эндлунг. Вот уж воистину: «Избрал немудрых дабы мудрых посрамить». Ах, Зюкин, снобизм – худший из г-грехов... Бэнвилл! Это был Бэнвилл! И духи «Граф Эссекс»... Как ловко он обеспечил себе свободу действий, изобразив внезапный отъезд! И эта так кстати подвернувшаяся дуэль! А выстрел Глинскому прямо в сердце –

узнаю дьявольскую меткость Линда! Отличный маскарад: эксцентричный британский гомосексуалист. Размах, ювелирный план, невероятная дерзость, безжалостность – это безусловно почерк Линда! А я снова его упустил...

– Но остался мистер Карр, – напомнил я. – Ведь он тоже человек Линда.

Эраст Петрович безнадежно махнул рукой:

– Уверяю вас, что Карр тут не при чем. Иначе Линд бы его не бросил. Жеманного красавчика доктор прихватил для вящей убедительности своего к-камуфляжа и, вероятно, во имя совмещения полезного с приятным. Линд известен своими сибаритскими привычками. Черт возьми, обиднее всего, что Эндлунг был прав! Банда г-гомосексуалистов – сплоченная не только денежным интересом, но и иными узами. Вот откуда такая преданность и самоотверженность!

Мадемуазель, наморщив лоб, сосредоточенно внимала причитаниям Фандорина и, кажется, всё или почти всё понимала.

– О да, Линд действительно ненавидит женщин, – горько усмехнулась она. – В этом я имела возможность убедиться на собственном опыте. За все время неволи я получила один раз кусок хлеба и дважды кружку воды. Хорошо хоть рядом была бочка с этой вашей ужасной капустой... Меня держали на цепи, раздетой. А вчера вечером Бэнвилл, то есть Линд, спустился вниз злой как тысяча чертей и, ни слова ни говоря, принялся пинать меня ногами! Кажется, у него случилась какая-то неприятность. Была сильная боль, но еще сильнее был страх. – Эмилия передернулась и натянула одеяло до самого подбородка. – Это не человек, а какой-то сгусток зла. Он избивал меня, не произнося ни единого слова, и впал в такое ожесточение, что если бы не владелец дома, доктор, вероятно, забил бы меня до смерти. Кстати, хозяин – довольно высокий человек с хмурым лицом – единственный не мучил меня. Это он дал мне хлеб и воду.

Мадемуазель осторожно дотронулась до заклеенной брови.

– Вы видели, Эраст, как Линд меня отделал. Мерзавец! И, главное, совершенно ни за что!

– Разозлился, когда узнал, что лишился двух своих помощников, – пояснил я. – Господин Фандорин одного из них убил, а другого передал полиции.

– Жалко, Эраст, что вы не убили обоих, – сказала она, шмыгнув носом и смахнув с ресницы злую слезу. – Эти немцы были настоящие скоты. Которого из них вы прикончили – такого, с оттопыренными ушами, или веснушчатого?

– Веснушчатого, – ответил Эраст Петрович.

А я не успел рассмотреть ни того, ни другого – ведь в подворотне было темно.

– Ничего, – заметил я. – Зато теперь доктор остался в полном одиночестве.

Фандорин скептически поджал губы:

– Вряд ли. Кто-то ведь еще стережет мальчика. Если бедный ребенок еще жив...

– О, малыш жив, я в этом уверена! – воскликнула мадемуазель. – Во всяком случае, вчера вечером был еще жив. Когда хозяин оттащил от меня рассвирепевшего Бэнвилла, я слышала, как тот прорычал: «Если бы не камень, я бы послал ему головы обоих – и мальчишки и бабы!» Думаю, Эраст, он имел в виду вас.

– Слава Богу! – вырвалось у меня.

Я обернулся на висевшую в углу иконку Николая Угодника и перекрестился. Михаил Георгиевич жив, надежда остается!

Однако было еще один вопрос, который терзал меня. О таком не спрашивают, а спросив, не имеют права рассчитывать на ответ. И всё же я решился:

– Скажите, они... они... совершали над вами насилие?

Для ясности я произнес эти слова по-французски.

Благодарение Богу, Эмилия не оскорбилась – напротив, печально улыбнулась:

– Да, Атанас, они совершали надо мной насилие, как вы могли бы заметить по моим синякам и шишкам. Единственное утешение, что это было не то насилие, которое, очевидно, имеете в виду вы. Эти господа, вероятно, предпочли бы наложить на себя руки, чем вступить в физиологические отношения с женщиной.

От этого смелого, прямого ответа я вконец стушевался и отвел глаза. Если мне что-то и не нравилось в мадемуазель Деклик – так это неженская точность в выражениях.

– Итак, подведем итоги, – объявил Фандорин, сцепив пальцы. – Мы вытащили из лап доктора Эмилию. Это раз. Мы теперь знаем, как выглядит доктор Линд. Это два. Мы вернули драгоценности императрицы. Это три. Половина дела сделана. Остались сушие пустяки. – Он тяжело вздохнул, и я понял, что про пустяки сказано в ироническом смысле. – Освободить мальчика. И уничтожить Линда.

– Да-да! – порывисто приподнялась с подушки мадемуазель. – Убить эту подлую гадину! – Она жалобно посмотрела на меня и тоненьким

голосом произнесла. – Атанас, вы не представляете, какая я голодная...

Ах, тупой, бесчувственный чурбан! Фандорину что, его только Линд интересует, но я-то, я-то хорош!

Я кинулся к дверям, однако Эраст Петрович ухватил меня за полу пиджака.

– Куда это вы, Зюкин?

– Как куда? В столовую. Там в буфете есть сыр, печенье, а в леднике – паштет и буженина.

– Никакой б-буженины. стакан сладкого чаю с ромом и кусочек черного хлеба. Больше пока нельзя.

Он был прав. После голодания не следует нагружать желудок тяжелой пищей. Но сахару я положил четыре ложки, отрезал изрядный ломоть хлеба и плеснул в стакан побольше виски из бутылки мистера Фрейби.

Мадемуазель выпила чаю, улыбаясь разбитыми губами, и ее бледные щеки порозовели.

Мое сердце сжималось от невыразимой жалости. Если бы мне сейчас попался гнусный доктор Линд, избивавший ногами беспомощную женщину, я бы взял его руками за горло, и никакая сила не сумела бы разжать моих пальцев.

– Вам нужно поспать, – сказал Фандорин поднимаясь. – Утром мы решим, как действовать дальше. Афанасий Степанович, – перешел он на русский, – не согласитесь ли вы п-переночевать вот здесь, в креслах? На случай, если Эмилии что-нибудь понадобится?

Он еще спрашивал! Мне так хотелось побыть с ней наедине. Просто помолчать. А если получится, то и сказать о чувствах, теснивших мою грудь. Только где же взять такие слова?

Фандорин вышел. Эмилия с улыбкой смотрела на меня, а я, жалкий, неуклюжий урод всё облизывал губы, откашливался, сжимал и разжимал пальцы. Наконец решился заговорить:

– Я... Мне весьма доставало вас, госпожа Деклик.

– Ви можете звать меня «Эмили», – тихо сказала она.

– Да, хорошо. Это и в самом деле не будет чрезмерной фамильярностью, потому что после всего, через что вы... то есть мы с вами... то есть все мы прошли, я смею надеяться, что вы и я... – Я запнулся и мучительно покраснел. – Что мы с вами...

– Да? – ласково кивнула она. – Говохите, говохите.

– Что мы с вами можем считаться не просто сослуживцами, а друзьями.

– Дхузьями?

Мне показалось, что в ее голосе прозвучало разочарование.

– Нет, я, конечно, не настолько самонадеян, чтобы иметь в виду какую-то особенно тесную или близкую дружбу, – быстро поправился я, чтобы она не подумала, будто я, пользуясь положением, навязываюсь ей в наперсники. – Мы просто стали с вами добрыми приятелями. И я очень этому рад... Вот.

Больше я ничего не сказал, потому что, по-моему, в наших отношениях и так произошел весьма существенный сдвиг: узаконилось обращение по имени, а кроме того я предложил ей дружбу и, судя по всему, мое предложение было принято благосклонно.

Однако Эмилия смотрела на меня так, словно ожидала от меня чего-то еще.

– Вы смотрите на меня как на дхуг, пхиятель? – спросила она после долгой паузы, как бы уточняя.

– Да, как на дорогого друга, – осмелев, подтвердил я.

Тогда мадемуазель вздохнула, закрыла глаза и тихо проговорила:

– Пхостите, Атанас. Я очень усталая. Я буду спать.

Я не заметил, когда она заснула. Грудь вздымалась и опускалась всё так же ровно, чуть подрагивали длинные ресницы, а время от времени по чертам пробежала легкая тень – словно тучка по глади лазурных вод.

Всю ночь я то погружался в короткий, невесомый сон, то снова просыпался. Достаточно было Эмилии шевельнуться или вздохнуть чуть глубже, и я сразу открывал глаза – не нужно ли принести воды, укутать, поправить подушку. Эти частые пробуждения были несколько не мучительны, а, наоборот, приятны и даже сладостны. Давно, очень давно не ощущал я такого покоя.

19 мая

Завтрак я подал уже самый настоящий: с фарфором и серебром, на крахмальной скатерти. Без повара приготовить что-нибудь пристойное, конечно, невозможно, но все же был омлет, сыры, копченья.

Эмилия сегодня выглядела гораздо лучше и ела с большим аппетитом. Глаза ее оживленно блестели, голос был звонок и весел. Женщины обладают поразительной способностью быстро излечиваться от самых тяжких недугов, если их жизненные условия внезапно меняются к лучшему – я множество раз бывал свидетелем подобных преобразений. Правда и то, что лучше всего на представительниц слабого пола действует окружение мужчин и мужская внимательность, а уж в этом смысле мы обращались с мадемуазель, как с истинной королевой.

Фандорин вышел к завтраку в утреннем смокинге и белом галстуке, очевидно, тем самым демонстрируя, что вольности, к которым он был вынужден прибегнуть накануне, никоим образом не уменьшили его почтительности по отношению к госте. Я оценил этот жест. По правде сказать, мое направление мыслей было сходным, только вот, в отличие от Эраста Петровича, я не имел во что переодеться и удовольствовался тем, что как следует выбрил свою голую физиономию.

Когда пили кофей (я тоже сидел за столом, потому что находился в этой компании не в качестве дворецкого, а как приватное лицо), Эраст Петрович заговорил о деле. Беседа шла на французском.

– Я мало спал минувшей ночью, зато много размышлял. Теперь мне понятно, чем была вызвана моя непростительная ошибка. Я не ожидал от доктора Линда такой дерзости – во всех прежних своих операциях он вел себя очень осторожно. Но очевидно, на сей раз куш был слишком велик, и Линд решил занять самую выигрышную позицию. Находясь в Эрмитаже, он мог наблюдать за всеми нашими приготовлениями. А еще одним источником получения сведений для него, конечно же, был мистер Карр, столь искусно подставленный Симеону Александровичу. Драма с африканской ревностью, вероятно, была не более чем спектаклем. Генерал-губернатор откровенничал с душкой-англичанином, а тот потом пересказывал услышанное мнимому лорду Бэнвиллу.

– Быть может, дерзость доктора объясняется тем, что он решил, завладев такой грандиозной добычей, навсегда удалиться от дел? – предположила Эмилия. – В конце концов, сколько денег нужно человеку?

Фандорин скривил угол рта.

– Я не знаю, что этому человеку больше нужно – деньги или само злодейство. Это не обычный стяжатель. Это настоящий поэт зла, виртуозный инженер коварства и жестокости. Я уверен, что доктор получает наслаждение от выстраивания головоломных преступных конструкций, и на сей раз он превзошел самого себя – возвел истинную Эйфелеву башню. Мы подкосили это замысловатое сооружение, и оно рухнуло, но своими обломками, кажется, существенно повредило здание российской монархии.

Я тяжело вздохнул, подумав о том, что вчерашняя катастрофа и в самом деле может привести к непредсказуемым последствиям. Как бы не вышло бунта. А уж о том, что станут писать эмигрантские газеты или пресса недружественных стран, и помыслить было страшно.

– Я не очень поняла вашу аллегорию об обрушившейся башне, но мне кажется, Эраст, вы очень верно подметили главную особенность натуры Линда, – согласно закивала Эмилия. – Он именно поэт зла. И ненависти. Этот человек полон ненависти, он буквально ею сочится. Если б вы только слышали, как он произносит ваше имя! Я уверена, что сведение счетов с вами для него значит ничуть не меньше, чем этот злосчастный бриллиант. Кстати, я правильно поняла смысл выкриков доктора? Камень остался у вас?

– Хотите взглянуть?

Фандорин достал из кармана свернутый платок, вынул бриллиант, и голубоватые грани засверкали радужными огоньками, притянув лучи утреннего солнца.

– Как много света, – задумчиво произнесла мадемуазель, чуть прищурившись от нестерпимого сияния. – Я знаю, что это за свет. За века камень загасил множество жизней, и все они теперь светятся там, внутри. Держу пари, что за последние дни, напивавшись новым кормом, «Орлов» засверкал еще ярче.

Она взглянула на меня – вернее, на мою макушку и сказала:

– Простите, Атанас, вчера я была слишком увлечена собой и даже не спросила, что с вами случилось. Откуда у вас на голове эта багровая шишка?

– Ах, вы ведь ничего не знаете! – спохватился я. – Поэтому и про Эйфелеву башню не поняли.

И я поведал ей про вчерашнее побоище на Ходынском поле, завершив свой рассказ словами:

– Линд не только безжалостен, но и сверхъестественно ловок. Тысячи

людей погибли, а он вышел сухим из воды.

– Нет-нет, здесь не только ловкость, – всплеснула рукой мадемуазель, и покрывало сползло с ее плеча.

Вероятно, со стороны наша троица выглядела престранно: Фандорин в белом галстуке, я в порванной куртке и дама, укутанная в шелковое покрывало – иного одеяния для Эмилии взять было негде.

– По-моему, доктор Линд из тех людей, кто любит одним выстрелом убить двух зайцев, – продолжила мадемуазель. – Когда мы бежали тем ужасным подземным ходом, он по-немецки сказал своим людям – уже после того, как вы крикнули ему про обмен: «У меня в Москве еще четыре дела: бриллиант, Фандорин, принц Симон и этот иуда Карр». Таким образом, я полагаю, Эраст, что ваше предположение относительно игры в ревность неверно. Линд и в самом деле оскорблен изменой своего любовника. А что до вчерашней катастрофы, то вероятнее всего, она преследовала и другую цель: поквитаться с московским генерал-губернатором. Если бы Линд хотел просто скрыться, он бы выдумал что-нибудь менее сложное и рискованное. Его ведь и самого могли растоптать в давке.

– Вы очень умная женщина, мадемуазель, – с серьезным видом сказал Эраст Петрович. – Так вы полагаете, что жизнь любителя крашенных гвоздик в опасности?

– Безусловно. Линд не из тех людей, кто отступает или прощает. Неудачи лишь разогреют кипящую в нем ненависть. Знаете, у меня создалось ощущение, что гомосексуализму эти люди придают какое-то особенное, почти мистическое значение. Линдовы головорезы не просто боялись или уважали своего главаря. Мне показалось, что они в него влюблены – если здесь уместно это слово. Линд вроде султана в гареме, только вместо одалисок его окружают воры и убийцы. Думаю, насчет мистера Карра вы были правы – для Линда он вроде болонки или левретки, совмещение полезного с приятным. Я уверена, что доктор ему не спустит измены.

– Значит, Карра нужно выручать. – Фандорин положил на стол скомканную салфетку и поднялся. – Эмилия, мы отправим вас в Эрмитаж, и вы предупредите англичанина об опасности.

– Вы предлагаете мне явиться во дворец замотанной в эту тряпку? – негодуя воскликнула мадемуазель. – Ни за что! Лучше уж вернуться в погреб!

Эраст Петрович озадаченно потер подбородок.

– В самом деле. Я об этом не подумал. Зюкин, вы п-понимаете что-

нибудь в дамских платьях, шляпках, туфлях и всём таком?

– Совсем немного, – признался я.

– А я и того меньше. Но делать нечего. Дадим Эмилии возможность совершить утренний т-туалет, а сами тем временем наведаемся на Мясницкую, в магазины. Что-нибудь купим. Эмилия, вы доверитесь нашему вкусу?

Мадемуазель прижала руку к груди:

– Вам, мои дохогие господа, я доведу во всиом.

* * *

У Мясницких ворот мы остановились, в нерешительности оглядывая вывески магазинов готового платья.

– Как вам вон тот? – показал Фандорин на зеркальную витрину с надписью «Последние парижские моды». – Раз п-парижские, то, верно, хорошие?

– Я слышал, как ее императорское высочество говорила, что в этом сезоне мода на всё лондонское. К тому же, не будем забывать, что мадемуазель Деклик не имеет и того, без чего приличные дамы не обходятся.

– В к-каком смысле? – уставился на меня непонятливый Фандорин, и пришлось выразиться прямее:

– Нижнее белье, чулки, панталоны.

– Да-да, действительно. Вот что, Зюкин, я вижу, что вы в т-таких делах человек сведущий. Командуйте.

Первая трудность возникла в обувной лавке. Глядя на штабеля коробок, я вдруг сообразил, что совершенно не представляю, какой нам нужен размер. Но здесь кстати прилась фандоринская наблюдательность. Он показал приказчику свою ладонь и велел:

– Вот столько плюс полтора дюйма. Думаю, будет в самый раз.

– А какой прикажете фасончик? – изогнулся приказчик. – Имеем прюнелевые башмачки на каблучке в три четверти – последний шик-с. Или вот не угодно ли атласные баретки, туфли из набивного сатен-тюрк, кимринские юфтевые полусапожки, шоссюрки от «Альбен Пико»?

Мы переглянулись.

– Давайте те, которые последний шик, – решился Фандорин и заплатил девятнадцать рублей пятьдесят копеек.

С сиреновой коробкой в руке мы двинулись дальше. Вид этого

изящного картонного сооружения напомнил мне об ином вместилище, которого я не видел со вчерашнего вечера.

– А где шкатулка? – спросил я, внезапно забеспокоившись. – Не ровен час, влезут воры. Известно, сколько в Москве всякой швали.

– Не б-беспокойтесь, Зюкин. Шкатулку я спрятал так, что и сыскной отдел полиции не отыщет, – успокоил он меня.

Платье и шляпку мы купили довольно легко, в магазине «Бо Брюммель. Товары из Лондона». Нам обоим пришлось по сердцу светlopальевое платье из барежа-шамбери с золотой нитью и накидкой-сорти. Фандорин выложил за него сто тридцать пять рублей, и, ей-богу, оно стоило этих денег. Шляпка из кружевного тюля с шотландским фаншоном (мой выбор) встала в четвертную. Эрасту Петровичу показались излишеством бумажные фиалки на тулье, а на мой взгляд они отлично шли к глазам Эмили.

Тяжело пришлось в магазине дамского белья. Здесь мы задержались надолго, потому что не могли толком ответить ни на один вопрос продавщицы. Фандорин выглядел смущенным, я же и вовсе был готов под землю провалиться – особенно, когда бесстыжая девица стала допытываться про размер бюста.

Именно в этой лавке я подслушал разговор, от которого мое настроение решительно испортилось, так что я перестал участвовать в обсуждении покупок, всецело положившись на Эраста Петровича.

Разговаривали две дамы – вполголоса, но было отлично слышно.

– ...А государь прослезился и говорит: «Это знак свыше, что мне не нужно царствовать. Я сложу с себя венец и уйду в монастырь, чтобы весь остаток моих дней молиться о душах погибших», – говорила одна, полная и важная, но, судя по виду, не из самого большого света. – Мой Серж слышал это собственными ушами, потому что вчера состоял при его высочестве дежурным чиновником.

– Какое величие души! – восхитилась собеседница, дама по-моложе и попроще, взиравшая на толстуху с почтением. – А что Симеон Александрович? Неужто правду говорят, что это именно он уговорил царя и царицу все-таки отправиться на этот злосчастный бал?

Я потихоньку подобрался ближе, делая вид, что увлечен разглядыванием каких-то кружевных штанишек с рюшами и оборочками.

– Сущая правда, – понизила голос первая. – Серж слышал, как его высочество сказал: «Эка важность! Быдло потоптало друг друга в давке за дармовщиной. Полно ребячиться, Ники, ступай царствовать».

Вряд ли у полной дамы хватило бы фантазии такое выдумать. Как это

похоже на Симеона Александровича – повторить слово в слово фразу, некогда сказанную Александру Благословенному убийцей его венценосного отца!

– Ах, Филиппа Карловна, но зачем же было в такой вечер отправляться на бал к французскому посланнику!

Филиппа Карловна скорбно вздохнула, возвела очи горе.

– Что я могу вам ответить, Полинька? Лишь повторить слова Сержа: «Кого захочет наказать – лишит разума». Видите ли, граф Монтебелло специально для бала велел привезти из Франции сто тысяч роз. Если бал перенести, розы бы завяли. Поэтому их величества посетили раут, но в знак траура не стали танцевать. А по Москве среди простонародья уже слухи ходят, что царь со своей немкой отплясывали да радовались, что столько православных душ загубили. Ужасно, просто ужасно!

Господи, подумал я, какое непростительное легкомыслие. Из-за каких-то роз настроить против себя всю Россию! Трагедию на Ходынке еще можно было бы объяснить несчастным стечением обстоятельств, устроить показательный суд над организаторами гуляний – что угодно, только бы сохранить авторитет высочайшей власти. А теперь всеобщая ненависть обрушится не на московского генерал-губернатора, а на царя с царицей. И все будут повторять: розы им дороже людей.

Мы шли по улице обратно, неся множество коробок и свертков. Не знаю, о чем размышлял Фандорин, не слышавший разговора двух покупательниц, но вид у него был сосредоточенный – вероятно, он выстраивал план дальнейших действий. Я сделал над собой усилие и тоже перестроился на практический лад: как разыскать беглого лорда Бэнвилла, а вместе с ним Михаила Георгиевича?

И вдруг остановился как вкопанный.

– А Фрейби? – вскричал я.

– Что Фрейби?

– Мы совсем про него забыли, а он тоже человек Линда, это очевидно! И доктор оставил его в Эрмитаже неспроста – чтобы иметь своего соглядата. Ну конечно! – простонал я, переживая от запоздалости своего озарения. – Фрейби с самого начала вел себя странно. В первый же день он сказал, что в доме наверняка есть шпион. Нарочно уводил в сторону, чтоб на него не пало подозрение! И еще, я совсем забыл вам сказать. Когда я с лейтенантом Эндлунгом отправлялся отслеживать Бэнвилла и Карра, Фрейби сказал мне: «Сегодня смотрите лучше». Это еще тогда меня поразило – как будто он знал, на какое дело я отправляюсь!

– «Сегодня смотрите лучше»? Так и сказал? – удивился Фандорин.

– Да, при помощи своего словаря.

Разговор пришлось прервать, потому что мы уже подходили к дому.

Мадемуазель встретила нас всё в том же покрывале, однако причесанная, похорошевшая и благоухающая.

– О, подачки! – воскликнула она, с восторгом разглядывая нашу поклажу. – Ах, скохее, скохее!

И принялась прямо в прихожей развязывать ленты и тесемки.

Мы с Фандориным стояли в сторонке и волновались.

– Mon Dieu, qu'est ce que ce? – пробормотала Эмилия, извлекая из розовой обертки выбранные Эрастом Петровичем панталоны. – Quelle horreur! Pour qui me prenez vous!? [\[43\]](#)

На Фандорина было жалко смотреть. Он совсем сник, когда мадемуазель объявила, что розовый корсет с лиловой шнуровкой совершенно вульгарен, такие носят только кокотки, а по размеру превосходит ее скромные пропорции по меньшей мере втрое.

Я был возмущен. Этому человеку ничего нельзя поручить! Стоило мне на минуту отвлечься, и он всё испортил. Из всех его приобретений одобрение получили только шелковые чулки.

Но дальше меня ждал удар. Достав из коробки чудесную шляпку с фиалками, которая мне так понравилась, мадемуазель сначала удивленно подняла брови, а потом прыснула. Подбежала к зеркалу, повертела головой

и так, и этак.

– Un vrai érouvanteil!^[44] – таков был безжалостный приговор.

Замечательное платье из барежа-шамбери и прюнелевые башмачки, последний парижский шик, получили не менее суровую оценку.

– Я вижу, господа, что в самых важных вещах доверять вам нельзя, – со вздохом заключила Эмилия. – Ладно, только бы доехать до Эрмитажа, а там переоденусь.

Перед тем, как усадить мадемуазель в пролетку, Эраст Петрович давал последние наставления:

– Расскажите, что мы с Зюкиным выручили вас из плена и продолжаем заниматься розысками Линда. Наш адрес не выдавайте. Про то, что «Орлов» и прочие драгоценности у нас, вам ничего не известно. Отдыхайте, набирайтесь сил. И вот еще что. – Он перешел на шепот, хотя извозчик все равно по-французски понять не мог. – Судя по всему, Фрейби – человек Линда. Приглядывайте за ним и будьте особенно осторожны. Но Карновичу об этом ни слова, а то полковник от рвения может всё испортить. Про Бэнвилла же непременно ему расскажите – пусть полиция подключится к розыскам, это осложнит Линду существование. Ну всё, до свиданья. Если будет что-то срочное – телефонируйте. Номер вам известен.

И он пожал ей руку. Ах, перчатки, сообразил я. Мы совсем забыли купить для нее перчатки!

– До свидания, друзья мои. – Эмилия похлопала длинными ресницами, перевела взгляд с Фандорина на меня. – Я навеки ваша должница. Вы вызволили меня из этого кошмарного подвала, где я задыхалась от запаха гнилой картошки. – Ее серые глаза озорно блеснули. – Это было очень романтично, совсем как в рыцарском романе. Правда, мне не доводилось слышать, чтобы рыцари, освобождая красавицу из заколдованного замка, прибегали к помощи дворницкого лома.

Она помахала нам рукой на прощанье, и коляска двинулась в сторону Мясницких ворот.

* * *

Мы долго смотрели вслед – пока пролетка не скрылась за поворотом. Я искоса взглянул на Фандорина. Вид у него был задумчивый и даже несколько растерянный. Это мне совсем не понравилось. Уж не проникся ли сей ловелас особенными чувствами к Эмили?

– Что дальше? – с нарочитой сухостью спросил я.

Лицо Фандорина вдруг стало мрачным и решительным, но ответил он мне не сразу, а после весьма продолжительной паузы.

– Итак, Зюкин, женщины и обозы в безопасном месте. Мы снова на тропе войны. Доктор Линд разгуливает на свободе, а это значит, что наша задача не выполнена.

– Важнее всего спасти его высочество, – напомнил я. – Я надеюсь, что чувство мести не заставит вас пренебречь судьбой Михаила Георгиевича.

Он смутился – это было видно. Значит, мое напоминание оказалось кстати.

– Да-да, конечно. Но в любом случае нужно сначала д-добраться до нашего неугомонного доктора. Как это сделать?

– Через Фрейби, – пожал плечами я. – Наверняка у батлера есть какая-то связь с Линдом.

– Я вот всё думаю про мистера Фрейби. – Эраст Петрович поднялся по ступенькам и открыл дверь. – Что-то здесь не складывается. Если он, действительно, человек Линда, то зачем бы ему предупреждать вас про шпиона? И зачем г-говорить, чтобы вы смотрели за его господином в оба? Что-то здесь не так. Не могли бы вы припомнить, какие именно слова он произнес?

– Очень хорошо запомнил. «Вы смотреть лучше сегодня». Каждое слово по очереди выуживал из лексикона.

– Хм. А как это было по-английски? You... watch out today?

– Нет, как-то по другому. – Я нахмурил лоб, роясь в памяти. – Что-то такое на букву «б».

– На «б»? Better?

– Да, именно так!

– Ну-ка, попробуем восстановить английскую фразу. «Вы» – это you, «смотреть» – это see или look, потом better, «сегодня» – это today. «You see better today» – это бессмыслица. Стало быть, получается «you look better today».

– Да, правильно! Те самые слова! – обрадовался я.

Эраст Петрович развел руками:

– Тогда, Зюкин, вынужден вас разочаровать. Это вовсе не рекомендация лучше следить за Линдом, а выражение, означающее «Сегодня вы выглядите лучше».

– Всего лишь? – разочаровался я.

– Увы. Вы с мистером Фрейби стали жертвами буквального перевода.

Кажется, Фандорин был горд своей маленькой победой. Еще бы – после вчерашнего конфуза с Бэнвиллом его слава аналитического гения

изрядно потускнела.

– Нельзя чересчур доверяться с-словарям. А вот относительно шпиона он вам дал совет дельный. Мне надо было над этим задуматься с самого начала. В Эрмитаже наверняка был кто-то, шпионивший на Линда. Доктору было известно всё: и время вашего прибытия, и распорядок дня, и даже то, куда и в каком составе вы отправились на прогулку. Бэнвилл, Карр и Фрейби появились слишком поздно – они просто не успели бы всего этого выяснить.

– Кто же тогда шпион?

– Давайте думать. – Эраст Петрович сел в гостиной на диван, закинул ногу на ногу. – Пойдите-ка... Ну конечно!

Он хлопнул себя по колену.

– Вы слышали, как П-почтальон вчера, на Ходынке, увидев вас, крикнул «Зюкин»?

– Разумеется, слышал.

– А откуда он, собственно знал, что вы – Зюкин? Разве вы с ним знакомы?

– Нет, но он видел меня на почтамте и, естественно, запомнил.

– Кого он видел на почтамте? – Эраст Петрович вскочил на ноги. – Чиновника министерства земледелия и государственных имуществ. Почтальон должен был решить, что это переодетый Фандорин. Однако он каким-то образом понял, что это вы, хотя никогда п-прежде вас не видел. Откуда, спрашивается, такая сверхъестественная проницательность?

– Ну, очевидно, ему позднее разъяснил Линд, – предположил я.

– Хорошо, это очень даже возможно. Но откуда доктор-то знал о вашем участии в операции? Письмо, в котором я назначал встречу, было написано от моего имени, без какого-либо упоминания о вас. Разве вы кому-нибудь говорили, что стали моим помощником в этом рискованном деле?

Я немного поколебался и решил, что в таком ответственном деле скрытничать ни к чему.

– Когда мы проникли в Эрмитаж, я рассказал о наших планах двоим. Но когда я вам объясню, как это произошло, вы поймете, что другого выхода...

– Кому? – быстро спросил Эраст Петрович. – Имена!

– Ее высочеству...

– Вы видели Ксению? – взволнованно перебил он меня. – Что она сказала?

Я сухо ответил:

– Ничего. Она спрятала меня, и этого довольно.

– А кто был второй? – вздохнув, спросил Фандорин.

– Мой московский помощник Сомов. Он оказался благородным человеком. Не только не выдал, но и обещал помощь...

И я пересказал содержание своего разговора с Сомовым, стараясь припомнить всё в точности.

– Ну так Сомов и есть тот самый шпион, – пожал плечами Эраст Петрович. – Это яснее ясного. Он обосновался в Эрмитаже еще до вашего прибытия из Петербурга. Знал в доскональности и дом, и расположение комнат. Наверняка отлично изучил парк и присмотрел места для засады. Легко было д-догадаться, что после утомительного переезда ребенка поведут гулять. А о том, что вы действуете со мной заодно, кроме Сомова сообщить Линду никто не мог.

Я молчал. Возразить на слова Фандорина было нечего, однако я уже составил о Сомове мнение, расставаться с которым мне не хотелось.

– Я вижу, вы сомневаетесь? Что ж, д-давайте удостоверимся. Вы сказали, что Сомова переселили в вашу комнату? Значит, у него там есть телефон. Позвоните ему. Скажите, что мы в отчаянном положении и что нам нужна его помощь.

– А что дальше?

– А дальше передадите т-трубку мне.

Я назвал барышне номер, Эраст Петрович приложил к уху отводную трубку и мы стали ждать. Очень долго раздавались лишь сигналы, и я уж было решил, что Корней Селифанович хлопочет по хозяйственным делам где-нибудь в дальней части дворца, но минуты через три послышался щелчок и запыхавшийся голос Сомова произнес:

– Эрмитаж. У аппарата.

– Слушайте и ничего не говорите, – сказал я. – Вы меня узнали?

– ...Да, – после паузы ответил он.

– Вы по-прежнему готовы нам помогать?

– Да. – На сей раз ни малейшего промедления не было.

– Нужно встретиться.

– Я... я сейчас не могу. Вы не представляете, что здесь творится! Мистер Карр обнаружен мертвым! Только что! Я вхожу, а он лежит у себя в комнате, и в груди торчит нож! Кухонный, для разделки белой рыбы! Полиция перевернула весь дом, рыщет по саду!

– Спросите, давно ли убит, – шепнул Эраст Петрович.

– Давно ли он убит? – повторил я.

– Что? Откуда же мне... Хотя нет, знаю! Я слышал, как господа из дворцовой полиции говорили, что тело еще совсем теплое.

– Этот Линд не человек, а дьявол! – шепнул я, прикрыв трубку ладонью. – Он продолжает сводить счеты, несмотря ни на что!

– Спросите, вернулась ли Эмилия.

– Скажите, Корней Селифанович, не объявилась ли госпожа Деклик?

– Мадемуазель? А разве она нашлась? – Голос Сомов дрогнул. – Вы что-нибудь про нее знаете?

Неспроста, ох неспроста он так взволновался. Я сразу вспомнил, как он докучал Эмилии со своими французскими уроками. Может быть, Фандорин не так уж и не прав в своих подозрениях на его счет!

– Неужели Бэнвилл посмел тайно проникнуть в Эрмитаж? – спросил я у Эраста Петровича. – Это просто невероятно!

– Разумеется, невероятно, – хладнокровно заметил он. – Карра зарезал Сомов. Уж он-то в кухонных ножах отлично разбирается.

– Я ничего не слышу! – раздалось в трубке. – Афанасий Степанович, где вы находитесь? Как мне вас найти?

Фандорин забрал у меня переговорную воронку.

– У аппарата Фандорин. Здравствуйте, Сомов. Это я хочу с вами встретиться. Если вам д-дорога жизнь его высочества, немедленно выходите из дома через черный ход, пройдите парком и через тридцать минут, никак не позже, будьте на Донском кладбище, у противоположной от входа стены. Промедление подобно смерти.

И, не дожидаясь ответа, разъединился.

– К чему такая спешка? – спросил я.

– Я не хочу, чтобы он встретился с Эмилией, которая п-прибудет в Эрмитаж с минуты на минуту. Как бы Сомову не взбрело в голову устранить опасную свидетельницу. Вы ведь слышали, как он забеспокоился. Судя по дерзости, с которой Сомов убил Карра, ваш бесценный помощник в любом случае собирался уносить ноги.

Я покачал головой, вовсе не убежденный, что Карра убил именно Сомов.

– Всё, Афанасий Степанович. – Фандорин положил в карман свой маленький револьвер, вынул из саквояжа еще один, повнушительней, и засунул его за пояс. – Теперь наши с вами д-дороги расходятся. Я встречусь с Сомовым и как следует с ним побеседую.

– Что значит «как следует»?

– Скажу ему, что он раскрыт и предложу выбор: пожизненная к-каторга или помощь в поимке Линда.

– А если вы ошибаетесь и он ни в чем не виноват?

– Я пойму это по его п-поведению. Но Сомов – шпион, я уверен.

Я ходил за Эрастом Петровичем по комнате, следя за его приготовлениями. Всё происходило слишком быстро – я никак не успевал собраться с мыслями.

– Но зачем нам расставаться?

– Затем, что если Сомов – человек Линда, то весьма вероятно, что в эту самую минуту он телефонирует своему шефу, и меня ждет на кладбище более г-горячая встреча, чем я рассчитываю. Правда, у них совсем нет времени на п-подготовку. Но место там удобное, уединенное.

– Тем более я должен идти с вами!

– Нет, Зюкин. Вы должны оставаться здесь и стеречь вот это.

Эраст Петрович сунул руку в карман и вынул обернутый платком бриллиант. Я благоговейно подставил ладонь и ощутил странное тепло, исходящее от священного камня.

Развернувшись на каблуках, Фандорин вышел в коридор. Я не отставал от него ни на шаг. У порога кухни Эраст Петрович присел на корточки, подцепил одну из досок пола, приподнял ее, и в следующее мгновение в руках у него оказалась знакомая шкатулка.

– Ну вот, Зюкин, теперь я дому Романовых ничего не д-должен. Вы ведь можете считаться полномочным представителем августейшей фамилии? – Он коротко улыбнулся. – Главное – никуда не отлучайтесь от аппарата. Я непременно вам протелефонирую.

– Откуда?

– Пока не знаю. Из какой-нибудь г-гостиницы, ресторана, почтового участка.

У самых дверей он обернулся и посмотрел на меня. Взгляд был непонятный – будто Фандорин не решается мне что-то сказать или же колеблется, как поступить. Мне это очень не понравилось – по правде сказать, я испугался, что он передумал и намерен забрать драгоценности с собой.

Отступив назад и покрепче сжав шкатулку, я сказал:

– Вы не успеете. Путь ведь не близкий. Вдруг Сомов вас не дожждется?

– Дождется, – рассеянно ответил Фандорин, явно думая о другом.

Уж не жалость ли была в его глазах?

– Послушайте, Афанасий Степанович...

– Что? – насторожился я, почувствовав, что сейчас он сообщит мне нечто очень важное.

– Нет... Ничего. Ждите звонка.

Повернулся и вышел.

Что за гнусная манера!

Я расположился у аппарата самым обстоятельным образом.

Рассудив, что в ближайший час Фандорин мне уж во всяком случае телефонировать не сможет, я взял денег (Эраст Петрович оставил на столе целый пук кредиток), сходил на Мясницкую и купил свежих саек, замечательной московской ветчины и газет. Шкатулку взял с собой. Крепко прижимал локтем и зорко поглядывал по сторонам – не вертится ли поблизости какое-нибудь ворье. «Орлов» висел у меня на шее, в специальной сооруженной ладанке из суконного носка.

Моя уставшая от потрясений душа закалилась и подчерствела. Еще несколько дней назад я вряд ли смог бы в такой день преспокойно сидеть, попивать чай, закусывать и листать газеты. Как говорится в народе, обкатали Савраску крутые горки.

Про Ходынскую беду городские газеты не то чтобы умалчивали – поди-ка умолчи, когда по всей Москве вой и плач, но писали уклончиво, больше налегая на благотворительные и милосердные поступки высочайших особ. В этом ощущалась уместная деликатность и забота об авторитете августейшего дома.

К примеру, «Московские ведомости» подробнейшим образом описывали посещение вдовствующей императрицей Старо-Екатерининской больницы, где ее величество подарила каждому из пострадавших по бутылке мадеры.

Государь и государыня распорядились произвести похороны за казенный счет, а семьям, потерявшим кормильца, назначили вспомоществование. Поступок в высшей степени благородный, однако мне показалось, что газета чересчур уж восторгается щедростью их величеств, оставляя в умолчании причину высочайшей милости. Вряд ли москвичам тон статьи придется по вкусу.

И уж совсем меня расстроила «Московская иллюстрированная газета», не придумавшая ничего лучшего как воспроизвести художественно исполненное меню грядущего торжественного ужина в Грановитой палате на три тысячи кувертов.

*Бульон Лукулловый
Пирожки разные
Холодное из рябчиков по-суворовски
Жаркое: крупные цыплята на вертеле*

*Салат
Цельная спаржа
Мороженное
Десерт*

То есть я-то отлично видел, что по случаю печальных событий меню составлено самое скромное, без каких-либо излишеств: что такое один салат? Ни осетров, ни фаршированных фазанов, ни даже белужьей икры. Истинно спартанская трапеза. Это поймут и по достоинству оценят приглашенные на ужин высокие особы. Но зачем же печатать такое в газете, для многих читателей которой и колбаса «собачья радость» – лакомство?

Во всем этом, по зрелом размышлении, я усмотрел не заботу о престиже власти, а нечто прямо противоположное. Очевидно, Симеон Александрович и обер-полицмейстер воспретили газетам свободно писать о случившемся, вот редакторы и исхитряются всяк на свой лад подогреть возмущение толпы.

Расстроенный, я отложил газеты и стал смотреть в окно – это на первый взгляд бесполезное занятие отлично успокаивает растревоженные нервы, особенно ясным майским вечером, когда тени так мягки и золотисты, деревья еще не обвыклись со своей вновь обретенной листвой, а небо покойно и безмятежно.

Довольно долго я пребывал в тихом, безмысленном созерцании. А когда силуэты домов совсем размылись, стертые сумерками, и зажглись фонари, затрезвонил телефонный аппарат.

– Слушайте внимательно и не п-перебивайте, – услышал я голос Фандорина. – Вы знаете Воробьевы горы?

– Да, это совсем недалеко от...

– Там есть д-декоративный парк. Мы с вами видели его из лодки, помните? Помните висячий мост на канатах над оврагом? Я еще сказал, что видел почти такой же в Гималаях?

– Да, помню, но к чему вы мне всё это...

– Будьте там завтра утром. В шесть. Принесите камень и шкатулку.

– Зачем? Что случи...

– Да, и вот еще что, – бесцеремонно перебил меня он. – Не удивляйтесь, я буду наряжен монахом. Скорее всего я опоздаю, но вы, Зюкин, приходите вовремя. Всё поняли?

– Да, то есть нет, я ровным счетом ничего...

Раздался сигнал отбоя, и я в крайнем негодовании кинул трубку. Да как

он смеет так со мной обходиться? Ничего не объяснил, ни о чем не рассказал! Как прошло его объяснение с Сомовым? Где Фандорин сейчас? Почему не возвращается сюда? И, главное, зачем я должен везти в такое странное место сокровища короны?

Я вдруг вспомнил странное выражение, с которым он смотрел на меня при расставании. Что он хотел поведать мне на прощанье, но так и не решился?

Он сказал: «Отныне наши дороги расходятся». Что если наши пути разошлись не только в прямом, но и в фигуральном смысле? Господи, и посоветоваться-то не с кем.

Я сидел, смотрел на молчащий телефонный аппарат и напряженно размышлял.

Карнович? Исключено.

Ласовский? Его, надо полагать, уже отстранили от должности, да если бы и не отстранили...

Эндлунг? Он, конечно, славный малый, но в таком головоломном деле проку от него не будет.

Эмилия! Вот кто мог бы мне помочь.

Нужно протелефонировать в Эрмитаж, стал соображать я, и измененным голосом, хорошо бы женским, позвать мадемуазель Деклик...

В эту самую минуту аппарат вдруг очнулся и отчаянно зазвонил.

Ну слава Богу! Значит, Фандорин все же не такой невежа, как я вообразил. Нас просто разъединили.

Я нарочно заговорил первым, чтобы он по всегдашней своей манере не успел ошеломить меня каким-нибудь новым фокусом:

– Прежде чем я выполню то, что вы требуете, извольте объяснить, – скороговоркой произнес я. – Что с Сомовым? И потом, зачем наряжаться именно монахом? Неужто не нашлось другого маскарада? Это кощунство!

– Mon dieu, что вы такое говорите, Атанас? – услышал я голос мадемуазель и поперхнулся – но лишь на мгновение.

Это было просто замечательно, что она протелефонировала мне сама!

– К кому вы обращались? – спросила Эмилия, переходя на французский.

– К Фандорину, – пробормотал я.

– Какой монах? При чем здесь Сомов? Я как раз звоню из его, то есть бывшей вашей комнаты. Сомов куда-то запропастился, никто не знает, где он. Но это неважно. Карр убит!

– Да-да, я знаю.

– Знаете? Откуда? – В ее голосе прозвучало удивление. – Здесь все великие князья и полковник Карнович. Он уже несколько часов допрашивает Фрейби. Бедняжка полковник совсем потерял голову. На мой приезд внимания почти не обратил, сказал только: «После расскажете, это сейчас неважно». Я ему толкую про лорда Бэнвилла, а он не верит! Говорит, что у меня от потрясений психическое расстройство, представляете? Он вообразил, будто Фрейби и есть доктор Линд! Я хочу спросить у вас с Эрастом совета. Может быть, мне предпринять еще одну попытку? Объяснить Карновичу, что Фрейби – всего лишь мелкая фигура? Или, может быть, сказать про то, что вы нашли похищенные драгоценности императрицы? Тогда все эти господа сразу успокоятся и станут меня слушать. Как мне быть?

– Ах, Эмилия, я сам нуждаюсь в совете, – признался я. – Бог с ним, с мистером Фрейби. Он, кажется, ни в чем не виноват, но пусть уж Карнович допрашивает его и дальше – по крайней мере, будет занят. Говорить про драгоценности не нужно. У меня другая идея...

Я запнулся, потому что идея возникла только что и еще не успела как следует оформиться. Я взял со столика телефонную книжку и открыл на букву «П». Есть ли там Воробьевский парк?

Перелистывая страницы, я сказал то, чего не смог бы произнести, если бы Эмилия сейчас находилась передо мной – не решился бы.

– Я так рад слышать ваш голос. Только что я чувствовал себя бесконечно одиноким и потерянным, а сейчас мне гораздо легче. Надеюсь, я не слишком дерзко выразился?

– Господи, Атанас, иногда со своей церемонностью вы бываете просто несносны! – воскликнула она. – Неужели вы мне так никогда и не скажете слов, которых я жду? Просто и ясно, без экивоков и увиливаний.

Я сразу догадался, какие слова она имеет в виду, и во рту у меня пересохло.

– Я не вполне вас понимаю, – забормотал я, эпатированный ее смелостью. – Я, кажется, и так уже сказал гораздо более, чем можно было бы счесть допустимым, учитывая...

– Опять замямлил! – перебила меня мадемуазель. – Ладно, черт с вами. Я вытрясу из вас признание при встрече. А пока излагайте вашу идею. Только скорей. Сюда в любую минуту могут войти.

И я рассказал ей о странном требовании Фандорина.

Эмилия слушала молча.

– Я собираюсь поступить иначе, – сказал я. – Давайте встретимся. Я передам шкатулку и «Орлова» вам. На рассвете я отправлюсь к

назначенному месту и потребую у Фандорина объяснений. Если его ответы меня удовлетворяют и я пойму, что камень ему действительно необходим для дела, я вам протелефонирую из дирекции Воробьевского парка, там есть аппарат – я только что проверил. Будьте наготове. От Эрмитажа до Воробьевых гор четверть часа езды на извозчике. Много времени из-за этой предосторожности Фандорин не потеряет.

Я слышал в трубке ее дыхание, и эта тихая музыка согревала мне сердце.

– Нет, – сказала Эмилия после продолжительной паузы. – Ваша идея, Атанас, мне совсем не нравится. Во-первых, я не уверена, что мне сегодня удастся покинуть Эрмитаж незамеченной. А во-вторых, я боюсь, что мы повредим Эрасту. Я верю ему. И вы тоже должны ему верить. Он истинно благородный человек. Более того, он особенный человек, я никогда в жизни таких не встречала. Если вы хотите, чтобы маленький принц был спасен, отправляйтесь на встречу с Эрастом и исполните всё в точности.

Ее суждение потрясло меня, причем в самом неприятном смысле. Она даже заговорила, как Фандорин: «во-первых, во-вторых». Как умеет этот человек внушать обожание!

Я дрогнувшим голосом спросил:

– Вы до такой степени ему доверяете?

– Да. Безоговорочно, – отрезала она, и вдруг прыснула. – Разумеется, кроме платьев и корсетов.

Поразительная женщина – шутить в такую минуту! Впрочем, она тут же снова посерьезнела.

– Умоляю вас, Атанас, сделайте всё, как он говорит. – Она запнулась. – И еще... Будьте осторожны. Ради меня.

– Ради вас? – тупо переспросил я, чего, конечно, делать не следовало, потому что более откровенно уважающая себя дама выразиться и не смогла бы.

Но мадемуазель повторила:

– Да, ради меня. Если что-то случится с господином Фандориным, то, хоть он настоящий герой и особенный человек, я смогу это пережить. – Она запнулась. – А вот если что-нибудь случится с вами, то, боюсь...

Она не договорила, да в этом и не было необходимости.

Совершенно выбитый из колеи, я пролепетал самым жалким образом:

– Спасибо, мадемуазель Деклик. Я непременно свяжусь с вами завтра утром.

И поскорей повесил трубку.

Господи, не прислышалось ли мне? И правильно ли я понял смысл ее

слов?

Нужно ли говорить, что всю ночь до самого рассвета я так и не сомкнул глаз.

20 мая

По всегдашней своей привычке я прибыл к месту встречи раньше назначенного времени.

Без двадцати минут шесть я подъехал на извозчике к главной аллее Воробьевского парка, совершенно безлюдной в этот ранний час. Прошел песчаной дорожкой, рассеянно взглянул влево, где раскинулся окутанный серо-голубыми тенями город, и зажмурился от яркого солнца. Зрелище было весьма красивое, и воздух дурманил голову утренней свежестью, но мое душевное состояние не способствовало поэтическим восторгам. Сердце то замирало, то начинало бешено колотиться, правой рукой я крепко прижимал шкатулку, а на груди, под исподней рубашкой, слегка покачивался двухсоткаратный бриллиант. Мне пришла в голову странная мысль: сколько я, Афанасий Зюкин, сейчас стою? Для династии Романовых – очень много, неизмеримо больше, чем Зюкин без шкатулки и «Орлова», болтающегося на тесемке в суконном носке. Но для себя самого я стою ровно столько же, сколько неделю или год назад. И для Эмилии моя цена из-за всех этих бриллиантов, рубинов и сапфиров, надо полагать, тоже ни чуточки не изменилась.

Это открытие придало мне сил. Я чувствовал себя уже не жалкой, недостойной емкостью, которой по прихоти судьбы довелось принять на временное благоговейное хранение бесценные сокровища, а защитником и спасителем династии.

Подходя к кустарнику, за которым должен был находиться висячий мост, я снова взглянул на часы. Без четверти шесть.

Еще несколько шагов, и показался овраг, крутые травянистые склоны которого посверкивали от росы холодным металлическим блеском. Снизу доносилось мирное журчание неразличимого за легкой клубящейся дымкой ручья. Но мой взгляд лишь мельком скользнул по расщелине и сразу обратился к узкому мосту. Оказывается, Фандорин пришел раньше и уже ждал меня.

Махнув рукой, он быстро двинулся мне навстречу, уверенно шагая по слегка колышащейся дощатой ленте. Стройность его прямой фигуры не могли скрыть ни мешковатая ряса, ни черный монашеский клобук с ниспадающим на плечи крепом.

Нас разделяло не более двадцати шагов. Солнце светило ему в спину, и от этого вдруг показалось, будто окруженный сияющим нимбом черный

силуэт спускается ко мне прямо с неба по тонкому золотому лучу.

Прикрыв одной рукой глаза, я взялся другой за канат, заменявший перила, и шагнул на мост, пружинисто качнувшийся под ногами.

Дальше все произошло очень быстро. Так быстро, что я не успел более сделать ни одного шага.

С противоположной стороны оврага к мосту метнулась черная узкая фигура – я увидел, что одна ее рука длиннее другой и вспыхивает на солнце яркими искорками. Дуло пистолета!

– Берегитесь! – крикнул я, и Фандорин с молниеносной скоростью развернулся, высунув из рукава рясы кисть руки с зажатым в ней маленьким револьвером.

Эраст Петрович качнулся, видимо ослепленный лучами, но в ту же секунду выстрелил. С кратчайшим, почти неразличимым для слуха интервалом грянуло и оружие Линда.

Попали оба.

Узкий силуэт на той стороне оврага опрокинулся навзничь, но и Фандорина отшвырнуло назад и вбок. Он схватился рукой за канат, какое-то мгновение еще держался на ногах – мелькнуло белое лицо, перечеркнутое полоской усов, и исчезло, завешенное черным крепом. Потом, пошатнувшись, Эраст Петрович перевалился через канат и ухнул вниз.

Мост заболтался влево-вправо, будто пьяный, и мне пришлось ухватиться за хлипкое ограждение обеими руками. Шкатулка выпала из-под моего локтя, ударилась о доску, потом о камень, раскололась надвое, и драгоценности ее величества, выбросив целый сноп разноцветных бликов, упали в траву.

Сдвоенное эхо выстрелов прокатилось по оврагу и растаяло. Снова стало очень тихо. Пели птицы, где-то вдали прогудел фабричный гудок, извещая о начале смены. Потом раздалось мерное, частое постукивание – так стакан звякает в подстаканнике, когда скорый поезд мчится на всех парах.

Я не сразу понял, что это клацают мои зубы.

На той стороне оврага лежало недвижимое тело.

Другое, широкое от распластанной рясы, чернело внизу, на самом краю ручья. Дымка, еще минуту назад стелившаяся по дну расщелины, поредела, и было видно, что рука трупа свесилась в воду. Надежды, что Фандорин после такого падения остался жив, быть не могло – слишком уж хрустко прозвучал удар о землю.

Я не любил этого человека. Может быть, даже ненавидел. Во всяком случае, хотел, чтобы он раз и навсегда исчез из нашей жизни. Однако я не

желал ему смерти.

Его ремеслом был риск, он всё время играл с опасностью, но я почему-то не думал, что он может погибнуть. Он казался мне бессмертным.

Не знаю, сколько времени я простоял, вцепившись в канат и глядя вниз. Может быть, мгновение, а может быть, час.

В чувство меня привел солнечный зайчик, выметнувшийся из травы прямо мне в глаз. Я вздрогнул, непонимающе уставился на источник света и увидел желтые звездчатые бриллианты диадемы-бандо. Ступил с моста на землю, чтобы подобрать рассыпавшиеся сокровища, но не стал – никуда не денутся.

Фандорин, каким бы он там ни был, не заслуживал того, чтобы, подобно падали, валяться на мокрой гальке.

Перекрестившись, я стал спускаться вниз, хватаясь за стебли травы. Дважды поскользнулся, но не упал.

Встал над мертвецом, не зная, что нужно делать. Решившись, нагнулся, взял за плечи и стал переворачивать на спину. Сам не знаю, зачем. Просто было невыносимо смотреть, как он, всегда такой элегантный и полный жизни, лежит, нелепо изогнув переломанное тело, и быстрая вода шевелит его безжизненно висящую руку.

Фандорин оказался гораздо легче, чем я ожидал. Без большого труда я переложил его навзничь. Немного помедлив, откинул с лица завернувшийся креп и...

Нет, здесь я должен прерваться. Потому что не знаю, как описать свои чувства в тот миг, когда разглядел приклеенные черные усики и струйку алой крови, стекавшую изо рта мертвой мадемуазель Деклик.

Наверное, я вовсе ничего не чувствовал. Очевидно, со мной произошла своего рода *paralysie émotionnelle*^[45] – не знаю, как сказать по-русски.

Я ничего не чувствовал, ничего не понимал, и только зачем-то всё пытался стереть кровь с бледных губ Эмилии, а кровь выливалась снова, и остановить ее было невозможно.

– Она мертва? – крикнул кто-то сверху.

Ничуть не удивившись, я медленно поднял голову.

По противоположному склону оврага, держась за плечо, спускался Фандорин.

Его лицо показалось мне противоестественно белым, меж пальцев сочились красные капли.

Фандорин говорил, я слушал. Меня немного покачивало, и из-за этого я смотрел всё больше вниз, на землю – не ушла бы окончательно из-под ног.

– Я д-догадался вчера утром, когда мы провожали ее в Эрмитаж. Помните, она пошутила про рыцарей с дворницким ломом? Это было неосторожно. Как могла скованная и заточенная в подвал пленница видеть, что мы с вами выламываем дверь именно дворницким ломом? Она и грохот-то вряд ли бы услышала. За нашими д-действиями мог наблюдать только кто-то, подсматривавший из-за шторы.

Эраст Петрович, морщась, стал промывать простреленное плечо водой из ручья.

– Не пойму, задета ли кость... Кажется, нет. Хорошо хоть к-калибр маленький. Но какова меткость! Против солнца, не целясь! Поражительная женщина... Так вот, после странных слов о ломе у меня словно пелена с глаз сошла. Я подумал, а с какой, собственно, стати бандиты держали Эмилию в неглиже? Ведь половые домогательства со стороны этой шайки женоненавистников исключались, да и вообще вид женского тела, по ее словам, должен был внушать им отвращение. А теперь вспомните предметы мужской одежды, разбросанной в д-доме. Всё очень просто, Афанасий Степанович. Мы с вами застали Линда врасплох, и вместо того, чтобы бежать, он (уж позвольте, я буду о докторе в мужском роде – так оно привычней) сделал смелый ход. Скинул мужскую одежду, наскоро натянул женскую сорочку из гардероба мадемуазель Деклик, спустился в подвал и сам себя приковал. Времени у Линда было совсем немного – даже шкатулку не успел припрятать.

Я медленно и осторожно, по вершку, перевел взгляд на лежащее тело. Хотел еще раз посмотреть на безжизненное лицо, но так до него и не добрался – в глаза бросился синяк, темневший из-за раскрывшегося ворота рясы. Синяк был давнишний, виденный мною еще на квартире в Архангельском переулке.

И тут глухая пелена, окутавшая мой мозг, вдруг заколебалась, проредилась.

– А как же ушибы и ссадины?! – закричал я. – Не сама же она себя избила! Нет, вы всё лжете! Произошла страшная ошибка!

Фандорин целой рукой схватил меня за локоть, тряхнул.

– Успокойтесь. Ушибы и ссадины у Линда остались после Ходынки. Его там тоже изрядно помяли – ведь он оказался в ещё худшей давке, чем мы.

Да. Да. Фандорин был прав. Конечно, прав. Спасительная пелена снова

окутала меня защитным покровом, и я мог слушать дальше.

– У меня было достаточно времени, чтобы восстановить весь план московской операции Линда. – Эраст Петрович разорвал зубами платок, неловко перетянул рану и вытер со лба крупные капли пота. – Доктор готовился не спеша, заранее. Ведь еще с прошлого года было известно, когда состоится коронация. Затея была по-своему гениальна: шантаж целого императорского д-дома. Линд верно рассчитал, что из-за страха перед всемирным скандалом Романовы пойдут на любые жертвы. Доктор выбрал отличную позицию для руководства операцией – внутри того самого семейства, по которому он намеревался нанести удар. Кто бы заподозрил славную гувернантку в таком злодействе? Подделать рекомендации Линду с его обширными связями было нетрудно. Он собрал целую к-команду – кроме своих всегдашних помощников привлёк варшавян, те связали его с хитровцами. О, этот человек был незаурядным стратегом!

Фандорин задумчиво посмотрел на женщину, лежавшую у его ног.

– Все-таки странно, что я никак не могу говорить о Линде «она», «была»...

Я наконец заставил себя посмотреть на мертвое лицо Эмилии. Оно было спокойным и загадочным, а на кончике вздернутого носа пристроилась жирная черная муха. Присев на корточки, я отогнал мерзкое насекомое.

– А ведь главная тайна м-могущества доктора заключалась именно в женственности. Это была очень странная шайка, Зюкин. Шайка вымогателей и убийц, в которой царствовала любовь. Все люди Линда были влюблены в него... в нее, каждый на свой лад. Истинная гениальность «мадемуазель Деклик» состояла в том, что эта женщина умела подобрать ключик к любому мужскому сердцу, даже к такому, которое вовсе к любви не приспособлено.

Я почувствовал его взгляд, обращенный на меня, но не поднял глаз. Над лицом Эмилии вились уже две мухи, их нужно было отгонять.

– Знаете, Зюкин, что мне сказал перед с-смертью Сомов?

– Он тоже умер? – без интереса спросил я.

Как раз в эту минуту я заметил, что по рукаву Эмилии взбирается целая колонна муравьев, так что дел у меня хватало.

– Да. Я проверил его очень просто. Повернулся к нему спиной. И он, конечно, не преминул воспользоваться моей мнимой д-доверчивостью. Произошла короткая схватка, на исходе которой ваш п-помощник напоролся на собственный нож. Уже умирая, хрипя, он всё силился

дотянуться до моего горла. Я не пуглив, но при виде такого остервенения у меня, ей-богу, мороз по коже пробежал. Я крикнул ему: «Что, что вы все в ней нашли?!» И знаете, Зюкин, что он мне ответил? «Любовь». Это было его последнее слово... О, она умела вызывать любовь. Вы ведь, кажется, тоже испытали на себе воздействие чар доктора Линда? Правда, боюсь, что вы оказались чересчур щепетильны. Судя по всему, Сомов преуспел больше вашего. Я обнаружил у него вот это.

Он достал из кармана шелковый мешочек и вынул оттуда каштановый локон. Я сразу узнал волосы Эмилии. Так вот какие у них были уроки французского... Но расстраиваться было некогда – проклятые муравьи предприняли обходной маневр, и я поймал одного, самого настырного, у мадемуазель на ухе.

– Теперь понятно, почему у доктора Линда не было подруг и он слыл женоненавистником. Г-гомосексуализм здесь не при чем. Эмилия ловко провела нас, пустив по ложному следу. Лорд Бэнвилл, надо полагать, давно уже покинул пределы империи, отыгравшись за утрату любовника на бедном мальчике Глинском. Ах, утонченный мистер Карр, безобидный поклонник синих гвоздик и зеленых незабудок! Его убили, чтобы еще больше уверить нас в том, что Линд – это лорд Бэнвилл. Пока мы с вами, два идиота, выбирали доктору панталончики и чулочки, мадемуазель наверняка обыскала квартиру, не обнаружила ни шкатулки, ни «Орлова» и решила сделать еще один шаг в своей хитроумной игре – протелефонировала в Эрмитаж Сомову и велела ему прикончить Карра. Операция вступала в завершающую стадию – Линду нужно было вернуть драгоценности и завладеть бриллиантом.

– Нет! – воскликнул я, охваченный внезапным ужасом. – Нет! Здесь что-то не так! Вы всё-таки ошиблись!

Он удивленно уставился на меня, и я, давясь рыданиями, стал рассказывать про свой последний телефонный разговор с Эмилией.

– Если бы... если бы она была Линдом, то зачем отказалась? Я же сам... сам предлагал ей отдать и шкатулку, и бриллиант! Она не захотела! Она сказала, что доверяет вам и... и что я не должен вам мешать!

Но Фандорина это сообщение несколько не сбило.

– Ну естественно, – кивнул он. – Одной д-добычи доктору было мало. Ему – тьфу, черт – то есть ей была нужна еще и моя голова. Узнав от вас время и место встречи, она обрела возможность разом закончить свою московскую операцию. Самым т-триумфальным образом, исправив все сбои и сполна получив по счетам.

Эраст Петрович запнулся. Вид у него был такой, будто он передо мной

виноват и намерен просить прощения.

Я не ошибся – он действительно стал извиняться:

– Афанасий Степанович, я жестоко обошелся с вами. Использовал вас вслепую, ничего не объясняя и ни во что не посвящая. Но я не мог сказать вам правды – вы были очарованы Эмилией и ни за что мне не поверили бы. Вчера вечером я намеренно говорил с вами по телефону так резко и не посвятил ни в какие подробности. Мне нужно было разжечь вашу п-подозрительность. Я знал, что, одолеваемый сомнениями, вы захотите посоветоваться с единственным человеком, которому доверяете – с мадемуазель Деклик. И всё ей расскажете. Монашеское облачение я тоже придумал нарочно: Линд с его – о Господи, с ее сверхъестественной находчивостью должна была сообразить, как удобен для нее этот маскарад. Клобук, черный креп и ряса позволяют идеально замаскировать и фигуру, и лицо. Я сам подсказал Линду – через вас – план действий. Мадемуазель отлично знала ваши привычки всегда являться раньше назначенного времени. Она пришла к мосту в двадцать минут шестого и стала ждать. Я ведь предупредил, что могу опоздать, поэтому она не сомневалась, что вы появитесь первым. Успела бы и забрать д-драгоценности и подготовиться ко встрече со мной. Да только я засел в кустах еще с половины пятого... Я мог бы застрелить Линда раньше, еще до вашего п-прихода, не подвергаясь никакому риску. Но вы бы потом Бог весть что себе вообразили. Вы ни за что бы не поверили в виновность мадемуазель Деклик, если бы она сама не раскрыла себя в вашем присутствии. Что она отличным образом и сделала. Правда, это стоило мне продырявленного плеча. А если бы солнце не светило ей в глаза, то исход сей д-дуэли был бы для меня еще более печальным...

Я ни о чем в эту минуту не думал – просто слушал. А Фандорин перевел взгляд с меня на убитую и прищурил свои холодные голубые глаза.

– Чего я не знаю – как она с-собиралась поступить с вами, – задумчиво произнес он. – Просто убить? А может быть, переманить на свою сторону? Как вы думаете, удалось бы ей это? Хватило бы четверти часа, чтобы ради любви вы забыли обо всем остальном?

Что-то шевельнулось во мне от этих слов. Не то обида, не то гнев – в общем, какое-то недоброе чувство, но вялое, очень вялое. К тому же я помнил, что должен, просто обязан о чем-то спросить.

Ах да.

– А Михаил Георгиевич? Где он?

По бледному и усталому, но все равно очень красивому лицу Фандорина скользнула тень.

– Вы еще с-спрашиваете? Мальчик убит. Думаю, в тот самый день, когда вы, пытаясь его спасти, бросились вдогонку за каретой. Линд решил, что больше рисковать не станет и выбрал на роль посредника вместо вас мадемуазель Деклик – то есть самого себя. А может быть, так было задумано с самого начала. Наша Эмилия блестяще справилась со своей ролью. Для полного правдоподобия даже вывела нас к склепу, откуда так удобно было уйти по подземному ходу. У нее всё получилось бы, если бы не мой маленький сюрприз с кучером.

– Но ведь в тот день его высочество был еще жив! – возразил я.

– С чего вы взяли? Это Линд, то есть Эмилия крикнула нам снизу, что ребенок жив. На самом деле никакого мальчика там не было. Малютка уже несколько дней лежал мертвый где-нибудь на дне реки или в б-безвестной яме. А отвратительней всего то, что, прежде чем умертвить малыша, ему, еще живому, отрезали палец.

Поверить в такое было невозможно.

– Откуда вы знаете? Вас ведь там не было!

Эраст Петрович нахмурился.

– Я же видел палец. По капелькам засохшей крови было видно, что он отсечен не у мертвого. Потому-то я так долго верил в то, что ребенок пусть болен и одурманен наркотиком, но жив.

Я снова посмотрел на Эмилию – на сей раз долгим и внимательным взглядом. Это доктор Линд, сказал я себе, который мучил и убил Михаила Георгиевича. Но Линд был Линдом, а Эмилия Эмилией – между ними не существовало никакой связи.

– Зюкин! Афанасий Степанович, очнитесь!

Я медленно повернулся к Фандорину, не понимая, чего он от меня хочет еще.

Эраст Петрович, кривясь от боли, натягивал сюртук.

– Мне п-придется исчезнуть. Я уничтожил Линда, сохранил «Орлова» и вернул драгоценности ее величества, но спасти великого князя не смог. Императору я больше не нужен, а вот у московских властей ко мне давняя неприязнь... Уеду за границу, здесь мне больше делать нечего. Только...

Он взмахнул рукой, словно хотел что-то сказать и не мог решиться.

– У меня к вам просьба. Передайте Ксении Георгиевне, что... что я много думал о нашем с ней споре... и уже не так уверен в своей правоте. Запомните? Она поймет, о чем речь... И еще передайте вот это. – Он протянул мне листок бумаги. – Это парижский адрес, по которому со мной можно связаться. Передадите?

– Да, – деревянным голосом сказал я, пряча бумажку в карман.

– Ну, п-прощайте.

Зашуршала трава, это Фандорин карабкался вверх по склону. Я не смотрел ему вслед.

Один раз он чертыхнулся – видимо, потревожил раненое плечо, но я все равно не оглянулся.

Я подумал, что нужно будет подобрать рассыпавшиеся драгоценности: диадему-бандо, бриллиантовый аграф, бант-склаваж, малый букет, эгрет-фонтан.

А главное – как быть с мадемуазель Деклик? Можно, конечно, подняться в парковую контору и привести служителей, они поднимут тело наверх. Но не оставлять же Эмилию здесь одну, чтобы по ней ползали муравьи и на лицо садились мухи.

С другой стороны, хоть она и нетяжелая (мне ведь уже приходилось носить ее на руках), смогу ли я в одиночку поднять ее по такому крутому склону?

Пожалуй, всё же стоило попробовать.

* * *

– ...глубочайшую благодарность Божественному провидению, сохранившему для России этот священный символ царской власти.

Голос его величества дрогнул, и государь сделал паузу, чтобы справиться с нахлынувшими чувствами. Императрица сотворила знак крестного знамения, и царь немедленно последовал ее примеру, еще и поклонившись висевшему в углу образу.

Более никто из присутствующих креститься не стал. Я тоже.

Высочайшая аудиенция была мне дарована в большой гостиной Эрмитажа. Несмотря на торжественный смысл происходящего, присутствовали только посвященные в обстоятельства свершившейся драмы – члены августейшей фамилии, полковник Карнович и лейтенант Эндлунг.

У всех на рукавах были траурные повязки – сегодня было объявлено, что его высочество Михаил Георгиевич скончался в загородном дворце от внезапного приступа кори. Поскольку было известно, что все младшие Георгиевичи поражены этой опасной болезнью, известие выглядело правдоподобным, хотя некие темные, фантастические слухи, кажется, уже поползли. Однако правда была слишком невероятной, чтобы в нее

поверили.

Ксения Георгиевна и Павел Георгиевич стояли заплаканные, но Георгий Александрович держал себя в руках. Кирилл Александрович выглядел невозмутимым – надо полагать, с его точки зрения, сквернейшая история завершилась еще не самым катастрофическим образом. Симеон Александрович то и дело прикладывал к покрасневшим глазам надушенный платок, однако, подозреваю, вздыхал он не столько по маленькому племяннику, сколько по одному англичанину с соломенно-желтыми волосами.

Совладав с голосом, его величество продолжил:

– Однако несправедливо было бы поблагодарить Всевышнего, не воздав должное тому, кого Господь избрал Своим благим орудием – верного нашего гоф-фурьера Афанасия Зюкина. Вечная вам признательность, драгоценный Афанасий Степанович, за верность долгу и преданность царскому дому.

– Да, милый Афанасий, мы вами очень благодарны, – улыбнулась мне ее императорское величество, по обыкновению путая трудные русские слова.

Я заметил, что несмотря на траур, на груди у царицы лучезарными капельками переливается малый бриллиантовый букет.

– Подойдите, Афанасий Степанович, – торжественным голосом произнес государь. – Я хочу, чтобы вы знали: Романовы умеют ценить и вознаграждать беззаветное служение.

Я сделал три шага вперед, почтительно склонил голову и уставился на сверкающие лаком сапоги его величества.

– Впервые в истории императорского двора, нарушая стародавнее правило, мы производим вас в высокое звание камер-фурьера и назначаем заведовать всем штатом придворных служителей, – объявил царь.

Я поклонился еще ниже. Еще вчера от такого невероятного возвышения у меня закружилась бы голова и я почувствовал бы себя счастливейшим из смертных, а сейчас мои одеревеневшие чувства никак не откликнулись на радостное известие.

И на этом поток высочайших милостей не иссяк.

– Взамен содержимого некоей шкатулки, благодаря вам вернувшейся к царице, – мне показалось, что здесь в голосе императора зазвучала лукавая нотка, – мы жалуем вас бриллиантовой табакеркой с нашим вензелем и наградными из нашего личного фонда – десятью тысячами рублей.

Я снова поклонился:

– Покорнейше благодарю, ваше императорское величество.

На этом церемония награждения была завершена, и я попятился назад, за спины августейших особ. Эндлунг тайком подмигнул мне и соорудил почтительную физиономию – мол, где мне теперь до такой важной персоны. Я хотел ему улыбнуться, но не получилось.

А государь уже обращался к членам Зеленого дома.

– Бедный маленький Мика, – сказал он и скорбно сдвинул брови. – Светлый агнец, злодейски умерщвленный гнусными преступниками. Мы скорбим вместе с тобой, дядя Джорджи. Но ни на минуту не забывая о родственных чувствах, давайте помнить и о том, что мы не простые обыватели, а члены императорского дома, и для нас авторитет монархии превыше всего. Я сейчас произнесу слова, которые, возможно, покажутся вам чудовищными, но все же я обязан их сказать. Мика умер и ныне обретается на небесах. Спасти его нам не удалось. Но зато спасена честь и репутация Романовых. Кошмарное происшествие не имело никакой огласки. А это главное. Уверен, дядя Джорджи, что эта мысль поможет тебе справиться с отцовским горем. Несмотря на все потрясения, коронация совершилась благополучно. Почти благополучно, – добавил государь и поморщился – очевидно, вспомнив о Ходынской неприятности, и эта оговорка несколько подпортила впечатление от маленькой речи, проникнутой истинным величием.

Еще более ослабил эффект Георгий Александрович, вполголоса сказавший:

– Посмотрим, Ники, как ты заговоришь об отцовских чувствах, когда у тебя появятся собственные дети...

В коридоре ко мне подошла Ксения Георгиевна, молча обняла, положила голову мне на плечо и дала волю слезам. Я стоял неподвижно и только осторожно поглаживал ее высочество по волосам.

Наконец великая княжна распрямилась, посмотрела на меня снизу вверх и удивленно спросила:

– Афанасий, ты не плачешь? Господи, что у тебя с лицом?

Я не понял, что она имеет в виду, и поворотил голову, чтобы взглянуть в висевшее напротив зеркало.

Лицо было самое обыкновенное, только немножко застывшее.

– Ты передал ему мои слова? – всхлипнув, спросила шепотом Ксения Георгиевна. – Сказал, что я его люблю?

– Да, – ответил я, помедлив – не сразу вспомнил, что она имеет в виду.

– А он что? – Глаза ее высочества, мокрые от слез, смотрели на меня с надеждой и страхом. – Передал мне что-нибудь?

Я покачал головой.

– Нет. Только вот это.

Вынул из кармана опаловые серьги и бриллиантовую брошь.

– Он сказал, ему не нужно.

Ксения Георгиевна на миг зажмурилась, но и только. Все-таки не зря ее высочество с детства обучали выдержке. Вот и слезы уже не текли по ее нежным щекам.

– Спасибо, Афанасий, – тихо молвила она.

Голос прозвучал так устало, будто ее высочеству было не девятнадцать лет, а по меньшей мере сорок.

Я вышел на веранду. Что-то дышать стало трудно. К вечеру над Москвой повисли тучи. Видно, ночью будет гроза.

Странное у меня было ощущение. Судьба и монаршья милость одарили меня со сказочной щедростью, вознесли на высоту, о которой я и не мечтал, а чувство было такое, будто я потерял всё, чем обладал, и потерял навсегда.

Над кронами деревьев Нескучного парка прошелестел ветер, заполоскал листвой, и я вдруг отчего-то вспомнил предложение Эндлунга перейти в морскую службу. Представил чистый горизонт, пенистые гребни волн, свежее дыхание бриза. Глупости, конечно.

Из стеклянных дверей вышел мистер Фрейби. Ему тоже в минувшие дни пришлось несладко. Остался один, без господ. Побывал под тяжким подозрением, подвергся многочасовому допросу и теперь вместе с багажом повезет в Англию свинцовый гроб с телом мистера Карра. Однако все эти испытания на батлере никоим образом не отразились – он выглядел всё таким же флегматичным и благодушным.

Приветливо кивнул мне и встал рядом, облокотившись на перила. Закурил трубку.

Эта компания меня вполне устраивала, так как с мистером Фрейби вполне можно было молчать, не испытывая ни малейшей неловкости.

К подъезду выстроилась вереница экипажей – сейчас должен был начаться разъезд.

Вот с крыльца стали спускаться их величества, сопровождаемые членами императорской фамилии.

На последней из ступенек государь споткнулся и чуть не упал – Кирилл Александрович едва успел схватить венценосного племянника за локоть.

Рядом с высокими, осанистыми дядьями его величество смотрелся

совсем неимпозантно, словно шотландский пони среди чистокровных скакунов. Поистине неисповедим промысел Божий, подумал я. Из всех Романовых Господь зачем-то избрал именно этого, чтобы возложить на его некрепкие плечи тяжкое бремя ответственности за судьбу монархии.

Царственная чета поднялась в карету. Великие князья взяли под козырек, Ксения Георгиевна присела в книксене. Вид у ее высочества был гордый и надменный, как и подобает великой княжне.

Ради высочайшей аудиенции я нарядился в зеленую ливрею с золотым позументом. Получается, в последний раз.

Что-то оттягивало боковой карман. Я рассеянно сунул туда руку и нащупал книжку. Ах да, русско-английский лексикон, подарок мистера Фрейби.

Интересно, что думает проницательный англичанин о русском царе.

Я полистал страницы и составил вопрос:

– Вот ю синк эбаут нью царь?

Мистер Фрейби проводил взглядом раззолоченное ландо с камер-лакеями на запятках. Покачав головой, сказал:

– The last of Romanoff, I'm afraid.

Тоже достал словарь, англо-русский, забормотал:

– The article is out... «Last» is «posledny», right... «of» is «iz»...

И с непоколебимой уверенностью произнес, тщательно выговаривая каждое слово:

– *Последний – из – Романов.*

notes

Примечания

1

Добро пожаловать! (*фр.*)

2

Добро пожаловать! (нем.)

3

Мой английский коллега (*фр.*)

4

Незачем (*фр.*)

Красная Шапочка (*фр.*)

И она пошла через лес, чтобы навестить бабушку (*фр.*)

Не показывайте пальцем! (фр.)

8

Зачем тебе эта дрянь? (*фр.*)

Хочу, и всё! (фр.)

Унесите великого князя! (фр.)

Я иду! Иду! (фр.)

С приветом от д-ра Линда (фр.)

Собачьи бакенбарды (*фр.*)

Символично, не правда ли? (фр.)

Шкатулка (*фр.*)

Ты что, Джорджи, с ума сошел? (*фр.*)

Благодарю, сударь, благодарю. Мне так нужно было это услышать.
(фр.)

Боже! Господин Зюкин, что случилось? И кто эти люди? Это японский слуга? (*фр.*)

Кроме того (*фр.*)

Я постараюсь (*фр.*)

Немедленно (*фр.*)

Оставьте меня, оставьте меня (*фр.*)

Слава Богу! Он очнулся. Вы были правы. *(фр.)*

Сердечное дело (*фр.*)

Это мы, французы (*фр.*)

Он имеет в виду Наполеона (*фр.*)

Засада (фр.)

Церковь Ильи Пророка (*фр.*)

Вы сошли с ума! Не вздумайте! Я считаю повороты, мы уже почти приехали! (*фр.*)

Упрямая глухонемая дубина! (нем.)

Все в порядке (нем.)

Подыхать (*фр.*)

Открыть! (нем.)

Мой крошка, мой бедный малыш! Мерзавцы! (фр.)

Молчите! Одно слово, и вы труп! (*фр.*)

Тревога! Бегите! (*фр.*)

Ты, дерьмо! Поцелуй меня в... (нем.)

Атанас, какой ты смешной без бакенбардов. Ты мне снился. Я и сейчас сплю... (*фр.*)

Эмили, где принц? (*фр.*)

Я не знаю... (фр.)

Берите мальчишку и девку! Бежим! (англ.)

Русские великие князья (фр.)

Господи, что это? Какой ужас! За кого вы меня принимаете!? (фр.)

Настоящее чучело! (*фр.*)

Эмоциональный паралич (*фр.*)